

В. Г. КАРАСЕВ

СЕРБСКИЙ ДЕМОКРАТ
ЖИВОИН ЖУЁВИЧ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

В. Г. КАРАСЕВ

СЕРБСКИЙ ДЕМОКРАТ
ЖИВОИН ЖУЁВИЧ

*Публицистическая
деятельность
в России
в 60-х годах XIX в.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1974

В монографии исследуется сотрудничество сербского демократа Живоина Жуёвича (1838—1870 гг.) в русской периодической печати 60-х годов прошлого столетия. В различных периодических изданиях того времени — журнале «Современник», ежедневных газетах «Очерки», «Голос» и «С.-Петербургские ведомости» — автору удалось обнаружить свыше 80 оригинальных произведений сербского публициста. Анализ этих произведений и неизвестных ранее науке архивных документов позволил сделать ряд интересных наблюдений по таким кардинальным вопросам марксистско-ленинского славяноведения, как зарождение русско-сербских демократических связей и генезис революционно-демократической идеологии у южных славян. На богатом фактическом материале в книге показывается, как ученик и последователь русских революционных демократов — Живоин Жуёвич — стал зачинателем нового течения в сербском общественном движении, первым сербским мыслителем материалистического направления, непосредственным предтечей знаменитого революционера и социалиста-утописта Светозара Марковича. Талантливый ученый-журналист, обозреватель зарубежных славянских народов в России, Ж. Жуёвич внес заметный вклад в развитие славянской культуры и межславянских демократических связей и отношений.

Книга представит несомненный интерес не только для историков, но и для философов, журналистов и литературоведов, а также преподавателей общественных наук, учителей средних школ, студентов и аспирантов.

Памяти Степана Андреевича Горбунова,
потомственного типографа из Калуги,
посвящает автор эту книгу.

ВВОДНАЯ ГЛАВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

«... Наши симпатии всецело на стороне демократических принципов и демократов в России. Говорю «принципов» потому, что этим словом хочу обозначить интеллигентный демократизм, который я отличаю от примитивизма. В России, к примеру, демократами называются не только сторонники «Современника», но и сторонники «Москвы» и «Московских ведомостей». А поскольку в представления нашей (т. е. сербской. — В. К.) интеллигенции о народном прогрессе не входят ни панславизм с клерикализмом «Москвы», ни абсолютизм «Московских ведомостей», то мы, естественно, не симпатизируем таким демократам. Гражданской свободы и общественной справедливости — вот чего мы желаем себе и русским. Только с такой Россией мы всегда готовы сесть за дружеский стол»¹.

Эти слова, сказанные свыше ста лет тому назад, принадлежат сербу Живоину Жуевичу.

До недавнего времени имя это было мало известно большинству исследователей, занимающихся изучением прогрессивной сербской общественной мысли в XIX в. и русско-сербских общественных связей и отношений. Только в последнее время югославские историки стали обращать внимание на деятельность своего соотечественника, которого знаменитый Светозар Маркович назвал «первым социалистом среди сербов»². Однако до сих пор никто еще не пытался выйти за рамки так называемого сербского периода жизни и творчества Ж. Жуевича, продолжавшегося всего три года — с 1867 по 1869 г. А между тем в статье «Наши отношения с русскими»³, из которой взята приведенная выше цитата,

¹ Ж. Жујовић. Наши одношаји према Русима. «Србија», № 43, 1.VI 1868.

² С. Маркович. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 853.

³ Ж. Жујовић. Наши однашаји према Русима.

можно прочесть и такие слова: «До сих пор я двадцать раз говорил в русских газетах (выделено нами. — В. К.) и теперь снова говорю: это правда, что мы любим русских...» Казалось бы, эта фраза⁴ должна была заинтересовать исследователей творчества Ж. Жуевича и направить их усилия на изучение его почти семилетней деятельности в России. К сожалению, этого не произошло. Имеющийся пробел в историографии необходимо восполнить.

Целью настоящей работы и является изучение жизни и творчества сербского публициста в русский период — с 1859 по 1866 г. Перед автором стояла двуединая задача: во-первых, выявить произведения Ж. Жуевича, опубликованные им в России, и, во-вторых, на их основе проанализировать его взгляды, проследить их формирование и эволюцию. Одновременно автор стремился показать роль Ж. Жуевича в истории русско-южнославянских связей и отношений 60-х годов прошлого столетия.

Без решения этих задач нельзя определить подлинного исторического места сербского мыслителя в развитии не только сербской, но и общеславянской передовой общественной мысли.

Проблема становления и развития революционно-демократической идеологии имеет первостепенное научное значение. Революционные демократы в славянских странах первыми обратились с революционной проповедью к своим народам. В этом их огромная историческая заслуга. А «обращение с революционной проповедью к народу, — указывал В. И. Ленин, — не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы»⁵. В свете этих указаний изучение творческого наследия сербского демократа-шестидесятника Живоина Жуевича является важной задачей марксистско-ленинской историографии.

* * *

Процесс познания, имеющий дело с развитием человеческого общества, отличается необычайной сложностью в силу многогранности объекта изучения. Историческая наука полна примеров, когда определенные явления, события и факты исторического прошлого исследуются учеными многих поколений, постепенно приближая нас к наиболее исчерпывающему раскрытию истины, отражающей объективную действительность. С точки зрения марксистской философии такой процесс познания исторических явлений естествен и закономерен, так как невозможно одному уче-

⁴ В произведениях Ж. Жуевича, опубликованных в Сербии, содержится и прямое указание на его сотрудничество в «Современнике». «Я еще в 1865 г. поздравил наш народ с этим колоссальным шагом вперед», — писал он в статье «Да градимо или да не градимо гвоздени пут?» («Србија», № 29—32, 10—20.IV 1868) (см.: «Сербское село»; «Современник», май 1865 г.).

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174—175.

ному, а порой и целой научной школе до конца объяснить общественное явление во всей его сложности и взаимообусловленности, учесть все факты и обстоятельства, его вызвавшие и ему сопутствовавшие.

При изучении любого события, отстоящего от современности на определенное время, историк, как правило, уже имеет дело с историографией вопроса. Так бывает в большинстве случаев, но не всегда. Случается, что спустя целое столетие исследователю приходится сталкиваться с важными явлениями из жизни того или иного народа или общественного деятеля, которые совершенно не изучены.

Так случилось и с исследованием творческого наследия сербского публициста Живоина Жуёвича⁶, особенно в период его пребывания в России. А между тем из девяти лет его активной публицистической деятельности (1861⁷—1869 гг.) шесть лет приходятся на время учебы в России (1861—1866 гг.) и только три года — на сербский период (1867—1869 гг.).

Есть много причин, обусловивших это. Остановимся на самой главной.

Творчество Ж. Жуёвича приходится на 60-е годы XIX в. В истории Сербии этот период отмечен появлением либералов — первой чисто буржуазной общественной силы. Впервые либералы выступили в таком качестве на Свято-Андреевской скупщине 1858—1859-х годов. Во время правления князя Михаила Обреновича (1860—1868 гг.) они находились в оппозиции к его абсолютистскому режиму. До появления в конце 60-х годов нового общественного течения — революционных демократов во главе со Светозаром Марковичем — либералы являлись единственной прогрессивной общественной силой в стране.

Публицистическая деятельность Ж. Жуёвича протекала в период острой борьбы между сербскими либералами и консерваторами в общественном движении Сербии и в переломную для России эпоху 60-х годов, начавшуюся революционной ситуацией⁸.

⁶ До сих пор в литературе о Ж. Жуёвиче нет единого написания фамилии сербского мыслителя. В сербских источниках 60-х годов XIX в. встречается двойное написание: Жуёвић и Жујовић. В современных югославских работах установилось написание — Жујовић. Сам Ж. Жуёвич в документах и материалах на русском языке неизменно подписывался как Жуевич, а имя свое нередко писал через два «в» — Живоин. П. А. Ровинский транскрибировал его фамилию через «Йо» — Жујович. Автор настоящей работы в своих статьях также не был последователен. В «Истории философии» (т. II. М., 1957, стр. 460 и сл.) было принято — Жуёвич с ударением на первом слоге. Такое написание принято и в настоящем издании, так как оно более всего отвечает сербскому оригиналу в современной его транскрипции.

⁷ Первое произведение Ж. Жуёвича — «Известие о распространении грамотности в простом народе сербском» — было опубликовано в 1861 г.

⁸ В настоящей работе мы не останавливаемся специально на характеристике социально-экономического и политического развития Сербского княжества в 60-х годах XIX в., отсылая читателей к нашей монографической статье «Основные черты социально-экономического развития Сербии в конце

Вернувшись летом 1867 г. на родину, Ж. Жуевич был вынужден сотрудничать в либеральной прессе (главным образом в газете «Сербия»), так как других прогрессивных органов печати до 1871 г.⁹ не существовало в тогдашней Сербии. На этом основании представители сербского либерализма того времени пытались зачислить Ж. Жуевича в свой лагерь¹⁰. Когда же это им не удалось, они организовали заговор молчания вокруг его имени и деятельности¹¹.

Революционные демократы считали Живоина Жуевича своим сторонником. Выше уже говорилось, что Светозар Маркович назвал его первым сербским социалистом. Незадолго до смерти в открытом письме, адресованном идеологу сербского либерализма Владимиру Йовановичу¹², Жуевич окончательно порвал с сербскими либералами. Борьбу с либералами, начатую им, продолжили революционные демократы во главе со Светозаром Марковичем.

Сербские либералы повинны не только в том, что они старались замолчать творчество Ж. Жуевича на родине; они сделали все возможное, чтобы скрыть его активную публицистическую деятельность в России, которая им одним была известна в полном объеме.

На большое значение публицистической, научной и общественной деятельности Ж. Жуевича в Сербии указывал не только Светозар Маркович. Сохранились высказывания и других революционеров, сербов и русских — современников Ж. Жуевича, хорошо знакомых с его творчеством. Сербский социалист Мита Ценич (1851—1888 гг.) назвал Жуевича «одним из наших самых даровитых мыслителей, который мало, очень мало известен, несмотря на глубину, точность и гениальность своих мыслей...»¹³.

Глубокую характеристику роли Ж. Жуевича в сербской общественной жизни 60-х годов XIX в. дал известный русский ученый и революционер, участник первой «Земли и воли» Павел Аполлонович Ровинский (1831—1916 гг.). В своих воспоминаниях о путешествии по Сербии в 1868 г., во время которого он

60-х—начале 70-х годов XIX века». (См.: «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. V, 1952, стр. 206—242). Что касается положения России в 60-х годах XIX в., то этот вопрос обстоятельно изучен в советской исторической литературе.

⁹ В этом году в Белграде стала выходить газета Светозара Марковича «Раденик» («Работник») — первая газета социалистического направления на Балканах.

¹⁰ «Србија», № 112, 21.VIII 1870.

¹¹ Весьма примечателен тот факт, что историкограф сербского либерализма и его апологет Живан Живанович в своей 4-томной «Политической истории Сербии во второй половине XIX века» (Белград, 1923—1925) даже не упоминает имени Ж. Жуевича.

¹² «Народни пријатељ», № 6, 9.VIII 1870.

¹³ А. Раденић. Мита Ценић као издавач социјалистичких листова осамдесетих година XIX века в Београду. «Годишњак Музеја града Београда», кн. IX—X. Београд, 1962—1963, стр. 378.

побывал на родине сербского публициста, П. А. Ровинский писал следующее: «Вместе со мной был Живоин Жуйович из Петербургского университета; в нашей литературе он заявил себя несколькими журнальными статьями, которые в свое время обратили на себя внимание публики. В Белграде он служил мелким чиновником, но в то же время занимался политической экономией, готовя сочинение и имея в виду главным образом экономическое положение Сербии. Кроме того, он был сотрудником газеты «Србия» и в либеральной партии играл влиятельную роль, хотя вполне не сходилась ни с кем и стоял постоянно особняком. Особенным расположением и уважением пользовался он со стороны молодежи. Хроническая болезнь сильно парализовала его деятельность, но никогда, даже в самые тяжелые минуты, он не падал духом. Когда все терялось, он оставался тверд и бодр; таким я видел его после топчидерской катастрофы¹⁴, которая многих заставила примириться, с чем они не мирились прежде, или вовсе поворотить назад. Это был сильный характер чисто сербского закала, не испорченный полуобразованием, и чрезвычайно симпатичная личность. Смерть рано прервала его деятельность, и место его как общественного деятеля надолго, вероятно, останется незанятым»¹⁵.

Оценка П. А. Ровинского является примечательной по ряду причин. Во-первых, она принадлежит другу и единомышленнику Жуёвича, с которым Ровинский совместно трудился на поприще журналистики в Петербурге в начале 60-х годов и с которым на протяжении полутора лет встречался в Белграде, будучи корреспондентом «С.-Петербургских ведомостей» в Сербии (1868—1869 гг.). Поэтому нет оснований сомневаться в достоверности его утверждений. Во-вторых, важное значение имеет его указание на то, что Ж. Жуёвич выступил в русской литературе. В-третьих, весьма ценным является свидетельство о том, что в сербской либеральной партии Ж. Жуёвич «стоял особняком» и пользовался большим авторитетом у молодежи — моменты, которые сознательно замалчивали либералы, пытаясь изобразить его замкнутым кабинетным ученым, не связанным с общественной и политической жизнью страны. П. А. Ровинский «ошибся» только в одном. К счастью для сербского народа, место Ж. Жуёвича недолго оставалось незанятым. Еще при его жизни на общественной арене Сербии появился Светозар Маркович (1846—1875 гг.), который продолжил начатое Ж. Жуёвичем дело, возглавив революционно-демократическое и социалистическое движение в стране¹⁶.

¹⁴ Имеется в виду убийство князя Михаила Обреновича заговорщиками 29 мая 1868 г. в Топчидерском парке, близ Белграда.

¹⁵ П. А. Ровинский. Сербская Моравы. (Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году). «Вестник Европы», кн. 4, 1876, стр. 632. (Год указан ошибочно. В действительности путешествие происходило в 1868 г., как это видно из текста статьи. — В. К.).

¹⁶ По всей вероятности, эта «ошибка» русского революционера объясняется тем, что статья его была написана вскоре после возвращения из Сербии.

Говоря о свидетельствах современников относительно сотрудничества Ж. Жуёвича в русской периодической печати, нельзя пройти мимо «Слова», сказанного на его похоронах Живоном Йовичичем — товарищем Ж. Жуёвича во время учебы в Киеве — и напечатанного в газете «Србия»¹⁷. Говоря о трудном жизненном пути покойного, Йовичич три раза упомянул о его публицистической деятельности в России. Сначала в связи с первым лишением государственной стипендии в 1864 г. из-за самовольного перехода из Петербургской духовной академии в университет, вследствие чего Ж. Жуёвич вынужден был «целые ночи проводить за писанием статей в различные русские газеты и журналы», затем в связи с повторным лишением стипендии в 1865 г., на этот раз из-за «некоторых печатных произведений, которые касались наших сербских дел...». В заключительной части «Слова» Йовичич констатировал, что «... литературная деятельность Живоина началась очень рано. Еще будучи учеником Киевской семинарии, а затем студентом духовной академии и Петербургского университета, он много написал полезных произведений, которые печатались в разных русских газетах и журналах»¹⁸.

Сохранилось еще одно косвенное свидетельство того, что Ж. Жуёвич печатался в России. В органе «Объединенной сербской молодежи» (Омладина) — газете «Млада србадия» (1871, № 28) — была опубликована статья-некролог Стевана Д. Поповича о первом директоре первой учительской школы в Сербии, открытой в 1871 г. в Крагуеваце, Петре Кариче (1838—1871 гг.). Имя этого человека и его деятельность неизвестны науке. А между тем, судя по некрологу, личность Карича была примечательной в истории русско-сербских общественных связей 60-х годов прошлого столетия. Он был автором статьи «Голос из Сербии», опубликованной в журнале «Русское слово» за май 1864 г., которую все без исключения советские и югославские исследователи¹⁹ до сих пор ошибочно приписывали Мите Ракичу. В годы Крымской войны П. Карич приехал в Россию, где оставался до конца 1870 г. В 1864 г. он окончил естественный факультет Киевского универ-

когда имя С. Марковича еще не было известно в широких общественных кругах.

¹⁷ «Србија», № 52, 8 (20). V 1870, стр. 206—207.

¹⁸ Там же. Некролог о Ж. Жуёвиче был напечатан также в газете «Застава», № 54, 10. I 1870. Додатак. В нем отмечалось, что на похоронах Ж. Жуёвича в церкви говорил Ж. Йовичич, а на кладбище — Глиша Гершич (1842—1918 гг.), известный политический деятель Сербии, по образованию юрист, профессор Великой школы, тогдашнего высшего учебного заведения Сербии. До 1880 г. он был либералом, а в 1881 г. стал одним из основателей радикальной партии.

¹⁹ См., например: А. С. Ерихонов. Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX века. М., 1950, стр. 44; С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. VI. М., 1952, стр. 111; он же. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 206.

ситета, после чего преподавал географию сначала в Одесской гимназии, а затем в Киевской военной гимназии. Незадолго до смерти вернулся на родину, которую за все время пребывания в России посетил дважды — в 1862 и 1868-х годах. Вероятнее всего, знакомство П. Карича с Ж. Жуёвичем произошло в Киеве в 1859—1861-х годах, когда первый был студентом университета, а второй учился в Киевской духовной семинарии. Затем они встретились в Белграде в 1868 г., совместно участвуя в работе Комиссии по реорганизации сербских школ.

В упомянутом выше некрологе автор отмечает дружбу Карича с прогрессивным русским ученым, профессором истории Киевского университета П. В. Павловым (1823—1895 гг.)²⁰, оказавшим большое влияние на формирование взглядов сербского студента. «Известно, — писал С. Д. Попович, — что в 1863 г. в связи со статьей, которую написал покойный Жуёвич, Карич напечатал в „Русском слове“ ответ...»²¹. Хотя из приведенной цитаты неясно, о какой статье Ж. Жуёвича идет речь, однако из текста самой статьи Карича «Голос из Сербии» со всей очевидностью следует, что имелась в виду статья Ж. Жуёвича «Славянский юг», опубликованная в № 6 «Современника» за 1863 г. под псевдонимом «Ж. Склав». Это находит подтверждение и в статье одного из основателей сербской радикальной партии, получившего высшее образование в Петербурге, Раши Милошевича — «Живойн Жуёвич и Светозар Маркович», опубликованной в 1890 г. В ней говорится, что Ж. Жуёвич сотрудничал в «Современнике» под псевдонимом «Склав»²².

Таким образом, можно констатировать, что во всех известных нам печатных материалах, связанных с именем Ж. Жуёвича, появившихся в Сербии при его жизни и вскоре после его смерти, содержатся лишь приведенные выше указания на сам факт сотрудничества сербского публициста в русской периодической печати. По этой причине в имеющейся югославской литературе о жизни и деятельности Ж. Жуёвича вплоть до настоящего времени нет ни одного факта или цитаты, заимствованных из его публицистики «русского периода».

²⁰ О П. В. Павлове см. статью В. С. Румянцевой в СИЭ, т. 10, стр. 713. В некрологе содержится заслуживающая внимания характеристика П. В. Павлова: «В то время Карич познакомился со знаменитым профессором русской истории П. В. Павловым. Этот человек оказал решающее влияние на образование Карича. Он исповедовал и боролся за претворение в жизнь тех самых принципов, за которые Герцен провел столько лет в изгнании. Павлов в жизни был пуританин, какого трудно себе представить. Он не щадил жизни и не думал об удовольствиях, какие могло дать ему земное счастье. Он жил во имя своей идеи и боролся за освобождение русских крестьян от помещиков. Павлов любил Карича. Карич был чистое дитя природы, ревностный сын науки. Такого юношу искал Павлов». «Лист за науку, уметност и јавни друштвени живот». («Млада Србадија». Београд, год II, № 28. 10.XI 1871, стр. 424—426).

²¹ Там же.

²² Календар «Српски занатлија 1890». Београд, 1889, стр. 59.

Первыми к идейному наследию Ж. Жуёвича и С. Марковича в конце XIX в. обратились левые сербские радикалы и социалисты.

В своей речи на собрании 22 октября 1889 г., посвященном созданию «Общества Светозара Марковича», Марко Николич отметил, в частности, следующее: «Борьба против либерализма началась с самого начала его применения на практике в Сербии. Это было в конце 60-х годов, когда у нас наступил переломный период и когда на политическом и литературном поприще появились две высокоодаренные личности: Живоин Жуёвич и Светозар Маркович, которые своей деятельностью (особенно последний) направили развитие нашей исторической жизни на его естественный демократический путь. По времени Живоин раньше Светозара начал вносить научную критику в нашу литературу, используя свои огромные научные знания, что в то время было большой редкостью (да и теперь!) у наших публицистов и критиков. Правда, знания его тогда были еще несистематическими и довольно односторонними, так как Живоин был в то время под влиянием Прудона, однако прудонизм несколько не мешал ему во многих своих умозаключениях быть полностью независимым и самостоятельным.

То, что начал Живоин, сразу продолжил Светозар с еще большей подготовкой и более широкими критическими взглядами...»²³.

Эта, в целом правильная, характеристика роли и значения Жуёвича и Марковича в развитии демократической общественной мысли Сербии послужила толчком к изданию их сочинений. Наряду с печатанием собрания сочинений Светозара Марковича в 1892 г. в Белграде вышла первая и до сих пор единственная небольшая книжка произведений Ж. Жуёвича, в которую вошли шесть его работ, опубликованных в последний, сербский, период его деятельности²⁴. В предисловии, написанном известным позднее сербским социал-демократом Д. Лапчевичем²⁵, подчеркивалось наличие тесной связи между Жуёвичем и Марковичем. «И тот, и другой воспитывались на русской литературе 60-х годов. В своей критической деятельности они являлись учениками Белинского, Добролюбова, Писарева и других выдающихся писателей русской критической школы. А свои экономические познания и критиче-

²³ Радикални покрет у Србији. Говор Марка Николића (председника «Друштва Светозара Марковића»). Говорено 22 октября 1889 г. на збору за основање «Друштва Св. Марковића». Београд, 1890, стр. 47—48. Библиотека «Друштва Светозара Марковића», св. 1.

²⁴ «Целокупна дела Живојина Жујовића» (далее — Ж. Жуёвич. Целокупна дела...), св. 1. Београд, 1892, стр. 139. («О переустройству српских школа», «О надици», «Упоредни развитак слободe и рада», «Научност политичке економије», «Историк Бекл и нови принципи историјске науке», «У место критике»).

²⁵ «Предисловие» не было подписано. Принадлежность его Д. Лапчевичу доказал Радослав Перович. (См.: «Bibliografija radova Zivojina Zujovića». Poseban otisak iz «Savremene škole». Beograd, 1950, N 1-2, str. 8).

ские взгляды на экономическую науку черпали из сочинений Чернышевского». Настоящим университетом для Ж. Жуёвича, источником его знаний, отмечалось далее в предисловии, «была русская литература и жизнь русской интеллигенции»²⁶. К сожалению, эти глубокие и справедливые оценки не получили раскрытия. К тому же вследствие наступления реакции в стране дальнейшее издание сочинений Ж. Жуёвича было прекращено.

Известный сербский литературовед Йован Скерлич в своей книге «Светозар Маркович, его жизнь, деятельность и идеи», первое издание которой вышло в 1910 г., несколько раз упоминает имя Живоина Жуёвича²⁷. Он был единственным человеком, у которого имелась не дошедшая до нас переписка Марковича с Ж. Жуёвичем; ее он частично использовал в своей книге. Относя Ж. Жуёвича к числу деятелей, которые первыми начали проповедовать социализм в Сербии, Скерлич, однако, неправильно изобразил сербского демократа и его роль в общественном движении Сербии. «В экономической науке, причем с социалистической точки зрения, — писал Скерлич, — весьма активно трудился Живоин Жуёвич, русский воспитанник, чиновник министерства финансов, прудонист по убеждениям, но больше кабинетный человек, чем общественный деятель»²⁸. По Скерличу, и Маркович, и Жуёвич к концу жизни отошли от своих социалистических убеждений — первый якобы перешел на позиции буржуазного радикализма, а второй — либерализма. По словам Скерлича, незадолго до своей смерти Ж. Жуёвич «почти полностью приблизился к либеральным кругам»²⁹. Судя по всему, Скерличу была неизвестна публицистическая деятельность Ж. Жуёвича в России. Как будет ясно из дальнейшего изложения, характеристика, данная Скерlichem Ж. Жуёвичу, не соответствует действительности.

Сербский социал-демократ Драгиша Лапчевич свой очерк «История социализма в Сербии»³⁰, опубликованный в 1922 г., начал с Живоина Жуёвича, деятельность которого он выделил в особый период. Лапчевич, как и Скерлич, ничего не знал о публицистике Ж. Жуёвича в России. Он считал, что общественная деятельность Ж. Жуёвича продолжалась всего три-четыре года. Поэтому в главе, посвященной Ж. Жуёвичу, он рассмотрел главным образом те из его произведений, которые были опубликованы при его участии в 1892 г. Лапчевич впервые привел слова С. Марковича о том, что Ж. Жуёвич был первым социалистом среди сербов³¹, и попытался определить характер его социализма. «Жуёвич не имел социалистической школы, не имел оформившихся и

²⁶ Ж. Жуёвич. Целокупна дела... стр. 5.

²⁷ I. Скерлич. Светозар Маркович, његов живот, рад и идеје. Београд, 1922, стр. 32, 45, 56—57, 127, 134, 143, 189, 204.

²⁸ Там же, стр. 134.

²⁹ Там же, стр. 57.

³⁰ Д. Лапчевич. Историја социјализма у Србији. Београд, 1922.

³¹ Там же, стр. 38.

твердых социалистических взглядов, — писал Лапчевич. — Он был социалистом-утопистом. Он принадлежал к тем социалистам, которые, по словам Маркса и Энгельса, отстаивают „вместо истинных потребностей потребность в истине, а вместо интересов пролетариата — интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии“³². На вопрос, как Ж. Жуевич смог стать социалистом в условиях отсталой патриархальной Сербии, Лапчевич ответил словами голландского социал-демократа Паннекука: «Социализм защищает самостоятельность всякой нации, он выступает против всякого притеснения и эксплуатации, против абсолютизма. Вот почему в угнетенных нациях рождается сильная симпатия к социализму»³³. По мнению Лапчевича, величие Ж. Жуевича состоит в том, что он был первым сербским мыслителем, заявившим, что существующие общественные отношения отнюдь не являются постоянными и вечными, что они все время меняются.

В отличие от предисловия к сочинениям Ж. Жуевича в этой своей работе Лапчевич почти ничего не говорит об определяющем влиянии русской революционно-демократической идеологии на формирование взглядов сербского мыслителя. Это объясняется окончательным отходом сербского социал-демократа от революционного марксизма после Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Интересный факт из жизни Ж. Жуевича отмечен в воспоминаниях крупного сербского ученого академика Йована М. Жуевича, дальнего родственника Живоина. В своей речи в 1925 г., посвященной 50-летию со дня смерти Светозара Марковича, он рассказал, в частности, о большом влиянии, которое имел Ж. Жуевич на сербскую молодежь. В 1868—1869 гг. на квартире Ж. Жуевича в Белграде, в присутствии русского Ровинского, болгарина Каравелова и др. часто происходили собрания, на которых обсуждались актуальные теоретические и политические вопросы «о правах народа, свободе, республике, социализме, Прудоне, Бокле»³⁴ и т. п.

Известным показателем степени изученности творчества Ж. Жуевича к середине 30-х годов XX в. является краткая заметка о нем в первом томе сербо-хорватско-словенской народной энциклопедии, принадлежащая перу Яши Продановича³⁵. В ней что

³² Д. Лапчевич. Историја социјализма у Србији. Београд, 1922, стр. 40. Приведенную цитату Лапчевич заимствовал из «Манифеста Коммунистической партии». (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 452).

³³ Там же, стр. 41.

³⁴ Г. М. Жујовић. Утицај Светозара Марковића на школску омладину (Говор држан на прослави Светозара Марковића 22 марта 1925 г. поводом педесетгодишнице од његове смрти). Београд, 1925, стр. 6.

³⁵ «Народна енциклопедија Српско-Хрватско-Словеначка», књ. I, [б. г.], стр. 752.

ни слово, то ошибка. Написано, что Ж. Жуёвич родился в октябре 1840 г., тогда как в действительности он родился в ноябре 1838 г.³⁶ Говорится, что он окончил духовную академию в Киеве, в действительности Ж. Жуёвич учился в Киевской духовной семинарии, а затем в Петербургской духовной академии и Петербургском университете; утверждается, что Ж. Жуёвич сотрудничал в политической газете «Србија» и таких изданиях, как «Гласник сербског ученог друштва», «Летопис Матице српске», но ничего не говорится о других органах сербской печати, а тем более о русских периодических изданиях.

В советских справочных изданиях повторяются некоторые ошибки, содержащиеся в сербской литературе. Так, в БСЭ, в статье «Жуёвич»³⁷, принадлежащей автору настоящей работы, сказано, что Ж. Жуёвич родился в 1840 г., а среди русских изданий, в которых он сотрудничал, ошибочно названы «Отечественные записки». Неверная дата рождения Жуёвича (1840 г.) фигурирует и в «Педагогическом словаре»³⁸.

В советской литературе впервые факт сотрудничества Ж. Жуёвича в журнале «Современник» с указанием двух статей, опубликованных им на его страницах («Славянский юг» и «Сербское село»), был отмечен автором настоящей работы в 1957 г. в «Истории философии», в очерке, посвященном развитию передовой общественно-политической и философской мысли народов Югославии³⁹. Там же впервые приводится и точная дата его рождения — 1838 г. Ж. Жуёвич охарактеризован как «один из видных представителей демократической и материалистической мысли народов Югославии»⁴⁰.

Самой значительной работой о Ж. Жуёвиче является научно-популярная брошюра югославского историка Любомира Палигорича «Животин Жуёвич», вышедшая в Белграде в 1960 г. первой в серии «Образы революционеров»⁴¹.

По сравнению с имевшейся литературой брошюра Палигорича имеет преимущества. Прежде всего это касается источниковедческой базы работы. Автор использовал большинство произведений Ж. Жуёвича, опубликованных в Сербии. Кроме того, привлечены два новых архивных источника — переписка Ж. Жуёвича с сербским министерством народного просвещения и его письма из Петербурга Косте Поповичу. На основе этих материалов и литера-

³⁶ Характерно, что все до сих пор упоминавшиеся нами авторы приводили неправильную дату рождения Ж. Жуёвича. По-видимому, виноват Ж. Йовичич, заявивший, что Ж. Жуёвич скончался на 29-м году жизни. В предисловии к «Сочинениям» Ж. Жуёвича Лапчевич называет дату 1 октября 1840 г., повторяя ее и в своей книге 1922 г.

³⁷ БСЭ, т. 17. М., 1952, стр. 216.

³⁸ «Педагогический словарь», т. I. М., 1960, стр. 379.

³⁹ «История философии», т. II. М., 1957, стр. 454—475.

⁴⁰ Там же, стр. 460.

⁴¹ Lj. Paligorić. Životin Žujović. Beograd, 1960, str. 83.

туры⁴² Палигорич попытался проследить жизненный путь Жуёвича, проанализировать его педагогические, экономические, общественные и философские взгляды, чтобы сделать вывод о значении деятельности первого сербского социалиста.

Несомненной заслугой автора является постановка вопроса о русском периоде в творчестве Ж. Жуёвича. Палигорич утверждает, что «пионер сербской социалистической мысли»⁴³ прошел свою «первую публицистическую школу в России»⁴⁴, что пребывание его в России имело «решающее значение»⁴⁵, что «корни социалистических идей у Жуёвича следует искать в России и Германии, но прежде всего в России»⁴⁶. Однако эти утверждения носят гипотетический характер. Они не опираются на конкретный анализ фактического материала. Палигорич полагает, что в библиографии Ж. Жуёвича содержится свыше 45 работ, не считая произведений, опубликованных им в России и частично еще не выявленных в Сербии⁴⁷. Что касается произведений сербского демократа, опубликованных в России, то представление о них у автора не только смутное, но и ошибочное. Основываясь на переписке Ж. Жуёвича с министерством народного просвещения Сербии и Костой Поповичем, он пришел к неправильному выводу о том, что публицистическая деятельность Жуёвича носила чуть ли не вынужденный характер⁴⁸. «Оказавшись в Петербурге без средств и посторонней помощи, со слабым здоровьем, — пишет Палигорич, — Жуёвич находился в весьма тяжелом положении. Чтобы заработать средства на жизнь, он сначала начал заниматься репетиторством, но доходы от уроков, вопреки ожиданиям, не могли обеспечить даже самые необходимые потребности. Тогда он попытался восполнить это сотрудничеством в русских газетах и журналах, в которых писал статьи о Герцеговине, Сербии и т. д. Но и эта деятельность не улучшила его тяжелого материального положения, зато лишила возможности посвятить свое время занятиям на факультете»⁴⁹.

Заслуживает внимания постановка Палигоричем вопроса о влиянии Ж. Жуёвича на развитие оmlадинского движения в Сербии, формирование его левого крыла, которое позднее возглавил Светозар Маркович⁵⁰.

⁴² Кроме книги Д. Лапчевича, автором использованы две работы современных югославских историков: М. Б. Јанковић. Педагошки погледи првих српских социјалиста. Живојин Жујовић, Светозар Марковић и Васа Педагић. Београд, 1952; К. Милутиновић. Први социјалисти у Београду. «Годишњак Музеја града Београда», књ. I. Београд, 1954.

⁴³ *Lj. Paligorić*. Указ. соч., стр. 16.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 21.

⁴⁶ Там же, стр. 81.

⁴⁷ Там же, стр. 40.

⁴⁸ Там же, стр. 17.

⁴⁹ Там же, стр. 15.

⁵⁰ Там же, стр. 34.

Главным недостатком книги Палигорича, равно как и других авторов, писавших о Ж. Жуёвиче, является то, что все они оперируют лишь частью творческого наследия сербского публициста. Палигорич, как и Лапчевич, считает, что активная публицистическая деятельность Ж. Жуёвича продолжалась три года⁵¹. Их выводы не могут считаться исчерпывающими и окончательными.

Серьезной ошибкой является стремление Палигорича и некоторых других современных югославских историков представить Ж. Жуёвича пионером рабочего движения Сербии. «Первое имя, которое мы встречаем в истории сербского рабочего движения... — пишет он, — это имя Живоина Жуёвича»⁵².

Верно, что Ж. Жуёвич был первым философом-материалистом в Сербии; верно, что он как ученый-экономист придерживался нового, демократического направления, что он являлся отцом передовой сербской педагогики (правда, мы воздержались бы называть ее социалистической, как это делает Палигорич); можно с известными оговорками принять и вывод Палигорича о том, что Ж. Жуёвич был публицистом социалистического направления. Однако очерк Палигорича не дает никаких оснований считать Ж. Жуёвича деятелем «сербского национального рабочего движения», которое не появилось еще тогда на свет.

История развития социалистической мысли отнюдь не тождественна истории развития рабочего движения. Тождество наступает только тогда, когда происходит слияние социализма с рабочим движением, а это произошло в Сербии лишь в начале XX в. Поэтому безусловно прав современный югославский историк Андрия Раденич, который рассматривает деятельность Ж. Жуёвича исключительно в плане развития социалистической мысли в Сербии во второй половине XIX в.⁵³ «На заре социалистического движения, — пишет он, — как предтеча первых настоящих социалистов, выделяется Живоин Жуёвич. Он является первым общественным и политическим деятелем, который в свои публицистические произведения вносит идею социализма с целью ее утверждения»⁵⁴. Можно согласиться с выводом югославского ученого о том, что в свои общественно-политические, экономические, философские и педагогические представления Жуёвич внес «элементы не только материалистических, но и социалистических взглядов на мир»⁵⁵.

Подтверждением тому, что творчество Живоина Жуёвича изучено недостаточно, служит научная конференция, проведенная отделением общественных наук Сербской академии наук и искусств

⁵¹ Там же, стр. 40.

⁵² Там же, стр. 7.

⁵³ A. Radenić. O razvoju socijalističke misli u Srbiji u drugoj polovini XIX veka. «Materiali naučnog skupa, „Prvo radničko društvo u Jugoslovenskim Zemljama“. Osijek, 1967». Slavonski Brod, 1969, str. 397—419.

⁵⁴ Там же, стр. 399.

⁵⁵ Там же, стр. 402.

в марте 1970 г. в Белграде и посвященная развитию социалистической мысли в Сербии до 1919 г. Из 23 докладов, заслушанных на конференции, не было ни одного, специально посвященного Ж. Жуевичу⁵⁶. Только в докладе профессора Андрии Б. Стойковича «Философия в развитии социалистической мысли Сербии до 1919 г.» один тезис посвящен «ученику Востока и Запада» — Живоину Жуевичу, его философским взглядам.

В 1970 г. в Софии вышла в свет монография болгарской исследовательницы Крумки Шаровой «Любен Каравелов и болгарское освободительное движение 1860—1867»⁵⁷. В последнем параграфе третьей главы К. Шарова рассматривает связи Л. Каравелова с Ж. Жуевичем, С. Марковичем и П. А. Ровинским. К сожалению, как и остальным зарубежным исследователям, автору неизвестна публицистическая деятельность Ж. Жуевича в России.

Таким образом, обзор литературы о Ж. Жуевиче показывает, что все без исключения авторы, писавшие о нем, оперируют только частью творческого наследия сербского публициста. Вне поля их зрения была публицистическая деятельность Ж. Жуевича в России. Поэтому можно констатировать, что русский период до сих пор остается белым пятном в его биографии. Однако, за исключением этого периода, наличная литература дает возможность в общих чертах восстановить биографию Ж. Жуевича.

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЖИВОИНА ЖУЕВИЧА

Живоин Жуевич родился 10 (22 по нов. ст.) ноября 1838 г. в с. Врачевич Колубарского уезда Валевского округа Княжества Сербии. Его родное село имело в ту пору 50 домов, разбросанных среди леса. Родители Живоина были небогатые сербские крестьяне-земледельцы.

В конце 30-х годов XIX в. семья Жуевичей жила задругой, насчитывавшей три десятка душ. Затем задруга разделилась. К осени 1868 г., когда П. А. Ровинский посетил дом Жуевичей, в нем проживало уже только 15 человек⁵⁸. Старшим в семье был отец Живоина Георгий (Джока), а домашним задруги — его племянник Никола.

Вот как описывает Ровинский знакомство с родительским домом своего друга: «Незаметно очутились мы у двора Жуевичей. Дом виднелся только в глубине двора, за сливняком. Навстречу выходит старик, отец Жуевича, простой селяк, в гуне серого

⁵⁶ «Српска академија наука и уметности. Научни скуп. Развој социјалистичке мисли у Србији до 1919 г. Програм». Београд, 9, 10. III 1970.

⁵⁷ К. Шарова. Любен Каравелов и българското освободително движение 1860—1867. София, 1970.

⁵⁸ Женское население дома, по словам Ровинского, составляли: «Две снохи, сестра — и еще одна девушка, родственница, принятая в семью, Павлия». («Вестник Европы», кн. 4, 1876, стр. 537).

домотканного сукна, в потасканном фесе и в опанках. Подошел он к сыну, поцеловал, обнялись и пожали руки. Матери не было уже в живых: она умерла, напуганная страхом, что и сын ее Живоин попался по Топчидерскому делу»⁵⁹.

Начальное образование Ж. Жуевич получил в школе с. Боговадя, где находился известный монастырь, основанный в 1545 г.⁶⁰ Первые учителя маленького Живоина (Живко) заметили в мальчике незаурядные способности и посоветовали отцу отдать его учиться в шабацкую полугимназию. По окончании двух классов Живоин поступил в белградскую гимназию, где учился еще два года. Крайняя бедность⁶¹ заставила его по окончании гимназии, в 1856 г., поступить в белградское богословское училище на казенный счет.

Случилось так, что после трех лет, проведенных в училище, ему неожиданно представилась возможность в качестве правительственного стипендиата поехать учиться в Россию. Один из двух кандидатов (Иован Максимович), отобранных сербским митрополитом Михаилом для учебы в Киевской духовной семинарии, внезапно заболел и в самый последний момент был заменен Живоином Жуевичем. Никаких материалов о формировании мировоззрения Жуевича в период учебы в Сербии наличная литература не дает.

С осени 1859 и до весны 1866 г. Ж. Жуевич находился в России. Сначала учился в Киевской семинарии, затем два года в Петербургской духовной академии. В сентябре 1863 г. он по собственной инициативе перешел на юридический факультет⁶² Петербургского университета. Весной 1866 г., вследствие резкого ухудшения здоровья, Ж. Жуевич вынужден был оставить Петербург и навсегда покинуть пределы России.

С конца марта по октябрь 1866 г. Ж. Жуевич жил и учился в Мюнхене. Здесь он штудировал политическую экономию и принимал участие в деятельности сербского студенческого общества

⁵⁹ Там же, стр. 536.

⁶⁰ Монастырь Боговадя играл видную роль в культурном развитии и национально-освободительной борьбе сербского народа в XVI и XVII вв.; при нем имелась школа. В 1789 г., в период Кочинной войны, монастырь был сожжен; в 1813 г., после поражения Первого сербского восстания (1804—1813 гг.) монастырь был снова разрушен и восстановлен спустя три года (1816 г.) стараниями князя Милоша Обреновича. («Enciklopedija Jugoslavije», t. I. Zagreb, 1955, str. 639). По-видимому, у семьи Жуевичей имелись связи со священниками местной приходской церкви. Обращает на себя внимание тот факт, что в их доме в 1868 г. жил поп. Его упоминает в числе 15 душ П. А. Ровинский. «Церковь приходская, — пишет он в своих мемуарах, — была подальше, а он жил тут, потому что тут была у него своя земля и он имел собственный домик». (П. А. Ровинский. Сербская Моравы, стр. 537).

⁶¹ Ж. Жуевич вспоминал позже, что ему даже зимой приходилось с Врачара (район Белграда) до гимназии бегать босиком.

⁶² Л. Палигорич ошибочно считал, что Ж. Жуевич учился на философском факультете. (Л. Палигорич. Указ. соч., стр. 23).

«Завера» («Заговор») ⁶³. Однако душная клерикальная атмосфера баварской столицы быстро наскучила живому и общительному сербу. Сначала Ж. Жуёвич решил перевестись на учебу в Бонн, но в последний момент передумал и на целый год обосновался в Цюрихе. В Цюрихском университете он изучал энциклопедию права, серьезно увлекся новой отраслью знаний — статистикой.

В начале 1867 г. Ж. Жуёвич выступил в печати против известного в ту пору немецкого историка и литературоведа профессора Шерра, который в своих лекциях допустил оскорбительные высказывания о черногорском народе. Критическая статья Ж. Жуёвича по этому поводу сначала была напечатана в швейцарской газете «Бунд», а затем перепечатана в новисадской «Заставе» под названием «Историк Й. Шерр и черногорцы» ⁶⁴.

Большинство исследователей считает эту статью началом публицистической деятельности Ж. Жуёвича. С этим ошибочным представлением связано и другое заблуждение. Так, например, Коста Милутинович утверждает, что Ж. Жуёвич не написал ни одной чисто политической статьи. «Правда, — уточняет он, — время от времени, в свои социологические, экономические, философские и исторические сочинения он вносил ту или иную политическую мысль» ⁶⁵.

Летом 1867 г. Ж. Жуёвич вернулся в Белград образованным человеком, со знаниями которого мало кто мог сравниться в тогдашней Сербии. Однако все его попытки основать новую кафедру энциклопедии права и статистики в Великой школе потерпели неудачу. Без ответа остались и его просьбы получить место преподавателя на кафедрах экономики и финансов или философии. Вероятнее всего, главной причиной упорного нежелания сербского правительства разрешить Ж. Жуёвичу преподавать в единственном высшем учебном заведении Сербии были его прогрессивные общественно-политические взгляды и обличительная критика бюрократического режима в стране на страницах русской газеты «С.-Петербургские ведомости» в период его пребывания в Германии и Швейцарии. После всех неудач Ж. Жуёвич вынужден был работать секретарем в министерстве финансов Сербии, чтобы только остаться в Белграде и все свободное время посвятить пропаганде передовой науки.

Разносторонняя научная, публицистическая и общественная деятельность Ж. Жуёвича последних лет жизни отразилась в многочисленных его статьях, опубликованных в различных периодических изданиях Сербии и Воеводины ⁶⁶. Он писал в газетах — «Србија», «Застава», «Панчевац» и «Школа», журналах — «Вила», «Гласник српског ученог друштва», «Летопис Матице српске».

⁶³ К. Милутинович. Указ. соч., стр. 237.

⁶⁴ «Историк Й. Шерр и Черногорцы», Цюрих, 16.II; «Застава», № 19, 20, 4 и 8.III 1867.

⁶⁵ К. Милутинович. Указ. соч., стр. 238.

⁶⁶ См.: «Bibliografija radova...», стр. 3—8.

«Млада србадија». Его публицистическая деятельность была связана главным образом с «Србией» Л. Кальевича, вокруг которой тогда объединялись видные сербские либералы. Жуёвич реагировал на все важнейшие события научной, экономической, общественной и политической жизни тогдашней Сербии, принимал участие в деятельности сербской Омладины⁶⁷, работал в правительственной комиссии по реорганизации сербских школ⁶⁸, выступил инициатором перевода на сербский язык монографии Н. А. Попова «Россия и Сербия». Перевод был выполнен им вместе с П. С. Сречковичем, А. Васильевичем, А. Марьяновичем и увидел свет в 1870 г.⁶⁹ «Время с 1804 по 1858 г., — говорилось в предисловии к сербскому изданию, — может рассматриваться как законченный исторический период. В нем ключ к пониманию нашего теперешнего положения». «...Пробудить в народе мысль о необходимости лучше заботиться о самом себе и все свои вопросы обсуждать со своим правителем в законодательной скупщине; проникнуться верой в свою силу и в свой разум — такова была единственная и настоящая побудительная причина, которая толкнула нас на то, чтобы перевести это объемистое произведение на наш (т. е. сербский. — В. К.) язык...», — подчеркивали переводчики в предисловии, объясняя цель и значение издания.

Напряженный труд окончательно подорвал и без того слабое здоровье Ж. Жуёвича. В 1868 г., по совету врачей, он три месяца провел на Адриатическом побережье, где его застала весть об убийстве князя Михаила Обреновича. «...Ничего не зная о бывшем заговоре, — вспоминал П. А. Ровинский, — но, узнав о происшедшем в Белграде и о том, что в смуте схвачены некоторые из его близких знакомых и что грозит опасность всем, кто находился в оппозиции правительству, — а он и был из числа таких, — он не задумался вернуться назад, чтобы со всеми разделить грозившую им опасность»⁷⁰.

Последний год жизни тяжело больной Ж. Жуёвич провел в острой идейной борьбе с либералами, проявляя глубокую заинтересованность в демократическом развитии общесербской организации — Омладины, которая находилась под идейным руководством либералов.

Незадолго до смерти Ж. Жуёвич познакомился со Светозаром Марковичем, переписка и личная встреча с которым, по-видимому, сыграли решающую роль в окончательном переходе сербского демократа на позиции социализма.

Живоин Жуёвич умер на 32-м году жизни, 25 апреля (7 мая нов. ст.) 1870 г., в самом расцвете творческих сил. Смерть изба-

⁶⁷ В. Г. Карасјов. Живјин Жујовић и Омладина. Уједињена омладина српска. Сборник радова. Матица српска. Нови Сад, 1968, стр. 139—151.

⁶⁸ Lj. Paligorić. Указ. соч., стр. 45.

⁶⁹ «Србија и Русија. Од Кочине крајне до Св. Андрејевске скупштине. Написао Нил Попов», св. I—IV. Београд, 1870.

⁷⁰ П. А. Ровинский. Битва у Каменици, близ Ниша (в мае 1809 г.). «Древняя и новая Россия», 1878, № 5, стр. 62.

вила его от неминуемых репрессий со стороны правительства. За пропаганду материализма сербские церковные власти грозились предать анафеме даже мертвого Жуёвича⁷¹.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ

Основным источником для изучения мировоззрения и общественно-политических взглядов Ж. Жуёвича являются его произведения. К сожалению, большая часть их, относящаяся к русскому периоду творчества, к началу нашей работы еще не была выявлена. Поэтому исследователю, пожелавшему изучить неизвестную еще науке страницу жизни и деятельности сербского публициста, необходимо было решить две задачи: сначала выявить эти произведения, доказать их принадлежность Ж. Жуёвичу и затем уже подвергнуть их всестороннему анализу.

Отсутствие готовой источниковедческой базы вынуждает обе эти задачи решать параллельно. К характеристике источников придется возвращаться много раз, по мере их выявления. Это касается как архивных материалов и эпистолярного наследия Жуёвича, так и самих его произведений, опубликованных в русской периодической печати.

Пока исследователи располагают только той частью творческого наследия Ж. Жуёвича, которая была опубликована им в сербских периодических изданиях в 1867—1870 гг. Библиография его работ, составленная югославским ученым профессором Радиславом Перовичем и опубликованная в 1950 г., насчитывает 45 названий⁷². Она открывается статьей «Историк Й. Шерр и черногорцы» (1867 г.) и завершается большой неоконченной работой Ж. Жуёвича «Сравнительный прогресс свободы и труда», напечатанной уже после смерти автора, в 1872 г.

Среди работ Ж. Жуёвича сербского периода есть произведения, посвященные проблемам философии, — «Историк Бокль и новые принципы исторической науки», «Вместо критики». Большое место в библиографии занимают экономические сочинения — «Наука о политической экономии», «О заработной плате. Отрывок из политико-экономического исследования», «Общие принципы реформы налогов в современном обществе (по Прудону)», «Краткая наука о государственном хозяйстве или наука о финансах» и др. Много внимания уделял Ж. Жуёвич вопросам педагогики, реорганизации школ и развития образования в Сербии. Такие его работы, как «О переустройстве сербских школ», «Теперь или никогда», «Разве не теперь?», «Мысли о переустройстве школ», «Обращение к общественному мнению», вошли в золотой фонд передовой сербской педагогической мысли. «Если бы Жуёвич написал только «Обращение к общественному мнению», то этого од-

⁷¹ К. Милутиновић. Указ. соч., стр. 243.

⁷² «Bibliografija radova...», str. 3—8.

ного было бы достаточно, чтобы он занял достойное место в истории сербской педагогики...»⁷³, — отмечал Милош Б. Янкович. Взгляды Жуёвича на историческое развитие человеческого общества нашли свое концентрированное выражение в большой, к сожалению, оставшейся незавершенной работе — «Сравнительный прогресс свободы и труда».

Многие статьи Ж. Жуёвича посвящены злободневным вопросам, волновавшим общественность Сербского княжества и его столицы — Белграда. Заходила ли речь о торговле хлебом в Белграде или строительстве больницы, обсуждалась ли проблема о постройке железной дороги в Сербии или проект закона о ремесле и т. п. — на все это живо реагировал Ж. Жуёвич, излагая свои взгляды и отстаивая свою позицию, которая, как правило, отличалась от официальной точки зрения.

Ж. Жуёвич был блестящим полемистом. Он вел научные споры не только в печати (например, с Ч. Миятовичем по поводу книги последнего о государственном хозяйстве и финансах⁷⁴), но и участвовал в публичных диспутах. Весь Белград следил за его полемикой с управляющим государственной статистикой Владимиром Якшичем. Спор шел о сербской внешней торговле, статистике как науке и ее отношении к другим отраслям знаний⁷⁵. Как отмечала тогдашняя пресса, победа была на стороне Ж. Жуёвича.

Утверждая, что Ж. Жуёвич «Не писал ни одной чисто политической статьи», К. Милутинович неправ формально и по существу. Если говорить о формальной стороне дела, то передовицы Ж. Жуёвича в газете «Србия» за 1868 г. или такие его статьи, как «Кто виноват?», «Объяснимся» и др. за 1869 г., а также три его очерка — «Два слова о взаимных отношениях сербов и болгар», «Наши отношения с русскими» и «Наши отношения с венграми», несомненно, имели политический характер. Милутинович не принял во внимание то обстоятельство, что публицистическая деятельность Ж. Жуёвича протекала при крайне неблагоприятных обстоятельствах (династический террор, разгул реакции после убийства князя, отсутствие демократических органов печати), которые не позволяли ему открыто излагать свои политические взгляды. Поэтому не случайно, что там, где это было возможно, он ссылался на свои работы, опубликованные в России, как это, например, имело место в статьях «Наши отношения с русскими» и «Строить или не строить железную дорогу?».

По существу же мнение Милутиновича ошибочно потому, что ему были неизвестны работы Ж. Жуёвича, опубликованные в русской периодической печати не только в период пребывания в России, но и позднее — в сербский период. Это своеобразное раздвоение публицистической деятельности сербского демократа до сих

⁷³ «Narodna knjiga». Beograd, 1952, str. 17.

⁷⁴ «Одговори — разговори... Полемика са Ч. Миятовичем». «Србија», № 37, 9.III 1870.

⁷⁵ «Србија», № 50, 30.XII 1869.

пор оставалось тайной, раскрытие которой является одной из задач настоящего исследования.

Для целей настоящей работы рассмотренные выше произведения Ж. Жуевича имеют большое значение. Во-первых, в них содержится прямое указание на сам факт сотрудничества сербского публициста в русской периодической печати; в ряде случаев они помогают выявлению неизвестных доселе статей Ж. Жуевича. Во-вторых, имеющиеся в нашем распоряжении работы позволяют проследить эволюцию взглядов сербского мыслителя, полнее и глубже понять процесс их формирования.

Что касается других видов и типов источников — мемуаров, свидетельств современников и др., — то они крайне немногочисленны и о наиболее существенных из них было уже сказано.

Особого упоминания заслуживает публикация Драгое Тодоровичем переписки Ж. Жуевича с министерством народного просвещения Сербии за время его учебы за границей⁷⁶.

В публикацию вошло 17 писем сербского воспитанника, адресованных министерству народного просвещения. Первое из них датировано 23 августа 1863 г., а последнее — 23 января 1868 г. Письма эти содержат богатый материал об условиях жизни и учебы Ж. Жуевича в России, Германии и Швейцарии, о формировании его взглядов.

Подводя итоги своей восьмилетней учебы за границей, в письме от 16 августа 1867 г. Ж. Жуевич ставил в известность министра просвещения о том, что он окончил курс «государственных (административных) и социальных наук» в Петербургском, Мюнхенском и Цюрихском университетах и возвратился в отечество, «чтобы быть ему полезным»⁷⁷.

Говоря о главных науках, которые он изучал, Ж. Жуевич назвал следующие: «Философия и ее история, философия права, энциклопедическое право, государственное право, политическая экономия, финансы и статистика. Кроме того, — отмечал он, — я достаточно долго изучал социализм — французский, английский (Р. Оуэн) и немецкий, владею французским, немецким и русским языками»⁷⁸.

В кратком предисловии к публикации Д. Тодорович обратил внимание исследователей на необходимость всестороннего изучения публицистической деятельности Ж. Жуевича в России⁷⁹.

⁷⁶ Д. Тодоровић, Школовање Животина Жујовића на страни и његова преписка с министарством просвете. Прилог биографији. «Гласник историјског архива у Ваљеву», № 4-5, Ваљево, 1969, стр. 5—30.

⁷⁷ Там же, стр. 27.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 8.

ЖИВОИН ЖУЕВИЧ В РОССИИ
(1859—1866 гг.)

Отсутствие точных и проверенных данных о почти семилетнем пребывании Живоина Жуёвича в России и его журналистской деятельности определило методику научного изучения темы. Поскольку личного фонда сербского публициста не сохранилось, пришлось начать с архивных поисков в надежде, что именно в русских архивах сокрыта та самая Ариаднина нить, идя по которой, исследователь сможет разыскать в сложном лабиринте, именуемом периодической печатью, произведения, принадлежащие, перу сербского демократа. Практика показала, что такой методический прием оказался правильным, так как попытка отыскания произведений Ж. Жуёвича среди русских газет и журналов 60-х годов прошлого столетия была заранее обречена на неудачу по той простой причине, что печатные материалы, подписанные его полным именем, единичны.

Обследование отечественных и сербских архивов позволило не только раскрыть секрет столетней давности, связанный с публицистической деятельностью Ж. Жуёвича в России, но и ввести в научный оборот много новых данных из его биографии, доселе неизвестных науке. Это дало возможность реконструировать биографию сербского публициста в период его обучения в России.

В КИЕВСКОЙ СЕМИНАРИИ

Живоин Жуёвич приехал в Россию 17 октября 1859 г. О времени и обстоятельствах его приезда, равно как и об учебе в Киевской духовной семинарии (а не в академии!¹), до нас дошли документы, отложившиеся в Центральном государственном историческом архиве УССР в Киеве (ф. № 712, Киевская духовная семинария) и Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (ф. 802, Духовно-учебное управление при святейшем Синоде).

В деле Духовно-учебного управления при святейшем Синоде хранится подлинник свидетельства о трехлетнем обучении Ж. Жу-

¹ Народна енциклопедија Српско-Хрватско-Словеначка», књ. I, [б. г.], стр. 752.

ёвича в Белградской семинарии. Документ содержит не только оценки по изучаемым предметам, но и уточняет некоторые биографические данные о Ж. Жуёвиче².

Из свидетельства узнаем, что после окончания трех классов белградской гимназии Живко Жуёвич поступил в духовную семинарию, в которой на протяжении трех лет (1856—1859 гг.) изучал не только богословские науки, но и общеобразовательные дисциплины: старославянский, греческий и немецкий языки, антропологию, всеобщую и сербскую историю, физику.

27 сентября 1859 г. Ж. Жуёвич получил в Белграде паспорт³ и вместе со своим товарищем Никодимом Петровичем отправился в нелегкое по тем временам путешествие в далекую Россию, чтобы впервые увидеть «мать городов русских» — Киев. Путешествие длилось без малого месяц. Пребывание сербских юношей в Киеве началось с непредвиденных осложнений и недоразумений. Во-первых, согласно предписанию Киевского академического правления от 19 сентября 1858 г., Киевская духовная семинария могла «принимать на счет правительства молодых людей из единоверных восточных племен только по предварительному донесению консулов МИДа и по сношению сего последнего с Духовно-учебным ведомством»⁴. Это требование в данном случае выполнено не было. Во-вторых, в прошении сербского митрополита Михаила от 4 сентября 1859 г.⁵ значился Йован Максимович, а прибыл Живоин Жуёвич⁶.

21 октября 1859 г. Жуёвич и Петрович послали телеграфную депешу обер-прокурору Синода графу Толстому, в которой говорилось: «Правительством и митрополитом нашим мы посланы обучаться в Киевскую семинарию. Ректор не принимает без вашего соизволения, покорнейше просим разрешения. Живоин, Никодим, сербы»⁷.

² См. Приложение № 1.

³ Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве (далее — ЦГИА УССР), ф. 712, оп. 1, д. 146, л. 145 и об.

⁴ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (далее — ЦГИА СССР), ф. 802, оп. 7, д. 23074, л. 5 и об.

⁵ Там же, л. 5.

⁶ Там же, л. 1. По этому поводу в отношении Правления Киевской духовной семинарии в Духовно-учебное управление Синода от 30 марта 1860 г. говорилось следующее: «При сем правление семинарии находит нужным объяснить, что один из упомянутых иностранцев, который в доселе бывших переписках оных назывался Иоанном Максимовичем, должен быть называем Живоином Жуёвичем, так как предназначенный сербским митрополитом к отправлению в Киевскую семинарию и названный в поступившем в семинарское Правление отношении его от 4 сентября 1859 г. за № 705 к киевскому митрополиту Иоанном Максимовичем не был послан в Киев, а вместо него послан и прибыл действительно Живоин Жуёвич, покорнейше просим на будущее время того из упомянутых 2-х сербов, который по прежней переписке именовался Максимовичем, называть Живоином Жуёвичем» (там же, лл. 20, 20 и об.).

⁷ Там же, л. 1.

Три месяца длилась переписка между ведомствами по этому вопросу. Но еще до ее окончания по приказу из Петербурга⁸ Живоин Жуевич и Никодим Петрович после испытаний в Правлении, в результате которых оказалось, что они «способны поступить для обучения в высшее отделение семинарии, так как... обучались в отечестве своем всем предметам, которые преподаются в наших семинариях, за исключением русского языка»⁹, с 23 октября 1859 г. были зачислены студентами Киевской духовной семинарии на казенный счет, из расчета 100 рублей серебром в год на содержание каждого¹⁰.

Жизнь и учеба в семинарии протекали по строго установленному распорядку. Иностранные воспитанники из болгар и сербов жили в специальном заведении для молодых иностранцев — южнославянском пансионате, помещавшемся на Подоле, в частном доме мадам Коропкиной (Александровская ул., 49). Утром, как значится в ведомости о распределении занятий и состоянии здоровья иностранцев, обучавшихся в Киевской семинарии, за январь 1860 г., «Живоин Жуевич и Никодим Петрович ходили на уроки в высшее отделение семинарии и изучали преподаваемое наояду с нашими (т. е. русскими. — В. К.) воспитанниками, за исключением народной медицины, сельского хозяйства, латинского и греческого языка», а после обеда «занимались в квартире приготовлением уроков к следующим дням, чтением книг и составлением сочинений, как и прочие ученики семинарии»¹¹.

Семинарское начальство составляло ежемесячные отчеты о занятиях, здоровье, питании иностранных воспитанников, о выданных им вещах, книгах и полученных на экзаменах оценках. Из этих отчетов видно, что Жуевич и Петрович учились очень прилежно. Если в ведомости об успехах за сентябрьскую треть 1859/60 учебного года о них говорится, что «недавно прибыли из отечества и, не ознакомившись с русским языком, не могли проявить ни способностей, ни успехов, занимались очень усердно»¹², то в ведомости за вторую половину 1861 учебного года их успехи по всем предметам оценены как «очень хорошие»¹³.

Иностранные воспитанники содержались в пансионате на всем готовом: их одевали, обували, кормили и учили бесплатно, на казенный счет. Питание было однообразным, но сытным. Хуже было во время длительных и изнурительных постов. «До второй половины Великого поста все воспитанники вели себя скромно, — читаем в ведомости за февраль 1860 г. — С этого времени начали высказывать недовольство постной пищей»¹⁴.

⁸ Там же, л. 4.

⁹ Там же, л. 5.

¹⁰ Там же, л. 6.

¹¹ Там же, оп. 8, д. 23556, л. 11.

¹² ЦГИА УССР, ф. 712, оп. 1, д. 65, л. 181.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 24711, л. 87.

¹⁴ Там же, д. 23556, л. 22.

Всего в трех отделениях Киевской семинарии (высшем, среднем и низшем) во время поступления в нее Ж. Жуевича насчитывалось 18 иностранных воспитанников¹⁵. В высшем отделении, кроме Ж. Жуевича и Н. Петровича, обучался болгарин Парфений Стоянов. В среднем отделении учился будущий известный болгарский историк Марин Дринов, поступивший 22.X 1858 г. Вместе со своим соотечественником Нешо Бончовым 20 марта 1861 г. он был уволен из семинарии для поступления в Московский университет¹⁶. Состав иностранных воспитанников постоянно менялся. К моменту окончания Жуевичем семинарии (27 июля 1861 г.) в ней насчитывалось 26 иностранцев¹⁷.

Весьма интересны сведения о книгах, выданных Жуевичу из библиотеки за время его пребывания в Киевской семинарии. Хотя мы не располагаем полным списком, тем не менее из сохранившихся ведомостей за 1859—1861 гг. видно, что семинарист из Сербского княжества интересовался не только литературой богословского содержания.

В декабре 1859 г. он взял книгу «История Лоренца»¹⁸, в феврале 1860 г. воспитаннику Жуевичу была выдана книга «Светлая седмина Иннокентия»¹⁹; в мае 1860 г. — «Рукопись с острова св. Елены»²⁰; в сентябре 1860 г. — «Слова и речи Леванды» и «Страстная седмица пресвященного Иннокентия»²¹; в январе 1861 г. — «Творения святых отцов за 1857 г.» и «Славянский сборник»²²; в апреле 1861 г. он взял «Историю Полевого»²³ и «Творения А. С. Пушкина»; наконец, в мае 1861 г. — снова «Историю Лоренца»²⁴.

Из приведенных фактов следует, что уже в этот период Жуевич проявлял интерес к истории вообще и к славянскому вопросу в частности. Судя по тому, что иностранные воспитанники иногда подолгу держали у себя взятые из семинарской библиотеки книги, можно предположить, что они обменивались литературой между собой. Так, однокашник Жуевича Н. Петрович брал «Историю славянских княжеств» И. Ранча, «Руководство по всеобщей истории» Смороггова, «Русскую историю» Устрялова. Другие интере-

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 23556, лл. 10—10 и об. См. Приложение № 2.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 23556, л. 38.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 712, оп. 1, д. 146, л. 4.

¹⁸ Там же, Ведомость № 4. По-видимому, имеется в виду книга Лоренца Фридриха Карловича — «История новейшего времени 1815—1856», первое издание которой вышло в Петербурге в 1859 г. Небезынтересно отметить, что воспитывавшийся в семинарии Марин Дринов взял тогда же книгу «Историко-критические разыскания Венелина».

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 23556, л. 24.

²⁰ Там же, л. 54.

²¹ Там же, л. 112.

²² Там же, д. 24711, л. 10.

²³ Там же, л. 45. Имеется в виду книга Н. А. Полевого (1796—1846 гг.) «История русского народа», т. 1—6. М., 1830—1833.

²⁴ Там же, л. 67.

совались «Трудами вольного экономического общества» за 1840 и 1854 г., «Историей России» С. М. Соловьева и др.

Бытовые условия в пансионате оставляли желать лучшего. В январе 1860 г. одиннадцать иностранных воспитанников подали ректору семинарии, архимандриту Филарету, докладную записку, в девяти пунктах которой изложили «неудобства» занимаемой ими квартиры в доме Коропкиной²⁵. После этого с разрешения правления семинарии были сняты две новые комнаты на первом этаже для помещения в них Живоина Жуевича, Никодима Петровича, Парфения Стоянова и Дмитрия Паунова, «жаловавшихся на тесноту помещения в верхнем этаже»²⁶.

Семинаристы-иностранцы использовали любую возможность, чтобы отправиться за город и провести там свободное время. 29 апреля 1861 г. Живоин Жуевич, Никодим Петрович и Илья Н. Ставрич обратились в Правление семинарии со специальным прошением, в котором, ссылаясь на расстроенное здоровье, испрашивали у начальства разрешения «удалиться в окрестную деревню Мишаловку, находившуюся возле м. Китаева, подле Днепра», где собирались прожить «от начала месяца мая до начала экзамена»²⁷. В конце мая 1861 г. упомянутые выше три семинариста и присоединившийся к ним четвертый — Илья Спасоевич — попросили позволения начальства остаться на даче и в июне. «Что касается экзаменов, — писали они, — то мы будем на каждый точно приходиться»²⁸. Жуевич прожил на даче и июль 1861 г. «Прошу покорно Правление К. духовной семинарии, — писал он в своем прошении, — чтобы оно позволило отпустить для меня известную сумму денег для проживания в Китаевской пустыне и на следующий июль месяц»²⁹.

Пребывание Жуевича летом 1861 г. на даче было заполнено литературными занятиями, подготовкой к выпускным экзаменам и поступлению в Петербургскую духовную академию.

Перед отъездом Жуевича из Киева в журнале «Руководство для сельских пастырей» была напечатана его статья «Известие о распространении грамотности в простом народе сербском»³⁰.

Еще 15 апреля 1861 г. Живоин Жуевич и Никодим Петрович обратились к сербскому митрополиту Михаилу, прося у него разрешения после окончания курса в Киевской семинарии продолжить обучение в Петербургской духовной академии³¹. Митрополит сербский ходатайствовал перед митрополитом киевским, последний — перед Синодом, и в конце концов 14 июля 1861 г. последовало распоряжение высшего духовного органа царской

²⁵ ЦГИА УССР, ф. 712, оп. 1, д. 65, л. 93.

²⁶ Там же, д. 146, л. 56.

²⁷ Там же, л. 65.

²⁸ Там же, л. 98.

²⁹ Там же, л. 119.

³⁰ «Руководство для сельских пастырей», № 23, 11.VI 1861, стр. 119—124.

³¹ ЦГИА УССР, ф. 712, оп. 1, д. 146, л. 113.

России Правлению Петербургской духовной академии, в котором говорилось: «Преосвященный митрополит киевский, по ходатайству сербского митрополита Михаила, просит о принятии в С.-Петербургскую духовную академию для продолжения образования двух сербских уроженцев Живоина Жуёвича и Никодима Петровича, окончивших ныне курс наук в Киевской семинарии.

Вследствие чего предлагаю Академическому правлению, по прибытии упомянутых иностранцев, включить их в число студентов имеющегося вновь образоваться учебного академического курса»³². На следующий день князь Урусов послал об этом уведомление киевскому митрополиту³³.

28 августа 1861 г. Живоин Жуёвич получил аттестат об окончании Киевской духовной семинарии³⁴ и выехал в Петербург.

В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

По прибытии в академию Жуёвич был подвергнут приемным испытаниям. Сохранился табель ответов на приемных испытаниях семинарских воспитанников, прибывших в академию для поступления в состав XXVI академического курса³⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что из 27 дисциплин, содержащихся в таблице, Жуёвич держал экзамен по девяти, из которых по четырем он получил неудовлетворительные оценки (обличительное богословие, литургика, гомилетика, учение о русском расколе) и по пяти — «довольно удовлетворительно» (догматическое богословие, общая гражданская история, русская гражданская история, нравственное и пастырское богословие, история русской церкви). Из этого можно заключить, что уже в этот период чисто богословские вопросы интересовали Жуёвича в меньшей степени, чем вопросы гражданские.

На XXVI учебный академический курс Петербургской духовной академии, составленный в 1861 г., было зачислено 87 студентов, среди которых четыре иностранца: два серба — Живоин Жуёвич и Никодим Петрович и два черногорца — Спасоэ Перович и Филипп Ябучанин³⁶. Перович прибыл из Петербургской духовной семинарии, а Ябучанин — из Московской. Среди русских учащихся на XXVI академическом курсе обучался А. И. Чупров (1842—1908 гг.), позднее видный русский экономист, публицист и либеральный общественный деятель. Студенты Чупров, Жуёвич, Молчанов, Медведев, проучившись в академии два года, оставили

³² ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 7, д. 23074, л. 23.

³³ На отношении князя Урусова к киевскому митрополиту Арсению от 15 июня 1861 г. есть такая помета: «Паспорт, данный мне в Сербии сентября 27 дня 1859 года за № 3556, получил. Живоин Жуёвич». (ЦГИА УССР, ф. 712, оп. 1, д. 146, л. 145 и об.).

³⁴ Там же, л. 158. См. Приложение № 3.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 23908, лл. 86—91.

³⁶ Там же, л. 69.

ее и в конце 1863 г. перешли в университет: Чупров — в Московский, остальные — в Петербургский³⁷.

Положение южнославянских воспитанников академии несколько отличалось от статуса русских студентов. Вот что писал в связи с этим И. Чистович, автор книги «С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858—1888 гг.)»: «В 1859 году, 4 сентября, по поводу возникших недоразумений относительно обучающихся в академии молодых людей из южнославянских племен, обер-прокурор святейшего Синода граф А. П. Толстой, изъяснив, что они ни в коем случае не должны быть сравниваемы с нашими студентами и подчиняемы одинаковым с ними правилам. Академическое начальство обязано взирать на них, как на лиц, которые, прибыв в наше отечество для получения образования, пользуются лишь нашим гостеприимством и покровительством, имея полную свободу в выборе для себя ученых занятий. Никакая обязательная отчетность в успехах этих занятий не должна быть требуема. Но если бы кто из иностранцев возымел желание получить ученую степень, в таком случае академическое начальство вправе подвергнуть такого испытанию на общем основании и не иначе удостоивать его ученой степени, как по точном удостоверении, что приобретенные им в учебных предметах сведения дают ему, полное на то право. Обучавшиеся в академии православные единоверцы — греки, болгары, сербы, валахи, сирийцы — содержались на особые суммы святейшего Синода. Кроме того, иностранцам из южных славян выдавалось, по предложению обер-прокурора святейшего Синода от 17 декабря 1857 года, по 1 р. в месяц на карманные расходы, в счет министерства иностранных дел»³⁸. Поэтому единственный из южнославянских воспитанников XXVI курса — Никодим Петрович³⁹, окончивший полный курс, был выпущен со званием действительного студента⁴⁰, тогда как русские учащиеся получали, в зависимости от успехов, степени бакалавра, магистра и кандидата.

Хотя обучение воспитанников XXVI курса проходило в период, связанный с бурным пробуждением всей русской жизни, что не могло не сказаться на студентах, тем не менее до 1869 г. оставался в силе академический устав 1809 г., строго регламентированный их поведение и обучение. Обычный студенческий день начинался в 6 часов утра и заканчивался в 10 часов вечера. Ежедневно в половине седьмого происходила молитва в академи-

³⁷ См.: «Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов СПб. духовной академии (1804—1869)». СПб., 1907, стр. XXIX.

³⁸ И. Чистович. С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858—1888). СПб., 1889, стр. 72—73.

³⁹ Петрович Никодим Радованович после окончания академии в 1865 г. уехал на родину, был учителем в Белграде, священником и редактором духовного журнала «Православие». Умер в 1885 г. Курсовое сочинение писал на тему: «Первоначальный период сербской церкви (с половины VII до конца XII века)». См.: «Биографический словарь студентов...», стр. 354.

⁴⁰ «Биографический словарь студентов...», стр. LXXVI.

ческой церкви. После завтрака начинались уроки, продолжавшиеся с 9 до 13 часов. В час пополудни — обед, с 15 до 16 часов — еще один урок. После полдника и прогулки, с 18 до 21 часа, — домашние упражнения и подготовка к урокам, наконец — ужин, вечерняя молитва и сон. Отлучки из академии, помещавшейся за высокой оградой Александро-Невского монастыря, разрешались в учебное время только по отпускным билетам и всего лишь два раза в неделю — по четвергам и воскресеньям, а в праздничные дни — после обеда до ужина. «Правила порядка и благочиния» духовной академии были очень строгими. § 71 «Правил» гласил: «Инспектор почасту сносится с ректором о книгах, к чтению одобренных, и, если приметит книгу, ко чтению неодобренную, и найдет ее вредною или несовместимую, сообщает о сем ректору, отбирает книгу, и, по усмотрению, полагает наказание, вине соразмерное»⁴¹.

Полный курс обучения продолжался четыре года. В низшем отделении (первые два года) изучались преимущественно общеобразовательные предметы: философия, словесность, гражданская история, физика и математика⁴², в высшем — только богословские науки.

Если общеобразовательные предметы, изучавшиеся в течение первых двух лет, в какой-то мере устраивали Жуевича, то его живой и общительный характер никак не мог примириться с суровыми правилами академического устава. С первых дней пребывания в Петербурге Жуевич устанавливает связи с сербами, обучавшимися в различных учебных заведениях столицы, а также с петербургскими учеными-славистами. По-видимому, в 1862 г. произошло его знакомство с А. Н. Пыпиным и П. А. Ровинским. При их посредничестве Жуевич был привлечен к сотрудничеству в русских демократических органах печати той поры — газете «Очерки» и журнале «Современник». Чтобы избежать бдительного ока академических инспекторов, Живоин Жуевич и Спасо-Перович решили поселиться в городе на вольной квартире. Об этом мы узнаем из их письма И. С. Аксакову от 7 октября 1862 г. Славянский благотворительный комитет обещал им с 1 октября 1862 г. по 10 руб. ежемесячного пособия для жительства на вольных квартирах, но означенных денег они не получили. Это заставило нас, писали они, «на время оставить формальное наше увольнение из академии на вольные квартиры, потому что оно последовало бы очень скоро; а между тем, деньги, назначенные от академии, почти все выйдут на квартиру (как мы прис-

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 23908, л. 80.

⁴² С 1861 г. предметы низшего отделения были разделены на два класса с отнесением к первому — физики, математики, латинского и одного из новых языков; ко второму — общей истории, исторических древностей, латинского и одного из новых языков. Студенты получали право записаться в тот или иной класс по собственному выбору (см.: И. Чистович. Указ. соч., стр. 29).

мотрелись), так что пищу и одежду пришлось бы заменить петербургским воздухом»⁴³.

Судя по всему, Жуёвич и Перович так и не получили обещанного пособия от Славянского комитета и потому не смогли переселиться на вольные квартиры.

С 1863 г. все свободное время Жуёвич отдавал сотрудничеству в петербургских периодических изданиях, одновременно готовясь к переходу в Петербургский университет⁴⁴.

В апрельской книжке петербургского духовно-литературного журнала «Дух христианина» за 1863 г. была напечатана статья «Униатство в Герцеговине» за подписью «Ж. Серб». О принадлежности этой второй по счету статьи Ж. Жуёвича, опубликованной в России, свидетельствует письмо редактора журнала автору от 16 августа 1863 г. В письме говорилось, что редакция журнала «Дух христианина» имеет честь препроводить вам пятьдесят один рубль серебром денег за статью вашу «Униатство в Герцеговине», покорнейше прося и на будущее не лишать редакцию вашего сотрудничества»⁴⁵. Скорее всего просьба редактора духовного журнала осталась без последствий.

ПЕРЕХОД В ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Из дела «О принятии черногорца Спасоэ Перовича в С.-Петербургскую духовную академию... а также об увольнении из С.-Петербургской академии серба Живоина Жуёвича для поступления в С.-Петербургский университет»⁴⁶ узнаем, что в мае 1863 г. «студент С.-Петербургской духовной академии, серб Живоин Жуёвич, вошел в Академическое правление с прошением, в котором, изъяснив, что по причине расстроенного здоровья он намерен, по совету врачей, отправиться на родину, просит Правление академии выдать ему отпуск впредь до выздоровления»⁴⁷. Врач академии Илья Лебедянский засвидетельствовал, что Жуёвич «в продолжение пребывания в академии часто подвергался болезни — ревматизму головы и нижних конечностей», вследствие чего «он большее время зимы находился в больнице»⁴⁸. Академическое правление обратилось в Синод, последний — в министерство иностранных дел, испрашивая для Жуёвича «потребное количество денег на проезд в Сербию и для обратного возвращения в Рос-

⁴³ Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее — ЦГАОР СССР), ф. 1750. Славянское благотворительное общество, д. 67, лл. 49—50. (Письмо написано рукой С. Перовича).

⁴⁴ Впервые мысль о возможности оставления духовной академии нашла свое выражение в письме Ж. Жуёвича сербскому митрополиту Михаилу от 16 августа 1862 г. (см.: Д. Тодоровић. Указ. соч., стр. 6—7).

⁴⁵ Оригинал письма за подписью редактора журнала священника Иоанна Заркевича хранится в Государственном архиве Сербии в Белграде, в фонде министерства народного просвещения. II, 299, 1866.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 25187.

⁴⁷ Там же, л. 10.

⁴⁸ Там же.

сию»⁴⁹. Азиатский департамент российского МИДа отпустил Жуёвичу 100 рублей серебром на путевые расходы с условием не возвращаться обратно, так как, по мнению министерства иностранных дел, «нет никакого основания предполагать, чтобы, по прошествии некоторого времени, проведенного ими (речь шла о Ж. Жуёвиче и С. Перовиче. — В. К.) на юге, они, возвратясь сюда, могли бы безвредно переносить здешний климат»⁵⁰. Спасоэ Перович согласился уволиться из академии без права восстановления, а Ж. Жуёвич, как значится в документе от 2 ноября 1863 г., «в сентябре сего года поступил в здешний университет», а полученные на дорогу деньги возвратил⁵¹.

Сохранившееся письмо Ж. Жуёвича Славянскому благотворительному комитету от 22 июня 1863 г. отчасти расширяет наши представления об обстоятельствах перехода его в Петербургский университет⁵². Из письма мы узнаем, что «Славянский благотворительный комитет с 1 апреля 1863 г. назначил Жуёвичу пособие в размере 7 руб. 50 коп. в месяц. По-видимому, это было результатом прошения Ж. Жуёвича и С. Перовича от 7 октября 1862 г. в Славянский комитет в связи с их намерением перейти на вольные квартиры. Студент высшего отделения Петербургской духовной академии Никодим Петрович 16 июля 1863 г. писал, что Жуёвич и Перович отказались от предложенных им денег «по причинам, — как сказано в письме, — известным комитету»⁵³. В письме Жуёвича содержится интересный факт, свидетельствующий о том, что сербское правительство имело намерение лишить его стипендии еще до перехода в университет. Очень важно категорическое утверждение автора письма о том, что в связи с увольнением из академии он не будет получать стипендию. Важно это потому, что разбираемое письмо датировано 22 июня 1863 г., но акт сербского правительства о лишении Жуёвича стипендии был подписан лишь 10 сентября 1863 г. Ему предшествовала переписка между Жуёвичем и министром народного просвещения Сербского княжества, начало которой было положено письмом сербского воспитанника от 23 августа 1863 г. Из этого можно заключить, что Жуёвич заранее знал о последствиях своего перехода в университет и тем не менее не отступил от своего намерения.

Письмо Ж. Жуёвича сербскому министру от 23.VIII 1863 г. объясняет причины, в силу которых он решил навсегда порвать с духовной карьерой⁵⁴.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 25187, л. 11.

⁵⁰ Там же, л. 12.

⁵¹ Там же, л. 21.

⁵² ЦГАОР СССР, ф. 75, Славянское благотворительное общество, д. 75. (Переписка Славянского благотворительного общества с разными лицами и учреждениями об устройстве на работу и об оказании материальной помощи нуждающимся славянам), лл. 12—12 и об.

⁵³ См. Приложение № 4. ЦГАОР СССР, ф. 1750, д. 227, л. 2.

⁵⁴ См. Приложение № 5.

Это письмо-обращение свидетельствует о переломе, происшедшем в сознании Жуёвича. Он окончательно решает порвать с духовной карьерой и заняться изучением светских наук, чтобы затем пропагандировать их достижения у себя на родине и применять на практике. «Я чувствую свое призвание, которое укрепилось во мне в результате сознательной мысли, — писал Жуёвич, — быть членом человеческого большинства, членом так называемого светского, а не духовного человечества»⁵⁵.

Результат обращения к сербскому правительству был таким, каким его заранее предвидел Жуёвич. 10 сентября 1863 г. министр народного просвещения уведомил Жуёвича, что он лишается государственной стипендии, так как по закону ею могут пользоваться только студенты, изучающие богословские науки, и предложил ему вернуться на родину⁵⁶.

Между тем события развивались своим чередом. Приняв однажды решение, Жуёвич не хотел от него отступить. 8 августа 1863 г. он подал на имя исполняющего должность ректора Петербургского университета прошение следующего содержания: «Желаю поступить в университет на юридический факультет и юридический разряд, докорнейше прошу зачислить меня в число своекоштных студентов С.-Петербургского университета. Документы мои прошу вытребовать из Академического правления, где они находятся». Этот документ положил начало «Делу императорского С.-Петербургского университета о принятии в число студентов Живоина Жуёвича — серба»⁵⁷ на 37 листах, которое вместе с другими архивными документами и перепиской Жуёвича той поры дает возможность проследить его жизнь и деятельность в Петербурге уже в качестве студента юридического факультета университета. Обращает на себя внимание собственноручная приписка Жуёвича на цитированном выше прошении: «Жительство имею в здании С.-Петербургской духовной академии». Она подтверждает предположение о том, что до конца пребывания в академии ему так и не удалось переехать на «вольную квартиру».

Личное дело студента Петербургского университета, серба Ж. Жуёвича, содержит немало интересных документов, проливающих свет на неизвестные науке факты из его биографии с осени 1863 до весны 1866 г. Хотя уже после прошения от 8.VIII Ж. Жуёвич формально считался студентом университета, о чем говорит Свидетельство от 25.IX 1863 г. на получение вида для свободного проживания в С.-Петербурге (л. 4), однако фактически он был зачислен студентом только 9 января 1864 г. Об этом мы узнаем из документа (л. 6), представляющего собой копию метрического свидетельства Жуёвича в переводе на русский язык⁵⁸.

⁵⁵ См. там же.

⁵⁶ Д. Тодорович. Указ. соч., стр. 7.

⁵⁷ Государственный исторический архив Ленинградской области (далее — ГИАЛО), ф. 14, оп. 5, 1863 г., д. 2507, л. 1.

⁵⁸ См. Приложение № 6.

На документе есть две пометы. 1. Определено: зачислить Живоина Жуёвича в число своекоштных студентов 1-го курса юридического факультета СПб. университета, о чем уведомить бухгалтерию университета. 9 января 1864 г. 2. В самом низу, в скобках: «Перевел Живоин Жуёвич, студент СПб. университета».

Из документа явствует, что метрическая выписка была составлена 22.X 1863 г. По-видимому, ее специально запрашивал Ж. Жуёвич по требованию университетского начальства, так как в отношении СПб. духовной академии от 18 сентября 1863 г. говорится, что «студент Жуёвич Живоин — серб, поведения оч. хорошего, ни в каких предосудительных поступках замешан не был, к увольнению его из академии для поступления в С.-Петербургский университет со стороны Академического правления препятствий не имеется. При сем Академическое правление честь имеет приложить академическое свидетельство Жуёвича за № 491» (л. 7)⁵⁹, а в отношении той же академии от 29 ноября 1863 г. сказано, что высылается семинарский аттестат и что других документов Жуёвича в делах Академического правления нет (л. 5).

21 октября 1863 г. студент Жуёвич обратился к попечителю С.-Петербургского университета с просьбой освободить его от платы за слушание лекций по причине крайней бедности, о чем обещал предоставить свидетельство, которое надеялся в скором времени получить из Сербии (л. 8). Решение ректора, на усмотрение которого было передано это прошение, нам неизвестно.

Материальное положение Жуёвича в связи с переходом из академии в университет доставляло ему много хлопот. Продолжа-

⁵⁹ Подлинник этого Свидетельства находится в архиве Сербии, в Белграде, в фонде министерства народного просвещения.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего, сербский уроженец Живоин Жуёвич, в августе 1861 года поступил из Киевской духовной семинарии в С.-Петербургскую духовную академию, обучался в ней два года. Ныне он, Жуёвич, вследствие предложения его превосходительства г. обер-прокурора св. Синода от 13 сего сентября за № 6501 уволен из академии для поступления в С.-Петербургский университет.

В удостоверение чего дано ему, Жуёвичу, это свидетельство из Правления С.-Петербургской духовной академии за надлежащим подписом и приложением казенной печати.

Оригинал № 491. Ректор академии Иоанникий, епископ Выборгский.

18.IX 1863 г. Помощник секретаря Иван Троицкий.

№ 491.

Кроме этого, здесь также хранится другое Свидетельство следующего содержания:

«Предъявитель сего Живоин Жуёвич, сербский уроженец, поступил из Киевской духовной семинарии в С.-Петербургскую духовную академию в августе месяце 1861 г., обучался в той два года, при способностях хороших, прилежании усердном и поведении очень хорошем, с успехами хорошими. В удостоверение чего и дано ему, г. Жуёвичу, сие свидетельство из Правления СПб. Д. А. за надлежащим подписом с приложением казенной печати. СПб., 1864 года января 13-го дня.

Иоанникий, епископ Выборгский, ректор академии» (М. п.). Оригинал

лась переписка с сербским правительством. 7 октября 1863 г. Ж. Жуёвич написал письмо министру финансов Косте Цукичу⁶⁰, который тогда по совместительству занимал пост министра просвещения и церковных дел Сербии. В письме объяснялись причины нежелательности возвращения в тот период сербского воспитанника на родину. Суть их была изложена в четырех пунктах:

«1. Я прибыл в Россию ради получения высшего образования,— писал Жуёвич министру,— и поступил сначала в Киевскую духовную семинарию, а затем в Петербургскую духовную академию. В этих заведениях я оставался до тех пор, пока находил в них интерес, пока заведения эти могли приносить мне пользу. Но когда они перестали меня удовлетворять, когда я получил в них все, что только можно было получить и при этом почувствовал себя человеком очень малоразвитым, тогда я решил перейти в здешний университет и тем самым продолжить свое образование. Из этого видно, что я перешел из духовной академии в университет не из чего-либо другого, но единственно из желания получить для себя максимально возможное образование. В университете я нахожусь не более десяти дней, поэтому уйти сейчас из него было бы с моей стороны крайне нелогично, было бы ущербно и для меня, и для моего отечества. Я лишен по нашему закону правительственного благодеяния, но я не лишен энергии, которая способна бороться со всякими препятствиями, с которыми я могу здесь встретиться. Благодаря последней я уже успел кое-как обеспечить себе насущный хлеб, деля свои знания с другими...»⁶¹

2. Я прибыл в Россию для того, чтобы, получив здесь максимально возможное образование, быть полезным моему правительству деятелем. Но, поскольку я сознаю и признаю в этом перед вами, что я еще очень мало развит, поэтому и остаюсь в университете ради собственного усовершенствования.

3. При честном образе жизни я мог бы умереть в Сербии с голода, так как для умственного труда я еще мало способен, а за физическую работу по состоянию здоровья приняться не могу.

⁶⁰ Коста Цукич (1826—1879 гг.) — государственный деятель Сербии умеренно-консервативного направления. Образование получил за границей, защитил докторскую диссертацию по политической экономии в Гейдельберге; с 1848 по 1853 г. — профессор политической экономии в лицее, автор учебника «Государственная экономия» в 3 томах («Народная экономия», 1851, «Финансы», 1853 и «Экономическая политика», 1862). С 1861 по 1867 г. — министр финансов и исполняющий обязанности министра просвещения и церковных дел в консервативном правительстве И. Гарашанина. На поприще просвещения содействовал увеличению числа школ, провел реформу образования, белградский лицей преобразовал в Великую школу — высшее учебное заведение Сербии, на основе которого позднее возник университет.

⁶¹ Вероятнее всего, подразумевалась публицистическая деятельность, так как ссылки Жуёвича на репетиторские занятия (см. ниже) подтвердить пока не удалось.

4. Во всяком случае я буду гораздо полезнее моему отечеству, если вернусь на родину после окончания моего университетского образования»⁶².

Изложив свои доводы, Жуёвич выразил надежду, что министерство народного образования не забудет его, если откроется какая-нибудь вакантная стипендия. Это письмо на имя К. Цукича он послал через посредство российского министерства иностранных дел, а через несколько дней, 12 октября 1863 г., обратился в министерство народного просвещения Сербии с официальным прошением, так как, по его словам, «убедился на опыте, сколь горька будет его жизнь без какой бы то ни было помощи со стороны»⁶³. Однако сербское правительство осталось глухим к просьбам своего воспитанника. В течение года, до середины июля 1864 г., Жуёвич жил без стипендии, на собственные средства, зарабатываемые литературным трудом.

Чтобы наши знания о петербургской жизни и деятельности Жуёвича в 1863 г. были более полными, необходимо коснуться сохранившихся в архивах документов, говорящих об его публицистической деятельности в этот период.

На сотрудничестве Жуёвича в демократической газете «Очерки» в самом начале 1863 г. мы остановимся позднее, так как никаких прямых свидетельств на сей счет в архивах не сохранилось, кроме сделанного позже указания самого Жуёвича.

Тесно сблизившись с революционно-демократическими кругами русской столицы, Жуёвич отказался от сотрудничества в церковных журналах и стал печататься только в демократических органах. Определяющей для понимания характера творчества Жуёвича в 1863 г., бесспорно, является статья «Славянский юг», появившаяся в шестой книжке «Современника» за 1863 г. под псевдонимом «Ж. Склав». Неоспоримым доказательством принадлежности этой важной статьи сербскому демократу, помимо его собственного признания, сделанного позднее, служат три архивных дела, два из которых хранятся в ЦГИА СССР, а третье — в Пушкинском доме, в Ленинграде. Последним из упомянутых дел являются гонорарные ведомости «Современника» за 1856—1864 гг., из которых мы узнаем, что деньги за статью «Славянский юг» получил ее автор — Жуёвич⁶⁴. Что касается первых двух дел («Дело С.-Петербургского Цензурного комитета 1863 г. по доставлению сведений об имени автора статьи «Славянский юг» в № 6 „Современника“». ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, д. 73 и «Дело Цензурного управления по цензурному ведомству по статье „Современника“ — „Славянский юг“». ЦГИА СССР, ф. 775, оп. 1, д. 211), то из них проясняется новое, весьма существенное обстоятельство.

⁶² Д. Годоровић. Указ. соч., стр. 14.

⁶³ Там же, стр. 15.

⁶⁴ Институт русской литературы (далее — ИРЛИ), Рукописный отдел, ф. 628, оп. 1, № 2, л. 45.

12 июля 1863 г. канцелярия С.-Петербургского Цензурного комитета обратилась в редакцию «Современника» с запросом: кто автор статьи, помещенной в № 6 «Современника», под заглавием «Славянский юг»⁶⁵? Через два дня редакция журнала ответила, что автором интересующей Цензурный комитет статьи был студент Петербургской духовной академии Живоин Жуёвич⁶⁶. Судя по всему, содержание статьи⁶⁷ серьезно встревожило царское правительство. 26 июля министр внутренних дел доложил о ней царю и получил указание: «Сообщить III Отделению и наблюдать за будущими статьями автора по цензуре»⁶⁸. В соответствии с этим 31 июля 1863 г. было отдано два секретных распоряжения: министра внутренних дел главному начальнику III Отделения для сведения и председателя Цензурного комитета всем цензорам для руководства. В обоих распоряжениях подчеркивалось, что в статье «Славянский юг» «высказываются резкие политические тенденции» автора, «не подлежащие пропуску в печать». Поэтому на основании приказа министра внутренних дел председатель Цензурного комитета отдал распоряжение всем цензорам «обратить особое внимание на подобные статьи Живоина Жуёвича в случае представления их в цензуру»⁶⁹. Таким образом, деятельность сербского публициста в России оказалась с этого времени под негласным надзором царских властей.

ПЕРВЫЙ ГОД В УНИВЕРСИТЕТЕ

Начало 1864 г. не предвещало Ж. Жуёвичу ничего отрадного: надежд на получение стипендии из Сербии не было никаких, активное сотрудничество в «Современнике» было затруднено тяжёлым положением самого журнала и бдительным контролем со стороны цензуры за творчеством Жуёвича; вследствие хронического безденежья и частых болезней не все благополучно обстояло и с учебой в университете.

В личном деле сохранилось прошение Жуёвича на имя ректора от 6. IV. 1864 г. с просьбой зачислить его в число студентов административного отделения юридического факультета⁷⁰. На прошении есть помета: «Переместить». Из другого прошения, датированного 28 октября 1864 г., узнаем, что из-за невзноса платы за слушание лекций и вследствие болезни весной 1864 г. Жуёвич сдал только один экзамен за первый семестр второго курса — по истории русского права, а два других — по государ-

⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, д. 73, 1863 г., л. 1.

⁶⁶ Там же, л. 3.

⁶⁷ См. главу третью настоящей работы.

⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 775, оп. 1, д. 211, л. 2.

⁶⁹ Там же, ф. 777, оп. 2, д. 73, л. 5.

⁷⁰ ГИАЛО, ф. 14, оп. 5, д. 2507, л. 10. Разделение факультета на два разряда — юридических и административных наук — произошло в 1860 г. в порядке опыта на три года.

ственному праву и всеобщей истории — смог сдать лишь в начале ноября 1864 г.⁷¹ Как значитесь в сохранившихся экзаменационных ведомостях, за свой первый экзамен в университете 8. V 1864 г. он получил у профессора И. Андреевского оценку «удовлетворительно»⁷². За историю государственного права 6. XI 1864 г. которую Жуёвич сдавал декану факультета, заслуженному профессору Ивановскому, также получил «удовлетворительно»⁷³, а по всеобщей истории у доцента И. Бауэра 9. XI 1864 г. — «хорошо»⁷⁴.

На протяжении всей первой половины 1864 г. вопрос о материальном положении занимал важное место в жизни Жуёвича. 27 июня 1864 г. он написал пространное письмо министру народного просвещения Сербии К. Цукичу, в котором еще раз просил сербское правительство об оказании материальной помощи для завершения университетского образования. Это второе письмо-обращение Жуёвича с просьбой о воспомоществовании представляет большой научный и биографический интерес⁷⁵.

Откровенная и честная исповедь бывшего правительственного стипендиата чем-то тронула министра, и, вопреки ожиданиям, Жуёвич получил, наконец, стипендию, которой так долго и упорно добивался после перехода в университет. 8 августа 1864 г. в письме на имя министра он сердечно поблагодарил К. Цукича за личное участие и пообещал следовать его совету, т. е. «стараться быть достойным оказываемой помощи»⁷⁶.

Из дальнейшего изложения будет ясно, что радость сербского студента будет недолгой. Едва он получил первую стипендию, как новые тучи стали сгущаться над его головой. Но и временное решение вопроса о хлебе насущном позволило Жуёвичу целиком отдаться любимому делу — свободной журналистике. На этом именно пути подстерегали его неприятности, а вместе с ними и новые испытания. Причина их коренилась во взглядах сербского публициста на положение дел в тогдашней Сербии, в демократическом характере его общественных и политических взглядов, которые он исповедовал и которые горячо отстаивал не только в бесцензурной, но и в подцензурной печати, сообразуясь, конечно, с обстоятельствами.

В приведенном письме-послании (см. Приложение № 7) впервые четко и ясно, с учетом адресата, изложено мировоззренческое кредо сербского публициста, который независимость и самостоятельность считал венцом существования человеческой личности. Автор послания предстает перед нами как человек с вполне сло-

⁷¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 5, д. 2507, л. 11.

⁷² Там же, оп. 3, д. 14123, 1864 г., л. 6.

⁷³ Там же, л. 23.

⁷⁴ Там же, л. 27.

⁷⁵ См. Приложение № 7.

⁷⁶ Государственный архив Сербии. Белград, фонд министерства народного просвещения, II, 299, 1866.

жившимися взглядами, твердым характером, ясно выраженными национальными и социальными чувствами.

В литературе уже высказано предположение, что Жуёвич был близок к тайной русской революционной организации «Земля и воля». Не исключено, что он являлся ее членом и входил в группу («пятерку») П. А. Ровинского⁷⁷.

На основании письма-послания можно прийти к выводу, что Жуёвич был сторонником антропологического принципа в философии. Он отмечал тесную связь физиологии отдельного человека с общественной физиологией. При всей узости этого философского принципа, представлявшего собой, по словам В. И. Ленина, лишь неточное, слабое описание материализма⁷⁸, опираясь на него, сербский демократ смог высказать в послании ряд смелых и оригинальных суждений о церкви и религии, о соотношении богословских и светских наук. В этот период рано еще говорить об атеизме Жуёвича, однако мотив полного разочарования в церкви, ее служителях и их роли в обществе уже полным голосом звучит в послании. Критический дух молодого сербского мыслителя позволил ему увидеть и понять, что монашество служит не богу, а мамоне и что целью образованных людей является борьба во имя справедливости и свободы. Служению этой возвышенной цели он хотел посвятить жизнь, страстно и убежденно доказывая сербскому министру свое право на это.

Не менее интересные мысли высказал в этом послании Жуёвич о разумном патриотизме и истории как науке. Что касается его замечания о «пламенных, но разумных патриотах», в числе которых он хотел видеть себя, то оно прямо перекликается со словами Н. Г. Чернышевского, сказанными им в статье «Народная бестолковость» («Современник», 1861, кн. X, «Современное обозрение»): «...Патриотизм должен не быть необузданным чувством, попирающим всякие расчеты политического благоразумия и забывающим о самых пользах родины»⁷⁹. Знакомство Ж. Жуёвича с материалистической философией позволило ему высказать интересную мысль о субъективном характере тогдашней исторической науки и заявить, что субъективизму в истории скоро придет конец. К этой мысли в своем творчестве он возвращался не раз. Наиболее полно и концентрированно она была изложена им в статье «Историк Бокль и новые принципы исторической науки»⁸⁰.

Свои политические взгляды о положении дел у себя на родине и задачах передовой сербской молодежи Ж. Жуёвич изложил в трех дошедших до нас письмах выпускнику белградского лицея

⁷⁷ В. Г. Карасев. Старая фотография заговорила. «Советское славяноведение», 1970, № 1, стр. 94—97; он же. Сотрудничество Живония Жуёвича в «Современнике» (1863—1865). «Советское славяноведение», 1971, № 1.

⁷⁸ В. И. Ленин. Философские тетради. Л., 1947, стр. 58.

⁷⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 832.

⁸⁰ «Вила», IV, Белград, 1868, стр. 37—43, 58—61, 89—93.

Косте Поповичу (1842—1864 гг.) от 22. XI 1863 г.; 18—21. II 1864 г. и 18. III 1864 г.⁸¹

Для публицистической деятельности в России Ж. Жуёвичу был крайне необходим корреспондент в Сербии, политические взгляды которого отвечали бы его собственным. Узнав от петербургских сербов об умонастроениях лично незнакомого ему белградского лицеиста К. Поповича, он поспешил установить с ним переписку (письмо от 22. IX 1863 г.). Помещенные ниже извлечения из пространного письма Жуёвича от 18—21 февраля 1864 г. достаточно полно характеризуют его цели и намерения, равно как и план действий двух политических единомышленников на поприще журналистики.

Прежде всего обращают на себя внимание предлагаемые Жуёвичем условия дружбы и сотрудничества, которые он хотел строить не на личной, а на идейной основе. «Я не сомневаюсь, — писал Жуёвич своему будущему корреспонденту, — что со временем я буду иметь в вас самого преданного друга во всем... Пока вы будете идти тем путем, по которому уже пошли; пока вы будете смертельным врагом всех тех подлостей, которые совершаются вокруг вас; пока, наконец, здравый смысл и благородство души будут присущи мне и вам, до тех пор я буду считать вас своим другом и братом, хотя мы и не знакомы лично...

Но, уважаемый Коста, — продолжал Жуёвич, — быть честным, быть врагом тех скотов, которые поклялись на протяжении всей своей жизни держать несчастную нашу страну в оковах, явно недостаточно. В Сербии немало честных людей, но, как видите, это отнюдь не мешает нашим бюрократам душить сербский народ... Имей мы то, что здесь (в России. — В. К.) и на Западе называется живой литературой, когда каждый мог бы публично выходить на арену со своими убеждениями, тогда бы вы увидели, что и среди тех, которых вы считаете подлыми и несчастными, нашлись бы такие, которые не заслуживают подобного эпитета... (Нередко, по мнению Жуёвича, в этом повинны ложные принципы, которых придерживаются эти люди. — В. К.). В то время как мы с вами считаем, что частную, общественную и государственную жизнь в Сербии необходимо основать или, лучше сказать, строить на принципах свободы, эти люди думают, что к свободе надо прежде всего прийти, а затем уже строить здание на ее принципах. Дело, следовательно, сводится к вопросу, как дойти до этой свободы?..».

Далее Жуёвич с помощью вымышленного им диалога между консерватором и демократом по вопросу о понимании ими свободы формулирует свой, как он выражается, политический «катехизис»: «Уменьшить строгость существующих законов, благодаря

⁸¹ Ст. Св. Симић. Прилози за грађу о почецима социјалистичког покрета у Србији. «Дело», № 5, 1955. Подробнее о К. Поповиче см.: М. Поповић. Коста Поповић (1842—1864 гг.). Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. XXIII, св. 1—2, 1957, стр. 58—66.

которым гибнет столько нашего народа...; уничтожить кандалы, которые душат мысль и слово сербского народа, — т. е. цензуру, не лишая народ его власти, которая заключается в народной скупщине, и не передавать ее в руки одного человека... Тогда мы будем свободными и посредством свободы придем к другой свободе... , которая от первой будет отличаться большей прочностью и войдет в «плоть и кровь» (написано по-русски. — В. К.) каждого серба и будет ясно осознана каждым...»⁸².

«Но что делать, когда вы лишены возможности бороться с помощью литературы? — спрашивает Жуёвич — ... И много ли в Сербии найдется таких, кто способен бороться на этом поприще и не только бороться, но и победить? .. Много ли мы имеем таких людей, которые способны достойно сражаться за принципы свободы? ...». (Есть в Сербии либералы, но их, по мнению Жуёвича, необходимо поделить на «либералов с головой» и на «либералов без головы». Первых — не так много, таких, «которые бы достойно могли бороться с окружающими и угнетающими вас скотами, к нашему несчастью, — буквально единицы, они возвышаются, как колосья пшеницы, среди сорняков»).

«Второй раз спрашиваю: что делать, когда у вас отнята возможность бороться с помощью литературы? Слово в слово такой вопрос задали мне вчера в одном собрании. Трудно как следует ответить на такой вопрос, а изворачиваться — недостойно честных и мыслящих людей. Я ответил, как умел, уважаемому собранию, но этот ответ можно лишь отчасти применить к теперешним обстоятельствам в Сербии. Здесь были другие причины»⁸³.

Но и в этом случае я отвечу, как смогу. Прежде всего я напомню вам нашу пословицу, которая гласит: «Куй железо пока горячо». Но где молот? Этих молотов, по моему мнению, имеется три: белградская публика и народные торговцы — это один; скупщина, которая, как слышно, скоро у вас будет, — это второй; наконец, путешествия по Сербии с известной проповедью и с искусной пропагандой последней — это третий молот. В настоящий момент я ничего другого не знаю. Здесь главное звено — скупщина, за нее и держитесь. Но как? Необходимо идейно вооружить десяток депутатов, об этом, разумеется, вы должны позаботиться. Это оружие следует вручить грамотным людям, причем оно должно быть, конечно, острым. Но вот чего при этом следует остерегаться, как ядовитой змеи: о смене князя никто не должен и помышлять. Сила не в князе, и вы знаете, где она... Только в этом случае вы найдете опору и в простом народе, и в глупой белградской публике. Об остальном нет нужды говорить. Да и то,

⁸² Обращает на себя внимание замечание Ж. Жуёвича о том, что он теперь работает над вещью, которая, как он надеется, дойдет и до сербов. Вероятнее всего, имелась в виду монографическая статья «Сербское село».

⁸³ Из контекста письма с очевидностью следует, что речь шла о каком-то собрании русских людей в Петербурге. Кто были его участники, нам неизвестно. Не эту ли среду имел в виду Ж. Жуёвич в своем письме сербскому министру от 27.VI 1864 г., на пользу которой он тогда трудился.

что я сказал, не следует рассматривать как поучение, а как мнение человека, который искренне любит свое отечество, как мнение, которое вы можете или принять, или отвергнуть. Необходимо только хорошенько узнать настроения народа, и тогда нетрудно ими пользоваться. Вы, конечно, на месте знаете лучше, чем я. Но повторяю: князя не трогать, его следует только ограничить и больше ничего. Закон о скупшине 1858 г. следует пересмотреть и внести в него только то, что ему недостает. А чего ему недостает? — спросите вы. Того, что сделало его теперь лишенным смысла. Почему наши юристы не определили в 1858 г., когда такая сила была в их руках, отношения скупщины к князю и наоборот? Посмотрите на английский парламент и короля (или королеву)? Затем необходимо уничтожить § 9, ибо он разрушает все здание. Следует непременно определить, кто старше в Сербии — князь или скупщина, князь или народ? .. Остальное известно...».

Итак, перед нами конкретная программа действий, разработанная Жуёвичем для сербских демократов. Примечательно то, что, придавая большое значение свободной, не стесненной цензурными рамками литературе, Жуёвич отнюдь не считал возможным ограничиться только ею одной. Он ратовал за соединение пропаганды и агитации с целью изменения тогдашнего деспотического режима в Сербии с конкретными практическими действиями сербских демократов, избрав главным объектом их деятельности Народную скупшину. Идея об исключительном значении Сербской народной скупщины, как важнейшего инструмента политической жизни страны, красной нитью проходит через все публицистическое наследие Жуёвича. Известно, что скупшине и ее роли в общественно-политической жизни княжества большое значение придавали и сербские либералы, впервые выступившие на общественной арене Сербии во время Свято-Андреевской скупщины 1858—1859 гг. Однако позиции либералов и демократов по этому кардинальному вопросу сербской жизни не были идентичными. Это подтверждают приведенные выше отрывки из письма Жуёвича, в частности, рассуждения последнего о «либералах с головой» и «либералах без головы» и критика их действий на Свято-Андреевской скупшине. Позднее стало ясно, что либералы стремились к власти без участия народа и против него, а демократы в лице Жуёвича и его немногочисленных в ту пору сторонников в Сербии все свои надежды на изменение политического и общественного строя Сербии связывали с простым народом и его интересами. Хотя в письме Жуёвич предстает перед нами как конституционный монархист, однако его категорическое утверждение, что народ старше князя, что скупщина должна обладать всей полнотой законодательной власти, не оставляет сомнений в характере его политических идеалов касательно государственного устройства Сербии. Но пока он этого не делает, ограничиваясь многозначительным намеком — «остальное изве-

стно...», и, думается, не случайно. Анализируемое письмо является всего лишь началом, первой попыткой даже не размежевания между демократами и либералами, а скорее стремления привлечь сербских «либералов с головой» на сторону демократии. Только этим и можно объяснить заключительную фразу письма: «Это письмо можно прочитать следующим лицам, которым вместе с поздравлениями передайте и мою благодарность за их труд: гг. Васильевичу, Янковичу, Йовановичу и Сречковичу», т. е. наиболее известным в ту пору деятелям и идеологам сербского либерализма.

Однако, чем дальше, тем больше расходились дороги Жуёвича и либералов⁸⁴. Дальнейшие события показали, что высказанная в письме надежда Жуёвича на то, что «либералы с головой» пойдут одной с ним дорогой, — не оправдалась. «Вы, — писал Жуёвич, обращаясь к К. Поповичу, — употребите все усилия, чтобы расчистить ту едва заметную тропинку, по которой вы теперь идете, и вместе с другими честными людьми (т. е. «либералами с головой». — В. К.) превратить ее в широкую дорогу, по которой может идти только незапачканная нога, чистая от той гадости, которая так страшно смердит вокруг вас».

Начав писать письмо К. Поповичу 18 февраля 1864 г., Жуёвич не смог его окончить в тот же день из-за непредвиденных обстоятельств. «Я не знаю, — писал он, — можно ли придумать более трудное положение, чем то, в котором я теперь нахожусь. Страшная буря нависла над университетом и снова грозит ему закрытием. Волнение среди студентов с каждой минутой растет все больше и больше. От завтрашнего дня многое зависит. Дело началось из-за того, что позавчера исключили одного студента». Завершить письмо Жуёвич смог только 21 февраля. «Не желаю, братец, никому оказаться в таком положении, как мое, — продолжал он. — Два дня тому назад начал это письмо и только сегодня успел добавить к нему несколько абзацев. В университете прокламация следует за прокламацией. Мало предвидится хорошего. Вот дилеммы, которые студенты ставят друг перед другом: «Или университет не должен существовать вовсе, или должен существовать на других началах!» (фраза написана по-русски. — В. К.). Правительство, вероятно, не уступит, потому следует ожидать в итоге закрытия университета. В таком случае мне придется очутиться на воздухе. Но делать нечего и жалеть мне — тоже нечего; мое прошедшее — скверность» (последние две фразы написаны по-русски. — В. К.).

Нам неизвестно, принимал ли Жуёвич участие, если да, то какое именно, в описанных им событиях. Одно ясно — безучастным к ним он не остался. Слова Жуёвича о том, что жалеть ему нечего, если закроют университет, и что прошлое его — «сквер-

⁸⁴ См.: В. Карасев. Живојин Жујовић и Владимир Јовановић. Матица српска. Зборник за друштвене науке, св. 43, 1966, стр. 113—125.

ность», следует понимать в том смысле, что он навсегда и бесповоротно порвал с духовной карьерой и благодаря знакомству с русской демократической средой окончательно определил свой путь в жизни. Этот мотив отчетливо звучит в заключительной части письма.

«Письмо ваше, — резюмировал свои мысли Жуёвич, — произвело на меня страшное впечатление. Горький вздох — это все, что я мог сделать после таких известий. О, несчастная моя родина, когда же ты сможешь освободиться от твоих демонических кровопийц?! О, несчастный сербский народ, за такую ли жизнь ты боролся столько лет под знаменем славного Карагеоргия? Но в этом и заключается все твоё несчастье, что ты непобедим в бою с внешними тиранами, а внутреннему покоряешься, как подлый раб! В голове твоей словно не мозг, а жмых, и ты неспособен распознать более лютого тирана, чем турок!! Невозможно, Коста, равнодушно слушать, что делается у вас, потому извини за невольную злобу, которая иногда вторгается в мои слова. Народ наш, братец, оглушел, а ужасные его отравители не позволяют пробудиться в нем сознанию. Народное развитие громом поражает своих тиранов, а тиран не отказывается от тирании — вот вам сцилла и харибда всего этого дела».

В конце письма Жуёвич советует своему другу собирать деньги и летом по первому зову прибыть в Петербург. Со своей стороны Жуёвич намеревался летом посетить Сербию во время каникул, если, конечно, волнения в университете не нарушат этих планов. Поскольку письмо К. Поповичу писалось еще до разрешения вопроса о государственной стипендии Жуёвичу, становится понятной приписка в конце письма такого содержания: «Спросите г. Алимпия Васил[евича], не знает ли он, что будет с моим свидетельством о бедности и со стипендией, которые я просил у нашего правительства».

По-видимому, не дождавшись ответа на свое письмо от 18—21 февраля, Ж. Жуёвич спустя месяц написал новое, третье по счету, письмо своему белградскому единомышленнику, в котором сообщил сведения, имеющие важное значение для раскрытия темы о сотрудничестве сербского демократа в русской периодической печати. Это делает необходимым воспроизведение в переводе всего текста письма, без сокращений.

«Петроград. 18 марта 1864 г.

Любезный Коста!

В прошлом своем письме я вам писал о том, как я был бы рад, если бы вы приехали сюда. Об этом я говорил тогда мимоходом, среди остального; теперь же я специально пишу об этом деле. Благодаря все большему и большему прояснению славянского вопроса соответственно умножается и число почитателей славянства; все больше и больше появляется желающих как следует познакомиться со всеми славянами. Южных славян, однако, мно-

гие в России знают едва ли лучше китайцев, а между тем современное политическое движение придает все большее и большее значение этому народу. Людей, знакомых с этими народами, повторяю, гораздо меньше, чем тех, которые нуждаются в таких людях, поэтому и цена последних соответственно возрастает. Благодаря таким обстоятельствам я занял здесь хорошую позицию. Главное состоит в том, что я не боюсь конкуренции. От нескольких редакторов я уже получил приглашение принять в их журналах «Славянский отдел». Но я один не могу удовлетворить всех. В одном ежемесячном журнале я пишу вот уже год, а десять дней тому назад принял этот отдел еще в одном ежедневном журнале⁸⁵. Вчера же снова получил письмо от редактора «Петербургских ведомостей», в котором он мне предлагает взять упомянутый отдел в его «газете». Вне всякого сомнения я бы отказался, если бы не имел вас в виду. К тому же мне пишет г. А. Васил[ьевич], что какие-то три студента из Великой школы приедут весной сюда — два окончившие гимназию и один юрист. Среди этой троицы будете и вы. Вы можете приехать сюда на счет русского правительства и поступить на время в технологический институт, а после, если пожелаете, можете уйти оттуда и поступить в университет. Впрочем, сила не в университете, а в средствах к учению и среде⁸⁶, в которой вы будете жить. И первого, и второго здесь имеется достаточно. Одну «газету» я беру для вас и буду держать ее, пока вы не приедете сюда. Это для меня трудно в настоящее время, так как приближаются ни больше ни меньше как экзамены — вот как получается. Перед отъездом необходимо заранее сделать следующее. Возьмитесь специально за изучение русского языка; во-вторых, собирайте как можно больше материала для будущей деятельности. Мне нет необходимости указывать на сами материалы. Скажу лишь — соберите как можно больше материала о государственном устройстве Сербии *de jure* и *de facto*. Изучите еще получше чешский язык и в мае приезжайте сюда. А до этого времени пишите мне как можно чаще и за письма ни в коем случае не платите. Сообщайте мне, если можете, тамошние новости еженедельно. Не ограничивайтесь одним Сербским княжеством. Если этот юрист похож на Милоевича⁸⁷, то пусть он лучше не приезжает сюда. Скажите мне, пожалуйста, фамилию этого юриста. Его расхваливает г. А. Васил[ьевич]. Поэтому я полагаю, что он стоящий. Если так, то он не пропадет в Петрограде. Насколько смогу, я позабочусь о нем. Не подумайте, что это означает, что я здесь играю роль какого-то важного человека или по крайней мере, что я воображаю себя таким. Я говорю это потому, что надеюсь на добрых людей,

⁸⁵ Речь, конечно, идет о газете.

⁸⁶ Это третье упоминание среды, в которой вращался в Петербурге Жуёвич и которой он так дорожил.

⁸⁷ Милош Милоевич (1840—1907 гг.) — сербский писатель и историк, националист. Учился в Московском университете в начале 60-х годов XIX в.

с которыми я здесь знаком, которые и мне помогали. Своими письмами ты мне во многом поможешь сохранить для тебя «газету». Мне в настоящее время почти никто не пишет как следует из Сербии. Об этом я написал г. А. Васил[евичу], может быть, очень сердитое письмо. До вашего отъезда сюда организуйте там хороший корреспондентский пункт, а до этого времени будьте моим корреспондентом.

Опишите мне заговор, что случился там на «божич» (рождество). Правда ли, что арестовано свыше 30 человек? Сообщите мне причину этого. Пишите, пишите и пишите быстро.

Я страшно тороплюсь, поэтому кончаю это письмо, которое посылаю через М. Стокича — дьякона и притом неоплаченным, ибо нет, клянусь честью, времени сходить на почту, поэтому вынужден здесь опускать его по дороге в специально предназначенный для этого ящик.

Поздравьте любезно многоуважаемого Васильевича и скажите, чтобы не сердился на меня.

Пишите мне через подставное лицо, ибо мое имя находится под подозрением. У вас есть, через кого послать.

Вы меня знаете, и поэтому я не буду подписываться...».

Значение третьего письма Жуевича К. Поповичу трудно переоценить. Во-первых, в нем содержится краткая, но меткая характеристика положения дел в тогдашней русской журналистике касательно освещения славянского вопроса. Справедливо отмечены: большой интерес русского общества к зарубежным славянам, их жизни, быту, освободительной борьбе, с одной стороны, и отсутствие специалистов, знающих славян, с другой. Такая характеристика находит полное подтверждение в советских исследованиях по этому вопросу⁸⁸. Во-вторых, из этого письма можно установить, что с весны 1864 г. Жуевич одновременно сотрудничал в трех русских периодических изданиях: журнале «Современник» и двух ежедневных либеральных петербургских газетах — «Голос» А. А. Краевского и «С.-Петербургские ведомости» В. Ф. Корша. То, что в начале марта 1864 г. Жуевич получил приглашение возглавить «Славянский отдел» именно в газете «Голос», подтверждается дошедшим до нас письмом Жуевича к А. А. Краевскому от 26 мая 1864 г., хранящимся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде⁸⁹.

Содержание письма позволяет выявить почти все материалы, опубликованные Жуевичем в газете «Голос» на протяжении двух месяцев, — оригинальные статьи, переводы и компиляции.

В-третьих, подробные советы К. Поповичу для его будущей публицистической деятельности в России помогают отчасти про-

⁸⁸ См.: С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. VI, 1952, стр. 89—122.

⁸⁹ См. Приложение № 8.

никнуть в творческую лабораторию самого Жуёвича как журналиста. Прежде всего это касается источников информации, среди которых наряду с перепиской важное место занимали чешские газеты. Поэтому отнюдь не случайно Жуёвич советует своему другу «получше изучить чешский язык».

Концовка письма лишний раз подтверждает тот факт, что Жуёвич находился под неусыпным контролем царских охранников.

Так счастливо начавшаяся дружба между двумя единомышленниками-сербами и так много обещавшая, к сожалению, не получила развития. В сентябре 1864 г. Коста Попович скоропостижно скончался в Белграде в самом расцвете сил.

Из переписки Ж. Жуёвича с К. Поповичем видно, что публицистический талант сербского специалиста по славянскому вопросу был сразу замечен не только опытными в издательских делах Краевским и Коршем, но также редакцией «Русского инвалида» — официальной газеты военного министерства и московскими славянофилами. На отношении сербского публициста с последними мы имеем возможность остановиться подробнее, так как до нас дошло во всех отношениях примечательное письмо Ж. Жуёвича от 13 октября 1864 г., адресованное известному идеологу славянофильства И. С. Аксакову, издававшему тогда газету «День».

Если третье письмо Жуёвича к Поповичу дает важный ключ к раскрытию столетней тайны относительно сотрудничества Жуёвича в русской периодической печати, то упомянутое письмо к Аксакову является надежным компасом для определения программного кредо сербского демократа по славянскому вопросу, без раскрытия которого невозможно ни понять, ни правильно оценить творческое наследие сербского публициста — одного из идеологов освободительной борьбы славянских народов. И по содержанию, и по форме письмо И. С. Аксакову может служить образцом сочинения эпистолярного жанра. Оно являлось концентрированным выражением взглядов сербского демократа на исторические судьбы славянского мира, его настоящее и будущее.

В самом начале письма Жуёвич решительно отмежевывается от славянофилов. «С принципами, касающимися славянских народов, — писал он И. С. Аксакову, — которым исключительно посвящен ваш журнал «День»... я расхожусь радикально. Мой идеал славянского будущего и в особенности внешняя его форма диаметрально противоположны вашему идеалу; строя славянского я желаю не того, которого вы желаете, а другого, существенно отличного от вашего»⁹⁰ (выделено нами. — В. К.). Трудно придумать более четкое выражение сути принципиальных расхождений между панславистскими мечтами славянофилов объединить

⁹⁰ ИРЛИ, Пушкинский дом, ф. 3. Архив Аксаковых, С. Т., К. С. и И. С., оп. 4, д. 216; см. также нашу публикацию этого письма в кн.: «Исследования по истории польского освободительного движения XIX—начала XX в.». М., 1971, стр. 136—147.

всех славян «под сенью могущественных крыл Русского Орла»⁹¹, с одной стороны, стремлением демократов к свободе и независимости всех славянских народов и каждого в отдельности — с другой.

Что же заставило Жуёвича обратиться к своему идейному противнику? Ответить на это можно кратко — польский вопрос. Именно польская проблема после жестокого подавления царизмом восстания 1863 г., ее межславянский и международный аспекты заставили многих мыслящих людей в славянском мире снова искать выхода из того неестественного положения, при котором часть славян угнетается славянами же. По мнению Жуёвича, в этой неестественности и заключался тот «гордиев узел, не разрешив который славяне никогда не создадут прочного базиса для более быстрого своего развития». «Последняя война, — продолжал Жуёвич, — уяснила для нас многое, чего мы до нее или совсем не понимали, или, если и понимали, то совсем смутно...». Он исходил из того, что польско-русский спор нельзя окончательно решить военным путем, ибо «победа на поле битвы есть лишь условная санкция в деле решения международных вопросов». «Я, милос[тивый] государь, — писал Жуёвич Аксакову, — считаю польско-русский вопрос решенным только на время и заявляю желание, чтобы он был решен более прочным образом. Война кончена, теперь настала очередь праву, справедливости и истории. Пусть еще и на этих основаниях решится спорный вопрос...».

Таков тот побудительный мотив, который заставил Жуёвича написать своему идейному противнику, чтобы изложить результаты своих «продолжительных дум касательно славянства вообще и польско-русской распри в особенности» (выделено нами. — В. К.). В письме к И. С. Аксакову Ж. Жуёвич разбирает два главных вопроса: положение в славянском мире и роль и значение польско-русских отношений для настоящего и будущего всех славян.

Обратимся к первому вопросу как более общему. Но прежде посмотрим объяснение самим Жуёвичем тех причин, которые заставили его писать именно к И. С. Аксакову. «...Есть пункт, — писал он И. С. Аксакову, — на котором я схожусь с вами, пункт, который в моих глазах тысячу раз важнее наших убеждений. Этот пункт — есть наше общее желание, чтобы между славянами воцарилась теснейшая нравственная связь, чтобы их окрыляла теснейшая дружба, взаимная любовь. Каково должно быть выражение (внешнее) этой любви, в какое отношение (политическое) должны стать славяне друг к другу — это вопросы, которые мы можем лишь решать, но окончательно разрешить которые может только сама жизнь славянская. Но воздвигнуть храм любви между славянами — есть дело образованных славянских строителей, есть дело тех образованных людей, которым дорога эта любовь».

⁹¹ «День», № 1, 16.X 1861, стр. 15.

В приведенной цитате как в зеркале отразились сходство и различие в трактовке славянского вопроса панславистами и демократами. И те, и другие сходились на признании необходимости установления нравственной связи, тесной дружбы и взаимной любви между славянскими народами, но резко расходились в понимании характера внешних, политических форм связи между ними. Будучи убежденным в том, что эти последние окончательно может определить только живая, конкретная историческая действительность, а не субъективные устремления теоретиков, Жуёвич считал возможным объединить усилия всех образованных деятелей славянских народов во имя такой возвышенной цели, как создание храма любви и дружбы между ними.

Прежде чем пытаться дать оценку этому шагу Жуёвича, обратимся к его рассуждениям по поводу первого из поставленных в письме вопросов. Жуёвич не соглашался с теми, кто считал, что никакое сближение между славянами не возможно, потому-де, что «сама история славянских народов поставила несокрушимую преграду на пути к этому великому делу». Согласиться с этим означает признать, что несвободные славяне обречены на вечное рабство. Жуёвич протестует против этого. «Сама цивилизация европейская, — говорит он, — даже, помимо всякого усилия со стороны самих славян, освободит их от этого рабства. Но вот вопрос: сделает ли европейская цивилизация этот подвиг в пользу поработанного славянства даром? Ужель она так великодушна?»

Славянский мир стоит перед альтернативой: либо славяне станут на точку зрения космополитизма и воспользуются благами цивилизации, отказавшись от славянства, т. е. славянской народности, индивидуальности, всего того, чем славяне отличаются от других народов Запада, «потому что цивилизация, взятая отдельно от ее национального элемента, — абсолютно благодетельна», либо попытаются «стать на сторону славянства, освободить его от предрассудочного характера и осветить его светом здравого исторического смысла, дать ему силу разумную, такую силу, с которой оно безбоязненно может вступить во всякую сделку с западными народами». В первом случае несвободные славяне перестанут быть славянами, и Россия останется одинокой посреди невежественного Востока, с одной стороны, и просвещенного Запада, с другой. «К чему повело бы такое одиночество России — мы, наверное не знаем, — писал Жуёвич, — знаем только то, что в таком случае ее прогресс был бы еще медленнее, чем он есть, кроме того, она лишилась бы той важной поддержки, которую она в ином случае всегда бы имела в многолюдном юго-западном славянстве».

Жуёвич приглашает всех, кому дорого славянство, «подумать и поработать во имя его». Основой для этого, по его мнению, должен стать простой народ, который, отвергая космополитизм, придерживается своего общеславянского принципа: «То твое, а это мое!». Если перевести этот принцип на язык политики, то это

должно звучать примерно так: право каждого славянского народа на свободное, независимое и самостоятельное существование и развитие. В произведении, предназначенном к опубликованию в подцензурной печати, Жуёвич не мог, конечно, заявить так прямо и открыто, поэтому прибег к завуалированной форме: «Твое, а это мое!». Он придавал этому принципу первостепенное значение, с особой силой подчеркивая, что «это воззрение народное», что «это факт, которым негдигировать и неразумно, и опасно», поэтому «нужно... все мирить с этим фактом или, что то же, мирить этот факт со всем остальным».

Что же в таком случае мешает установлению дружбы между славянами? Тут сербский демократ подходит к объяснению главного пункта своего открытого письма. Главным виновником всех несчастий, говорит он, является «наш славянский раздор, не имеющий, впрочем, в простом народе ни малейшей сознательной опоры». С этим несчастьем, с этим, по его выражению, «подводным камнем», славяне должны покончить раз и навсегда, если желают «верного прогресса, смысла в нашей славянской жизни». Жуёвич был убежден, что «этот отрицательный акт сам собой вызовет другой акт, святой по самой его природе... любовь, которую подкрепит даже разнообразный склад жизни славян...». В низшем славянском слое, в простом народе этот вопрос давно решен положительно. «Народы славянские положительно любят друг друга (т. е. народ простой, уточняет в скобках Жуёвич) и во всем сочувствуют друг другу — вот готовый базис для славянского храма дружбы». Образованные славяне тоже готовы к этому, но им мешают свои же славяне, а именно несчастнейший в мире польский народ. Последствия минувшей войны неблагоприятно сказываются на отношениях юго-западных славян к России, особенно под влиянием враждебной пропаганды. Необходимо поэтому во что бы то ни стало миролюбиво уладить польско-русский вопрос. Но как? «Если бы славянщина была более знакома славянам, — говорит Жуёвич, — то я ответил бы кратко — по-славянски. *Польско-русский вопрос найудовлетворительнее может быть решен славянским вечем, сеймом или скупщиной.* На этом новом вече пусть выразится правда относительно спорного вопроса, как понимают ее славяне, пусть узнает мир — варвары мы или нет? Пусть только скупщина эта разрешит вопрос так, чтобы на ее решение согласились все ее члены. Пусть, наконец, скупщина представит свою резолюцию государю императору на его высочайшее благоусмотрение⁹², и Европа увидит, коснулась цивилизация славян или нет. На скупщине могут быть исключительно юристы, историки и публицисты в равном количестве от всех славянских земель. Где и как это устроить — это вопросы второстепенные

⁹² Это, разумеется, вынужденная уступка, обусловленная тем, что письмо писалось для опубликования в открытой печати. Что это всего лишь тактический прием, — подтверждается, в частности, составом общеславянской скупщины.

и, конечно, за ними дело не станет; важно здесь принятие или непринятие мысли».

Таков был план мирного решения польского вопроса, разработанный Живоином Жуёвичем и предложенный им И. С. Аксакову для обнародования в газете. «До сих пор, — писал Жуёвич, — ... я ничего не печатал в «Дне», но отныне предлагаю вам свои услуги только исключительно по предложенному делу, если только вы согласны на это». И. С. Аксаков не согласился, и письмо не было опубликовано. Оно до сих пор хранится в архиве без каких бы то ни было пометок или замечаний со стороны адресата⁹³. Иного результата, если иметь в виду позицию московских славянофилов по славянскому вопросу вообще и польскому в особенности, не могло и быть. Эта позиция хорошо была известна Жуёвичу. На что же в таком случае он рассчитывал? Возможно, это был простой тактический прием? Думается, нет. Слишком много своих сокровенных дум и чаяний вложил сербский публицист в этот интереснейший документ, чтобы расценить его как простой тактический ход, рассчитанный на использование в полемике со славянофилами⁹⁴.

Исходя из содержания письма и всей последующей деятельности сербского публициста, этот его шаг следует, по-видимому, рассматривать не как явление тактического характера, а скорее как целенаправленную стратегию демократических кругов. Сообразуясь с линией поведения русских демократов по польскому вопросу, Жуёвич взял на себя инициативу по установлению контакта со славянофилами с целью широкого обсуждения его на страницах русской подцензурной печати. По-видимому, не случайно инициатором выступил нейтральный серб. Я предлагаю вам свой план, писал Аксакову Жуёвич, «но не как русский или поляк, ибо я не тот и не другой, а серб. Мой голос — не есть, таким образом, голос партизана, а голос человека, который в равной степени симпатизирует всем славянам, которого симпатии только сильнее в отношении моей родины — Сербии».

Но даже независимо от этого письмо Жуёвича Аксакову позволяет понять те внутренние пружины, которые двигали всю его публицистическую деятельность как в России, так и у себя на родине. Соотнося и сравнивая выраженные в письме мысли и чувства с конкретными выступлениями Живоина Жуёвича в печати по самым различным вопросам жизни и истории южных и западных славян, мы получаем возможность оценивать их с большей степенью научной объективности.

⁹³ Не исключено, хотя и маловероятно, что И. С. Аксаков ответил Жуёвичу лично; мы не располагаем никакими свидетельствами на этот счет.

⁹⁴ Свою полную («Ж-н Жуёвич») подпись под письмом Жуёвич снабдил не лишённым интереса «NB»: «Я не люблю того обычая, по которому в письмах авторы называют себя *покорнейшими слугами*, потому что это хотя и означает вежливость, но тем не менее это ложь. Вот почему я подписался в этом письме так, как считаю нужным».

Мой адрес: Я у Александровского театра, д. Лыткина, кв. 54».

С какой бы стороны ни подходили мы к разобранному выше письму Жуёвича⁹⁵, как бы ни оценивали его, бесспорно одно: пусть не удавшаяся, но это была сознательная попытка выразить позицию демократов по польскому вопросу с помощью легальных средств.

Как уже отмечалось, с весны 1864 г. Ж. Жуёвич одновременно сотрудничал в трех русских периодических изданиях. Избавившись, наконец, после получения правительственной стипендии от тягостных забот о куске хлеба насущного, он целиком и полностью посвятил себя журналистике. Учеба в университете силой обстоятельств была отодвинута на задний план. Вторая половина 1864 г. — это едва ли не самый напряженный период во всей многолетней публицистической деятельности сербского демократа. Хотя внутренняя реакция в России в период польского восстания усилилась, однако она пока не затронула освещения славянского вопроса на страницах либеральных петербургских изданий. Этим широко пользовался Жуёвич, возглавляя славянские отделы в газетах «Голос» и «С.-Петербургские ведомости». Больше всего в это время он писал о Сербии, высказывая свои критические взгляды на положение дел в княжестве. Каким-то образом это стало известно правительству. 26 октября 1864 г. Ж. Жуёвич узнал об этом из письма своего дяди, Младена Жуёвича⁹⁶. На следующий день, 27 октября 1864 г., Жуёвич написал частное письмо министру просвещения К. Цукичу, в котором писал: «На меня донесли правительству сербскому, во-первых, что я публично оговариваю здесь сербское правительство; во-вторых, что я продаю по Петербургу газету «Свобода»⁹⁷, которая издается в Женеве и которая запрещена в Сербии; в-третьих, что я в компании с другими какими-то сербами устраивал здесь демонстрации. За такие вещи, пишет мне г. Младен Жуёвич, мое правительство намерено лишить меня стипендии, которая мне определена несколько месяцев тому назад»⁹⁸.

Отвергая все обвинения в свой адрес, Жуёвич во что бы то ни стало хотел сохранить стипендию. Помимо правительственной помощи, по его словам, он ниоткуда не получал ни гроша. Раньше

⁹⁵ Вполне возможно, что идея строго обусловленного сотрудничества с И. С. Аксаковым и славянофилами по польскому вопросу обсуждалась на собрании 17.II 1864 г., о котором упоминает Ж. Жуёвич в своем письме К. Поповичу от 18—21.II 1864 г. Во всяком случае сопоставление двух планов Ж. Жуёвича в письме И. С. Аксакову относительно России и в письме К. Поповичу относительно Сербии дает известные основания для такой гипотезы.

⁹⁶ Младен Жуёвич (1811—1894 гг.) — сторонник династии Обреновичей, военное образование получил в России, занимал в разное время высокие посты на государственной службе. В это время — член Государственного совета (1861—1878 гг.).

⁹⁷ Эту резко оппозиционную сербскому правительству газету издавал в Женеве Владимир Иванович. См.: В. Р. Вулетич. «Свобода» Вл. Јовановића. Зборник Матице Српска за друштвене науке, св. 31. Нови Сад, 1962.

⁹⁸ Д. Тодоровић. Указ. соч., стр. 18—19.

он давал частные уроки по политической экономии, но оставил их, так как хотел сам учиться, а не учить других, затем вел корректуру в одной типографии, но из-за болезни пальцев должен был оставить и это занятие. Предъявленные обвинения Жуевич опровергал следующим образом: «Я не оговаривал сербское правительство и доказываю это тем, что в России никто не смеет оговорить или заниматься клеветой. Я не устраивал никаких демонстраций и доказываю это тем, что за такие вещи русское правительство меня тотчас бы выдворило из России. Пусть спросит наш консул в Царьграде самого г. Игнатьева, русского посла, была ли здесь какая-нибудь демонстрация, так как говорят, что мы перед этим послом (он был директором в так называемом Азиатском департаменте, т. е. в министерстве иностранных дел) устроили эту демонстрацию, если это подтвердится — я готов пойти на виселицу. Я не продаю здесь не только «Свободу», но вообще ничего, это может подтвердить петербургская полиция, которая немедленно бы меня арестовала за подобные вещи. Я и не получаю «Свободу», что может подтвердить петербургское почтовое ведомство... Другие пути считаются противозаконными; если бы я получил «Свободу» другим путем, то рисковал бы жизнью, так как меня исключили бы не только из университета, но и выдворили бы совсем из России».

Жуевич выражал желание защищать свою невиновность перед судом, готов был перевестись в любой западноевропейский университет, лишь бы иметь возможность закончить образование. С формальной точки зрения, его оправдания перед министром не были лишены основания, однако по существу дело все же обстояло несколько иначе.

В действительности Жуевич критиковал в печати и довольно резко сербское правительство, но делал это в анонимных статьях, поэтому свою принадлежность к ним мог всегда оспорить. Вполне возможно, что Жуевич лично не участвовал в демонстрации перед зданием российского МИДа, но тем не менее его причастность к университетским беспорядкам засвидетельствована им самим в письме Косте Поповичу. Верно, что Жуевич не продавал газету «Свобода» на улицах Петербурга и все же получал ее «другим путем», распространял среди сербов, проживающих в России, и переписывался с ее издателем В. Йовановичем, что подтверждается неопровержимыми документами. На этом вопросе необходимо остановиться подробнее.

7 августа 1864 г. полицейский чиновник почтового ведомства в Петербурге, просматривая иностранную почту, обратил внимание на письмо с приложением брошюры и двух номеров газеты «Свобода», написанных на сербском языке. Письмо пришло из Женева на имя Жуевича, проживавшего по Галерной улице, в доме № 34, кв. 7. Оно принадлежало Владимиру Йовановичу и было датировано 1. IX (нов. ст.) 1864 г. Поскольку в почтовом ведомстве не оказалось переводчика, знающего сербский язык,

вызвавшее подозрение письмо было переслано директору Азиатского департамента министерства иностранных дел России П. Н. Стремоухову. Одновременно шефом жандармов было отдано распоряжение навести справки о Жуевиче и установить наблюдение за его перепиской с Ивановичем посредством перлюстрации.

13 августа Стремоухов отправил перевод письма Ивановича в III Отделение. Так письмо оказалось в архиве царской охранки.

Из дошедшего до нас таким образом документа⁹⁹ видно, что между Жуевичем и Ивановичем существовала переписка и что воспроизведенное в Приложении № 9 письмо являлось ответом на два письма Жуевича.

Обращает на себя внимание тот факт, что еще до выхода «Свободы» между Жуевичем и либеральной партией имелись разногласия. Жуевич выступил за более решительные действия против реакционного режима в стране. Нельзя не заметить, что эти мысли Жуевича полностью согласуются с его взглядами на положение дел в Сербии, изложенными в переписке с К. Поповичем и в статье «Славянский юг». Наконец, привлекает внимание и то, что в письме трижды упоминается фамилия г. Кирича из Киева. По нашему мнению, при переводе письма на русский язык была допущена легко объяснимая ошибка¹⁰⁰. Никакого Кирича в Киеве не существовало. Речь могла идти о знакомом нам студенте Киевского университета Петре Кариче. Знакомство Жуевича с Каричем, связанным с русским революционным движением, помогает глубже понять эволюцию взглядов сербского публициста уже в киевский период его жизни.

Попытка Жуевича сохранить получаемую стипендию не увенчалась успехом. 27.X 1864 г., когда он писал объяснительное письмо Цукичу, последний на сопроводительном документе о пересылке стипендии собственной рукой написал следующее: «Министру просвещения и церковных дел стало известно из достоверных источников, что вы, вместо того чтобы все время посвящать наукам, поддерживаете связи с людьми, враждебными правительству, показав тем самым, что не заслуживаете правительственного благодеяния, поэтому он решил: лишить вас на будущее правительственной помощи, а посылаемые вам теперь деньги считайте последними»¹⁰¹.

Оказавшись снова в затруднительном материальном положении, сербский воспитанник решил обратиться за единовременным пособием в Русский литературный фонд. 16 декабря 1864 г. он написал письмо А. Н. Пыпину. Поскольку это письмо является

⁹⁹ ЦГАОР СССР, III Отделение, I эксп., д. 30, ч. 12, 1864 г., лл. 5—8.

¹⁰⁰ По законам сербского языка, должно быть — Чирич. Переводчик, вероятно, не разобрал сербского написания, приняв «а» за «и», в результате чего фамилия Карич была прочитана как Кирич.

¹⁰¹ Государственный архив Сербии, ф. министерства народного просвещения, II, 299, 1866.

исключительно важным для выяснения публицистической деятельности Жуёвича в России, приводим его ниже полностью.

«Петербург, 16 декабря 1864 г.

Милостивый государь, Александр Николаевич,

Обстоятельства принудили меня обратиться к вам как члену комитета Литературного фонда со следующей просьбой: не может ли Литературный фонд оказать мне какое-нибудь пособие, так как я нахожусь в крайне стеснительном положении.

Напечатанные до сих пор мои статьи следующие:

1. В 1860 г. я поместил в духовном «Журнале для сельских священников», издающемся Киевской семинарией, статью под заглавием «О распространении грамотности в Сербии».

2. В журнале «Дух христианина» в 1862 г. напечатана моя статья под заглавием «Униатство в Герцеговине».

3. В прошлом году помещена моя статья в «Современнике» под заглавием «Славянский юг».

Кроме этих статей, я писал еще в следующих газетах: в «Очерках», в «Голосе» и в «Петербургских ведомостях». В последнем в продолжение полутора лет заведовал славянским отделом¹⁰².

Ваш покорнейший слуга Ж. Жуёвич, студент С.-Петербургского университета.

Мой адрес: ул. Александровского театра, дом Лыткина № 6, кв. № 54»¹⁰³.

Из этого документа мы впервые узнаем, что Жуёвич сотрудничал в ежедневной демократической газете «Очерки», выходящей в Петербурге в начале 1863 г. Кроме того, в нем содержится подтверждение уже известным по переписке с К. Поповичём фактам его участия в качестве заведующего славянским отделом в либеральных газетах «Голос» и «С.-Петербургские ведомости».

Просьба Жуёвича о материальной помощи рассматривалась комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым 22 декабря 1864 г. На заседании присутствовали: Е. П. Ковалевский, В. П. Гаевский, А. Д. Галахов, Ф. М. Достоевский, В. Ф. Корш, П. П. Пекарский, А. Н. Пыпин и Б. И. Утин. В журнале заседаний комитета (протокол № 25) в пункте четвертом сохранилась следующая запись: «Читано письмо студента Спбургского университета Жуёвича о пособии. Жуёвич напечатал: «О распространении грамотности в Сербии» («Журнал для сельских священников», 1860 г.), «Униатство в Герцеговине»

¹⁰² По-видимому, здесь вкралась неточность. Если эта последняя фраза относится только к «С.-Петербургским ведомостям», то полутора лет никак не получается: неточно указаны даты выхода в свет двух статей Жуёвича в духовных журналах.

¹⁰³ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 438 (Литфонд), д. 13, л. 241 и об.

(«Дух христианина», 1862 г) и «Славянский юг» («Современник», 1863 г.) и несколько статей в «Очерках», «Голосе» и «Спбургских ведомостях». В. Ф. Корш и А. П. Пыпин, зная лично просителя, свидетельствуют, что он находится в крайней бедности и что литературная деятельность его заслуживает поддержки.

Определено: выдать 50 р.»¹⁰⁴.

Протокол этот в сокращенном виде 31 января (12 февраля) 1865 г. был опубликован в газете «С.-Петербургские ведомости», где по интересующему нас вопросу было напечатано следующее: «Читано письмо студента об оказании ему пособия. Проситель, напечатавший несколько замечательных ученых статей, лично известен В. Ф. Коршу и А. Н. Пыпину, которые свидетельствуют, что он действительно находится в бедности. Выдано 50 р.».

ВТОРОЙ ГОД В УНИВЕРСИТЕТЕ

Новый, 1865 г., как и предшествующий, начался для Жуёвича с хлопот о средствах к существованию. 13 апреля 1865 г. он обратился с прошением к попечителю Петербургского университета. «Лишенный всякой возможности вносить университетским уставом положенную плату за слушание лекций, — писал Жуёвич, — я прошу покорно ваше превосходительство освободить меня от этого взноса и позволить мне, таким образом, держать предстоящий полукурсовой экзамен, без чего, по уставу, я буду отстранен от этого экзамена»¹⁰⁵. По причине крайней бедности Жуёвич был освобожден от платы за текущий семестр. 6 мая 1865 г. правлением университета было определено: «Зачислить Жуёвича вновь в студенты»¹⁰⁶. 30 июля 1865 г. студент 2-го курса юридического факультета административного разряда Ж. Жуёвич написал прошение ректору университета Воскресенскому, из которого видно, что из-за болезни он не смог сдавать полукурсовой экзамен. В мае текущего года, писал он ректору, «мне не удалось держать полукурсового экзамена вместе с другими студентами вследствие болезни, в то время бывшею повальной в Петербурге и постигшей меня вторично. Поэтому прошу покорнейше ваше превосходительство позволить мне держать экзамен теперь вместе с теми студентами, которые, подобно мне, тоже не держали экзамена в прошлом мае месяце и которым будет позволено держать оный теперь. При сем прошении прилагаю и свидетельство врача, пользовавшего меня во время болезни»¹⁰⁷. Из сохранившихся

¹⁰⁴ Там же, д. 2.

¹⁰⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 5, д. 2507, л. 16.

¹⁰⁶ Там же, л. 19.

¹⁰⁷ Там же, л. 21. В деле находится свидетельство, удостоверяющее, что «студент С.-Петербургского университета, 2-го курса юридического факультета Живоин Георгиевич Жуёвич 5 мая текущего года заболел возвратной лихорадкой (febris recurrens) и поправился только в начале июля, о чем и свидетельствую. Врач П. Божов. 28 июля 1865 г.».

экзаменационных ведомостей видно, что из шести экзаменов 2-го курса Жуёвич сдавал только два. У декана Ивановского, профессора по государственному праву западноевропейских государств 3. V 1865 г., он получил «три»¹⁰⁸, а 8. IX 1865 г. по уголовному праву у профессора Чебышева — «два»¹⁰⁹. На остальные экзамены не явился. Материальные затруднения привели к тому, что 7 октября 1865 г. за невнос платы за вторую половину 1865 г. Жуёвич был вторично уволен из университета¹¹⁰, лишь 23 ноября, уплатив положенные 25 руб., он вновь был зачислен в число студентов¹¹¹.

Судя по всему, для Жуёвича важнее был статус студента университета, чем занятия в нем. Журналистика стояла на первом месте.

На протяжении 1865 г. Жуёвич продолжал добиваться восстановления правительственной стипендии. 5 мая 1865 г. он обратился с прошением к министру народного просвещения Сербского княжества К. Цукичу¹¹². Напомнив о своем критическом состоянии и сославшись на свою чистосердечную исповедь от 27 октября 1864 г., Жуёвич заметил, что летом этого года намеревался приехать в Сербию, но «сама судьба воспротивилась этому», так как он узнал, что якобы за связь с антиправительственными элементами был лишен правительственной стипендии — единственного средства к жизни. Поэтому ему ничего не остается, как взяться за «мертвое перо и бумагу». В новой своей исповеди от 5 мая 1865 г. Жуёвич еще раз попытался убедить министра в своей невиновности¹¹³.

Вторая «исповедь» Жуёвича интересна тем, что, несмотря на ее официальный характер, автор сумел в ней выразить свое критическое отношение к сербским либералам и открыто заявить министру о необходимости легальной оппозиции в Сербии.

Несмотря на кажущуюся убедительность и чистосердечность признаний Жуёвича, вторая его исповедь не возымела действия. При всем расположении к Жуёвичу сербский министр побоялся самолично решить вопрос. Слишком высока была ответственность, так как речь шла о политической неблагонадежности правительственного стипендиата. К тому же Цукич понимал, что в этом, как и в предшествующем послании, Жуёвич сказал далеко не полную правду. Оставив прошение без последствий (на документе стоит резолюция — «В дело»), министр тем не менее посоветовал Жуёвичу обратиться с аналогичной просьбой к председателю совета министров И. Гарашанину и митрополиту Михаилу. Проситель так и поступил. 21 октября 1865 г., по докладу Цукича,

¹⁰⁸ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, д. 14124, л. 85 и об.

¹⁰⁹ Там же, л. 64 и об.

¹¹⁰ Там же, оп. 5, д. 2507, л. 23.

¹¹¹ Там же, л. 24.

¹¹² Д. Годоровић. Указ. соч., стр. 19—22.

¹¹³ Там же. См. Приложение № 10.

М. Обренович распорядился восстановить стипендию Жуёвичу в размере 300 талеров в год до окончания университета. «Ваше прошение на имя господина председателя совета министров и господина митрополита о восстановлении вам благодеяния, — говорилось в официальном отношении от 21. X 1865 г. за подписью Цукича, — я доложил его светлости князю и он имел высокую милость под 21 текущего месяца снова вернуть вам утерянное благодеяние, которое будет состоять из 300 талеров в год.

Ставя вас в известность о вышеизложенном, рекомендую вам в будущем во всем так вести себя и в науках преуспевать, чтобы оказаться достойным этой высокой милости его светлости...»¹¹⁴.

Жуёвич понимал, что главная заслуга в положительном решении жизненно важного для него вопроса принадлежит Цукичу. Это он выразил в частном письме сербскому министру 7. XI 1865 г.¹¹⁵

Волнения, пережитые Жуёвичем в 1865 г., заставили сербского демократа быть архиосторожным в своей по-прежнему активной публицистической деятельности, которую он тщательно скрывал¹¹⁶. Наученный горьким опытом, он не хотел в третий раз искушать судьбу и с конца года стал помышлять о переходе в какой-нибудь западноевропейский университет. Но прежде чем перейти к рассмотрению обстоятельств отъезда Жуёвича из Петербурга, кратко остановимся на одном событии из его петербургской жизни конца 1865 г.

В октябре 1865 г. русский консул в Мостаре Безобразов привез с собой в Петербург герцеговинского мальчика лет тринадцати Луку Иванушевича для поступления в русскую гимназию и бросил его на произвол судьбы. Луку приютил у себя Жуёвич и на протяжении полутора месяцев проявлял отеческую заботу о нем и его устройстве. Убедившись в невозможности пробить холодную стену равнодушия царских чиновников, Жуёвич 9 ноября 1865 г. написал письмо директору Азиатского департамента Стремоухову, в котором описал тяжелое положение мальчика и свое собственное ввиду полного отсутствия средств. «Покинуть его, — писал Жуёвич, — я не могу, потому что, кроме меня, у него здесь нет никого, кто бы согласился хлопотать о нем, сам же он помочь себе не умеет и не может. Помочь ему может только управляемый вами департамент да общественная благотворительность. Чтобы не прибегать к последней, я решился обратиться с этой просьбой к вам с полной надеждой, что ваше превосходительство облегчит как мою, так и участь на меня положившегося бедного мальчика»¹¹⁷.

¹¹⁴ Государственный архив Сербии, ф. министерства просвещения, II, 299, 1866.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Характерно, что абсолютное большинство опубликованных Ж. Жуёвичем материалов за 1865 г. были анонимными.

¹¹⁷ Архив внешней политики России (далее — АВПР), Славянский стол, 1865, д. 4647.

На документе есть помета — «Выдать 50 рублей».

Описанный случай не был исключением. Жуевич щедро делился со своими единомышленниками и знаниями, и опытом, а нередко, как в данном случае, — и последним куском хлеба. С такой же отеческой заботой помогал он другому герцеговину — Дмитрию Дучичу¹¹⁸. К самому Жуевичу и большинству сербов, воспитывавшихся в 60-х годах XIX в. в России (С. Маркович, братья Ценичи, И. Дреч, Т. Анастасиевич, Д. Филипович, И. Лепава и др.) можно отнести слова русского консула в Дубровнике Ионина, справедливо заметившего в своем донесении от 11(23) апреля 1875 г. Стремоухову, что все они «принадлежат к самым ревностным деятелям Омладины»¹¹⁹. Немногим из них удалось закончить русские учебные заведения. По разным причинам они вынуждены были покидать Россию раньше времени, не выдерживая, как правило, суровых условий русского севера. Не был исключением в этом отношении и Живоин Жуевич.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ИЗ РОССИИ

В один день — 24 января 1866 г. — Жуевич написал и отправил два письма. Одно было адресовано министру народного просвещения Сербии К. Цукичу, второе — известному русскому ученому А. Н. Пыпину. Побудительный мотив для обоих писем был одинаков — окончательно созревшее решение оставить Петербург и продолжить образование в одном из западноевропейских университетов. Правда, интерпретация этого мотива, да и сам характер писем существенно различались.

В письме к министру, ссылаясь на частые болезни и расстроенное здоровье, а также на совет знаменитого русского врача Боткина переехать учиться в Германию, Жуевич просил у своего правительства разрешения на перевод, а заодно и некоторого увеличения правительственной стипендии. «Я хорошо знаю, — писал он, — что в Германии жить мне будет несколько стеснительнее, чем в Петербурге, — месте, где сверх помощи, милостиво предоставленной мне правительством, я иногда имел еще и частные уроки в некоторых дворянских домах, чего, вне всякого сомнения, в Германии не будет»¹²⁰. Говоря о частных уроках, Жуевич соз-

¹¹⁸ Л. Иванишевич после окончания гимназии поступил в Медико-хирургическую академию, а Д. Дучич с 1865 по начало 1866 г. был вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета. (ГИАЛО, ф. 14, оп. 5, д. 4337, л. 9). Сохранилось прошение Л. Иванишевича в Петербургский славянский благотворительный комитет от 11.I 1874 г., в котором, в частности, говорилось: «Многие из вас знали Дучича и Жуевича, бывших студентов здешнего университета, людей действительно трудившихся и желавших принести пользу. Чем же они кончили? Оба уехали в Сербию, не окончивши курса, и через год померли, один от чахотки, а другой от желудочного катара». (Там же, ф. 400, оп. 1, д. 11, лл. 37—38 и об.). Дальнейшая судьба Л. Иванишевича нам неизвестна.

¹¹⁹ АВПр, Главный архив V А₂, 1875 г., д. 743, л. 56.

¹²⁰ Д. Тодоровић. Указ. соч., стр. 22.

нительно умалчивал о своей публицистической деятельности в России.

В письме к Пыпину, прекрасно осведомленному об этой стороне дела, не было нужды скрывать правду. Напротив, это обстоятельство Жуёвич ставил на первое место в надежде получить перед отъездом единовременное пособие из Литературного фонда. «Находясь в таком положении (постоянная болезнь и неимение средств «ни для лечения, ни для житья в Петербурге»), — писал Жуёвич, — я прибегаю к вам с просьбой доложить обо мне в заседании членов Литературного фонда и похотатайствовать, чтобы Литературный фонд по возможности оказал мне в настоящее время какую-нибудь помощь. Для удовлетворения крайних моих нужд мне необходимо иметь по крайней мере 70 руб. сер. для уплаты долга хозяйке, у которой почти постоянно лежу больной, для покупки предписываемых мне доктором лекарств и, наконец, для выезда из Петербурга»¹²¹. Напомнив, что год тому назад он получил уже вспоможение из Литфонда «на основании помянутых тогда моих статей», Жуёвич сообщил новый важный факт, имеющий ключевое значение для раскрытия его публицистического наследия в России. «После же того (т. е. времени получения первого пособия из Литфонда. — В. К.), — продолжал он, — я написал еще статью в «Современнике» за июнь месяц прошлого года (ошибка — май. — В. К.) под заглавием „Сербское село“ и сверх того до последних дней заведовал „славянским отделом“ в „С.-Петербургских ведомостях“ (выделено нами. — В. К.), что может засвидетельствовать и Валентин Федорович Корш».

Через три недели с аналогичной просьбой Жуёвич обратился к В. Ф. Коршу. Повторная просьба, по-видимому, была вызвана тем, что А. Н. Пыпин уже не состоял членом комитета Литфонда. Для выявления материалов Ж. Жуёвича в русской периодической печати 60-х годов XIX в. этот документ имеет не меньшее значение, чем рассмотренные уже выше два письма Жуёвича Пыпину, поэтому приводим его полностью.

«Милостивый государь, Валентин Федорович,

Я нахожусь в крайне стесненном положении. Здоровье мое крайне расстроено и вот уже два месяца, как я постоянно болею. Лечение довело меня до совершенной нищеты, а все-таки здоровье мое не только что не поправилось, но даже ухудшилось. Теперь доктора советуют непременно уехать из Петербурга куда-нибудь, где бы я мог пользоваться лучшим климатом. Я должен последовать этому совету, а между тем для этого у меня нет никаких средств. Ввиду этого я прошу вас сообщить мою просьбу в комитет Литературного фонда о том, чтобы мне выдано было какое-

¹²¹ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 621, л. 323. Архив А. Н. Пыпина.

либо пособие на проезд до моей родины или, если случится мне здесь остаться, на то, чтобы мне можно было продолжить лечение.

При этом я должен уведомить вас, что год с лишком тому назад я уже получил раз пособие из Литературного фонда в 50 руб. серебром на основании следующих напечатанных мною статей:

1. Статьи «Униатство в Герцеговине», помещенной в журнале «Дух христианина» за 1863 г.

2. Статьи «Славянский юг», помещенной в журнале «Современник» за 1863 г. И, наконец, на основании моих статей, помещенных в бывшей газете «Очерки», да сверх того обозрений славянских земель, писанных мною в продолжение года в газете «Голос» и двух — в газете «С.-Петербургские ведомости».

После этого я поместил в «Современнике» за прошлый год в книжке пятой статью «Сербское село» и, кроме того, постоянно заведовал славянским отделом в издаваемой вами газете «С.-Петербургские ведомости».

Ваш покорнейший слуга Ж. Жуёвич.
Петербург, 12 февраля 1866 г.

Прячешный переулоч, дом Дорошенко № 8—19, кв. 18»¹²².

Можно констатировать, что данные, сообщенные Жуёвичем в письмах Пыпину, не только почти полностью подтверждаются в этом документе (пропущена статья «Распространение грамотности в простом народе сербском», зато уточнена дата выхода в свет статьи «Униатство в Герцеговине» — 1863 г.), но, что особенно важно, дополняются новыми существенными деталями. Последние касаются прежде всего указания на то, что в газете «Очерки» была опубликована не одна, а несколько его статей («моих статей»), это, во-первых, и, во-вторых, что на протяжении года он вел обозрения славянских земель в газете «Голос» и в течение двух лет заведовал славянским отделом «С.-Петербургских ведомостей».

Просьба Жуёвича была рассмотрена на заседании комитета 21 февраля 1866 г.¹²³ Комитет вынес следующее определение: «Основываясь на удостоверении г. Корша о крайне болезненном состоянии г. Жуёвича и стесненном его положении, а также имея в виду, что в течение минувшего года проситель не переставал трудиться на литературном поприще, выдать ему в единовременное пособие 100 рублей»¹²⁴.

¹²² Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 438 (Литфонд), д. 15, л. 23 и об.

¹²³ На заседании присутствовали: председатель — Я. К. Грот, помощник председателя — П. В. Анненков и члены: В. Ф. Корш, С. П. Щепкин, Н. А. Некрасов, П. П. Пекарский, В. П. Гаевский, А. Д. Галахов, Н. Н. Тютчев, М. М. Стасюлевич. Вместо отсутствующего на заседании секретаря К. Д. Кавелина протокол вел В. П. Гаевский.

¹²⁴ См. Приложение № 11.

Таким образом, русский Литературный фонд благосклонно отнесся к просьбе сербского студента. Более покладистым на этот раз оказалось и сербское правительство. 11 февраля 1866 г. министр подписал отношение на имя Жуёвича, из которого следует, что желание последнего перевестись в какой-нибудь германский университет одобрено, а размер стипендии увеличен с 300 до 400 талеров в год, сверх того ему высылаются деньги на путевые расходы¹²⁵.

Сознавая, что навсегда покидает Россию, и не зная еще результата своих просьб к сербскому правительству и в Литературный фонд, Жуёвич решил обратиться за материальной помощью в Азиатский департамент российского МИДа. 16 февраля 1866 г. он написал прошение директору департамента П. Н. Стремоухову, в котором изложил причины, заставившие его покинуть гостеприимную Россию, и выразил свою глубокую признательность ей за все благодеяния и предоставленную возможность получить высшее образование.

На полях прошения есть помета: «Выдано 100 рублей».

Одновременно с заботами по устройству денежных дел Жуёвич готовился к увольнению из университета. 19 февраля 1866 г. он подал прошение ректору Воскресенскому с просьбой выдать необходимые документы и оказать содействие в получении заграничного паспорта. На документе есть две пометы: 1) «Студент Живоин Жуёвич вел себя очень хорошо» и 2) «17 февраля 1866 г. определено: уволить Живоина Жуёвича из университета и выдать ему его документы»¹²⁶. В личном деле студента Ж. Жуёвича хранится черновик университетского свидетельства за № 836, выданного ему 21 февраля 1866 г. «Предъявитель сего сербский уроженец Живоин Жуёвич, поступив в число студентов императорского СПб. университета 9 января 1864 г., слушал лекции административного разряда юридического факультета при поведении (прочерк), а 17 февраля 1866 г., согласно прошению, по болезни уволен из университета из второго курса, почему правами, предоставленными студентам, окончившим университетский курс наук, воспользоваться не может. В удостоверение чего и дано ему, Живоину Жуёвичу, это свидетельство из правления университета с надлежащим подписанием и с приложением печати»¹²⁷. На документе есть помета: «Для доставления Ж. Жуёвичу документа за него получил свидетельство Д. Дучич».

Точная дата отъезда Живоина Жуёвича из Петербурга в Германию неизвестна. По-видимому, это произошло в начале марта 1866 г.¹²⁸ В течение первых двух месяцев 1866 г., несмотря на

¹²⁵ Государственный архив Сербии, ф. министерства народного просвещения, II, 299, 1866.

¹²⁶ ГИАЛО, ф. 14, оп. 5, д. 2507, л. 27.

¹²⁷ Там же, л. 34 и об.

¹²⁸ Первое известное нам письмо Ж. Жуёвича из Мюнхена датировано 11 марта 1866. См.: Д. Тодоровић. Указ. соч., стр. 24.

болезнь и хлопоты по отъезду, он с предельной отдачей сил продолжал трудиться на поприще журналистики, почти ежедневно публикуя в «С.-Петербургских ведомостях» «Славянские обозрения», в которых подвел итог своим многолетним занятиям славянским вопросом, нарисовав широкую панораму состояния дел у зарубежных славянских народов в середине 60-х годов XIX в.

Рассмотренные выше архивные документы и эпистолярное наследие Живоина Жуёвича первой половины 60-х годов прошлого столетия дают основание сделать вывод о том, что за время пребывания в России сербский демократ, помимо учебы и самообразования, принимал деятельное участие в общественной жизни России непосредственно и опосредованно (через печать и переписку) — в общественных делах своей родины Сербии. Правильно понять и оценить его деятельность можно только после атрибуции и критического анализа всего его публицистического наследия в русский период.

Архивные документы позволили установить, что за время пребывания в России Живоин Жуёвич сотрудничал в следующих русских периодических изданиях: двух духовных журналах, киевском и петербургском, в каждом из которых он опубликовал по одной статье, двух демократических органах печати — газете «Очерки» (1863 г.) и журнале «Современник» (1863—1865 гг.) и двух ежедневных петербургских либеральных газетах — «Голос» (1864 г.) и «С.-Петербургские ведомости» (1864—1866 гг.).

СТАНОВЛЕНИЕ ЖИВОИНА ЖУЕВИЧА- ПУБЛИЦИСТА

ДВЕ ПЕРВЫЕ СТАТЬИ

Изучение начального периода публицистической деятельности Живоина Жуёвича сопряжено со значительными трудностями. Мы не располагаем многими необходимыми материалами, которые позволили бы заглянуть в творческую лабораторию начинающего сербского литератора. До нас не дошла переписка Жуёвича киевского периода; когда была написана его первая статья. Все, что мы имеем, — это печатный текст двух статей: «О распространении грамотности в простом народе сербском» и «Униатство в Герцеговине».

Первая из них была опубликована в № 23 киевского журнала «Руководство для сельских пастырей» от 11 июня 1861 г. за подписью «Живоин Жуёвич». В этом же году «Русский педагогический вестник» (журнал для воспитателей и родителей), издаваемый в Санкт-Петербурге А. Григоровичем, перепечатал ее на своих страницах¹ с указанием, что «это интересное известие о распространении грамотности в простом народе сербском» помещено в № 23 вышеупомянутого журнала и что автором статьи является Жуёвич².

Вторая статья была опубликована в Санкт-Петербургском духовно-литературном журнале «Дух христианина» (год издания второй (1862—1863 гг.), апрель, 1863, стр. 827—860) за подписью «Ж. Серб». В журнале есть указание — «разрешено печатать 10. IV 1863 года». По объему она в пять раз превосходит первую.

Хотя статья «Униатство в Герцеговине» появилась на свет в то время, когда Жуёвич находился уже в Петербурге, однако можно высказать предположение, что написана она была еще в бытность ее автора в Киеве, возможно, в июле 1861 г., когда он жил в Китаевской пустыне после сдачи выпускных семинарских экзаменов. Во всяком случае, тот факт, что обе статьи являются единственными из большого литературного наследия сербского мы-

¹ «О распространении грамотности в Сербии». «Русский педагогический вестник», № VIII, 1861, стр. 80—83.

² Там же, стр. 80, 82.

слителя, опубликованными в духовных журналах, позволяет выделить их в особый, начальный период публицистической деятельности Жуёвича, который условно можно назвать «киевским».

Что же представляют собой две вышеупомянутые статьи Жуёвича по содержанию и характеру, каково их значение?

Начнем с первой — «О распространении грамотности в простом народе сербском». Она посвящена распространению народного просвещения в освобожденной Сербии и хронологически охватывает первую половину XIX в.

Статья начинается с указания на то, что грамотность в простом народе сербском начала распространяться только с момента освобождения страны. «Пока Сербия находилась под властью турок, — пишет автор, — о просвещении народа сербского не могло быть и помину». Жуёвич дает краткую, но яркую характеристику турецкому господству. «Иго турецкое, — говорит он, — давившее сербов с лишком 460 лет, не только препятствовало всякому развитию их, но даже убивало самую жизнь, самый дух народа».

Свой краткий очерк развития народного просвещения в Сербии Жуёвич начинает с первого сербского восстания (1804—1813 гг.), происходившего под руководством Черного Георгия. Тогда были открыты первые примитивные училища. При Милоше Обреновиче они впервые были разделены на три класса. Расширился круг предметов, изучаемых в начальной школе³. Обозначилась и другая особенность — прежде учились только дети людей зажиточных, теперь в школы были допущены все без исключения.

Следующим этапом в развитии просвещения явилось создание училищ под названием «Четвертый разряд». Это дало возможность окончившим «Четвертый разряд» продолжать свое образование в гимназиях и дальше. Такого рода училища открывались в городах. В городах были открыты и первые гимназии: в Белграде, Крагуеваце, Шабаце и Чачаке.

Высшим достижением просвещения в Сербском княжестве при Милоше Обреновиче явилось открытие лицей в Крагуеваце, духовной семинарии и военной академии — в Белграде.

Несмотря на некоторые успехи образования в милошевской Сербии, Жуёвич, однако, считает, что «мысль о распространении грамотности в простом народе явилась не ранее 1840 года». Связывает он это с возникновением первой общественной организации в Сербии под названием «Дружество сербской словесности». Значительная часть статьи поэтому посвящена описанию деятельности этой организации и ее значению в деле распространения просвещения.

³ «Прежде преподавали в училищах, — пишет Жуёвич, — только букварь, часослов да псалтырь, а теперь вместе с тем начали преподавать катехизис (на славянском языке), св. историю, арифметику, сербскую грамматику и географию».

Автор отмечает большую тягу сербского народа к образованию. «Убеждение простого народа сербского в том, — пишет он, — что училища приносят великую пользу, обнаружится ясно, когда мы обратим внимание как на количество, так и на качество училищ по селам. Теперь, например, трудно найти село, где бы не было училища». Большое значение он придает открытию воскресных школ⁴, в которых преподавали профессора лицея, семинарии и гимназий.

Статья «О распространении грамотности в простом народе сербском» проникнута большим желанием ее автора сделать образование достоянием широких народных масс, особенно крестьянства. Пройдет немного времени, неутомимый поборник народного просвещения четко сформулирует свой тезис о том, что оно «должно проникнуть не только во дворцы, но и в хижины»⁵.

Насколько горячо было желание Жуёвича видеть свой народ просвещенным и образованным, свидетельствуют заключительные строки статьи: «Таким образом в последнее время грамотность в Сербии заявляет себя весьма счастливым развитием и большими успехами не только в городах, но и в селах. Смело можно сказать, что в настоящее время нет деревни, в которой не было бы по крайней мере до 30 душ, умеющих читать и писать! Если только такое сознательное стремление к просвещению не будет остановлено какими-либо неблагоприятными обстоятельствами, то скоро в Сербии будет открыт университет⁶, о котором в настоящее время думают почти все лучшие умы передовых людей. Тогда можно надеяться, что просвещение в Сербии пойдет лучшим и скорейшим шагом, и Сербия со временем встанет в ряд цивилизованных государств».

Статья «Распространение грамотности в простом народе сербском» написана в стиле романтической приподнятости. Автор идеализирует положение дел с просвещением в тогдашней Сербии. Ему явно недостает трезвого критического взгляда на описываемые явления. Нередко он выдает желаемое за действительное. Впрочем, этому не следует удивляться. Это дань духу времени, эпохе, в которой жил и воспитывался Жуёвич у себя на родине. Романтизм в ту пору являлся господствующим направлением в сербской литературе.

Однако следует заметить, что это была первая и единственная статья сербского публициста, написанная с позиций романтизма. Очень скоро, под влиянием русской критической школы и революционно-демократического окружения в Петербурге Жуёвич навсегда порвет с убеждениями незрелой юности и твердо встанет

⁴ Название, судя по всему, взято из российской действительности. Воскресные школы тогда только что начали вводиться в Киеве.

⁵ Ж. Жуёвич. Целокупна дела, св. 1. О преустројству српских школа. Београд, 1892, стр. 12.

⁶ Первое высшее учебное заведение в Сербии (Великая школа) было открыто в Белграде в 1863 г. — В. К.

на позиции реализма и материализма. Острый критический взгляд Жуевича на события и явления тогдашней сербской действительности, в том числе и просвещение, будет едва ли не самой характерной чертой его деятельности как публициста и ученого.

Рассматриваемой статье присущи и другие недостатки. В ней отсутствуют какие бы то ни было статистические данные о распространении грамотности в Сербии. А они говорят далеко не в пользу автора статьи. Известно, например, что в середине 60-х годов в Сербии на 1200 тыс. человек приходилось лишь 4,2% грамотных⁷. В 1867 г. в стране насчитывались 377 начальных школ с 499 учителями, в которых обучалось 18 242 ученика и 2648 учениц⁸. А о постановке обучения и говорить не приходится. Она была ниже всякой критики. Не кто другой, как Ж. Жуевич, позднее подвергнет ее самой беспощадной критике. «Он первый наш педагог, — писал Милош Янкович, — который решительно встал против духа и организации старой школы, пыток, против общественно-реакционной идеологии, против мистицизма и идеализма»⁹.

Источниковедческая база статьи весьма скудна. В ней отсутствуют ссылки на литературу. Она написана на основании личных юношеских наблюдений автора. Говоря о Белградской духовной семинарии, Жуевич со знанием дела замечает, «что в семинарии первоначально читалось только догматическое богословие, между тем как теперь читаются почти все предметы, которые преподаются в русских семинариях».

Интересны сведения, приводимые Жуевичем в статье о сербских общинах и их роли в просвещении. «В Сербии, — пишет он, — как известно, существуют общины, в которых заседают старшины сельские, имея при себе общинного писаря, в каждую неделю два раза собираются туда поселяне, всегда по одному из каждого дома». «Нужно заметить, — продолжает далее Жуевич, явно выдавая желаемое за действительное, — что, кроме других книг, посылаются в каждую общину по одной или по две газеты, которые читаются в присутствии народа. Таким образом, народ не только знакомится с общественным образом жизни, но даже и с политическими делами». Конечно, такие случаи могли иметь место, но они были скорее исключением, чем правилом. Другое дело, когда автор рассказывает о роли студентов в распространении книг среди народа. В этом нетрудно усмотреть личный опыт и пример самого Жуевича. «Великую помощь в этом деле, — пишет он, — оказывают студенты лицей, семинарии и гимназий, которые во время вакаций живут с родными своими и которые всегда стараются объяснить им то, что в этих книгах написано. Следствием этого было то, что сам простой народ сербский, в особенности

⁷ Др. Лапчевич. Историја социјализма в Србији. Београд, 1922, стр. 18.

⁸ М. Б. Јанковић. Указ. соч., стр. 8.

⁹ Там же, стр. 19.

в княжестве Сербия, все больше и больше начинает посылать детей своих в училища для обучения».

Отсутствие пособий и справочников у Жуёвича при написании статьи отразилось на его изложении деятельности «Дружества сербской словесности». Оно страдает неточностями и ошибками. Так, знаменитое восстание Тома Вучича 1842 г. он относит к 1841 г., неточно называет и дату образования «Дружества».

Примечательно то место из описания деятельности «Дружества», где Жуёвич излагает его цели, согласно уставу. Вот как он это делает. «Правила, — пишет он, — которые оно («Дружество». — В. К.) положило себе, и цели, к которым оно стремилось, были следующие: возбудить в народе патриотический дух, познакомить его со значением человека и указать, в чем состоит истинная нравственная свобода, познакомить его с обязанностями христианскими и правами гражданскими, руководить его к честной и нравственной жизни, к правильной деятельности в отношении к хозяйству, облагораживать сердца простолюдинов и устраивать их от пороков, наставить их, как должно воспитывать детей, чтобы сделать их честными и благородными людьми, полезными для народа своего, советовать народу делать лучше обители как для себя, так и для скота, чтобы таким образом удобнее пользоваться земными благами божиями и пр. и пр.»

Простое сравнение текста устава «Дружества» с этим изложением показывает, что Жуёвич свободно и расширительно толковал цели и задачи известного в то время литературно-просветительского сербского общества. Главной его задачей, как это видно из устава¹⁰⁻¹¹, являлось «усовершенствование сербского языка и распространение наук на сербском языке». Автор ничего не говорит о реформе сербского языка, предложенной Вуком Стефановичем Караджичем, о чем в «Дружестве» в ту пору велись ожесточенные споры. Но зато он акцентирует свое внимание на воспитании патриотических чувств, на образовании человека как гражданина общества, на привитии ему понятия об истинной нравственной свободе, о чем прямо не говорилось в уставе.

Таким образом, содержание первой печатной работы Жуёвича сугубо светское. В ней нет и намек на богословские занятия ее автора. Тема, которой посвящена статья Жуёвича, в дальнейшем займет одно из центральных мест в его творчестве.

Анализ статьи «О распространении грамотности в простом народе сербском» показывает, что, несмотря на все ее недочеты и промахи, автор проявил себя в ней способным публицистом, которому есть что сказать читателю. Уже в первой печатной работе он сумел в ясной и доходчивой форме донести до читательской аудитории свои мысли. Недаром статья была сразу замечена специалистами и перепечатана в петербургском журнале.

Свидетельством роста мастерства сербского публициста, расширения его кругозора является вторая печатная работа — «Уни-

¹⁰⁻¹¹ См.: «Гласник». Београд, 1846.

атство в Герцеговине», к анализу которой мы теперь обратимся.

Католическая пропаганда в Герцеговине и ее отрицательные последствия — такова главная тема второй статьи Жуёвича, раскрытию которой посвящено $\frac{2}{3}$ объема работы.

Первая треть статьи служит как бы введением к основной и главной части. Автор показывает причины гибели средневекового сербского государства, знакомит читателя с положением сербского народа под властью турок. «Феодализм, — пишет Жуёвич, — губивший своим междоусобием Западную Европу, погубил и Сербию». Сербь по правую сторону от Савы и Дуная достались Турции¹², по левую — Австрии. Одной дорогой пошла жизнь сербов под властью Турции и совершенно по другой — под управлением Австрии. Когда угнетение со стороны турок достигло предела, терпение народа лопнуло, он восстал. После почти непрерывной 25-летней борьбы Сербское княжество сумело добиться самостоятельности во внутреннем управлении.

Страшное многовековое рабство не убило в сербском народе мысли об единстве, о своей народности и о своей вере. «И босняк, и герцеговинец, и серб, и черногорец, — пишет Жуёвич, — считают друг друга родными братьями, считают себя одним народом, одним племенем. Такое сознание единства, — продолжает он, — кажется, одно только и может дать надежду, что когда-нибудь все сербы станут одним независимым, самостоятельным народом». В условиях турецкого гнета названия «серб» и «христианин» сделались тождественными для сербского сознания. В доказательство справедливости своих суждений автор цитирует Гильфердинга, называя его «лучшим русским путешественником»¹³.

Затем Жуёвич дает краткий очерк истории сербской церкви в период турецкого ига. Говоря о причинах сохранения независимой сербской церкви с центром в г. Печ и поначалу либеральном отношении мусульман к православию, автор высказывает интересную мысль, которая, насколько нам известно, не нашла отражения в историографии. «Мусульмане, — пишет он, — ... обратили главным образом свое внимание на то, чтобы расширить пределы своего господства и удержать в своей власти покоренные ими страны. Притом вскоре после покорения сербов турки необходимо должны были столкнуться с венгерцами. Венгерцы смело

¹² В этой статье Жуёвич подчеркивает, что сербское государство состояло из четырех главных частей: «Нынешнего Княжества Сербии, Старой Сербии, Боснии и Герцеговины». В другом месте он упоминает и Черногорию.

¹³ А. Ф. Гильфердинг (1831—1872 гг.) — русский историк, славяновед, видный представитель славянофилов, в 1856—1859 гг. — русский консул в Боснии (Сараево). Его «Письма об истории сербов и болгар» (1856—1859 гг.) были переведены в 1857—1860 гг. Д. Дж. Миличевичем на сербский язык. Книга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (СПб., 1859) была также переведена на сербский язык А. Хаджичем («Летопис матице српске. 1859—1863». № 99—107). Важно отметить, что в этой статье Жуёвич дважды цитирует Гильфердинга, причем в положительном смысле.

стали против турецкой силы и оказались опасными противниками для турок. Что было бы, если б венгерцы соединились с сербами? Не дрогнула ли бы тогда турецкая сила? Не поколебалось ли бы ее несокрушимое могущество?.. И вот, между прочим, почему явился у них в то время довольно либеральный взгляд на дело религии, взгляд совершенно не магометанский... Сербы не соединились и не могли соединиться с венгерцами, потому что тогда нужно было бы принять подданство Австрии, а участь австрийских собратий показала им, что католицизм еще навязчивее мусульманства».

Эта оригинальная мысль сербского публициста, на наш взгляд, заслуживает внимания и изучения. К тому же она не единственная. Положительно оценивая роль церкви для сохранения сербской народности, видя в ней единственный очаг образования (школы в ту пору были только при монастырях), Жуёвич пытается объяснить общеизвестный факт, что в Боснии мусульманство получило наибольшее распространение, следующим образом. «...Где было больше монастырей, — пишет он, — там народ и высказал большую верность своей религии. В настоящем Княжестве сербском, в Герцеговине, Черногории было больше монастырей, чем, например, в Боснии; в Старой Сербии жил сам патриарх, и в этих странах мы находим гораздо меньше изменивших своей вере, чем опять в той же Боснии». Следует сказать, что влияния боснийской церкви на этот процесс Жуёвич не отмечает.

После падения в 1790 г. печской патриархии самым опасным врагом сербов стали греки-фанариоты. Но ничто не могло заставить серба расстаться с мыслью о своей вере и свободе. «Он готов даже верить тому, — заключает Жуёвич, — что не помер королевич Марко, что скоро выйдет он из своей пещеры и погонит „Турке на булюке“¹⁴».

Вторая, и основная, часть статьи «Униатство в Герцеговине» посвящена описанию католической пропаганды в Герцеговине. Лейтмотивом для нее служат следующие слова автора: «Четырехвековое железное иго не поколебало православной веры народа сербского, не разрушил его единства меч турок, но то и другое сделали и продолжают делать отцы иезуиты».

На большом фактическом материале, со знанием дела Жуёвич раскрыл перед читателями это положение. Он нарисовал яркую картину деятельности католической церкви в Герцеговине и ее пагубных последствий для сербского народа. Здесь мы находим описание всех тонкостей коварных действий иезуитов, место и роль патеров (униатских священников) в пропаганде католицизма, начиная от их обучения и воспитания в Риме и кончая их деятельностью в Герцеговине; автор дает детальную сравнительную ха-

¹⁴ К этому месту Ж. Жуёвич делает примечание: «„Погонит турок толпами“. У сербов есть легенда о славном королевиче Марко, который теперь скрывается где-то в пещере, но некогда освободит Сербию».

рактистику материального положения католических¹⁵ и православных священников, выводы которой были далеко не в пользу последних, и т. д. Чтобы читатель не заподозрил автора в личной неприязни к католическим патерам, Жуёвич несколько раз обращается к свидетельству «уважаемого в Герцеговине старца, отца архимандрита Ионникия Памучина»¹⁶.

После подробного описания тяжелого положения православного населения Герцеговины автор обращается к читателю. «Вот что пережила и переживает несчастная Герцеговина! — говорит он. — Можно ли теперь достоверно сказать, что при настоящем, невыносимом тяжелом положении народ герцеговинский удержится при своей вере, при своей национальности хоть несколько лет? Если этот народ не получит ниоткуда помощи, — продолжает Жуёвич, — то нельзя не опасаться, что скоро наступит время, когда вслед за другими странами славянской семьи, например за Каринтиєю, Шлеймарком и Крайной, и Герцеговина будет поглощена католицизмом. Недаром венский кабинет домогается Боснии, недаром он смотрит и на другие южнославянские земли как на будущее достояние католицизма и своей немецкой цивилизации. Положение славян безвыходно; нравственные силы, скрепляющие доселе всех славян в одну семью, начинают слабеть и им необходимо нужна помощь! В Герцеговине и Боснии особенно нужна эта помощь, потому что здесь гораздо сильнее, чем в других странах, господство турок, здесь энергичнее меры пропаганды католической, наконец, здесь возмутительное корыстолюбие купцов заставляет невыносимо страдать бедное духовенство и народных учителей. И чего только ни приходится вынести этим несчастливцам, желающим блага своему народу».

После этого Жуёвич вплотную подходит к формулированию главной мысли своей статьи. Она заключалась в стремлении автора привлечь внимание общественного мнения России, русской читающей публики к бедственному положению христианского населения на Балканах. На протяжении статьи Жуёвич дважды возвращался к вопросу о роли России, как бы постепенно готовя читателя к восприятию своей сокроваженной мысли, чтобы в заключение сказать о ней в полный голос. «Герцеговинские славяне, — пишет он, — если не сознательно, то по какому-то внутреннему

¹⁵ Вот как Ж. Жуёвич описывает внешний вид патера: «Представьте себе богатого турка на диком коне с пистолетом за поясом; на голове этого турка пусть будет красная феска с кистью, поверх фески коричневая чалма; он одет в доламу (одежду, спускающуюся до колен) лучшего, тонкого сукна, ушитую красными шелковыми шнурками, в дорогих шароварах; поверх доламы — шитая золотом куртка, — представьте в таком уборе турка, и вы будете иметь довольно верный портрет герцеговинского патера».

¹⁶ В текст статьи вкралась явная опечатка. Вместо Памучина всюду ошибочно набрано Пашучина. Ионникий Памучина (1810—1870 гг.) — архимандрит и священник г. Мостара, с 1860 по 1864 г. управлял герцеговинской митрополией. Большинство его произведений было напечатано в сербском далматинском журнале («Српски далматински магазин»).

чувству видят врагов своих во всех немцах и имеют особенное сочувствие к единоплеменному народу русскому).

Но что предпримет Русь для того, чтобы подать руку помощи единоплеменному народу православному! Желательно, чтобы каждый знакомый с положением гонимых славян и сочувствующий этому несчастному положению высказал свое мнение — как и в чем лучше помочь им. Но наперед мы осмеливаемся высказать несколько своих суждений об этом деле. Россия сделала доступными духовные и военные учебные заведения для южных славян; совершенно так же необходимо, чтобы так же доступны для них были и гимназии, и университеты. Далее, необходимо через русского консула пригласить герцеговинских молодых людей для образования в Россию, предложить русским образованным людям отправиться на время в Герцеговину для образования тамошнего народа. Если найдутся избранники из образованных людей России, следовало бы снабдить их библиотекой, учебными книгами и непременно сделать их обеспеченными в материальном отношении; пожертвовать библиотеки, по крайней мере в Мостар и Сараево; заботиться о распространении русского языка в Герцеговине и пустить продажу русских книг по дешевой цене. Наконец, обращаемся к образованному женскому обществу России: существуют две женские школы — одна в Герцеговине (в Мостаре), другая — в Боснии (в Сараеве), но почти в первобытном состоянии. Главные учительницы в этих школах настолько образованны, что едва умеют читать. Если б в среде русского общества нашлась благодетельная особа, что решилась бы поделиться своим образованием с меньшими бедными сестрами, то она оказалась бы истинное благодетелье для всех женщин Герцеговины.

Позволяем себе надеяться, что наш голос за несчастных герцеговинских славян не останется гласом „вопиющего в пустыне“.

В этих заключительных словах выражена суть не только анализируемой статьи, но и вообще взглядов Живоина Жуёвича на русско-сербские общественные связи и отношения в этот начальный период его публицистической деятельности. Статья «Униатство в Герцеговине», несмотря на название, была сугубо светского характера и преследовала, хотя и нечетко еще выраженные, но в конечном счете политические цели. Не в церковной литературе и утвари видел Жуёвич реальную помощь России боснякам и герцеговинцам, а в допуске их в русские гимназии и университеты.

Трезвая оценка действительности, стремление правдиво осветить факты и явления становятся отличительной особенностью Жуёвича как публициста. Давая, например, в целом отрицательную оценку роли патеров, он не побоялся отметить и положительный момент их деятельности. «Медицинская профессия, — писал Жуёвич, — кроме материальных выгод, доставляет патеру самое глубокое уважение со стороны народа, особенно, если патер удачно вылечит несколько больных. И в самом деле, своими медицинскими познаниями патеры приносят большую пользу народу, по-

тому что в Герцеговине, кроме экимов (турецких медиков), сущих невежд в медицине да старух-знахарок, нет ни одного человека, занимающегося врачебным искусством».

В статье «Униатство в Герцеговине» исчезает дух романтической приподнятости, столь характерной для первой статьи. Перо Жуёвича стало острее и тверже, сила логики, страсть полемиста и горячая любовь к своему народу стали характерными чертами начинающего сербского литератора. В стиле и манере изложения уже угадывается будущий Жуёвич — один из самых острых критических умов Сербии 60-х годов прошлого столетия.

Мысли и чувства Живоина Жуёвича, нашедшие выражение в его первых статьях, до некоторой степени объясняют тот факт, почему он после приезда в Петербург оказался не в стане славянофилов, как абсолютное большинство тогдашних южнославянских воспитанников в России, а в лагере их противников. Анализ первых двух статей, равно как и все то, что нам уже известно о деятельности их автора в Киеве, показывает, что внутренне Жуёвич был готов к восприятию идей «Современника», активным сотрудником которого он становится вскоре после прибытия в Петербург. В этом состоит главное значение киевского периода для формирования мировоззрения сербского публициста ¹⁷.

СЛАВЯНСКИЕ ОТДЕЛЫ В РУССКОЙ ПЕРИОДИКЕ

НАЧАЛА 60-х ГОДОВ XIX в.

Как явствует из материалов первой главы работы, Ж. Жуёвич имел прямое отношение к созданию славянских отделов в некоторых петербургских газетах первой половины 60-х годов XIX в. Поэтому прежде чем приступить к рассмотрению его сотрудничества в этих газетах, необходимо кратко остановиться на истории возникновения самих славянских отделов.

Следует отметить, что освещение славянского вопроса на страницах русской периодической печати 50—60-х годов прошлого столетия уже нашло отражение в литературе. В советском славяноведении это успешно разрабатывает профессор С. А. Никитин. В его работах изучена газетная и журнальная периодическая печать того времени всех направлений, причем как в плане связей с южными славянами ¹⁸, так и с точки зрения освещения на ее страницах национально-освободительного движения на Балканах ¹⁹.

¹⁷ Более подробно о начале публицистической деятельности Ж. Жуёвича см. нашу статью: В. Карасёв. Почетак публицистичке дјелатности Живојина Жујовића у Русији. «Историјски часопис», књ. XVI—XVII, 1966—1967. Београд, 1970, стр. 187—201.

¹⁸ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. VI. М., 1952, стр. 89—122.

¹⁹ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX века. М., 1970, стр. 183—259.

Отметив, что русская периодическая печать первой половины XIX в. была малоинтересной с точки зрения освещения славянского вопроса, автор сосредоточил свое внимание на исследовании периодики первых двух десятилетий второй половины века.

Крымская война поставила вопрос о целях и смысле русской политики на Балканах, способствуя оформлению основных течений и групп русского общества относительно зарубежных славян вообще и южных в особенности. «Уже в это время, — пишет С. А. Никитин, — легла резкая грань между идеологами экспансии — панславистами и славянофилами — и подлинными защитниками свободы и независимости славян — революционными демократами, возглавляемыми Н. Г. Чернышевским»²⁰. Выразителями первых были «Московские ведомости» М. Н. Каткова и славянофильские издания, выразителями вторых — журналы «Современник» и «Русское слово». Промежуточное положение занимали либеральные петербургские газеты «Голос» и «С.-Петербургские ведомости».

Наряду с общей постановкой вопроса С. А. Никитин подробно рассмотрел славянофильскую печать, начиная с лебединой песни первого поколения славянофилов — журнала «Русская беседа» (1856—1860 гг.) и кончая аксаковскими газетами «Молва» (1857 г.), «Парус» (1859 г.), «День» (1861—1864 гг.), «Москва» и «Москвич» (1867—1868 гг.), и дал обзор революционно-демократических и либерально-буржуазных изданий. Он отмечал, что в организации славянской пропаганды в России редакциям газет и журналов приходилось преодолевать многочисленные трудности, одной из которых было отсутствие переводчиков и русских авторов на славянские темы²¹, а также собственных корреспондентов. И. С. Аксаков не без оснований опасался, «как бы трудности, испытываемые в этом отношении славянофильскими изданиями, не позволили „Русскому вестнику“ и петербургским журналам перехватить славянскую тему и перешеголять „Беседу“»²².

В статье С. А. Никитина «Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века» поставлен важный и интересный вопрос о создании славянских отделов в русских газетах первой половины 60-х годов. Автор убедительно показал, что, несмотря на отчаянные попытки московских славянофилов во главе с И. С. Аксаковым (считавших славянский вопрос своей монополией и видевших в западниках врагов славянства) превратить свои печатные издания в «центральный орган славянской мысли»²³ с помощью солидно поставленного славянского отдела, сделать им это удалось не сразу и не они были пионерами в этом деле.

²⁰ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века, стр. 91.

²¹ Там же, стр. 95.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 96.

Инициатива создания специального отдела «Славянские земли» в русских газетах принадлежала Азиатскому департаменту министерства иностранных дел России. В «С.-Петербургских ведомостях» (№ 94 за 1859 г.), редактировавшихся А. А. Краевским, было напечатано сообщение «От редакции», в котором говорилось: «Постоянно следя за ходом европейских событий, редакция „С.-Петербургских ведомостей“ не могла не обратить внимания на вопрос о славянских народах. Всякое известие о них для России важно и драгоценно. Поэтому в газете открывается специальный отдел. Таким образом, читатели нашей газеты будут иметь представление и верные сведения о всех современных явлениях в славянском мире, который так близок нам, но, к сожалению, еще так мало у нас известен».

Московские славянофилы болезненно реагировали на эту затею: «Я считаю открытие этого славянского отдела в „С.-Петербургских ведомостях“ и безобразным, и вредным, — писал И. С. Аксаков. — Безобразным потому, что редакция „С.-Петербургских ведомостей“ принадлежит, как у нас называется, к западникам, постоянно глумится над славянофильством, проповедует презрение к русской народности и к народности вообще, восстает против наших требований самобытного развития, наконец, в деле православных убеждений совершенно индифферентна. Тогда как у нас идея славянской народности коренится на идее русской народности и вообще на принципах народности»²⁴.

Все материалы славянского отдела «С.-Петербургских ведомостей», как правило, создавались в недрах Азиатского департамента на основании консульских донесений. Как и следовало ожидать, из этой казенной затеи ничего не получилось. Поэтому цель, которую ставило себе царское правительство, создавая славянский отдел, достигнута не была. «„Ведомости“, — заключает С. А. Никитин, — не стали центральным славянским органом и никого не объединили»²⁵. Министерство иностранных дел, убедившись в своей неудаче, согласилось на закрытие отдела в «С.-Петербургских ведомостях» и на передачу его в начавший выходить с 15 октября 1861 г. новый специальный журнал «День», который разрешено было издавать И. С. Аксакову.

В силу этого обстоятельства славянский отдел в «Дне» формально существовал с момента основания газеты, но только с 1863 г. он приобрел законченный вид, который давно и упорно стремился придать ему И. С. Аксаков. Это случилось после того, как выходцу из Македонии Р. Жинзифову было поручено систематически вести в газете «Славянские обозрения», которые как важная составная часть славянского отдела просуществовали до пре-

²⁴ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века, стр. 99.

²⁵ Там же.

кращения выхода «Дня», т. е. до конца 1864 г. В объявлении о подписке на газету на 1863 г. славянский отдел фигурировал в качестве одного из ведущих²⁶. И все же настоящего славянского отдела, объективно и всесторонне отражающего не только славянский вопрос в целом, но даже его южнославянскую часть, не получилось. Не получилось потому, что, как совершенно справедливо замечает С. А. Никитин, «газета Аксакова смотрела на дела Балканского полуострова глазами русских консулов и московских болгар, а осмысливала их в свете славянофильских идей»²⁷. Участие болгар способствовало тому, что газета «День» стала «органом поддержки буржуазного крыла национально-освободительного движения на Балканах»²⁸. Не могла она занять положения межславянского издания и пользоваться сколько-нибудь значительным влиянием в зарубежной славянской среде еще и потому, что в ней отсутствовали оригинальные статьи южнославянских авторов, не говоря уже о том, что демократически настроенные публицисты (Антонович в «Современнике» и др.), а также либеральные западнические издания, особенно «С.-Петербургские ведомости», неизменно выступали с острой критикой славянофильской газеты.

Итак, на основании исследования С. А. Никитина можно констатировать, что славянский отдел на общественных началах в русской периодике был впервые создан славянофилами в 1863 г. в газете «День». Этот правильный в целом вывод нуждается в уточнении. Со времени появления статьи С. А. Никитина прошло 20 лет. За это время в научный оборот введены новые факты и материалы, которые позволяют расширить наши представления по этому вопросу. Дело в том, что в то же самое время, когда окончательно конституировался славянский отдел «Дня», в ежедневной демократической газете «Очерки», начавшей выходить с 1 января 1863 г. в Петербурге, сторонниками демократического направления в русской общественной мысли была предпринята попытка основать свой славянский отдел²⁹. Спустя год славянские отделы были открыты в ежедневных петербургских газетах «Голос» и «С.-Петербургские ведомости». Однако этот вопрос не только не изучен, но до сих пор даже не поставлен в историографии. Как покажет дальнейшее изложение, немалая заслуга в организации славянских отделов в русских газетах демократического и либерального направлений («Очерки», «Голос» и «С.-Петербургские ведомости») принадлежит сербскому публицисту Живоину Жуёвичу.

²⁶ «Северная пчела», № 277, 14.X 1862.

²⁷ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века, стр. 103.

²⁸ Там же, стр. 103—104.

²⁹ Подробнее об этом см. стр. 82 и сл.

СОТРУДНИЧЕСТВО СЕРБСКОГО ПУБЛИЦИСТА В РУССКИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ ПЕЧАТИ, В КОТОРЫХ СОТРУДНИЧАЛ Ж. ЖУЕВИЧ

К России первой половины 60-х годов XIX в. целиком приложимо замечание С. С. Дмитриева о том, что «... именно периодическая печать и литература были главными областями проявления и выражения общественного мнения, публичной, открытой идейно-политической борьбы. Сама периодическая печать была одной из сил в этой борьбе и в то же время ее ареной»¹.

Публицистическая деятельность Ж. Жуевича в России совпала с введением в 1862 г. «Временных правил по цензуре», означавших переход царского правительства к открытой реакционной политике в области печати. Вскоре на основании «Временных правил» были приостановлены на восемь месяцев ведущие демократические журналы «Современник» и «Русское слово». В 1865 г. правительство издало новый закон — «Временные правила о цензуре и печати», отменявший предварительную цензуру для всех периодических изданий, выходивших в Петербурге и Москве. Закон предусматривал применение административных мер взыскания (штраф, предупреждение, приостановка, закрытие) и привлечение редакторов и авторов к судебной ответственности за «преступления» печати. Для строгого надзора было создано специальное учреждение — Главное управление по делам печати. Последствия всех этих мер сказались очень скоро. В 1866 г. были закрыты «Современник» и «Русское слово», пострадали и некоторые либеральные издания. Зато газета «Московские ведомости» и журнал «Русский вестник», издававшиеся реакционером М. Н. Катковым, пользовались особым покровительством правительства.

Демократические органы русской периодической печати, в которых сотрудничал Жуевич, изучены далеко не одинаково. Лучше всего исследован ведущий орган революционной демократии — журнал «Современник»² (1836—1866 гг.), который под руководством Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова был подлин-

¹ «Источниковедение истории СССР XIX—начала XX века». М., 1970, стр. 260.

² Б. П. Козьмин. Журналистика шестидесятых годов XIX века. М., 1948.

ным властителем дум демократической молодежи. От подцензурных статей журнала, по определению В. И. Ленина, «веяло духом классовой борьбы».

Жуёвич пришел в «Современник» после восьмимесячного перерыва в его издании и сотрудничал в нем в период, который совпал с началом пореформенной реакции и спадом революционной волны. «Несмотря на явное отступление от традиций Чернышевского и Добролюбова, — отмечает Б. П. Козьмин, — „Современник“ и в эти годы продолжал вести непримиримую борьбу против реакции. Сотрудники „Современника“, в частности Антонович, постоянно боролись против реакционных и умеренно-либеральных органов печати: против „Русского вестника“ Каткова, славянофильского „Дня“ и журналов братьев Достоевских — „Время“ и „Эпоха“, придерживающихся близких к славянофильству взглядов»³.

Наступление реакции и снижение идейного уровня журнала сказались на уменьшении числа его подписчиков. Если в 1861 г. — в пору расцвета — их насчитывалось 6 500, то во второй половине 1865 г. оно упало до 4250⁴.

Для целей нашего исследования представляет интерес правительственная оценка позиции «Современника» после его возобновления в 1863 г., содержащаяся в официальном отчете о деятельности совета министра по делам книгопечатания с 22 июня по 31 декабря 1863 г., функционировавшего при министерстве внутренних дел. В отчете отмечается, в частности, что с 1863 г. главный интерес журнала был сосредоточен на вопросах социального свойства, на отвлеченных политических и экономических теориях. Это нашло свое выражение, по мнению авторов отчета, в таких, например, материалах, как роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», статья Ю. Жуковского «О народности в политике» и статья «Славянский юг», в которой дано «изображение нравственного и политического упадка славян и т. п.»⁵ (выделено нами. — В. К.).

Нельзя не обратить внимания на то, что наряду со знаменитым романом Чернышевского и статьей Жуковского цензура выделила работу Жуёвича «Славянский юг», считая эти произведения наиболее характерными для определения направления новой редакции «Современника».

Вторым органом русской подцензурной демократической печати, в котором сотрудничал Жуёвич, была газета «Очерки». В отличие от «Современника» эта ежедневная литературная и политическая газета до самого последнего времени оставалась вне

³ Там же, стр. 39.

⁴ «Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник». М., 1959, стр. 252.

⁵ «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.» СПб., 1865, стр. 224.

поля зрения исследователей. До 1969 г. наши знания об этом органе русских демократов ограничивались немногочисленными, нередко противоречивыми, а порой и просто ошибочными сведениями, разбросанными в справочниках и отдельных, не связанных с «Очерками» исследованиях⁶. Кроме небольшой статьи С. Брейтбурга «К истории газеты „Очерки“ (1863)»⁷, вышедшей 40 лет назад и посвященной главным образом предыстории ее возникновения, специальные работы отсутствовали. И только сравнительно недавно появились небольшие по объему специальные исследования Н. И. Якушина — «Газета „Очерки“ — орган революционной демократии»⁸ и И. Кременской — «Программа под видом объявления (из истории газеты „Очерки“)»⁹. Основные выводы упомянутых статей мы разделяем. Однако авторы далеко не исчерпали всей источниковедческой базы по исследуемой ими теме, например, оставили без внимания сочинения Г. З. Елисеева¹⁰ и его «Воспоминания („Автобиография“)»¹¹, особенно неопубликованную их часть, в которой идет речь об «Очерках»¹².

⁶ Ф. Брокгауз, Н. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. 44. СПб., 1897, стр. 520—521; «Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник». М., 1959, стр. 443—444; Л. М. Клейнберг. Григорий Захарович Елисеев. Пг., 1923; В. В. Чубинский, М. А. Антонович. Очерк жизни и публицистической деятельности. Л., 1961; В. Р. Дейкина-Свирская. Публицистика Г. З. Елисеева в 60-х годах. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965, стр. 364—386; Н. П. Емельянов. Г. З. Елисеев-публицист. Л., 1971 и др.

⁷ С. Брейтбург. К истории газеты «Очерки» (1863). «Русская журналистика», т. I. Шестидесятые годы. М.—Л., 1930, стр. 53—71.

⁸ «Русская литература», 1969, № 1, стр. 151—164.

⁹ «Из истории русской журналистики конца XIX—начала XX вв. (Статьи, материалы, библиографии)». М., 1973, стр. 223—237.

¹⁰ «Сочинения Г. З. Елисеева в двух томах с портретом, автора и предисловием Н. Михайловского „Григорий Захарович Елисеев“, т. I. М., 1894, стр. 28.

¹¹ М. А. Антонович. Воспоминания; Г. З. Елисеев. Воспоминания. «Шестидесятые годы», 1933.

¹² С целью ввести в научный оборот интересный материал, рисующий обстановку в русской демократической журналистике начала 60-х годов, воспроизводим этот ранее не публиковавшийся отрывок из «Автобиографии». Начало его было приведено Н. Михайловским в предисловии (см. стр. 4—5). Но в рукописи (1889 г.) есть и текст, относящийся к «Очеркам»: «Я получил приглашение редактировать газету „Очерки“, которая должна была издаваться с наступлением 1863 г. Очкиным. Я согласился, пригласив со своей стороны Антоновича вести в газете политический отдел ... Антонович, не связанный никакими обязательствами с Очкиным, хотя продолжал по-прежнему поставлять в „Очерки“ политический отдел, но никакого участия в них, как и прежде, не [принимал], потому всю свою деятельность сосредоточил в „Современнике“, я же, оставаясь по-прежнему редактором ежедневной газеты, бедно и плохо обставленной, где одна черновая работа и возня с цензурой [отнимали] большую часть моего времени, должен был по-прежнему поставлять „хроники прогресса“ в „Искру“ и внутренние обозрения в „Современник“, [не мог] сосредоточиться в „Современнике“... Газета „Очерки“ просуществовала, однако, недолго. В конце апреля (Елисеев ошибается, — в начале апреля.—

Можно упрекнуть Н. И. Якушина за неполноту перечня сотрудников газеты (стр. 152). Первым попытался выяснить этот вопрос С. Брейтбург. Он назвал имена 22 авторов. Без ссылки на него Н. И. Якушин привел свой перечень имен, в который хотя и не вошли все фамилии из списка Брейтбурга, но зато в нем есть новые имена — М. П. Ковалевский, М. М. Стопановский, Н. И. Наумов, Г. Н. Потанин. В своей более ранней работе «Г. З. Елисеев и Н. Г. Чернышевский»¹³ он называет еще фамилию А. Горского, автора «Письма в редакцию (по поводу романа г. Чернышевского)». По мнению Якушина, это письмо «переполнило чашу терпения издателя А. Н. Очкина...», и он решил по собственной инициативе прекратить издание «Очерков», передав своих подписчиков газете «Современное слово».

Н. И. Якушину было известно «Дело С.-Петербургского цензурного комитета по просьбе статского советника А. Очкина и капитана А. Эвальда о разрешении им издавать газету „Очерки“» (ЦГИА УССР, ф. 777, оп. 2, 1862 г., д. 74), из которого видно, что Очкин намеревался издавать газету совместно с штабс-капитаном Эвальдом. Однако последний 4 октября 1862 г. отказался от участия в издании «Очерков» (л. 8—9), вследствие чего Очкин остался «единственным редактором газеты» (л. 11). Вот тогда-то, по-видимому, и встал вопрос о приглашении в качестве фактического редактора газеты Елисеева, имя которого не фигурирует в упомянутом архивном деле Цензурного комитета. Оно впервые появилось лишь во втором объявлении о подписке на газету (первое, без широкого изложения программы издания, было напечатано в «Северной пчеле» № 272 от 9 октября 1862 г.), в котором после обстоятельного изложения программы «Очерков» было написано следующее: «В трудах редакции принимают непосредственное деятельное участие М. А. Антонович, известный своими философскими и критическими статьями в „Современнике“, и Г. З. Елисеев (Грыцко); первый — по политическому, второй — по внутреннему отделу газеты»¹⁴.

Но самым большим и общим недостатком, присущим всей личной литературе об «Очерках», является игнорирование существования в них специального отдела под названием «Славянские

В. К.) она прекратила свое существование неожиданно-негаданно по вине издателя Очкина. Газета шла очень недурно и подавала хорошие надежды в будущем. Что побудило Очкина прекратить газету, до сих пор точно неизвестно...». ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 266, оп. 2, д. 584; «Архив „Русского богатства“. Елисеев Григорий Захарович. Отрывки из „Автобиографии“, записки об основании артелей, заметки о Крыме и др.» [б. д.], лл. 63 и об., 64.

¹³ «Русская литература», № 3, 1966, стр. 144.

¹⁴ «Северная пчела», № 280, 17.X 1862. Эта немаловажная деталь проливает дополнительный свет на предысторию «Очерков». Подробнее об этом см.: И. К. Кременская. Указ. соч.

земли». На стр. 152 своей статьи Н. И. Якушкин один-единственный раз сколько-нибудь упоминает об этом отделе¹⁵.

Между тем отдел этот был отнюдь не случайным явлением, а неотъемлемой органической частью газеты. Что это так, наглядно показывает такое характерное сравнение. Известно, что один из важнейших отделов газеты, «Политическое обозрение», вел ближайший соратник Елисеева Антонович. В 94 номерах газеты (столько их вышло за все время) под этой рубрикой было опубликовано 35 материалов¹⁶, а под рубрикой «Славянские земли» — 17¹⁷. Если к этому добавить, что «Очерки» поместили еще две большие программные статьи по славянскому вопросу («Письма о чехах» в № 33 и 41 и «Слово южного славянина к славянофилам» в № 89), то окажется, что общеполитических обозрений было всего лишь в два раза больше обозрений славянских. К тому же все другие рубрики газеты, как-то: «Разные известия», «Правительственные известия» и др.¹⁸, не могли похвастаться столь завидной стабильностью и периодичностью, как два названных. Первый появлялся в газете в среднем через два, второй — через шесть дней.

Даже если судить пока только по этому формальному признаку, то нельзя не прийти к выводу, что редакция «Очерков» придавала большое значение славянскому отделу. На его долю падала значительная идейная нагрузка, при этом, возможно, даже не меньшая, чем на долю «Политических обозрений»¹⁹, особенно, если учесть то обстоятельство, что выход газеты совпал с началом польского восстания 1863 г.

ОТДЕЛ «СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ» В ГАЗЕТЕ «ОЧЕРКИ»

Отдел «Славянские земли» в газете «Очерки» открывался большим обзором под названием «Литература и народность славян австрийских»²⁰. В дальнейшем таких самостоятельных подзаголовков почти не было. Наиболее типичным примером компоновки материалов славянского отдела в газете можно считать третью по счету публикацию в № 18 от 19 января 1863 г. Здесь после единого для всех номеров газеты, в которых присутствовал славянский отдел, заголовка «Славянские земли» шли набранные специальным, отличающимся от основного печатного текста га-

¹⁵ Н. И. Якушкин. Газета «Очерки» — орган революционной демократии. «Русская литература», № 1, 1969, стр. 152.

¹⁶ «Очерки», № 1, 2, 4, 6, 7, 11, 14, 16, 19, 22, 25, 28, 35, 41, 43, 45, 48, 50, 53, 57, 59, 63, 64, 66, 69, 71, 73, 77, 78, 80, 84, 86, 88, 90, 92, 1863.

¹⁷ «Очерки», № 7, 12, 18, 24, 30, 38, 47, 52, 60, 65, 72, 78, 79, 83, 85, 89, 91, 1863.

¹⁸ Мы, конечно, не берем в расчет «Иностранные известия» и «Телеграфные известия», которые в силу характера издания печатались ежедневно.

¹⁹ Подробный разбор «Политических обозрений» М. А. Антоновича см. в статье Н. И. Якушкина.

²⁰ «Очерки», № 7, 8.1 1863.

зеты шрифтом подзаголовки-рубрики: «Сербия», «Румыния», «Черногория», «Босния и Герцеговина». В других подборках славянского отдела встречаются еще и такие рубрики: «Славяне австрийские», «Босния» (без Герцеговины), «Герцеговина» (без Боснии), «Болгария», «Богемия», «Земли славян австрийских», «Моравия». Чаще других встречается «Сербия». Материалов под этой рубрикой в славянском отделе было опубликовано больше всего не только по числу (9)²¹, но и по объему. Обращает на себя внимание присутствие в отделе Румынии, рубрика с материалами о которой появлялась в нем 5 раз²². По-видимому, это диктовалось участием Румынии в южнославянском национально-освободительном движении и важными внутриполитическими событиями, происходившими в стране в то время.

Из 17 материалов отдела «Славянские земли» 6 подборок (в № 7, 24, 38, 72, 83, 85) рассказывают об австрийских славянах и 11 (в № 12, 18, 30, 47, 52, 60, 65, 78, 79, 89 и 91) — о славянах южных, включая Румынию.

Ознакомившись с внешней стороной компоновки материалов в славянском отделе «Очерков», перейдем к рассмотрению их идейно-политического содержания. Следует сразу заметить, что в этом отношении отдел «Славянские земли» составлял единое целое с общим направлением газеты, заключавшимся, как теперь установлено, в последовательном проведении демократических взглядов по всем обсуждавшимся тогда вопросам, с той, однако, разницей, что свое главное внимание он уделял вопросу славянскому. То, как руководители отдела умело сочетали общие и частные задачи, стоявшие перед органом революционной демократии, можно проследить на конкретных примерах.

Известно, что некоторые высказывания идеологов «Современника», касавшиеся европейской политики, относились к России. Эта практика, введенная Н. Г. Чернышевским, который, будучи властителем дум молодого поколения 60-х годов, по определению В. И. Ленина, «...умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»²³, была воспринята его учениками и использовалась ими в «Очерках». Так, уже в первом своем политическом обзоре Антонович обещал читателям не только излагать происходящие за рубежом события, но и «заниматься разъяснением смысла и внутреннего значения этих событий, исходя от частных политических фактов и новостей к общим воззрениям и заключениям». «Для этой цели, — продолжал он, — мы намерены при рассказе о текущих событиях обращаться к истории, к прошедшим и давнопрошедшим событиям, чтобы показать

²¹ «Очерки», № 12, 18, 30, 52, 60, 65, 78, 89, 91, 1863.

²² «Очерки», № 18, 30, 60, 65, 91, 1863.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

их связь с настоящим»²⁴. Пользуясь этим приемом, Антонович здесь же, характеризуя положение в Европе в 1862 г., высказал мысль, что только революционные движения обеспечивают подлинный прогресс. Отмечая пробуждение «народного духа» в России, он призывал к использованию «политических уроков» Европы²⁵. По справедливому замечанию В. В. Чубинского, «эти призывы, какими бы „эзоповскими“ оговорками они ни обставлялись, являлись в тех условиях призывом к народной революции»²⁶.

Сказанное выше в полной мере относилось и к славянскому отделу «Очерков». Так, например, в одном из славянских обозрений, говоря об открытии 27. XII 1862 г. провинциальных сеймов в Австрии, автор следующим образом наставлял славян: «Славяне ко дню открытия настоящих сеймов готовились как на предстоящую борьбу. Наученные опытом... они поняли теперь, что если от правительства ничего не требовать, не вымогать, то оно ничего и не даст... что нужно иметь детскую наивность для того, чтобы воображать, чтобы аристократия, имея в руках своих всю силу, утверждала какие-нибудь постановления, которые прямо в интересах славянского народа»²⁷. Значение этого, по сути своей революционно-демократического толкования характера и смысла политической борьбы в комментариях не нуждается: передовой русский читатель, наученный «Современником», воспринимал его вполне определенно.

Пользуясь теми же австрийскими данными, автор славянского обозрения выразил и свое отрицательное отношение к подготавливаемой в то время царским правительством цензурой реформе. Рассказав о жестоких преследованиях печати в Австрийской империи в канун обнародования там закона о печати, он сделал такой вывод: «Нельзя ожидать, что он (закон. — В. К.) будет отличаться особым либерализмом»²⁸.

Не менее характерны в этом отношении высказывания руководителей славянского отдела «Очерков» и во всех других номерах газеты, в которых этот отдел присутствовал. Уже в первом обзоре славянских земель, открывающем отдел, была высказана глубокая мысль о том, что «глас народа — глас божий»²⁹. Каждый народ, писал автор, в своем стремлении к благоустройству стремится приблизиться к идеалу. Это народное стремление, по его словам, так же неукротимо, «как и поток рек, пробивающих иногда горы, если они заграждают им путь к их развитию»³⁰. Однако автор спешит предостеречь австрийских славян от конституционных ил-

²⁴ «Очерки», № 1, 1.I 1863.

²⁵ «Очерки», № 2, 2.I 1863.

²⁶ В. В. Чубинский. Указ. соч., стр. 81.

²⁷ «Очерки», № 24, 25.I. 1863. «Славянские земли» («Славяне австрийские»).

²⁸ Там же.

²⁹ «Очерки», № 7, 8.I 1863.

³⁰ Там же.

люзий и необоснованного обольщения реформами, а заодно и своих русских читателей, явно намекая на тогдашние российские условия, возникшие после отмены крепостного права. «В заключение, — пишет он, — мы припомним поговорку древних: „Перемена земли не меняет права“, и, варьируя ее, скажем: перемена формы не изменит самой сущности дела»³¹.

Значение политической борьбы для угнетенных славян ясно и четко было сформулировано и в таких, например, словах: «Земские сеймы уясняют в сознании идею о самоуправлении и указывают на пользу, способ проведения ее в жизнь. А всякая ясно осознанная идея всегда стремится выразиться в форме как можно более близкой к идеалу (выделено нами. — В. К.). Так что, чем сильнее отпор встретит в земских сеймах правительство, тем оно быстрее пойдет вперед по своему конституционному пути и тем большие части своего величия и могущества оно должно будет отделять народу»³².

Одинаковые принципы, по словам газеты, приводят к одинаковым следствиям. Отсюда то, что характерно для славян австрийских, в равной мере и степени относилось к южным славянам и к России. Так, по мнению составителей славянского отдела, всеобщее недовольство народа властями в Боснии грозило перерасти в восстание. «Порожденное одними и теми же причинами (недовольство. — В. К.) поселяет сочувствие между различными обитателями страны, сплачивает их воедино и теперь перешло уже в сознательную и действенную оппозицию правительству»³³. Рассказав читателям о многочисленных фактах насилий и злодеяний турецких властей в Боснии, в условиях, когда «ни имение, ни жизнь христианина в Турции ничем не гарантируются от произвола турок»³⁴, автор делает примечательную оговорку: «...Сообщая эти факты, мы не рассматриваем их как нечто исключительное, одной только Турции свойственное, советовал бы и читателям не слишком нападать на Турцию, потому что подобное этому возможно и в других странах, имеющих претензию на цивилизацию (выделено нами. — В. К.). Если же мы и указываем на приведенные нами факты, то только потому, что они служат самым удовлетворительным объяснением, почему Сербия и Черногория желают избавиться от турецкой опеки и почему начинается возмущение в Албании»³⁵.

Приведенные выше высказывания убедительнейшим образом свидетельствуют об органическом единстве идейного содержания славянского отдела «Очерков» с общим демократическим направлением газеты, вокруг которой после закрытия «Современника»

³¹ Там же. «Славянские земли» («Литература и народность славян австрийских»).

³² «Очерки», № 24, 25.I 1863.

³³ «Очерки», № 30, 31.I 1863.

³⁴ «Очерки», № 18, 19.I 1863.

³⁵ «Очерки», № 47, 18.II 1863.

объединились лучшие представители тогдашней разночинной интеллигенции, идейно и организационно примыкавшей к подпольной революционной организации «Земля и воля».

Помимо общедемократических устремлений, определявших лицо «Очерков» как органа русских демократов-шестидесятников, отдел «Славянские земли» имел и свои специфические, славянские задачи. Поскольку позиция «Земли и воли» по национальному вопросу вообще, и славянскому в частности, наименее всего изучена, представляется важным проследить, как к его решению подходил исследуемый нами печатный орган. В наличной литературе, особенно в последней статье Н. И. Якушина, убедительно показано, что «Очерки» выступали единым фронтом против реакционной идеологии славянофилов, с которыми остро полемизировали в газете и Елисеев, и Антонович, и Шапов. Впервые выяснена в этой статье позиция руководителей «Очерков» по польскому вопросу, их сочувственное отношение к восставшим полякам.

Какое же отражение эти и другие общеславянские проблемы нашли в славянском отделе газеты, специально созданном для этого? Ответить на этот вопрос далеко не просто, так как в течение трех месяцев руководители славянского отдела газеты, естественно, не могли с исчерпывающей полнотой высказать все свои взгляды по славянскому вопросу. В 19 материалах отдела удалось осветить более или менее полно только два вопроса, волновавших тогда русскую и мировую общественность, — деятельность провинциальных сеймов в Австрии и реакцию сербов и южных славян вообще, с одной стороны, и европейской дипломатии, с другой, на варварскую бомбардировку Белграда турками летом 1862 г. Кроме того, основную и главную тяжесть в плане теоретической разработки славянского вопроса несли на себе не отдел «Славянские земли» в силу его информационного характера (других форм подачи материала в виде отдельных статей, очерков, корреспонденций, органически включаемых в славянскую рубрику, его руководители применить не успели), а специальные статьи, помещаемые на месте передовиц. Таких статей, как уже отмечалось, за время существования газеты было напечатано две: «Письма о чехах» и «Слово южного славянина к славянофилам». Только определив авторов материалов славянского отдела и упомянутых статей, можно удовлетворительным образом ответить на поставленный выше вопрос. Эту задачу мы и попытаемся решить, предварительно выяснив, что в этом отношении дают нам материалы самого отдела «Славянские земли».

Уже в первом обозрении автор решительно возражает против искусственного слияния славян, явно намекая на славянофилов. «И два народа, — говорит он, — хотя бы они были одного происхождения, стоящие на различных ступенях развития и достигшие его различными путями при других исторических событиях, развившие у себя каждый особенный дух и характер и потому ничего, кроме физиономии и корней языка, общего между собой не

имеющие, едва ли могут слиться в одну массу, проникнуться взаимным сочувствием и жить одною жизнью». И далее: «Напрасны усилия тех (читай — славянофилов. — В. К.), кто хлопочет об этом. Между ними возможно соединение только временное, случайное, для освобождения себя от общего им врага»³⁶.

Мысль о временном союзе славян с целью их освобождения от иноземного ига получила дальнейшее развитие и конкретизацию в другом обзоре о положении в славянских землях. Следя за событиями в Боснии и Герцеговине, автор обратил внимание читателей на такое необычное явление. В этих областях, пишет он, «к восстанию вместе с христианами готовятся и турки, потому что озлобление всего народонаселения против стамбульского правительства достигло высшей степени»³⁷. И вот как он это объясняет: «Несмотря на совершенное различие племенного происхождения, веры, нравов и обычаев, славяне боснийские сумели до того сойтись с турками, что эти последние изъявляют теперь полную готовность помогать им для уничтожения османского государства и содействовать воскрешению некогда знаменитого царства сербов, с тем только условием, чтобы религия их имела равноправность и чтобы оставлены за ними были те земли, которыми они теперь владеют»³⁸.

Итак, по мнению автора, такого рода политический союз простого народа противостоящих друг другу наций, угнетающей и угнетенной, не только желателен, но и возможен. И хотя автор тут же оговаривается, что «эта общая, так сказать политическая (выделено нами. — В. К.), симпатия турок к христианам нисколько не изменяет между ними отношений и не заставляет первых в общежитии дружелюбней обращаться с последними»³⁹, тем не менее теоретическое значение самой постановки вопроса трудно переоценить.

Как уже говорилось, приступая к своим обзорам, авторы славянского отдела поначалу возлагали большие надежды на политическую активность как австрийских славян в связи с открытием земских сеймов в Австрии, так и южных в связи с политическим кризисом, вызванным событиями 1862 г. в Сербии. При этом они не ограничивались простой констатацией фактов, не были беспристрастными наблюдателями событий; они нередко советовали читателям, как лучше действовать для достижения общей цели, высказывая интересные мысли в плане общедемократических идей, отстаиваемых и пропагандируемых газетой.

Однако надежды на подъем освободительного движения славянских народов и их взаимную солидарность в критический для царского самодержавия момент, вызванный восстанием поляков,

³⁶ «Очерки», № 7, 8.I 1863.

³⁷ «Очерки», № 79, 22.III 1863.

³⁸ Там же.

³⁹ «Очерки», № 72, 15.III 1863.

не оправдались. Реальная действительность опровергла субъективные устремления руководителей славянского отдела. Причиной неуспеха политических акций зарубежных славян в начале 1863 г., по их мнению, была межплеменная вражда, отсутствие единства между самими славянами и солидарности между славянами и неславянами, без чего невозможно было решить историческую задачу национального освобождения славян и создания ими своих свободных государств⁴⁰.

Отсюда и те неутешительные выводы, к которым пришли обозреватели жизни зарубежных славян по двум главным, рассматриваемым ими на страницах газеты вопросам. Применительно к австрийским славянам они были сформулированы в нижеследующих трех положениях.

Первое. «Если относиться к австрийским славянам беспристрастно, без кровно-родственного чувства (т. е. не по-славянофильски. — В. К.) и не оглядываться на самих себя (по-видимому, автор хотел этим сказать, что и в России дело обстояло не лучше. — В. К.), то деятельность и поведение их на земских сеймах мало возбудят в нас симпатии к ним»⁴¹.

Второе. «Таким образом, как ни грустно, но мы должны предположить, что сеймовые собрания и этого года не принесут славянам никакой общественной пользы, могущей поставить их на дорогу самостоятельного развития... Во всяком случае великого ничего ожидать нельзя»⁴².

И, наконец, обобщающий вывод. «Но прискорбнее всего то, — говорилось в заключительной части цитированного выше обзора „земель славян австрийских“, — что мы должны прийти к заключению репетиловщины: „Шумим, братец, шумим“... — может отвечать (в смысле утверждать, заявлять. — В. К.) не только индивидуум, но целое племя, по крайней мере в известный период его политического и гражданского развития»⁴³.

Заключение касательно спада движения южных славян после очередной вспышки восточного кризиса, вызванного сербо-турецким конфликтом 1862 г., сформулировано в иных, не столь решительных выражениях, однако смысл его от этого не меняется. «Нельзя не заметить, — пишет автор, — что энергия князя Михаила с некоторого времени, вследствие изменившихся внешних обстоятельств, начала ослабевать. Ближайшею тому причиною служат: польское восстание, положение князя Кузы, с некоторого времени сделавшееся весьма шатким, и отношение Черногории к Турции, принявшее в последнее время характер более миролюбивый»⁴⁴.

⁴⁰ «Очерки», № 72, 15.III 1863.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Очерки», № 60, 3.III 1863.

Обратимся теперь к рассмотрению двух вышеназванных статей, специально посвященных славянскому вопросу.

В двух номерах газеты, (№ 33 и 41) была напечатана статья под общим заголовком «Письма о чехах». Первая ее часть имела подзаголовок «Отношение русского общества и литературы к западным славянам»⁴⁵, вторая — «Статистические данные, обуславливающие политические отношения славян вообще и чехов в особенности к другим народам в австрийских владениях»⁴⁶. Уже сами по себе эти подзаголовки свидетельствуют о проблемном, теоретическом характере статьи, вопреки довольно нейтральному ее названию. А если к сказанному добавить, что статья была помещена в газете на месте передовицы, то станет ясным то большое значение, которое стремилась придать ей редакция «Очерков». Обоснованность такого рода соображений целиком подтверждается глубоким содержанием статьи.

Свое изложение автор начинает с истории развития славяноведения или, как он выражается, «славянщины» в России. Этим предметом уже 20 лет занимаются специальные кафедры при русских университетах; его изучению полностью посвятило свою деятельность общество славянофилов, которое издавало и издает специальные печатные органы: «Русская беседа», «Парус», «День»; им отчасти занимаются Академия, общества российской словесности и отечественной истории и древностей. И тем не менее, заключает автор, «мы по сию пору не имеем ни этнографии славян..., ни одного описания занимаемых ими краев, ни статистики, ни истории не только для всех славянских народов, но даже ни для одного в отдельности»⁴⁷. Знания о славянах составляли в некотором роде привилегию нескольких специалистов, которые, по словам автора, «до сих пор и решали славянский вопрос каждый со своей исключительной, специальной точки зрения»⁴⁸. Поэтому русское общество начала 60-х годов не имело не только объективного, но вообще сколько-нибудь удовлетворительного представления о славянском мире. Исправить такое положение, по-видимому, и намеревались «Очерки», открыв на своих страницах специальный отдел «Славянские земли».

По мнению автора статьи, главным недостатком отечественного славяноведения было то, что оно замкнулось в изучении одних славянских древностей. В значительной мере это было обусловлено тем, что «славянские кафедры имели специальное назначение — филологическо-археологическое; и сверх того профессорам особыми инструкциями внушалось строго держаться указанного направления и не касаться ни современной живой литературы, ни политического положения славян»⁴⁹. А между тем именно совре-

⁴⁵ «Очерки», № 33, 3. II 1863.

⁴⁶ «Очерки», № 41, 12. II 1863.

⁴⁷ «Очерки», № 33, 3. II 1863.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

менное положение зарубежных славян в первую очередь хотела знать русская общественность. Ее, по мнению автора, не может не интересовать такой, к примеру, любопытный вопрос: «Каким образом народ (чешский. — В. К.), создавший песни Краледворской рукописи⁵⁰, мог до такой степени утратить поэтический дух, что в настоящее время не имеет ни одного поэтического произведения, которое заслуживало бы быть переведенным на другие языки, как переводят Мицкевича, Пушкина, Лермонтова и т. д.? Каким образом народ, в продолжение целого столетия потрясавший всю Западную Европу, мог упасть до того, чтоб от него осталась горсть ученых и литераторов, которые бесполезно усиливаются вдохнуть жизнь в умирающий организм своего отечества? И как по сию пору не угасло это немногочисленное пламя, более тысячи лет живя посреди чужих элементов и вынося такие истребительные войны, как гуситские и тридцатилетняя, вместе охватывающие два с половиной столетия? Если действительно чехи до такой степени упали, то в высшей степени любопытно и даже бесполезно было бы знать процесс этого исторического явления. Всякое, хоть отрицательное, решение вопроса приводит к результатам положительным. А отношения общественные, экономические, школы, хозяйство (выделено нами. — В. К.) — разве не существуют для чехов на том основании, что о них ничего не говорили специалисты? Это такие стороны народной жизни, которые не могут не интересовать общество, но их-то мы и не знаем» (выделено нами. — В. К.).

Центральное место в первой части «Писем о чехах» занимает сравнительная характеристика двух точек зрения, двух диаметрально противоположных взглядов на славянский вопрос: славянофилов с их панславистской идеологией, с одной стороны, и демократов, которых автор называет «реалистами», — с другой. Природа и сущность славянофильского направления в русской общественной мысли охарактеризована в статье с такой полнотой, какую мы вряд ли найдем во всей тогдашней публицистике, за исключением, быть может, «Современника», когда его возглавлял Чернышевский.

Одной из заслуг университетских славянских кафедр, по мнению автора, было то, что они пробудили интерес к славянскому миру. На этой почве возникли и те стремления, которые, по его словам, «слившись с издавна существовавшими у нас патриотическими пристрастиями, создали славянофилов»⁵¹. Вот их характеристика: «Славянофилы, — пишет он, — это дилетанты в славянской науке и русские романтики. Их увлекло не истинное содержание науки, не истинный смысл предмета, а чисто наружная сторона, поверхностный взгляд и наскоро составленное понятие

⁵⁰ Автор, как и абсолютное большинство тогдашних ученых, считал Краледворскую рукопись оригинальным древним произведением чешского народа.

⁵¹ «Очерки», № 33, 3. II 1863.

о предмете... Они воздвигали гонение на все иностранное, начиная с костюма и оканчивая словами. Создавали какую-то особенную славянскую науку, особые неприкосновенные принципы народной жизни, славянскую философию, религию и т. д., одним словом, реставрировали русские средние века... Занимаясь славящиной более с целью пропагандировать свои идеи, чем изучать их, славянофилы мало заботились о том, чтоб познакомить русское общество с настоящим положением славянского вопроса. Они представляли его слишком субъективно, участвовали в нем больше чувством, чем сознательно, и по тому же пути увлекали других»⁵². Автор попытался выяснить причину успеха славянофильского учения в России, которую он видел в том, что славянофилы «успели пробудить интерес к своим мечтам в главных сословиях — дворянском, духовном и купеческом»⁵³.

В начале XIX в. у западных славян возникла идея панславизма, получившая особое значение после 30-х годов. Она вскоре привилась и в России, а в 40-х годах, по словам автора, охватила весь славянский мир. Эту идею приняли на свое вооружение русские славянофилы, и с тех пор они «мечтают создать великое славянское государство на народных началах под мощным покровительством русской державы. Взгляд их на Западную Европу известен, — продолжал автор. — Западноевропейскую цивилизацию они считают положительно вредною, и поэтому западных славян, подпавших под влияние этой цивилизации, считают погибшими, и потому с некоторого времени преимущественное внимание обращают на славян южных, православных, не тронутых еще никакой цивилизацией, против которой делают им постоянные предостережения»⁵⁴.

Таковы славянофилы, такова их доктрина, таков их взгляд на славянский мир в изложении автора. Им противостояла другая, образованная часть русского общества, представлявшая реальное направление в науке и жизни. Автор разбираемой статьи не только причислял себя к этому направлению, но и попытался сформулировать его основные принципы.

Если суммировать и обобщить все положения автора, высказанные им на этот счет в заключительной части первой статьи, то их можно свести к трем основным пунктам.

1. Критическое усвоение славянским миром передовой европейской цивилизации в материальной, духовной и культурной жизни, «далекое, однако, от того безусловного поклонения, которое создают славянофилы своим народным началам».

2. Политическая и социальная связь и солидарность всех славян, основанная не на одном только племенном родстве, а на «взаимных интересах, какие, например, связывают все народы между собой: китайцев, американцев, европейцев и т. д., — на интересах

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

общечеловеческих, которые присущи всем племенам и народам! Эти самые общечеловеческие интересы должны связать нас (русских. — В. К.) и с миром славянским». Всемирное содействие развитию у славян науки, литературы и искусства.

3. Борьба за жизненные интересы славян, диктуемые „насушными потребностями“⁵⁵, а не прихотью вкуса».

Исходя из этих принципов, автор задумал в своих «Письмах о чехах» показать их историческую жизнь, современное положение края и народа. Сделать это, по его мнению, было крайне необходимо, причем не в отечественной научной, а именно в «общественной журнальной литературе», особенно, если, в отличие от славянофилов, подойти к делу как можно объективнее — «*Sine ira et studio*», т. е. без предвзятого мнения и скептицизма. Такая необходимость диктовалась еще и тем, что, по глубокому убеждению автора, изучение славянства в России в то время находилось в самом начале, основывалось «на одних материалах, в собрании которых, бесспорно, большая заслуга принадлежит славянофилам и чисто ученым, профессорам славянских кафедр»⁵⁶, которых он отделял от славянофилов.

Второе «Письмо о чехах»⁵⁷ посвящено общей характеристике положения славян в Австрийской империи, при этом главное внимание, как и в первом письме, уделено чехам.

Австрия, говорит автор, представляет собой странный конгломерат нескольких народностей, не только слабо связанных между собой, но «большой частью взаимно друг друга ненавидящих». Это государство «с апостольским величеством во главе» является беспрецедентной в истории человечества аномалией, когда составляющие его 18 различных народов «сами добровольно охраняют власть, которую искренне ненавидят, и поддерживают систему, в которой видят свое уничтожение».

Причину этого феномена автор объясняет не хитрой политикой австрийского правительствa, вошедшей в поговорку⁵⁸, а характером самой системы, являющейся продуктом тех народностей, из которых слагалась Австрийская империя. Роковая особенность этой государственной системы ярко проявилась в период революционного взрыва 1848—1849 гг., потрясшего ее основы. Эти события, по мнению автора, в полной мере обнаружили ее про-

⁵⁵ Под «насушными потребностями» подразумевались борьба за национальное и социальное освобождение, объединение поработанных славянских народов и свободное демократическое развитие всех славян.

⁵⁶ «Очерки», № 33, 3.II 1863.

⁵⁷ «Очерки», № 41, 12.II 1863.

⁵⁸ «Сколько известно историй, — говорит автор, — государи австрийские, исключая Иосифа II, никогда не отличались особенно политической мудростью. Из министров их также ни один почти не кончил своего поприща правильным образом: они обыкновенно сходят со сцены по принуждению народа (выделено нами. — В. К.). Нет, правительство здесь ни сколько не виновато. Оно само следует этой политике по требованию своих народов, исторический характер которых развился так, что вие австрийской системы они не видят спасения».

твоестественный характер. С одной стороны, стремление подвластных Австрии народов освободиться от ига, мешавшего их свободному, самостоятельному развитию, с другой — какая-то боязнь разрушить эту систему. «Вдруг, когда цель уже в виду, ими овладевает тоска, им становится страшно разделиться, и они с яростью кидаются восстанавливать потрясенную систему и неумолимо мстят тем, кого считают виновниками потрясения».

Объяснить этот странный феномен, сделать из уроков революции 1848 г. необходимые для австрийских славян выводы и попытался автор в своем втором «Письме о чехах».

48-й год показал, что «чехам нет спасения ни в Австрии, ни вне Австрии». Какой же выход из положения видит автор? Прежде всего он отвергает, как беспочвенные и вредные, советы и толки, исходящие от славянофилов. «Жаль было бы, — пишет он, — если бы сами чехи поддались влиянию этих толков и убаюкивали бы себя сладкими надеждами на постороннюю помощь, которую им сулят разные старшие братья... Время несбыточных надежд и утопий вроде панславизма для них уже миновалось»⁵⁹. Автор советовал чехам глубже вникнуть в события 1848 г. и извлечь из них необходимые уроки. Несмотря на временную победу реакции, с начала 60-х годов в империи «начинается новая борьба». Австрийская система снова переживает кризис, исход которого будет целиком зависеть от самих австрийских народов, «от того, в какой степени они сознают себя созревшими для самостоятельной жизни»⁶⁰. Свой совет чехам, как им вести себя в сложившейся ситуации, автор сформулировал в следующих словах: «Настала пора усиленной неутомимой деятельности» (выделено нами. — В. К.)...⁶¹ и результаты не замедлят сказаться. Теперь, рассуждал автор, когда разница цивилизации на западе почти исчезла, остается только ждать, когда поднимется уровень славянской цивилизации на востоке и юге, тогда для западных славян возникнет надежда на нравственную и политическую поддержку против сильного напора чужих элементов с запада. Единственный путь к этому — просвещение, которое «должно довершить освобождение славян из-под чужого владычества». «Судьей в этом случае может быть только история. В ней истина виднее... — писал он в конце статьи. — Начала, глубоко коренящиеся в народном характере и закрепленные вековой исторической жизнью, рано или поздно возьмут свое. И наоборот, что ему не свойственно, что противоречит его коренным началам, как ни прививай, как ни навязывай силой, не примется, отпадет, как неудачный прививок, а сильный корень выгонит новые, свежие, дикие ветви. В истории народа хранятся зародыши его будущего развития. Ей принадлежит и суд над народом»⁶².

⁵⁹ «Очерки», № 41, 12.II 1863.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

Этими, полными глубокого оптимизма словами завершаются «Письма о чехах». Судя по всему, они должны были иметь продолжение. Многие вопросы, поставленные в первом письме, из-за неожиданного прекращения издания «Очерков» оказались несвещенными. Правда, один важный вопрос о «преимущественном внимании» славянофилов к южным славянам, только намеченный в первом письме, получил свое развитие в упомянутой выше статье «Слово южного славянина к славянофилам»⁶³, появившейся в газете незадолго до прекращения ее выхода.

В двоекном номере «Современника», впервые вышедшем в 1863 г. после восьмимесячного закрытия журнала, были напечатаны очерки Н. Берга «Мои скитания по белу свету», вызвавшие резко отрицательную реакцию славянофильского «Дня»⁶⁴. Статью, подписанную псевдонимом «Южный славянин»⁶⁵, И. С. Аксаков сопроводил своими примечаниями. И автора, и редактора возмутило «жестокое кощунство» Берга, назвавшего южных славян «черноробочим племенем Европы». За это Берг был зачислен Аксаковым в ренегаты русской народности.

Поскольку автор «Слова» был сам южным славянином, он решил «со своей стороны сказать по этому поводу несколько слов». В отличие от славянофилов он соглашается с мнением русского путешественника, считая высказанный им взгляд искренним и справедливым, хотя и замечает, что по прочтении статьи Берга «что-то тяжелое легло на нашу душу». Но эта тяжесть у автора «Слова» вызвала иную, совершенно не схожую со славянофильской, реакцию. «Не оторванность от своего народа, не ренегатство г. Берга заставили произнести такой жестокий приговор „целому племени“, — говорит он, — а скорее любовь, сочувствие, боль, как выражаются, души за этот черный неподвижный народ, который вы, господа славянофилы, называете „славян могучим племенем“; и в эту любовь, в эту горе за нас, южных славян, мы и прежде, и после этого грозного приговора верили и верим больше, чем всем тем разглагольствованиям, которыми вы отуманиваете глаза русскому читающему свету»⁶⁶.

В публицистически острой, полемической форме «Южный славянин в Петербурге» (так была подписана статья) изложил свое противоположное славянофильскому мнение по затронутому Бергом вопросу. Он подверг беспощадной критике самозванных «старейшин» — московских славянофилов. Смотреть на южных славян «по-московски», говорит автор «Слова», значит, идеализировать их, нянчиться с ними, убаюкивать их ласками и несбыточными надеждами, обманывать их и себя. «Доселе о южных славянах все

⁶³ «Очерки», № 89, 3.IV 1863.

⁶⁴ «Два слова по поводу статьи г. Николая Берга „Мои скитания по белу свету“» (подпись: «Южный славянин»). «День», № 15, 1863.

⁶⁵ Автором статьи был Р. Жинзифов (см.: А. С. Ерихонов. Руското общество и българската литература. Очерци. София, 1967, стр. 249—250).

⁶⁶ «Очерки», № 89, 3.IV 1863.

сыпали похвалы, что затемняло ум и глаза почти всем, не говоря о русских, даже южным славянам, которые находились в России...⁶⁷ Русские совершенно, наконец, обидеализировали их, потому-то русский путешественник и громит так южных славян или лучше ту ложь, которая у него до посещения южных славян была истиною»⁶⁸.

Для подтверждения довода о том, что многие русские путешественники по славянским странам вольно или невольно обманывают своих читателей, автор «Слова» сослался на письмо М. П. Погодина, написанное в 40-х годах и опубликованное в первой книжке «Русской беседы» за 1859 г. Как известно, в этом письме Погодин изложил панславистскую программу. Прочитывая два характерных отрывка из письма, автор назвал эту программу бредовой; в ней ничего нет, говорил он, «кроме риторики лжи да одной заветной тайны славянофилов». Такими вещами шутить опасно. «Такие вещи, — писал он в заключение, — в этом уверяем не только так называемых славянофилов, но и всех русских, — дают результат действительно дурной. Русские путешественники объявляют, что все славяне готовы преклониться перед русским орлом; тем же главенством и австрийцы пугают славян. Это факт, о котором мы теперь говорить не станем, предоставляя это всякому, кто им интересуется»⁶⁹.

Соглашаясь с Бергом в том, что южные славяне фактически являются чернорабочим племенем Европы, автор разбираемой статьи выразил свое отношение к этому определению в следующих словах: «Сон, душу возмущающий сон царствует у нас на юге, и хотя горько, но мы должны в этом сознаться, мы должны сказать правду, чтобы не услаждать себя разными призраками, фантазией больных и т. п. внерассудочными бреднями»⁷⁰. Это были слова настоящей любви к родине, слова пламенного патриота, тосковавшего об отсутствии у его соотечественников настоящей революционной борьбы. Быть может, поэтому он упрекнул русского путешественника за явное преувеличение насчет России, названной им самой счастливой славянской землей, «сущим Алкивиадом между славянами». Это позволило «Южному славянину в Петербурге» высказать свое мнение и о положении дел в царской России. «Беспорядочность в России, — говорит он, — едва ли не в меньшей степени, чем у южных славян»⁷¹. Все, кажется, есть, и руки, и ноги, и необыкновенная сила, а в гражданских и политических делах — «все каша да дисгармония». Правда, уточняет автор «Слова», если у южных славян царит такой мрак, что ни-

⁶⁷ Этим автор хотел сказать, что большинство южнославянских учащихся в России в ту пору, как правило, оказывалось в стане славянофилов.

⁶⁸ «Очерки», № 89, 3.IV 1863.

⁶⁹ Там же. Эти слова перекликаются с мыслями Н. Г. Чернышевского, высказанными им в статье «Народная бестолковость».

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

чего не видно, то «здесь (в России. — В. К.) начинает рассветать»⁷².

В обстановке революционного подъема в стране такой многозначительный намек на «рассвет» говорил пронизательному читателю о многом. Вместе с тем, оценивая разбираемую статью в целом, нельзя не заметить порой резкого, прямолинейного тона суждений и высказываний ее автора. В пылу полемики публицист иногда явно сгущал краски. Поэтому с некоторыми его положениями трудно согласиться. Так, например, категорическое утверждение в приведенной выше цитате о полном мраке у южных славян противоречило фактам.

После того как мы проанализировали позицию «Очерков» по славянскому вопросу, настал черед выяснить, кто персонально создавал славянский отдел в газете и руководил им, кем писались его обозрения?

Как известно, все материалы славянского отдела «Очерков», не исключая и двух разобранных выше статей, были анонимными. Подпись под второй статьей — «Южный славянин в Петербурге» — мало что дает: южных славян в русской столице в ту пору было немало. В данном случае исследователю не остается ничего другого, как, памятуя о том, что архив издательства «Очерков» не сохранился, обратиться к архивным разысканиям иного рода. Правда, и эти попытки не всегда приводят к желаемым результатам, особенно, когда речь идет о прессе. К счастью, многолетние коллективные усилия ученых увенчались успехом, позволяющим с фактами в руках решить столь сложный вопрос.

Мы уже знаем, что в первой половине 60-х годов прошлого столетия большой активностью на поприще русской журналистики отличался Живоин Жуёвич. В двух прошениях в литературный фонд о материальной помощи он прямо ссылается на свое сотрудничество в «Очерках». Поэтому можно полагать, что «Слово южного славянина к славянофилам» принадлежит сербскому публицисту. Но, как известно, он говорит не об одной статье, а о нескольких (слово «статья» в письме к Коршу употреблено во множественном числе!). Если понимать это выражение буквально, то Жуёвичу следовало бы приписать авторство «Писем о чехах», так как никаких других статей, посвященных славянам, на страницах «Очерков» больше не напечатано. Но такое умозаключение было бы ошибочным.

Дело в том, что мы располагаем источником, говорящим о принадлежности «Писем о чехах» известному русскому ученому-революционеру, активному участнику первой «Земли и воли», слависту и этнографу Павлу Аполлоновичу Ровинскому. В письме из Петербурга от 5(17) февраля 1863 г. Н. М. Шатилову Ровинский, в частности, писал: «...Заработок покуда идет очень плохо.

⁷² «Очерки», № 89, 3.IV 1863.

Впрочем, на днях начал кое-что печатать в „Очерках“⁷³. Простое сравнение хронологии (первая статья «Писем о чехах» была напечатана 3 февраля, а письмо Шатилову написано двумя днями позже) дает основание предположить, что автором «Писем» был П. А. Ровинский. В пользу этого предположения можно привести и другие, не менее веские доводы. Косвенное упоминание о сотрудничестве Ровинского в «Очерках» содержится в его письме к А. Н. Пыпину из Цюриха от 14 ноября (нов. ст.) 1869 г.⁷⁴ и в «Воспоминаниях» Г. З. Елисеева⁷⁵.

Принадлежность «Писем о чехах» П. А. Ровинскому доказывается также целым рядом стилистических и иного рода особенностей самой статьи. Прежде всего ее автором был русский, о чем говорят такие выражения в статье, как «у нас», «наше общество» и т. д., но такой русский, который писал слово «славяне» и все производные от него («славянщина», «славянофилы» и т. п.) через букву «о», а слова «Румыния», «румыны» во втором слогe через «у» («румуны»). Примечательно, что эта интересная особенность была присуща только одной статье. Во всех других материалах газеты, в том числе и в отделе «Славянские земли», последовательно, без всяких исключений, упомянутые выше однокоренные слова писались через «а» и «ы» (славяне, «румыны»). Оказывается, такой орфографии в написании этих слов придерживался именно П. А. Ровинский, ученик В. И. Григоровича, воспитанник казанской школы русских славистов. Проверкой автографов Ровинского установлено, что в это время и позднее, в 1868—1869 гг., в письмах Пыпину из Сербии он писал «словянство», «славяне»⁷⁶ и только в конце XIX в. перешел на общепринятые в русской орфографии правила. Наконец, так хорошо знать чешскую историю и разбираться во всех ее деталях мог именно Ровинский, специально изучавший чешский язык, чешские земли и посетивший Чехию с научной целью в 1860—1861 гг.

Таким образом, есть все основания считать П. А. Ровинского автором «Писем о чехах».

Тогда, какие же другие статьи, кроме «Слова», принадлежали перу Ж. Жуёвича? Ответ на этот вопрос может быть один — материалы отдела «Славянские земли».

Но все ли? Полагаем, что нет. Можно с уверенностью приписать ему только материалы, относящиеся к южным славянам и Румынии, что же касается материалов о славянах австрийских, то их автором, по нашему мнению, был П. А. Ровинский. На этот

⁷³ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 2, д. 66. За указание на это письмо приношу благодарность Е. В. Михайлову.

⁷⁴ ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 341, л. 106.

⁷⁵ «Шестидесятые годы». М.—Л., 1933, стр. 359.

⁷⁶ См., например, его письмо из Белграда от 20 апреля (2 мая) 1868 г., хранящееся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 621, д. 722). Следует иметь в виду, что в ту пору наборщики делали набор непосредственно с авторской рукописи.

счет можно привести несколько доказательств. Ограничимся, однако, важнейшими.

1. В материалах о южных славянах есть факты, которые нельзя объяснить иначе, как приписав их авторство Жуёвичу. В самом деле, как можно, к примеру, истолковать такое совпадение? Впервые на страницах «Очерков» был поднят вопрос о миссии английского священника Дантона в Сербии⁷⁷. Позднее к этому вопросу неоднократно возвращался только Жуёвич, будучи в 1864 г. заведующим славянским отделом одновременно в двух газетах — «Голосе» и «С.-Петербургских ведомостях». Далее в статье «Босния»⁷⁸ автор сделал большую сноску к слову «влах» и так обстоятельно, с таким знанием дела объяснил этимологию этого термина, как мог сделать только человек, знавший не понаслышке, а из собственного опыта различные значения слова «влах» у южных славян. Он даже привел сербскую поговорку на этот счет⁷⁹. Или взять другой, не менее яркий пример. В статье «Сербия»⁸⁰ есть еще более пространный комментарий к слову «арендатор» или «кмет», избобличающий в его авторе знатока тогдашних отношений в Сербии и Боснии. Изучение публицистического наследия Жуёвича позволяет отождествить с ним анонимного автора интересующих нас статей. Наконец, названия славянских и неславянских газет, на основании которых писались обзоры южных славян в «Очерках», и сравнение их с источниками, которыми пользовался Жуёвич в бытность свою заведующим славянским отделом в «Голосе» и «С.-Петербургских ведомостях», лишний раз подтверждает справедливость нашего вывода о принадлежности южнославянских материалов в «Очерках» перу сербского демократа.

2. Доказать принадлежность обзоров об австрийских славянах П. А. Ровинскому не составляет большого труда, так как мы знаем о его сотрудничестве в газете «Очерки». Хотя в письме Шатилову Ровинский написал, что он только «на днях» начал писать в «Очерках», мы имеем основания не согласиться с ним. Ведь в письме шла речь о долге, который он не мог уплатить. Зато содержание всех обозрений австрийских славян, нам теперь хорошо знакомое, свидетельствует о том, что писал их русский, и о том, что он особенно хорошо ориентировался в чешских делах, свободно владел чешским и немецким языками. Среди петербургских публицистов из демократического лагеря в то время такими качествами обладали только два человека — А. Н. Пыпин и П. А. Ровинский. Но первый целиком был занят в «Современнике», где публиковал в это время свои статьи — «Процессы печати в Австрии». Этому же вопросу главным образом был посвя-

⁷⁷ «Славянские земли». «Сербия». «Очерки», № 12, 13.I 1863.

⁷⁸ «Славянские земли». «Босния», «Очерки», № 47, 18.II 1863.

⁷⁹ Когда влахи не могут хорошо принять гостя, они говорят: «Опростите господине, ми смо власи; у влашкијем кућама овако се живи» (т. е. «Извините, господин, мы влахи, в домах влахов так живут»).

⁸⁰ «Очерки», № 89, 3.IV 1863.

щен и обзор «Литература и народность славян австрийских», которым открывался отдел «Славянские земли» в «Очерках». Сличение материалов, написанных на одну и ту же тему, показывает, что писались они разными авторами. Принадлежность обзоров об австрийских славянах в «Очерках» П. А. Ровинскому доказывается сравнительным анализом содержания, а также характерных для писательской манеры Ровинского литературных приемов в произведениях русского революционного демократа, опубликованных как до, так и после его сотрудничества в «Очерках».

Проделанное нами исследование позволяет воссоздать в общих чертах картину возникновения славянского отдела в революционно-демократической газете «Очерки» и сделать некоторые выводы касательно его характера и места в истории славяноведения в России.

В конце 1861 г. возвращается из командировки в чешские земли П. А. Ровинский и вскоре становится активным деятелем «Земли и воли». Знакомство Ровинского с Жуёвичем, по всей вероятности, произошло в 1862 г. Русский славист охотно завязывал знакомства с южными славянами, особенно с сербами, живой и устойчивый интерес к которым он проявил еще на студенческой скамье в Казанском университете. Достаточно сказать, что его первая печатная работа, увидевшая свет в 1856 г., была посвящена общественному и домашнему быту сербов⁸¹.

Одним из первых знакомых Жуёвича среди русских ученых-славистов Петербурга был А. Н. Пыпин, земляк, сотоварищ по учебе и большой друг П. А. Ровинского. В своих многочисленных письмах к Пыпину Ровинский называл его не иначе, как «Милый мой Александр Николаевич». Оба они были близкими к Н. Г. Чернышевскому людьми; все трое — родом из Саратова; всех их вместе объединяла не только тесная личная дружба, что, как известно, было засвидетельствовано конкретными делами, но и идейная близость. Их по праву можно назвать друзьями-соратниками славной плеяды разночинцев-демократов 60-х годов прошлого столетия.

Когда обсуждался вопрос об издании ежедневной политической и литературной газеты «Очерки» под редакцией Елисеева, по всей вероятности, тесно связанный с ним по «Современнику», Пыпин порекомендовал П. А. Ровинского в качестве заведующего славянским отделом, а последний привлек в свою очередь Ж. Жуёвича. Такой ход событий, с учетом всех известных нам теперь обстоятельств, представляется наиболее вероятным. Поэтому, несмотря на то что отдел «Славянские земли» вели два человека, все его материалы как западнославянские, так и южнославянские, попеременно чередуясь, были тесно связаны между собой. Это достигалось с помощью специальных связей и переходов. Так, во-

⁸¹ «Журнал министерства народного просвещения», 1856, № 4, стр. 78—126.

зобновляя после некоторого перерыва обзор положения австрийских славян, руководители отдела писали: «События у славян юго-восточных, представлявшие более интереса по своему политическому характеру и важности последствий, которые могли они иметь, отвлекли на время наше внимание от того, что делается в землях славян австрийских»⁸². Или в другом месте: «Сербы, как мы уже сообщили (выделено нами. — В. К.), остались недовольны решением европейской комиссии...»⁸³.

Фактические руководители «Очерков» Елисеев и Антонович отдавали себе ясный отчет в важности и необходимости славянского отдела в газете. Настоятельная необходимость его создания диктовалась все возрастающим интересом русской общественности к славянскому вопросу. Удовлетворить этот интерес в ежемесячном журнале, как показал опыт, было нелегко; к тому же «Современник» был закрыт, и дальнейшая его судьба была еще не известна.

Обстоятельства требовали вести повседневную наступательную борьбу со славянофилами и панславистами, противопоставляя им свою, демократическую, концепцию понимания славянского вопроса. Такая задача была под силу только ежедневной газете, и, как мы видели, за разрешение ее взялись «Очерки».

Главная заслуга в создании отдела «Славянские земли» в «Очерках», в формировании его лица в идейном отношении принадлежала Ровинскому. В его проблемных статьях содержались наиболее важные теоретические выводы и обобщения по славянскому вопросу, сделанные с революционно-демократических позиций. Этим и объяснялось единство идейно-теоретического содержания славянского отдела с общим направлением газеты. Во время сотрудничества в «Очерках» Ровинский наиболее полно выразил свои взгляды на судьбы славянского мира, его место и роль в развитии европейской цивилизации. Этому в немалой степени способствовало отсутствие редакционной цензуры⁸⁴, от которой он больше всего страдал как до, так и после «Очерков», в своей полувековой публицистической и научной деятельности, но так и не мог освободиться до конца жизни. «...Мне постоянно приходилось ... страдать от небрежности... Коршей, Краевских

⁸² «Очерки», № 72, 15.III 1863.

⁸³ «Очерки», № 78, 21.III 1863.

⁸⁴ Материалы рубрики «Славянские земли», по всей вероятности, не подвергались обработке или правке со стороны главного редактора «Очерков» Г. З. Елисеева. Иначе, вряд ли бы в «Письмах о чехах» могли сохраниться бросающиеся в глаза отступления от общепринятых правил русского языка, о чем говорилось выше. Отношения между сотрудниками газеты, как и в «Современнике», строились на основе взаимного доверия. Что касается правительственной цензуры, то она, по-видимому, менее всего была придирчива к материалам славянского отдела. Во всяком случае из десятка различных статей, написанных для «Очерков» и запрещенных цензурой, корректуры которых сохранились в архиве С.-Петербургского цензурного комитета (см.: ЦГИА УССР, ф. 777, 1862, оп. 2, д. 74, лл. 24—40), нет ни одного материала о зарубежных славянах.

и других»⁸⁵, — жаловался он в 1869 г. в письме к Пыпину и затем: «Вся пакость в мире от кулаков-Краевских, от разных самодуров и глупцов, от массы цензур с их бессмысленными формами, с лабиринтами перегородок, в которых они путаются и плутают и весь мир за собой ведут»⁸⁶. По этой причине в его более поздних работах⁸⁷ мы уже не встретим того радикализма в суждениях и той смелости в постановке вопросов, которые характерны для «Писем о чехах».

Вслед за Чернышевским Ровинский и Жуёвич последовательно отстаивали идею борьбы угнетенных славянских народов за свое национальное и социальное освобождение.

П. А. Ровинский оказал очень большое влияние на формирование взглядов Жуёвича. Их взаимоотношения представляют собой яркую, к сожалению, еще до конца не выясненную страницу истории передовых революционных русско-сербских общественных связей.

Несмотря на краткий период существования, славянский отдел «Очерков» сыграл положительную роль в пропаганде объективных знаний о зарубежных славянах в России, способствуя дальнейшему формированию и развитию демократических взглядов по славянскому вопросу. В соответствии с этой ролью он должен занять и подобающее ему место в истории отечественного славяноведения.

Ж. ЖУЕВИЧ И «СОВРЕМЕННОК»

Принадлежность Живоину Жуёвичу двух монографических статей, опубликованных в «Современнике», «Славянский юг» (№ 6, 1863, стр. 259—274) и «Сербское село» (№ 5, 1865, стр. 125—162), первая из которых была подписана псевдонимом «Ж. Склав», а вторая — буквой «Ж», можно теперь считать бесспорно доказанной⁸⁸. Однако из-за отсутствия необходимых данных об авторе не были выяснены обстоятельства появления в журнале интересующих нас статей, не было раскрыто и их содержание. Между тем это имеет большой научный интерес, так как позволяет не только объяснить сам факт сотрудничества, но и оценить его значение в истории русско-южнославянских общественных связей, расширить наши представления о процессе формирования взглядов сербского публициста.

Хорошо известно, что Н. Г. Чернышевский, признанный идеолог русской революционной демократии, придавал большое

⁸⁵ ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 341, л. 81.

⁸⁶ Там же, л. 83.

⁸⁷ См.: К. И. Ровда, П. А. Ровинский и русско-чешские общественно-литературные связи. «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVII—начало XX в.)». М., 1968, стр. 276—299.

⁸⁸ В. Г. Карасев, Сотрудничество Живоина Жуёвича в «Современнике» (1863—1865). «Советское славяноведение», 1971, № 1, стр. 41—58.

значение освещению в журнале славянского вопроса, который к началу 60-х годов вышел из узких рамок университетских аудиторий и получил широкое общественное звучание. «...Все органы русской журналистики, — констатировал он в 1861 г., — очень горячо сочувствуют славянским племенам»⁸⁹. Эту же мысль чуть раньше на страницах «Современника» выразил А. Н. Пыпин. «В нашей литературе, — писал он в „Современном обозрении“ за 1861 г., — выразилось в последние годы положительное сочувствие к славянскому вопросу. Он перестал занимать одних специалистов и делается предметом более или менее общего внимания...»⁹⁰

Следует иметь в виду, что славянофилы в то время считали себя единственными представителями интересов славянского мира в русской журналистике. Своими известными статьями «Народная бестолковость»⁹¹ и «Самозванные старейшины»⁹² Чернышевский нанес серьезный удар по построениям и замыслам славянофилов и панславистов, действовавших как в России, так и за ее пределами.

В этих трудах Чернышевский дал теоретическое решение славянского вопроса с демократических позиций. Русские революционные демократы, их сторонники и последователи видели путь для решения славянского вопроса в революционной борьбе трудящихся масс поработенных славянских народов за свое национальное освобождение в тесной связи с революционными силами Европы и России. В отличие от славянофилов, возлагавших свои надежды в решении славянского вопроса на русское самодержавие, революционные демократы связывали дело освобождения славян с демократической, свободной Россией. Чернышевский выдвинул перед национально-освободительным движением славян ясную программу союза угнетенных народов, единственно способного сокрушить власть всех и всяческих угнетателей. Он призывал зарубежных славян к решительным революционным действиям. «Без войны (национальной революции. — В. К.) никакой народ ни от какого чужого ига не освободится»⁹³, — писал он — «...вы сами легко можете одолеть прямых ваших врагов»⁹⁴. «Им (болгарам и сербам. — В. К.) нужна только уверенность, что другие державы не станут мешать их освобождению; остальное все они сделают для себя сами»⁹⁵.

В революционных кругах Н. Г. Чернышевский считался авторитетом по славянскому вопросу. Однако вождь русской революционной демократии не имел ни времени, ни возможностей спе-

⁸⁹ Н. Г. Чернышевский. «Современник», кн. 10, 1861. «Современное обозрение». См.: Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 829.

⁹⁰ «Современник», кн. 3, 1861, стр. 2.

⁹¹ Там же, кн. 10, 1861, стр. 258—310.

⁹² Там же, кн. 3, 1862, стр. 47—58.

⁹³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 837.

⁹⁴ Там же, стр. 841.

⁹⁵ Там же, стр. 839.

циально заниматься зарубежными славянскими народами. Поэтому он делал все от него зависящее, чтобы привлечь в руководимый им журнал знатоков западных и южных славян из числа русских и иностранных авторов. Крупным специалистом по славянскому вопросу в «Современнике» был А. Н. Пыпин. Но в ту пору он занимался преимущественно чешской литературой. В 1856—1857 гг. в журнале сотрудничал выдающийся общественный деятель Польши, Белоруссии и Литвы З. Сераковский, который опубликовал на его страницах ряд оригинальных статей и вел отдел «Заграничные известия».

Сложнее обстояло дело с систематическим освещением положения славян Балканского полуострова. Этим вопросам в случае крайней необходимости касался сам Чернышевский⁹⁶. В 1857 г. он опубликовал рецензию на книгу Л. Ранке «Сербская революция», переведенную П. Бартевым на русский язык под названием «История Сербии по сербским источникам» (М., 1857). Рецензия начиналась словами: «Сербы вместе с болгарами, ближайшие к нам по родству из всех славянских единоплеменников наших, должны возбудить в нас самое живое сочувствие»⁹⁷. К 1859 г. относится написанная Н. Г. Чернышевским и В. А. Обручевым статья «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию», основная мысль которой выражена в словах: «Сербы с оружием в руках приобрели себе и свободу политическую, а с нею — народно-экономическую независимость»⁹⁸. В 1861 г. была напечатана рецензия на первые два номера славянофильской газеты «День» под названием «Народная бестолковость», а в следующем году появился острый памфлет «Самозванные старейшины» — гневная отповедь на опубликованную в 1860 г. в Лейпциге брошюру «К сербам. Послание из Москвы»⁹⁹, написанную А. С. Хомяковым и подписанную одиннадцатью видными деятелями славянофильского лагеря.

Отсутствие в журнале специалиста по южным славянам особенно остро дало себя знать в начале 60-х годов, когда, воспользовавшись закрытием «Современника» на восемь месяцев (июнь 1862 г.) и арестом Чернышевского (7 июля 1862 г.), славянофильская газета «День» яростно обрушилась на позицию журнала по славянскому вопросу.

После того как в аксаковском «Дне» окончательно конституировался славянский отдел газеты, русские демократы, объединенные вокруг «Современника», почувствовали необходимость усилить борьбу против славянофилов и панславистов, чтобы отстоять

⁹⁶ «Главным источником наших сведений о Сербии, — сетовал он, — к сожалению, служат константинопольские и австрийские газеты, враждебные сербам» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 642).

⁹⁷ Там же, т. IV, стр. 544.

⁹⁸ Там же, т. V, стр. 627.

⁹⁹ Об этом «Послании» см.: С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 204—207.

свою концепцию в понимании славянского вопроса. Друзья и единомышленники Чернышевского сделали все возможное, чтобы не уронить знамя своего учителя и в трудных условиях наступающей реакции попытаться защитить честь русской демократии и продолжить начатое им дело. Задача была нелегкой. Многим она оказалась не по плечу, но наиболее стойкие бойцы не пасовали перед трудностями. С 1 января 1863 г. в Петербурге стала выходить ежедневная политическая и литературная газета «Очерки».

За время краткого, но плодотворного сотрудничества в «Очерках» проявились незаурядные способности Жуёвича-публициста, специалиста по славянскому вопросу. Первый опыт работы в ежедневной газете оказался настолько успешным, что, как только возобновился «Современник», Жуёвич сразу становится его постоянным сотрудником.

Даже при самом беглом знакомстве со статьей «Славянский юг» нельзя не обратить внимания на два обстоятельства. Во-первых, на псевдоним «Ж. Склав», которым она подписана. Слово «склав» в переводе с латинского означает «раб». В свете сказанного выше по поводу статьи «Слово южного славянина к славянофилам» выбор такого псевдонима не был случайным. На толкование слова «склав» указывал сам Жуёвич в своих письмах идеологу сербского либерализма Владимиру Йовановичу. «И в голову не приходит мне осуждать вас, что вы подписываете свои статьи в разных русских газетах как „раб“», — писал в своем ответе В. Йованович¹⁰⁰. Во-вторых, на примечание, которым редакция «Современника» сопровождала статью. «Статья эта, — говорилось в нем, — написана славянином-сербом; суждения ее автора о славянах можно было бы заподозрить скорей в пристрастии, чем в ненависти. Однако, как увидит читатель, пристрастия в ней нет, не может быть в ней и ненависти; мы смотрим на нее как на откровенное суждение человека о своих земляках и соплеменниках»¹⁰¹. Что и говорить, примечание не только интересное само по себе, но и весьма редкое в практике «Современника». И дело не в том, что с этим не посчитались ни III Отделение, установившее за автором строгий полицейский надзор, ни Ракич, назвавший статью «диктаторским посланием», а ее автора — «клеветником сербского народа»¹⁰². Для нас важнее подчеркнуть другое: редакция «Современника», несмотря на всю необычайность столь откровенных суждений нового сотрудника о своих соплеменниках, полностью солидаризируется с его основными положениями и

¹⁰⁰ В. Г. Карасёв. Живојин Жујовић и Владимир Јовановић. Зборник Матице српске за друштвене науке, св. 43. Нови Сад, 1966, стр. 115.

¹⁰¹ «Современник», кн. VI, 1863, стр. 259. По нашему мнению, автором этого примечания был А. Н. Пыпин. Учитывая все то, что в настоящее время известно об его отношениях с Ж. Жуёвичем, такое предположение довольно правдоподобно.

¹⁰² Ракич. Голос из Сербии. «Русское слово», 1864, № 5, стр. 73, 87.

выводами и как бы призывает своих читателей последовать ее примеру.

Статья «Славянский юг» была посвящена характеристике положения южнославянских народов в начале 60-х годов XIX в. От правильной, объективной оценки этого положения в известной степени зависела тактика русской революционной демократии в условиях вспыхнувшего в начале 1863 г. восстания в Польше. Мог ли в той конкретно-исторической обстановке сложиться революционный союз славянских и других народов, о необходимости которого говорил «Современник» в период революционной ситуации в России¹⁰³? Известно, что участники «Земли и воли» всесторонне обсуждали с польскими революционерами вопрос о русско-польском революционном союзе. В переговорах с представителем польских повстанцев И. Кеневичем П. А. Ровинский дал отрицательный ответ относительно возможности соединения восстания в Польше с восстанием в России¹⁰⁴. К такому же выводу касательно южных славян пришел и Жуёвич в своей статье. Никакой концентрации революционных сил на юге славянском он не обнаружил, а выступление их в ближайшее время определил как «вещь совершенно невозможную». «Собственных своих сил они не сознают, на себя не надеются, а ждут освобождения со стороны»¹⁰⁵, — таково было его суровое, но справедливое заключение.

Остановимся подробнее на конкретных фактах и событиях, содержащихся в статье «Славянский юг», на основании которых сербский демократ пришел к столь неутешительному выводу.

Статья начинается с указания на то, что такие события начала 60-х годов на Балканах, как черногорско-турецкая война, восстание части герцеговинцев и особенно варварский обстрел турками Белграда, вывели, наконец, из состояния покоя европейскую журналистику и дипломатию. Восточный вопрос снова оказался на повестке дня. Журналисты немедленно начали строить планы, один фантастичнее другого, о судьбе южных славян: об образовании сербского и болгарского государств и опасности, которая угрожает Западной Европе в случае такой концентрации сил на славянском юге; о вмешательстве России и т. д. и т. п. Приходится только изумляться, замечает Жуёвич, «как могут люди,

¹⁰³ Мысль о таком союзе была ясно выражена руководителями «Современника», например, в статье В. А. Обручева «Невольничество в Северной Америке», которая была опубликована в № 3 журнала за 1861 г. (стр. 306) вместе с Манифестом 19 февраля. Если невольников не освободить, говорилось в этой статье, то они восстанут и «будут драться из-за священных и существенных прав... К братьям, ждущим свободы, без сомнения, присоединятся многие из давно свободных; в рядах восставших найдутся люди, способные руководить ими...».

¹⁰⁴ «Более или менее широко распространенного восстания... произвести нельзя; можно поднять какую-нибудь волость, но ведь это значит прямо повести людей на убой», — заявил Ровинский (Л. Ф. Пактелеев. Из воспоминаний прошлого. «Воспоминания». М., 1958, стр. 324).

¹⁰⁵ «Современник», кн. VI, 1863, стр. 274.

вовсе не зная дела, о котором говорят», толковать о нем во всеуслышание, не задавая себе такого вопроса: «Есть ли какие-нибудь гарантии для возникновения подобных государств и из чего они возникнут?» «Никто, сколько нам известно, — продолжает он, — в журнальных суждениях о южных славянах не обращал внимания на материальное и интеллектуальное состояние их; никто не спрашивал себя, есть ли у южных славян силы, нужные для борьбы с турками; есть ли, что, по нашему мнению, составляет первое условие в таком деле, у них сознание, что действительно они страшно угнетены, что всем им нужно восстать и восстать с полным сознанием необходимости поголовного восстания, чтобы общими силами (выделено нами. — В. К.) поразить давнего своего неприятеля? И еще, если у них есть такое сознание своего положения, то готовы ли они на такое дело?»

Итак, для успешной борьбы с угнетателями, по мнению Жуёвича, необходим ряд условий: материальные средства и силы, сознание народа и его готовность «общими силами» начать «поголовное восстание». Под этим углом зрения и с этой точки зрения он и рассматривает положение южных славян в начале 60-х годов XIX в.

Говоря о болгарях, сербский демократ прежде всего обращает внимание на умонастроения различных групп «несчастливого болгарского народа», четыре века изнывающего под тяжелым турецким ярмом. Болгарские крестьяне забиты. Они ни о чем больше не думают, «кроме возможности добиться, чтобы некоторые необузданные турки по временам не грабили ... устроить, чтобы турки в судах были несколько справедливее». Что касается горожан, то они готовы восстать, но не раньше, чем другие окружающие их народы поднимутся на восстание. Самым революционным является городской пролетариат, готовый на самую отчаянную борьбу, но, к сожалению, на него никто не хочет положиться. Богатые люди (чорбаджи) в массе своей довольны своим положением и войны не хотят. Людей образованных очень мало по сравнению с основной массой населения. Недостаток школ и засилие в них греческих фанариотов, людей, по выражению Жуёвича, «во сто раз ненавистнейших болгарам, чем сами турки», потому что они связали свои интересы с болгарскими угнетателями, делает эти школы малоэффективными для подготовки народа к всеобщему восстанию.

Не лучше обстояло дело и в Старой Сербии. «Иго турецкое тяготеет на жителях этой страны в такой же мере, как и в Болгарии, и дало точно такие же плоды».

И положение Боснии мало чем отличалось от положения Болгарии и Старой Сербии. Босняки тоже не готовы к восстанию, так как больше других проявляют готовность жить в мире с турками. В значительной мере повинны в этом боснийские купцы, эти верноподданные холуи, в руках которых находятся экономика и школы страны. Поэтому «простой народ, — пишет Жуёвич, — а равно

и образованные люди, которые там находятся, ненавидят купцов столько же, сколько и турок». «Современных или так называемых революционных идей в этой стране не водится», — делает вывод Жуёвич.

Несколько иная картина наблюдалась в Герцеговине. В 1862 г. там восстало племя Зубчан под предводительством знаменитого воеводы Луки Вукаловича. Было немало местных восстаний так называемых ускоков. «Герцеговина, — по выражению Жуёвича, — это лучшая, благороднейшая страна сербская, герцеговинский народ — это храбрейшее и способнейшее племя сербской семьи». Даже купеческое сословие там не такое эгоистичное, как в Боснии. Оно до некоторой степени понимает выгоду школ и поддерживает их. Но самое главное достоинство герцеговинцев, по словам Жуёвича, состоит в том, что они «чужды узкого местного патриотизма, сильного в других славянах». Поэтому герцеговинцы в случае всеобщего восстания стали бы бороться не за герцеговинство, а за сербство, за сербскую славу, за сербское имя». И все же ни Лука Вукалович, ни ускоки не смогли поднять всю Герцеговину, так как «не легко восставать тому, — говорит Жуёвич, — кто под ярмом сильного и в особенности под ярмом турецким!»

«О воинственной из всех славян» — черногорском народе, не прекращавшем героической борьбы с турками на протяжении 400 лет, сербский демократ пишет с еще большим пиететом: «Говорить, например, что он не готов к восстанию, значило бы говорить чистую ложь, потому что он не знает другой жизни, кроме жизни лагерной». Однако, по мнению сербского демократа, на деле черногорский народ ничуть не счастливее других своих южнославянских братьев, и вот почему: «Несмотря на свою независимость от внешних врагов, (он) есть раб своего домашнего деспота, есть жертва, над которой слуги деспота и сам он делают все, что только угодно их грубым, диким, пошлым и необузданным желаниям!» С провозглашением в 1851 г. Черногории светским княжеством в стране водворился военный деспотизм. Провиант и деньги, посылаемые из России «для раздачи народу», как правило, «оставались у князя и его фамилии и тратились на разные прихоти двора». Военно-бюрократический режим, установленный князем Николаем, породил все несчастье для народа, какие только могут быть «при быстром переходе из патриархального быта в европейскую или, лучше, во французскую форму гражданской жизни...» В результате была разорвана всякая связь народа с правительством, наступил полный разлад между ними.

Подробнее всего Жуёвич останавливается на характеристике положения в Сербском княжестве — этом «главном пункте на славянском юге, к которому устремили свои взоры не только Болгария, Старая Сербия, отчасти Босния, Герцеговина, Сербия австрийская и другие маленькие славянские народцы, но и западные кабинеты, не говоря уже о России». Запад боится Сербии, так как видит в ней центр, вокруг которого могут сгруппироваться все

югославские народы; Россия, напротив, вместе с другими славянами смотрит на Сербское княжество, как на страну, «которая своим положением служит залогом счастья для южных славян». Верны ли эти взгляды? — спрашивает Жуёвич. Есть ли действительно в Сербии что-нибудь такое, что бы оправдало мнения Запада и России (особенно так называемых славянофилов, подчеркивает Жуёвич)? Готова ли она теперь выступить на решительную борьбу с оттоманами, причем не одна, а в союзе с другими южными славянами?

На все эти вопросы Жуёвич дает отрицательный ответ. С самого начала провозглашения автономии Сербии ее князя «пошли врозь с народом». Образование двух враждующих между собой династий — обреновичей и карагеоргиевичей — стало одним из величайших зол для страны. Их взаимная борьба разоряет сербский народ. Государственная казна пуста. «Хотя у него (народа Сербии. — В. К.), — пишет Жуёвич, — есть земля и в достаточном количестве, но достаточность земли не вдруг может обогатить народ. Надо умение управиться с землею, нужна любовь к труду, нужны внешние поощрения к труду, т. е. нужно, чтобы был выгодный сбыт продуктов, доставляемых трудом, чтобы была развита торговля. А этого-то и недостает Сербии». Народ сильно задолжал. А сербское правительство бездействует, предпочитая заниматься мелкими интригами, а не заботой об общем благе страны. Князь Михаил Обренович и его правительство заняты реформами. Но реформы идут вразрез с интересами народа, так как служат лишь укреплению абсолютистской власти князя. «Реформирование Народной скупщины, — писал в статье Жуёвич, — есть святотатственное покушение на народную свободу, на благо народное. Народная скупщина, — утверждал он, — есть единственное добро, какое только имеет Сербия в складе своей политической жизни. Князь этого знать не хочет, правительство тоже. Для них народ ничто, тот самый народ, который и без них так достойно боролся, отстаивая свою свободу, свою родину, который столькими опытами приучился сознать свою силу, свои права, этот народ для них бессмысленная толпа, которую можно вертеть на все возможные немецкие и французские лады, которою можно управлять так, как советует Гегель и Наполеон!» Народ открыто заявляет князю, что рано или поздно он рассчитается с ним. По мнению сербского демократа, дела в Сербии идут к тому, что случилось уже в 1858 г., т. е. к низвержению князя¹⁰⁶.

От таких взаимных отношений между правительством и народом в Сербском княжестве можно было ожидать взрыва.

«Никакие правительственные действия, покуда они еще находятся в намерении, — писал Жуёвич, — не обсуждаются в литературе, не передаются на суд народа и общества сербского. Но ведь

¹⁰⁶ В какой-то мере Ж. Жуёвич предсказал события. В 1868 г. князь Михаил Обренович был убит заговорщиками.

в Сербии и нет, собственно говоря, литературы. Не только действия правительства, но и ничего еще не было обсуждаемо литературным образом в Сербии. Ни один существенный вопрос там еще не затронут. Между тем, — продолжал он, обращаясь к читателям „Современника“, — не забудьте — там существует цензура. Не смешно ли? Народная скупщина 58 года уничтожила было цензуру, но князь утвердил ее опять. Каково?.. Как видите, современное положение Сербии самое незавидное».

Таким образом, после всестороннего рассмотрения положения каждого подвластного Турции южнославянского народа в отдельности и всех вместе сербский публицист пришел к выводу, что южные славяне не были готовы к восстанию. Что же такое южные славяне в настоящее время? — спрашивал Жуёвич. «Не очевидно ли, что это ни больше ни меньше как глупый раб турецких и своих деспотов?.. Ему никогда и в голову не приходит подвинуться вперед (да хоть бы и назад, наконец, потому что этот самый акт движения, может быть, послужил бы побудительной причиной выйти из совершенно спящего положения) ... Да! Грустно...»

Немалая доля ответственности за такое положение падала, по мнению Жуёвича, на сербскую интеллигенцию, которая, по его словам, являлась некоторым образом виною всех тех несчастий народа, которые разыгрываются в княжестве Сербия. «Вы — писал Жуёвич, обращаясь к „высокоученым докторам сербским,“ — и сковываете его, и не по рукам и ногам только, но и по голове. Ведь все Княжество сербское в ваших руках, одни вы, парижские, берлинские и германские воспитанники, и заправляете всеми этими мерзостями, от которых Сербии трудно освободиться».

Итак, о концентрации революционных сил на славянском юге пока не могло быть и речи. Пожалуй, говорит в заключение статьи Жуёвич, южные славяне и могли бы сконцентрироваться как-нибудь, только прежде всего нужно выслать из Европы турок. Но кто же это сделает? Они? Никогда. Южные славяне ждут такого дела единственно от России; они прямо говорят: „Нас только Россия может спасти“. Не очевидно ли, что, как мы сказали, собственных своих сил сами они не сознают, на себя не надеются, а ждут освобождения со стороны.

Как будто в России и не о чем больше думать, как только об южных славянах?»¹⁰⁷.

В данном случае налицо сознательное сгущение красок, однако нельзя не признать, что последняя фраза приведенного отрывка в тогдашних условиях, в самый разгар польского восстания звучала весьма актуально.

Из сказанного выше ясно, что статья «Славянский юг» являлась характеристикой положения южнославянских народов начала 60-х годов с революционно-демократических позиций и преследо-

¹⁰⁷ Прочитанный отрывок удивительно созвучен тому, что писал Чернышевский в своей статье «Народная бестолковость» (см.: *Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч.*, т. VII, стр. 841).

вала вполне определенную практическую цель: выяснить, могут ли другие поработанные народы выступить наряду с поляками против своих угнетателей? Естественно, она вызвала соответствующую реакцию со стороны охранителей российского самодержавия, усмотревших в ней призыв к революционным действиям, и сербских либералов, подвергшихся в статье суровой критике. На этом необходимо остановиться подробнее.

На основании приказа министра внутренних дел сербский публицист был подвергнут негласному надзору полиции, а всем цензорам было отдано распоряжение «обращать особое внимание на подобные статьи Живоина Жуёвича в случае представления их в цензуру»¹⁰⁸. Нетрудно догадаться, что имели в виду чиновники царского правительства, говоря о «резко политических тенденциях» автора статьи «Славянский юг». Это прежде всего глубокая неудовлетворенность отсутствием революционных идей и революционного движения у южных славян, критика самодержавия и деспотизма, нападки на цензуру, наконец, неслестные отзывы автора об особенностях славянской природы вообще. Об этих последних Жуёвич писал в статье следующее: «Побороться немного со враждебной себе внешней силой и если эта последняя не уступает с первого раза, то преклониться перед нею и, выражаясь старинной фразой, затворившись в себя, высказывать в своих думах и песнях свою несчастную долю — вот, по нашему мнению, одна из главных черт славянского характера. Решимости, энергии у них всего меньше, а если иногда они и проявятся, то почти всегда не вовремя»¹⁰⁹.

Рассмотрим теперь, как встретили статью «Славянский юг» сербские либералы. Вопрос этот имеет для нас двойной интерес. Во-первых, потому, что это был прямой отклик представителей одного из народов, о которых шла речь в статье, и потому, во-вторых, что сам отклик появился в журнале «Русское слово» — втором после «Современника» подцензурном органе русских демократических кругов в тот период.

В пятой книжке «Русского слова» за май 1864 г. была напечатана статья «Голос из Сербии»¹¹⁰, подписанная сербом Ракичем. Чтобы узнать, что думают русские журналисты о южных славянах, автор статьи обратился к изучению русской периодической печати. Сначала он ознакомился с писаниями славянофилов, надеясь найти в них «уважения свободы и свободного развития каждой нации в отдельности и всех вместе, без чего, — по его мнению, — свобода народов невозможна...»¹¹¹. Но его постигло жестокое разочарование, так как «вследствие ложных начал, на

¹⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, 1863, д. 73, л. 5.

¹⁰⁹ Вероятнее всего, это был намек на польское восстание, которое, по мнению Жуёвича, не было достаточно подготовлено и, будучи изолированным, не могло рассчитывать на успех.

¹¹⁰ «Русское слово», кн. 5, 1864, стр. 71—88.

¹¹¹ Там же, стр. 72.

которых они (славянофилы. — В. К.) обещают свободу народам — свободу вместе с угнетением; они, — говорит он, — скорее ненавидят, чем любят нас»¹¹².

«Покончив с романтизмом наших навязчивых лжедрузей, — продолжает автор, — мы обратились к „Современнику“, где разбиралось учение славянофилов. Прочитав статью по поводу послания славянофилов к сербам¹¹³, мы увидели и утешились, что по крайней мере не все русские литераторы так думают, как славянофилы. Мы увидели, что, кроме нас, которых непосредственно касается их наглое сострадание с их опекуном, нашли еще люди, которые с презрением отозвались об этой лицемерной заботливости о нас. Нам это понравилось, мы увидели, что мы не одиноки. . .»¹¹⁴.

По началу статьи можно было бы заключить, что ее автор, подвергнув критике воззрения славянофилов, солидаризируется со взглядами «Современника» по славянскому вопросу. Но это не совсем так. В этом же журнале, говорит он, мы прочитали еще две статьи Берга и Ж. Склава, в которых первый якобы называет южных славян «неграми», а второй — «подлыми рабами». И по сути дела вся статья Ракича посвящена полемике со взглядами указанных авторов, особенно со вторым, который, по словам Ракича, «старается доказать русской публике, что мы еще не дозрели для политической свободы»¹¹⁵.

Что же не понравилось в статье Жуёвича автору «Голоса из Сербии»? Ведь сербский публицист упрекает южных славян не за то, что они «не дозрели для политической свободы», а за то, что недостаточно активно борются за нее, за отсутствие у них революционности, за неверие в свои силы и за необоснованные надежды на помощь извне. Критикуя Ж. Склава за мнимые противоречия, автор «Голоса из Сербии» сам впадает в противоречие, заявляя, что за словами Склава «трудно добраться до основной мысли, которой он руководствовался, когда писал свою статью. По крайней мере, — заявляет Ракич, — мы не нашли этой мысли, хотя тщательно старались добраться, так сказать, до самого сути его диктаторского послания»¹¹⁶. Таким образом, Ракич чистосердечно признает, что не понял главного смысла статьи, ее основной направленности, а главное — эзоповского языка, которым она по необходимости была написана. И тем не менее он решился ее опровергнуть, показать русскому читателю ее несостоятельность путем ответа в своей статье на следующие три вопроса: «Что делал сербский народ, чтобы достигнуть народной свободы? Что мешало ему достигнуть этой свободы? Он ли виноват в том, и главным

¹¹² Там же.

¹¹³ Речь идет о памфлете Н. Г. Чернышевского «Самозванные старейшины», опубликованном в «Современнике» в 1862 г.

¹¹⁴ «Русское слово», кн. 5, 1864, стр. 72—73.

¹¹⁵ Там же, стр. 73.

¹¹⁶ Там же.

образом своею глупостью, как уверяют гг. Берг и Склав, или что-нибудь другое, против чего он один бессилен!»¹¹⁷.

С каких же позиций он это делает и чем аргументирует свои возражения, справа или слева он критикует Жуёвича? На первый взгляд, судя по критике программы славянофилов в начале статьи и красивым словам о свободе, может показаться, что слева. Но из статьи «Слово южного славянина к славянофилам» мы знаем, что критика Жуёвичем идеологии славянофилов была не менее радикальной, а на деле более принципиальной и глубокой, чем критика Ракича.

Внимательное изучение содержания «Голоса из Сербии» показывает, что критика в адрес сербского демократа велась с позиций центра, точнее — с позиций сербского либерализма. Сербские либералы не могли простить автору «Славянского юга» сурового обвинения в том, что большая часть «высокоученых докторов сербских», считая себя истинными представителями народа, на деле несла значительную долю ответственности за тогдашние несчастья сербского народа, так как своей либеральной болтовней и бездеятельностью сковывала его энергию «не по рукам и ногам только, но и по голове». Выше было уже отмечено признание Ракича в том, что он не понял главного смысла статьи Ж. Склава. А не было ли это лицемерием?! Возможно, он не хотел понять или делал вид, что не понимает истинного смысла статьи. В противном случае, как можно призыв человека к революционным действиям и его тоску по отсутствию революционности в массах назвать «пустым разглагольствованием», «озлобленной клеветой на сербский народ» и даже причислить его к категории «реакционеров». Кто здесь выступал «озлобленным клеветником», понять нетрудно, так как мы хорошо знаем взгляд сербского демократа на сербскую Народную скупщину.

Ракич выдал себя с головой, заявив, что сербы не смогут вырваться из сковывающих их цепей и «утвердить у себя свободу», пока окружающие их народы в Греции, Италии и на Балканах не начнут «вместе с ними борьбы»¹¹⁸. Из каких кругов исходил столь самоуверенный «Голос из Сербии», становится еще более ясным и понятным после того, как автор изложил программу «лучших представителей сербского народа», которые начиная с 1859 г. (т. е. со Свято-Андреевской скупщины) «заявили свое политическое убеждение». Эту программу из семи пунктов¹¹⁹ он

¹¹⁷ «Русское слово», кн. 5, 1864, стр. 73.

¹¹⁸ Там же, стр. 87.

¹¹⁹ «1. Сербь в праве думать о себе, управлять сами собою на своей земле, которую они кровью выкупили.

2. Устав Сербии должен быть выражением законной воли народа, а эта воля может быть выражена посредством свободной Народной скупщины.

3. Так как Св. Андреевская скупщина, законным образом составленная, провозгласила, что «Сербия есть уставное княжество», т. е. управ-

позаимствовал из книги идеолога сербского либерализма Владимира Йовановича «Сербский народ и восточный вопрос».

Требования реформ в организации политического устройства Сербии, изложенные в программе, на первый взгляд, мало чем отличались от требований самого Жуёвича. В действительности же, в программе либералов ни слова не было сказано о социальных требованиях народа, не говоря уже о том, что в ней обходился молчанием вопрос о средствах и методах претворения программы в жизнь, т. е. того основного и главного, чем принципиально отличались демократы от либералов.

После того как мы разобрали статью «Голос из Сербии», нам остается ответить еще на два вопроса: Кто был ее автором и почему она могла появиться на страницах «Русского слова»? Как уже отмечалось, статья была подписана Ракичем.

Все без исключения авторы, писавшие о статье «Голос из Сербии», в том числе и автор настоящей работы¹²⁰, считали, что она принадлежит Мите Ракичу¹²¹. Наша недавняя находка заставляет пересмотреть эту утвердившуюся в литературе точку зрения. Как уже отмечалось в Вводной главе, автором статьи «Голос из Сербии» был Петр Карич (1838—1871 гг.)¹²², который в 1864 г. учился на последнем курсе естественного факультета Киевского университета. Теперь можно считать доказанным, что статья «Голос из Сербии» была написана не в Белграде, а в Киеве, принадлежит она не М. Ракичу, а Петру Каричу. Она смогла появиться в органе русских революционных демократов потому, что как раз в это время разгорелась острая полемика между «Современником» и «Русским словом», касавшаяся жгучих вопросов литературной и общественной жизни той поры, в том числе вопроса о революции и роли народных масс в истории.

ляется наследственным князем совместно с Народной скупщиной, то этот образ правления и должен быть сохранен в Сербии.

4. Свобода сербского народа должна гарантироваться ответственностью министров за каждый их поступок перед Народною скупщиной.

5. Подать, потребная на издержки правительства, может быть собираема только с согласия Народной скупщины.

6. Администрация должна стараться об усвоении и осуществлении оснований политической и экономической свободы.

7. Сербы должны быть наготове против всякого завоевательного стремления, откуда бы ни показалось это стремление. Они могут радоваться торговым и политическим союзам только тогда, когда эти союзы проникнуты духом свободы». (В. Йованович. Сербский народ и восточный вопрос. «Русское слово», кн. 5, 1864, стр. 87).

¹²⁰ В. Г. Карасев. Сотрудничество Живоина Жуёвича в «Современнике» (1863—1865). «Советское славяноведение», № 1, 1971, стр. 53.

¹²¹ Мита Ракич (1846—1890 гг.) — известный сербский писатель и государственный деятель умеренно-либерального направления. В 1864 г. был студентом белградской Великой школы.

¹²² «Млада Србадија. Лист за науку, уметност и јавни друштвени живот». Београд, № 28, 10. XI 1871, стр. 425. Псевдоним возник из перестановки букв: Карич — Ракич.

Сербских либералов возмутило, что Ж. Жуёвич назвал в своей статье южных славян «ленивыми рабами». Мы уже имели случай высказать свое отношение к этому вопросу в связи с разбором статьи «Слово южного славянина к славянофилам». Вспомним слова великого русского демократа Н. Г. Чернышевского, сказанные им в романе «Пролог» (1877 г.): «Жалкая нация! — нация рабов, — снизу доверху все сплошь рабы...»¹²³, и ту оценку, которую дал им В. И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов». «Никто не повинен в том, — писал В. И. Ленин, — если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и приукрашивает свое рабство... такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам»¹²⁴. А разве не так вели себя сербские великаши, болгарские чорбаджи, черногорские перьяники и боснийские купцы? Именно так! Это наглядно и убедительно показал и доказал на фактах в своей статье Жуёвич. Национальная гордость, настоящая любовь к своему народу, ненависть к рабскому прошлому и настоящему южных славян заставили его произнести горькие слова правды. В иной связи сербский демократ обосновал эту свою позицию следующим образом: «Важность дела заставила меня... посмотреть на дело беспристрастно, хладнокровно и строго»¹²⁵. В другом месте он писал так: «Относясь к Сербии критически (т. е. «с такими требованиями, с какими относимся ко всем вообще образованным государствам», — пояснял Жуёвич), мы более всего указывали на то, что в ней есть дурного, оставляя все доброе в стороне, как не заслуживающее порицания, не нуждающееся в наших похвалах»¹²⁶. А это доброе он видел в том, что «Сербия 50 лет тому назад и теперешняя Сербия (1866 года. — В. К.) отличны, как небо от земли», что сербский народ даже в условиях полусвободного развития доказал, что умеет пользоваться свободой. «Да и сами недостатки, терзавшие и терзающие донныне княжество Сербское, обуславливались, что мы не раз повторяли, — писал в цитированном выше «Славянском обозрении» Жуёвич, — по большей части введением в Сербию тех начал, за которые у себя горой стоят все образованные европейские государства, следовательно, тем, что Сербия стремится устроиться по коренным и господствующим началам этих государств. Мы осуждаем эти начала, тем более имели право осуждать дурные последствия их в Сербии — стране, которой мы желаем устроиться лучше». Ж. Жуёвич высоко отзывался о сербском восстании 1804—1813 гг., называя его «самым светлым, самым великим нашим политическим актом». О сербской революции начала XIX в. он

¹²³ Н. Г. Чернышевский. Избр. соч., т. V, 1932, стр. 488.

¹²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 108.

¹²⁵ «С.-Петербургские ведомости», № 249, 24.IX (6.X) 1865. «Корреспонденция из Белграда».

¹²⁶ «С.-Петербургские ведомости», № 17, 17.I 1866. «Славянское обозрение».

всегда писал, выражаясь его словами, с чувством «высокой национальной и почти личной гордости», так как в ней сербы «отличались настолько, насколько было можно, насколько было у них сил»¹²⁷.

Что же касается отношения сербского демократа к рабству вообще, то к этому вопросу в своей публицистике он обращался неоднократно. «Не признавая рабства в принципе», неизменно подчеркивал он, мы «отвергаем со всею силою убеждения справедливость правила, будто ... народ, не выбивающийся и даже не помышляющий выбиваться из оков рабства, достоин его»¹²⁸.

Чтобы правильно понять и по достоинству оценить взгляды Жуёвича, необходимо коснуться вопроса о его отношении к «Земле и воле». Это тем более важно, ибо в советской исторической литературе высказано мнение, что пессимистические рассуждения Склава в области вопросов балканской политики «отражают те идеологические сдвиги, какие имели место в это время в „Современнике“ вообще»¹²⁹.

В небольшой заметке «Старая фотография заговорила»¹³⁰ мы высказали предположение, что Жуёвич знал о существовании тайной революционной организации «Земля и воля» и, возможно, даже был ее участником. Этот вопрос только поставлен и нуждается в изучении, но обойти его молчанием было бы неправильно, так как нам хорошо известно отношение Жуёвича к русским революционным демократам и к их деятельности. Поэтому мы не видим достаточных оснований для интерпретации статьи «Славянский юг» в плане «идеологических сдвигов», действительно имевших место в «Современнике», но не в 1863 г., а несколько позже. Что же касается пессимистических рассуждений Склава, то они, как мы стремились показать, имели совершенно иной характер, никак не связанный с «идеологическими сдвигами» журнала, тогда как статья «Голос из Сербии», опубликованная в «Русском слове» за 1864 г., с несомненностью свидетельствует о такого рода сдвиге, подменяя революционный демократизм либерализмом.

Сотрудничество Жуёвича в «Очерках» и «Современнике» не могло пройти незамеченным в журналистских кругах Петербурга. На специалиста по славянскому вопросу обратили внимание редакторы и издатели либеральных газет. Под влиянием растущего интереса русской общественности к зарубежным славянам опытный в издательских делах А. А. Краевский в начале марта

¹²⁷ «С.-Петербургские ведомости», № 140, 5 (17).VI 1865.

¹²⁸ «С.-Петербургские ведомости», № 3, 3 (15).I 1866. «Славянское обозрение».

¹²⁹ С. А. Никитин. Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX в. в освещении современной русской печати. В кн.: «Очерки по истории южных славян и русско-славянских связей в 50—70-е годы XIX в.». М., 1970, стр. 217. Для подтверждения своей точки зрения автор ссылается на гл. VIII книги Л. А. Плоткина «Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов». М.—Л., 1945.

¹³⁰ «Советское славяноведение», 1970, № 1, стр. 94—97.

1864 г. предложил сербскому студенту возглавить славянский отдел в газете «Голос». 17 марта 1864 г. с аналогичной просьбой к Жуёвичу обратился редактор «С.-Петербургских ведомостей» В. Ф. Корш.

В письме К. Поповичу от 18 марта 1864 г. говорится, что Жуёвич уже в течение года сотрудничал в «Современнике». На этом основании можно предположить, что его сотрудничество не ограничивалось известной нам статьей «Славянский юг». Однако за это время других его материалов в журнале, кроме упомянутой статьи, обнаружить не удалось.

С марта—апреля и до конца 1864 г. сербский демократ одновременно выполнял обязанности заведующего славянскими отделами в двух ежедневных петербургских газетах—«Голос» и «С.-Петербургские ведомости». Из-за разногласий с Краевским в начале 1865 г. он оставил «Голос», продолжая вести славянский отдел в «С.-Петербургских ведомостях» вплоть до своего отъезда из России весной 1866 г.

Все это время он не прекращал своих связей с «Современником». В пятой (майской) книжке журнала за 1865 г. появилась его большая монографическая статья почти в три печатных листа под названием «Сербское село». Она была подписана псевдонимом «Ж», которым Жуёвич чаще всего пользовался за время своей публицистической деятельности в России.

Статья «Сербское село» представляет собой обстоятельный историко-этнографический очерк, посвященный характеристике экономической, общественной и политической жизни крестьянства Сербского княжества в середине 60-х годов XIX в. Выбор темы был отнюдь не случайным. Писать на острые политические темы в «Современнике» из-за бдительного контроля со стороны цензуры Жуёвич не мог. В силу ряда обстоятельств более подходящей ареной для этой цели были либеральные «С.-Петербургские ведомости». С другой стороны, пореформенное развитие русской деревни и сельской общины приобрело тогда актуальное значение. Вокруг вопроса об общинном владении разгорелась острая полемика, начатая Н. Г. Чернышевским еще в начале 1858 г. В декабре этого года им была опубликована знаменитая статья «Критика философских предубеждений против общинного владения»¹³¹. Вопросу об общине большое внимание уделяла газета «Очерки».

Различные круги русской общественности относились к этому вопросу по-разному. Это отмечал Жуёвич в самом начале статьи. «Сербское село — предмет для русских совершенно незнакомый. . . — писал он. — Причина этого незнания села, без сомнения, заключается в том же, в чем заключается причина отсутствия

¹³¹ Об этой статье Н. Г. Чернышевского см. в кн.: Г. Г. Водовозов. От Чернышевского к Плеханову (Об особенностях развития социалистической мысли в России). М., 1969.

настоящего знания русского села». Русских славянофилов, занятых «высокими метафизическими вопросами», мало занимает «настоящее, неподрумяненное село». Их газета «День» обрушилась на «Современник» за помещение статьи о настоящем селе Кадниковского уезда Вологодской губернии¹³². «Перед картиной действительного народного быта Вологодской губернии, изображенной автором, человеком, родившимся, жившим и когда-то лично участвовавшим во многих из описанных им сцен, перед этой картиной „Дню“, точнее гг. Аксакову и аксаковцам, осталось только выпучить глаза, — писал Жуёвич. — И не мудрено: встреча действительности с фантазерством иных результатов и дать не могла. Метафизика г. Аксакова плохо укладывается в этом селе».

Сербский демократ не сомневался, что нечто подобное произошло бы и в том случае, «если бы фаланге, отыскивающей славянское единение и находящей его в метафизике московского изделия, пришлось лучше узнать и село южного и западного славянского населения». Чтобы показать и доказать, что «село мало поддается тем планам единения, которые сочиняются для него в „Дне“ и подобных дельфийских оракулах», Жуёвич задался целью представить в своей статье «некоторые черты этой подлинной жизни и нравов села в Сербском княжестве».

Таким образом, на основе вышесказанного можно заключить, что очерк Жуёвича отнюдь не являлся простым этнографическим исследованием. Он нес на себе определенную идеологическую нагрузку в плане идейной борьбы между славянофилами и демократами по такому кардинальному вопросу, как крестьянство, которое составляло в ту пору абсолютное большинство населения и в России, и в зарубежных славянских землях.

Статья «Сербское село» состоит из девяти частей (I—IX) и введения. Во введении наряду с критикой славянофилов автор отмечает, что южнославянское село, как и русское, совсем не похоже на город. К тому же южнославянские города имеют в своем составе инациональные элементы: в Сербии — турецкий, в Австрии — немецкий, в Болгарии — турецкий и греческий.

В I части статьи автор приводит статистические данные о Сербском княжестве. Тогдашняя Сербия занимала пространство в 1000 с лишним кв. миль с населением 1200 тыс. человек, $\frac{3}{4}$ которого составляли сербы. В стране насчитывалось 45 городов и 3401 село при соотношении городского и сельского населения 1:10. В административном отношении страна делилась на 17 округов, 60 уездов (срезов) и 1059 общин. Особое внимание Жуёвич обращает на топографию сербского села, резко бросающуюся в глаза. Прежде всего имеется в виду обычай отделения одной

¹³² Ж. Жуёвич имел в виду две статьи Н. С. Преображенского: «Баня, игрище, слушанье и шестое января. Этнографические очерки Кадниковского уезда» («Современник», кн. 10, 1864, стр. 499—522) и «Сельский праздник». Этнографический очерк Кадниковского уезда («Современник», кн. 2, 1865, стр. 409—445).

поземельной собственности от другой путем огораживания дубовым лесом, камнями или рвом. Огораживаются порой не только вся поземельная собственность владельца, но и отдельные ее части, занятые под кукурузой, пшеницей, рожью и т. д. Автор называет этот обычай диким, так как он приводит к истреблению леса. «Глядя на сербское село, — замечает он, — так и вспоминаются средние века, когда все нужно было прятать, когда человеческая личность в том и выражалась, что люди отгораживали себя друг от друга, когда все шло врозь, замыкаясь только в узкие рамки семьи». Вторая особенность топографии сербского села состояла в большом разобщении жилищ. «Устройство села русского, — замечает Жуёвич, — диаметрально противоположно устройству села сербского: в России изба одного хозяина стоит обыкновенно возле избы другого хозяина, тогда как в сербских селах изба от избы — часто на несколько верст».

Описав условия жизни сербского крестьянина, Жуёвич сделал следующий важный вывод об экономике сербской деревни: «На сливах, винограде да на свиньях главным образом и держится все сельское хозяйство Сербии».

Во II части статьи автор сосредоточивает свое внимание на описании домашней жизни сербских поселян. Центральное место в ней занимает характеристика большой патриархальной семьи — задруги, когда несколько братьев, родных и двоюродных, вместе с семьями живут под одной крышей и ведут общее хозяйство. Лет 40 тому назад, замечает автор, задружная форма общегития в Сербии преобладала над индивидуальной семьей. Теперь этого нет. В 60-х годах индивидуальных семей было больше, чем задружных. Объяснялось это быстрым разложением родового патриархального быта после ликвидации турецкого ига в Сербии. Инициаторами раздела задруг, как правило, выступали женщины, являвшиеся рабами мужчин. Автор считал процесс распада задруг естественным и закономерным. Он выступал против мер правительства, направленных на искусственное сохранение задруг. Такая попытка сербского правительства свидетельствовала, по его мнению, о непонимании роли, которую должна играть государственная власть по отношению к народу. Разумно ли препятствовать тому, чего требует сама жизнь народа, его история, его сознание? — ставит вопрос Жуёвич и тут же дает на него отрицательный ответ. «Мы, например, думаем, — писал он, — что, напротив, родовые собственно узы вовсе не имеют такого исключительного значения в деле народного прогресса, а что, напротив, эти родовые узы задерживают этот прогресс — в чем наше мнение подтвердит историческая жизнь сербов и их общий народный голос». Для доказательства своей правоты он ссылается на непреложный закон, согласно которому для всех племен и наций неизбежен переход от первобытнопатриархальных форм народной жизни к формам цивилизованным. Правда, при этом Жуёвич замечает, что жить в союзе лучше, чем быть изолированным, но все дело

в том — на чем основан этот союз: на доброй воле человека или на допотопном рабстве? Этот союз, по его мнению, должен состоять не из единиц и нулей, как в задруге (старейшина и остальные члены), «а из единиц равнозначных, равноправных» (выделено нами. — В. К.).

Далее автор рассказывает об устройстве задруг и их быте, обнаруживая большую осведомленность в этих вопросах, основанную на личных наблюдениях и собственном опыте. Надо заметить, что это было едва ли не первым, столь квалифицированным описанием жизни и быта сербских поселян в русской журналистике, причем описанием объективным и беспристрастным, далеким от идеализации сербской задруги и ее значения, столь характерной для последующей литературы. Обращает на себя внимание тот факт, что автор отнюдь не склонен видеть в сербской задруге какой-то зародыш более совершенных общественных отношений, некую базу для социализма, как считал позднее, например, Светозар Маркович, пытаясь заменить отсутствующую в Сербии поземельную общину задругой. Весь ход его рассуждений не оставляет никакого сомнения в том, что разложение и распадение задруг — необратимый процесс. Другое дело, когда Жуёвич говорит о сербском народном обычае взаимопомощи при уборке урожая, именуемом «мобой», где, по его собственному признанию, «труд облачается в чуждую поэтическую форму». Описанию этого обычая посвящен почти весь третий раздел статьи. Сущность его состоит в следующем.

В один из рядовых праздников хозяин приглашает всех желающих принять участие в уборке пшеничного поля. На его зов откликаются до ста и более крестьян из нескольких деревень, охотников до жатвы. «Когда наступает означенный праздник, — рассказывает Жуёвич, — молодежь и вообще все, кроме старух, кто только годен для жатвы, наряжаются в самое лучшее платье, приглашаются и идут к назначенному месту с серпами, зацепленными за плечо». С десяти часов утра начинается разудалая веселая работа, с песнями, шутками, музыкой. В два часа дня тут же, в поле, под тенью деревьев, устраивается богатый сытный обед, который стоит недешево. Затем работа продолжается до сумерек и завершается ужином. «После ужина опять танцы с песнями, что продолжается приблизительно часов до двенадцати, тут и конец мобе».

Устраивать мобу мог далеко не каждый сербский крестьянин. Это было под силу только богатым, у которых имелось до 50 голов рогатого скота, 300 овец, 200 свиней и до 10 лошадей. Но таких хозяйств было немного. Как правило, говорит Жуёвич, у среднего поселянина имелось: рогатого скота — минимум 6 голов, овец — максимум 15, 20 свиней и 1 — лошадь. Но были и безлошадные бедняки. Землю пахали упряжкой из шести волов. Зачастую они отсутствовали в хозяйстве, поэтому между нуждающимися земледельцами заключались договоры по совместной обра-

ботке полей. «Договоры эти, — пояснял Жуёвич, — обычно заключаются на год, без участия какой бы то ни было власти. Такие договоры существуют и для уборки урожая, а иногда и сена. По такому договору работа производится день, два или три на поле одного, а потом другого хозяина. Технический термин, определяющий это взаимно-воспоможение, есть «позаймица». Позаймица эта в отношении к уборке хлеба имеет большое и чрезвычайно широкое применение».

Как уже отмечалось во введении к настоящей работе, в своей статье «Строить или не строить железную дорогу?»¹³³, опубликованной в 1868 г. в газете «Сербия», Ж. Жуёвич сослался на разбираемую статью, подтвердив свой прежний взгляд на задругу, мобу и позаймицу. «Мы имели мобу, — писал он, — но ее теперь почти нет. Она сошла в могилу в ту же минуту, когда и наша задруга. Я еще в 1865 г. поздравил наш народ с этим колоссальным шагом вперед (см. «Сербское село» в «Современнике» за май 1865 г.), несмотря на то, что и тогда, как и теперь, у нас совсем превратно понимали это важное явление»¹³⁴. По мнению Жуёвича, настоящим объединением, отвечающим естественному развитию сербского народа, является позаймица, но она прививалась с трудом. В упомянутой статье сербский публицист приводит несколько иные данные об имущественном положении бедных крестьян в Сербии, чем в статье «Сербское село». «Все их богатство, — писал Жуёвич, — плохая земля, 2—3 вола, 1—2 коровы, 10—15 овец, телега, одна или ни одной лошади и 10 штук свиней»¹³⁵. Он показал, как богатые обогащались за счет бедных. Бедняков стало неизмеримо больше, чем зажиточных. По сути дела это было результатом процесса первоначального накопления капитала в Сербии.

IV и V части статьи, самые большие в работе, посвящены описанию семейной и религиозной жизни сербских поселян. Автор подробно рассказывает о заключении браков, целиком зависящих от старейшины рода и отца жениха. Подробно описаны все детали свадьбы, продолжавшейся три дня. «Брак в сербских селах не есть дело, зависящее от вступающих в брак, нисколько не обуславливается свободной волей человека», — заключает Жуёвич. Человеческая личность здесь подавлена полностью. Редко случается, когда молодые женятся по любви. Для этого необходим недюжинный характер — чтобы побороть родительскую власть. Все симпатии автора на стороне тех, которым удастся защитить свою личность в этом важнейшем акте человеческой жизни.

Что касается религиозной жизни сербских крестьян, то она рассматривается автором с двух сторон: обрядово-внешней и духовно-нравственной. При этом Жуёвич оговаривается, что затро-

¹³³ «Да градимо или да не градимо гвоздени пут?». «Србија», № 29—31, 10—20.IV 1868.

¹³⁴ «Србија», № 31, 17.IV 1868.

¹³⁵ Там же.

нет лишь некоторые моменты религиозной жизни сельского народа Сербии (для полного раскрытия этой проблемы, по его мнению, необходим особый трактат, а не узкие рамки журнальной статьи), причем не исторические, а те, которые входили в круг сербской народной жизни того времени.

Обрядовая сторона жизни сербских крестьян, как у всякого другого народа, проявлялась в двух сферах — домашней и публичной. К первой Жуёвич относит знаменитую сербскую «Славу» — день определенного святого покровителя рода, — исторически связанную с крещением сербов; ко второй — «Преславу» — праздник отдельного села. Последняя празднуется один день на открытой местности, близ села, всеми жителями, первая — три дня в узком кругу семьи. Описание обоих этих торжеств сделано автором живо и красочно, со знанием дела и представляет несомненный научный интерес. По его мнению, «Слава» и «Преслава» имеют скорее светский, чем религиозный характер, хотя и та, и другая сопровождаются некоторыми религиозными обрядами, но тем не менее цель славящих — веселиться, а не предаваться религиозным обрядам.

Говоря о том, что сербский народ глубоко религиозен, Жуёвич, однако, замечает, что священников в Сербии, хотя и уважают, но не с такой исключительностью, как это делают католики. «Священники уважаются сербами только в сфере религиозной, — подчеркивал он, — а не гражданской, где они смогут приобрести уважение только в силу гражданских своих достоинств». Сербь мало интересуются внешней величественностью своих церквей и не особенно прилежно их посещают. В середине 60-х годов прошлого столетия в стране насчитывалось 319 приходских церквей и 44 монастыря.

Сербский народ — веселый народ. Около церквей и монастырей устраиваются народные собрания, которые завершаются играми, песнями и танцами. Непременными участниками всех веселий являются гуслиры с их песнями о печальной истории сербского народа. Тут-то и открывается вполне поэтическая душа сербского народа. «Если вы читали народные сербские песни, — пишет Жуёвич, — то, отбросив в сторону их младенческие формы, вникнув в сущность этих песен, в их чистую народную философию и вспомнив при этом историю сербского народа, вы надлежащим образом оцените эти песни, поймете, какая сила кроется в этих диких звуках гуслей и напевах гуслира, почему они так неотразимо действуют на душу сербскую. Этот напев и песня — непосредственное выражение сербского чувства; это чувство четыре века прорывалось к свободе и четыре века всякий порыв его кончался новыми страданиями; это тяжелое сознание и отражается как в словах, так и в напеве сербских народных песен. В этом существенный смысл сербской народной поэзии. Это рабство не задавило сербского чувства свободы потому, что это чувство вообще не было в его власти, но оно отняло у сербского сознания

почти всю энергию — вот причина, почему серб до сих пор поет свою грустную песню, но не идет, не порывается или по крайней мере слабо порывается разбить четыре века давящие его оковы. Сербское чувство глубоко, но, увы! сознание сербское еще мелко...». Этими словами завершается VI часть статьи. В них по сути дела заключен основной идейный смысл, перекликающийся с главной идеей всего сочинения.

Подтверждением и иллюстрацией этого положения как бы служат три последние части статьи (VII, VIII и IX), в которых идет речь о сельских школах, юридической и политической жизни сербского села.

Хотя начальных школ в Сербском княжестве было немало (250 — в 1864 г. с 9 тыс. учащихся мальчиков), но вследствие плохой их организации они приносили ничтожную пользу сербскому народу, так как плохая школа скорее портит, чем образует детей. «Между тем, — замечает Жуёвич, — с материальной стороны сербские школы могут быть обеспечены самым удовлетворительным образом, потому что сербские поселяне — не бедный народ; другие же условия зависят только от администрации...» Здесь мы уже не находим той идеализации сербских школ, которая была характерна для первого выступления сербского публициста.

Юридическая жизнь сербских поселян проявлялась в деятельности общин и их учреждений. Всего в Сербии, как было сказано выше, насчитывалось 1059 общин на 3401 село, так что одна община приходилась минимум на одно и максимум на три села. Управление общиной было выборным. Оно состояло из кмета (или кнеза) для каждого села, утвержденного начальником уезда — капетаном, его помощников — старост (обычно три человека) и общинного писаря, назначаемого кметом. Кроме того, имелся один посыльный — биров. Поселяне собирались на общинные собрания не реже одного раза в неделю. На собраниях разрешались мелкие споры гражданского характера. Максимальное наказание — сутки ареста или десять ударов розгами. В обязанности кмета входил сбор податей и оповещение населения об указах властей. Он не получал жалованья от правительства, но освобождался от податей, и каждая податная единица в общине уплачивала ему 20 копеек в год. Должность помощников кмета являлась почетной. Старосты не пользовались никакими льготами.

Живон Жуёвич подчеркивал, что сербская община «не есть место присутственное и не заключает в себе и тени бюрократизма». Стремление правительства князя Михаила превратить общины в бюрократический орган вызывало протест сербского демократа. По его мнению, в изменении нуждалась только первобытная система наказаний; принцип же самой организации общины, вполне удовлетворяющий поселян, менять не следовало. Жуёвич не сомневался, что «бюрократическая община даст без сомнения гораздо худшие результаты...».

Последняя, IX, часть статьи посвящена краткой характери-

стике политической жизни сербского села, которая заключалась в выборах депутатов в сербскую Народную скупщину. «Но если под политической жизнью простого народа понимать, по обыкновенному, собственно активное участие этого народа в государственном управлении, то мы должны предупредить читателя, — писал Жуёвич, — что такой жизни большинство сербского народа не имеет». Сербская скупщина не имела законодательных прав. Выборы были двухстепенными: общины выбирали выборщиков, а эти последние в уездах выбирали депутатов. Если учесть, что полиция оказывала сильное влияние на выборы, что $\frac{1}{4}$ депутатов назначалась министром внутренних дел, что в самой скупщине отсутствовали образованные, политически независимые люди, то нельзя не согласиться с Жуёвичем, назвавшем выборы в скупщину «пародией», а саму скупщину — «формальным политическим учреждением, лишенным всякого политического содержания».

Рассмотрение двух статей Жуёвича, опубликованных в первой половине 60-х годов в органе русской революционной демократии, позволяет сделать вывод о том, что его сотрудничество в «Современнике» не являлось случайным. Оно было в значительной мере подготовлено духовным развитием Жуёвича в предшествующий период. Критическое осмысление исторических судеб своего народа в сочетании с изучением российской действительности и передовой русской общественной мысли начала 60-х годов XIX в. обусловили тот факт, что начинающий сербский публицист примкнул не к славянофилам, как большинство его единомышленников того времени, а оказался в стане русских революционных демократов. Сотрудничество в демократической газете «Очерки» имело решающее влияние на формирование взглядов Жуёвича как демократа. Статьей «Славянский юг» он продолжил начатое Н. Г. Чернышевским освещение на страницах «Современника» с революционных позиций борьбы зарубежных славянских народов вообще и южнославянских, в частности, за свободу и независимость.

Невозможность по цензурным соображениям прямо и открыто выступать с изложением своих взглядов по славянскому вопросу заставила Жуёвича отказаться от помещения на страницах «Современника» острых политических статей и перейти к историко-этнографическим очеркам, которые при всей своей академичности несли большой идейный заряд. В этом плане и следует рассматривать его монографическую статью «Сербское село».

Вместе с тем при оценке сотрудничества Ж. Жуёвича в русских демократических органах печати — «Современнике» и «Очерках» — и его взглядов нельзя забывать, что речь идет о начальном периоде деятельности сербского публициста. Этим можно объяснить свойственную молодости запальчивость, а также отмеченную выше резкость и бескомпромиссность суждений. В пылу полемики начинающий литератор иногда упрощал сложные общественные явления или изображал их односторонне.

РАБОТА В ДВУХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ГАЗЕТАХ
В 1864 г.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ СОТРУДНИЧАЛ Ж. ЖУЕВИЧ

Ж. Жуёвич в 1864 г. заведовал славянскими отделами одновременно в двух либеральных газетах — «Голосе» и «С.-Петербургских ведомостях». Ежедневная политическая и литературная газета «Голос» выходила в Петербурге на протяжении 20 лет, с 1863 по 1883 г. Издателем и редактором ее был А. А. Краевский (1810—1889 гг.)¹, хорошо известный в журналистских кругах Петербурга не только как издатель и редактор «Отечественных записок» (1839—1868 гг.), но и как ловкий предприниматель, умевший наживать капитал за счет эксплуатации талантливых литераторов и публицистов.

Газета «Голос» являлась одним из первых официозных изданий в России. Как отмечает Б. П. Козьмин, она «была связана с министром народного просвещения Головиным и отражала взгляды либеральной части петербургской бюрократии»². Краевский получал субсидии от министерства народного просвещения в размере 1000 рублей на расходы по изданию³. В 1863 г. газета имела 4 тыс. подписчиков, но к середине 70-х годов число их возросло до 22 тыс.; «Голос» превратился в одну из наиболее влиятельных и распространенных газет в стране. В газете очень хорошо была поставлена информация. «... Благодаря опытности редакции в издательской деятельности, в спекуляции и в умении применяться к настроению известной минуты, — говорилось в официальном отчете совета министров внутренних дел по делам книго-

¹ Вот что писал А. А. Краевский о себе 2 марта 1882 г. в книге автографов М. И. Семевского: «Я родился в Москве 6 февраля 1810 года и живу до сих пор... внутренняя же моя биография заключается в тех миллионах листов, которые написал, или проредактировал и издал в течение своей пятидесятилетней литературной деятельности (в «Московском вестнике», «Журнале министерства народного просвещения», «Прибавлениях литературных к „Русскому инвалиду“», «Литературной газете», «Отечественных записках», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Голосе» и пр.). Андрей Краевский. 2 марта 1882». ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 274, оп. 1, д. 396, М. И. Семевский. «Знакомые. Книга автографов 1880—1888. II», л. 42.

² Б. П. Козьмин. Журналистика шестидесятых годов XIX века. М., 1948, стр. 7.

³ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, л. 1947.

печатания за 1863 г., — газета „Голос“ более других неофициальных петербургских ежедневных газет, пришедших по разным причинам в упадок, обращала на себя внимание читателей»⁴.

Что касается общественно-политической направленности газеты, то она постоянно колебалась между либерализмом и реакцией. В области внутренней политики газета стремилась оказывать поддержку правительству в его преобразовательной деятельности. «Мы за деятельную реформу, — говорилось в программной статье первого номера газеты за 1863 г., — но не желаем скачков и бесполезной ломки». В области внешней политики «Голос» Краевского смыкался с «Московскими ведомостями» Каткова, одобряя в конечном счете мирный внешнеполитический курс Горчакова — Александра II. Для «Голоса» 60-х годов был характерен заметный налет панславизма, что не могло не сказаться на освещении газетой славянского вопроса.

«С.-Петербургские ведомости» были старейшей русской официальной газетой, выходившей в Петербурге с 1728 по 1917 г. Она издавалась Императорской академией наук. С середины XIX в. Академия наук сдавала газету в аренду отдельным частным редакторам сроком на шесть лет. В 1857—1862 гг. редактором был А. Н. Очкин, которого замещал А. А. Краевский. Из всех русских ежедневных газет «С.-Петербургские ведомости» имели самый большой тираж (9205 подписчиков в 1860 г.). При Очкине газета пришла в упадок, и Академия наук решила с 1863 г. передать издание в другие руки. Новый контракт был заключен с коллежским ассесором В. Ф. Коршем⁵.

Поскольку публицистическая деятельность Ж. Жуёвича в России главным образом была связана с «С.-Петербургскими ведомостями», когда ими руководил Корш, и поскольку история этой газеты в 60-х годах менее всего изучена в литературе, необходимо остановиться на ее характеристике подробнее.

В справочной и учебной литературе газеты «Голос» и «С.-Петербургские ведомости» в 60-е годы обычно считаются однотипными либеральными изданиями. Однако это не совсем так. Их редакторы, от которых зависело направление руководимых ими газет, были разными людьми. Если Краевский колебался между

⁴ «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.». СПб., 1865, стр. 225.

⁵ Вот его краткая автобиография, заимствованная из «Книги автографов» М. И. Семевского. «Корш Валентин Федорович, род. 23 ноября 1828 г., окончил курс в С.-Петербургском университете в 50-м году, с 1856 г. — редактор „Московских ведомостей“, издававшихся тогда при университете, с 1863 г. — редактор „С.-Петербургских ведомостей“, которые у него насильственно в конце 1874 г. отняты министром народного просвещения гр. Толстым. С мая 1877 г. — негласный редактор „Северного вестника“, запрещенного после одиннадцатимесячного существования, а с октября 1881 г. — редактор „Заграничного вестника“. 17 января 1882». ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 274, оп. 1, д. 396, л. 69.

умеренным либерализмом и реакцией, причем эти колебания целиком зависели от политической конъюнктуры в стране и определялись не принципами и убеждениями, а скорее коммерческими соображениями, то Корш в пору общественного подъема даже приближался к демократам, хотя никогда не разделял целиком их программы⁶. Впервые этот нюанс отмечен в Исторической энциклопедии, где «Голос» охарактеризован как «умеренно-либеральная газета», а «С.-Петербургские ведомости» — как «один из наиболее либеральных органов печати».

Интересную характеристику Коршу и редактируемой им газете дал превосходно осведомленный в делах русской журналистики 60—70-х годов XIX в. Г. З. Елисеев. Он назвал В. Ф. Корша «либеральным литератором-идеалистом», пытавшимся удержаться на уровне возвышенных идеалов и суровых принципов 60-х годов. Но так как «либерализм, — подчеркивает Елисеев, — это покатая плоскость, ведущая к буржуазии», то в 1875 г. газета «С.-Петербургские ведомости» из слабых в коммерческом отношении рук Корша попадает в объятия энергичного коммерсанта и известного банкира Ф. П. Байбакова⁷.

С конца 1861 г., опираясь на поддержку академических кругов, в частности на академика К. С. Веселовского⁸. Корш начал хлопоты по заключению контракта на издание «С.-Петербургских ведомостей»⁹. Контракт был подписан 11 мая 1862 г. на следующих условиях: редактор вносит академии 15 тыс. рублей в год при 5 тыс. подписчиков и по одному рублю с каждого подписчика сверх этого числа. После этого Корш развернул бурную деятельность по подготовке реорганизации газеты, начиная от ее внешнего вида и объема и кончая содержанием. Он разослал письма всем видным публицистам и литераторам из либерального и демократического лагеря, приглашая их сотрудничать в обновленной газете. В ней сотрудничали П. Анненков, В. Стасов, И. Горбунов, А. Левитов, П. Боборыкин, К. Ушинский и др. После закрытия «Современника» сотрудником и соредактором газеты стал Э. К. Ватсон¹⁰.

Для характеристики отношения Корша к славянскому вопросу

⁶ В 1858 г. в письме к А. Н. Пыпину Корш просил передать «низкий (но не подлый) поклон Н. Г. Чернышевскому» (Архив АН СССР (Ленинград), ф. 3, оп. 2, д. 14. Письмо В. Ф. Корша Пыпину).

⁷ «Отечественные записки», № 7, 1875, стр. 147. Цит. по кн.: Н. П. Емельянова «Г. З. Елисеев-публицист». Л., 1971, стр. 103.

⁸ Архив АН СССР (Ленинград), ф. 24, оп. 2, д. 65. К. С. Веселовский. Письмо к нему В. Ф. Корша от 9. II 1862.

⁹ Архив АН СССР (Ленинград), ф. 2, оп. 1, 1861 г., д. 9. Императорская АН. Дело архива канцелярии № 60 о передаче коллежскому асессору Коршу издания «С.-Петербургских ведомостей».

¹⁰ В автобиографии о своей журналистской деятельности он писал следующее: «... С 1863 г. состоял постоянным сотрудником „Современника“ до июня 1866 г. С 1866 г. по 1 января 1875 г. состоял сотрудником и соредактором „С.-Петербургских ведомостей“; с мая 1875 по март 1881 г. состоял сотрудником „Биржевых ведомостей“ (впоследствии

и газеты в целом представляет определенный интерес его письмо к В. И. Ламанскому от 12 мая 1862 г. «С будущего года, — писал Корш, — „С.-Петербургские ведомости“ переходят в мои руки на частном основании, которое дает мне полную возможность улучшить этот распространенный журнал. Желая придать последнему действительное достоинство и значение, новая редакция намерена, между прочим, обратить особое внимание на славянские земли, подвластные Австрии, и я беру смелость покорнейше просить вас о возможном содействии этому общепольному делу. Ваша постоянная корреспонденция из славянских земель могла бы в значительной степени украсить „СПб. Ведомости“.

На днях я отправляюсь также за границу с целью завести там постоянные сношения и надеюсь вскоре быть в Праге и в Вене, где намерен познакомиться с редакцией журнала „Ost und West“. Не знаю, посчастливится ли мне встретиться с вами, но, во всяком случае, я прошу вас быть уверенным, что с 1863 г. „СПб. Ведомости“ всегда примут с величайшим удовольствием вашу статью или корреспонденцию. Что касается до денежных условий, то я полагаю, что вы признаете их удовлетворительными. Редакция предлагает своим главным сотрудникам по 6 коп. серебра за печатную строку в 40 букв, меньшую против нынешних „СПб. Ведомостей“¹¹.

Несмотря на то что прочного сотрудничества с Ламанским не получилось из-за его панславистских взглядов, с которыми газета вела борьбу, тем не менее из письма мы узнаем, что Корш живо интересовался славянским вопросом, чем, по-видимому, объясняется и приглашение Ж. Жуёвича в газету в 1864 г. Кроме того, Корш платил своим постоянным сотрудникам в два раза больший гонорар, чем Краевский.

Любопытны оценки направления «С.-Петербургских ведомостей» за 1863 и 1864 гг. со стороны официальных властей. «„С.-Петербургские ведомости“, — говорится в отчете за 1863 г., — собственность Академии наук, ежедневная газета, имевшая прежде большую известность, но бывшая в 1862 г. в упадке, перешла в руки новой редакции и подверглась коренному преобразованию»¹². Составители официального отчета затруднились определить направление газеты под новой редакцией, отмечая «отсутствие всякого определенного цвета в общем направлении „СПб. Ведомостей“¹³, несмотря на 77 имен, опубликованных редакцией в качестве имен сотрудников газеты. Но уже в отчете за 1864 г. отмечался «демократический оттенок» газеты, стремление

„Молва“), кроме того, участвовал в „Вестнике Европы“ (1865—1867 гг.), „Русском обозрении“ и других изданиях... 17.I 1882». ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 274, оп. 1, д. 396.

¹¹ Архив АН СССР (Ленинград), ф. 35, оп. 1, 1862 г., д. 714.

¹² «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.» СПб., 1865, стр. 206.

¹³ Там же, стр. 220.

ее редакции «с любовью и настойчивостью толковать о народе», «попытки поддерживать ультралиберальное направление»¹⁴.

В архиве С.-Петербургского цензурного комитета отложились объемистые материалы об издании «С.-Петербургских ведомостей» под редакцией Корша. С самого начала газета была подвергнута бдительному контролю со стороны цензуры, который особенно усилился с 3 сентября 1865 г., когда она стала выходить без предварительной цензуры. В докладе цензора Смирнова о первых девяти днях бесцензурного издания говорилось, в частности, следующее: «Таким образом, на знамени „СПб. Ведомостей“ мне уже довольно явственно представляются слова: либерализм, прогресс, децентрализация, свобода слова, особенное сочувствие к народу, разлад с недавно прошедшим и в некоторых случаях даже с настоящим и симпатии к будущему»¹⁵.

За первый год так называемого бесцензурного издания газета получила три предупреждения, а 5 сентября 1866 г. была приостановлена на три месяца и выходила под временной редакцией Сомова¹⁶. Уже в конце 1865 г. министр народного просвещения Головин советовался с Валуевым, не настала ли пора передать «С.-Петербургские ведомости» в ведение министерства внутренних дел, но тогда было признано целесообразным «повременить»¹⁷. То, что не удалось осуществить Головину, в конце 1874 г. сделал его преемник обер-прокурор Синода Д. А. Толстой.

Было бы ошибкой преувеличивать либерализм «С.-Петербургских ведомостей» и их редактора — буржуазного либерала Корша. Защита газетой реформ 60-х годов и критика самодержавно-крепостнического режима в конечном счете не выходили за рамки либеральных требований. За нерешительность, половинчатость и бесхарактерность издания великий сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин не без оснований назвал «С.-Петербургские ведомости» «старейшей всероссийской пенкоснимательницей»¹⁸.

Однако из всего вышесказанного следует, что между «Голосом» и «С.-Петербургскими ведомостями» нельзя ставить знака равенства. Это особенно видно на примере освещения славянского вопроса в обеих газетах. Даже коллежский секретарь Юферов в своем рапорте 1871 г. о направлении русской периодической бесцензурной печати за 1865—1870 гг., указывая на непопулярность «С.-Петербургских ведомостей» среди публики (к 1870 г. эта газета имела 7500 подписчиков, тогда как «Голос» — в три раза больше) якобы вследствие ее «космополитического духа» и

¹⁴ «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.», стр. 262, 263. См. также рапорт коллежского секретаря Юферова. ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 5, 1871 г., д. 38а, лл. 11 и об.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, 1865 г., д. 58, ч. 1, л. 9.

¹⁶ Там же, лл. 206, 208—209.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, д. 149, лл. 1—4.

¹⁸ «Источниковедение истории СССР XIX—начала XX века». М., 1970, стр. 276.

непринадлежности к «какой-либо партии», вынужден был отметить, «что в вопросе панславистском газета остается в стороне и не впадает в те крайности, которыми отличались и отличаются и поныне „Голос“ и некоторые московские газеты»¹⁹.

Учет всех нюансов при определении общественно-политической направленности того или иного печатного органа необходим еще и потому, что одно из правил исторической эвристики в работе с периодикой гласит, что участие того или иного литератора в том или ином повременном издании еще не является основанием для вынесения суждения о характере и направлении данного органа печати и, наоборот, что характер издания еще не дает оснований судить, без дополнительного анализа материала, о взглядах сотрудничающего в нем автора.

Под влиянием растущего интереса русской общественности к зарубежному славянству «Голос» и «С.-Петербургские ведомости» стали больше уделять внимания освещению славянского вопроса на своих страницах. Что касается «Голоса», то вопрос об освещении в этой газете славянской проблематики в 60-е годы довольно подробно исследован в монографической статье С. А. Никитина «Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века»²⁰. К сожалению, этого нельзя сказать о газете «С.-Петербургские ведомости», анализу которой, с точки зрения освещения славянского вопроса на ее страницах в 60-х годах, автор отвел всего два абзаца. «Другие центральные газеты, — писал он, — не уделяли такого внимания Балканам, как названные („Голос“ и „Русские ведомости“). — В. К.), хотя помещали статьи по вопросам, связанным с Балканами, и некоторые из них временами имели корреспондентов в тех или других странах. Так, например, «С.-Петербургские ведомости» имели в 1867 и в 1870 г. корреспондента в Белграде. Характер его сообщений — либеральный, он не раз нападает на консервативных министров Гарашанина, Н. Христича, пытается выдать себя за серба, пишет о военной подготовке Сербии и обсуждает возможную помощь России. Но мы полагаем, продолжает автор, что он напрасно пытался выдать себя за серба. Этим корреспондентом «Ведомостей» в 1867 г. был тот же П. А. Ровинский»²¹.

Во втором абзаце, посвященном интересующей нас газете, С. А. Никитин, ссылаясь на письма Ровинского Пыпину, констатирует факт, что корреспонденции Ровинского из Белграда

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 5, 1871 г., д. 38а, л. 14.

²⁰ О некоторых уточнениях относительно участия в издательском аппарате газеты Ж. Жуевича см. статью: В. Г. Карасёв. О сарадњи српског демократе Живојина Жујовића у листу «Голос». Матнца српска. Зборник за друштвене науке, св. 51. Нови Сад, 1968, стр. 60—78.

²¹ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. VI. М., 1952, стр. 121. Заметим, что корреспондентом «С.-Петербургских ведомостей» в Сербии в 1867 г. был не Ровинский, а Жуевич. Подробнее об этом см. главу седьмую настоящей работы.

«подвергались редакционной обработке и правке, иногда сокращениям»²².

В цитированных абзацах отсутствует общая оценка места и роли «С.-Петербургских ведомостей» в освещении славянского вопроса 60-х годов XIX в. Автору статьи остался неизвестным факт многолетнего сотрудничества в издательском аппарате газеты Ж. Жуёвича, который с апреля 1864 по март 1866 г. заведовал ее славянским отделом и не прекращал связей с ней вплоть до своей смерти (до 1870 г.).

Что касается оценки позиции «С.-Петербургских ведомостей» по славянскому вопросу, то она довольно отчетливо проявилась в период этнографической выставки в Москве в 1867 г. Вот что по этому поводу говорилось в официальном отчете С.-Петербургского цензурного комитета от 27 ноября 1867 г. в Главное управление по делам печати. «В заседании СПб. цензурного комитета 23 сего ноября заслушан был следующий доклад цензора Смирнова о „СПб. Ведомостях“: со времени посещения России западными славянами по случаю Московской этнографической выставки „СПб. Ведомости“, занимаясь вопросом возможных в настоящем и будущем времени отношений русских славян к западным, настоятельно проводят мысль, что русские не могут стать во главе славянских народов и быть их руководителями потому, между прочим, что *внутренние учреждения России еще не устроены так, „как того требует дух славянства, истинная современная образованность и мировое положение России“*, что у западных славян учреждения лучше наших, им нечем от нас позаимствоваться и что после того, как мы возбудим в славянах надежды на Россию, нам „необходим внутренний строй, способный обеспечить возможно скорейшее накопление знаний и материальных богатств, которые вместе дадут нам силу стоять за славянство“. В таком духе написаны передовые статьи в № 212, 287, 320 и 324. В приведенных намеках нельзя не заметить предвзятого направления редакции „СПб. Ведомостей“ развигать в читателях мысль о несовершенстве наших внутренних учреждений и о настоятельной необходимости коренного преобразования оных по образцам западной цивилизации; хотя формулировать нарушение закона с достаточною для судебного преследования ясностью, по замеченным, весьма уклончивым приемам редакции, цензор не находит возможным. Комитет, соглашаясь с мнением цензора о недостаточности оснований к возбуждению судебного против редакции преследования за сии статьи, считает, однако, долгом заявить о них Главному управлению по делам печати на основании конфиденциальной Столичного комитета инструкции 23 августа 1865 года»²³.

²² С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 121.

²³ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, д. 23, ч. 1, 1865 г. Дело по изданию «С.-Петербургских ведомостей», л. 308 и об.

Письмо Ж. Жуёвича А. А. Краевскому от 26 мая 1864 г.²⁴ дает возможность определить материалы, подготовленные Жуёвичем для славянского отдела газеты «Голос». Внимательное изучение газеты показывает, что за указанные в письме 2 месяца Жуёвичем было подготовлено 6 материалов:

1. «Готовящаяся война сербов с турками и новый заговор против сербского князя». «Голос», № 82, 22. III (3. IV) 1864—92 строки.

2. «Надежды турецких христиан». «Голос», № 93, 3 (15). IV 1864—166 строк.

3. «Военные приготовления турок на сербской границе». «Голос», № 101, 11 (23). IV 1864—20 строк.

4. «Из Сербии». Там же—37 строк.

5. «Положение дел в Турции». «Голос», № 114, 26. IV (8.V) 1864—113 строк.

6. «Разные известия. О пенсии вдове Караджича и сообщение из Белграда». «Голос», № 121, 3 (15). V 1864—34 строки.

Из приведенного перечня явствует, что в пяти первых материалах содержится 428 строк газетного текста. Если предположить, что Краевский платил по 3 коп. за строку, то окажется, что Жуёвич получил 12 руб. 84 копейки, т. е. ту сумму, которую он называет в своем письме. Что же касается шестого материала, то он, надо полагать, вследствие «неисправности счетчиков» вообще не был принят ими во внимание, так как был помещен не в рубрике «Новости заграничные», в которой редакция печатала материалы о славянских землях, в том числе и пять приведенных в перечне, а в разделе «Разные известия», который время от времени появлялся в самом конце номера.

Какие можно привести доказательства в пользу того, что все шесть материалов, поименованные в перечне, были подготовлены Жуёвичем и почему наш выбор пал именно на них? Вообще говоря, за указанный в письме отрезок времени в газете было помещено гораздо больше материалов о зарубежных славянах, чем названо в перечне. С 1 марта по 26 мая всего их насчитывается 12²⁵. Мы исключаем две корреспонденции из Праги, помещенные

²⁴ См. Приложение № 8.

²⁵ «Голос», № 61, 1 (13). III 1864. «Новости заграничные». «Из Праги». (Корреспонденция «Голоса»). Подпись: «Д.»; «Голос», № 71, 11 (23). III 1864. «Новости заграничные». «Положение дел в Турции» (Корреспондент «National Zeitung» «пишет из Константинополя...»), «Голос», № 77, 17 (29). III 1864. «Новости заграничные». «Из Праги» (Корреспонденция «Голоса»). Подпись: «П. Д.»; «Голос», № 88, 29. III (10. IV) 1864. «Новости заграничные». «Из Праги». (Корреспонденция «Голоса»). Подпись: «П. Д.»; «Голос», № 96, 5 (18). IV 1864. «Новости заграничные. Речь Ригера об австрийском конституционализме»; «Голос», № 120, 2 (14). V 1864. «Новости заграничные». «Вооружения Турции» (перепечатка-перевод из «Independans Belge» от 18 (30). IV).

в № 61 и 77 и «Положение дел в Турции» (№ 71). Первые две корреспонденции имеют подписи: первая подписана буквой «Д», а вторая — инициалами «П. Д». Мы разделяем мнение С. А. Никитина, что, вероятнее всего, их автором был славист Дубровский, находившийся в это время в Чехии²⁶. Это же относится и к третьей корреспонденции из Праги в № 88, также подписанной инициалами «П. Д». Речь Ригера об австрийском конституционализме, напечатанную в № 96 газеты, мы не включаем на том еще основании, что на первых порах по крайней мере Жуёвич не касался западных славян. Наконец, материал о вооружениях Турции (№ 120) мы исключили потому, что он является перепечаткой из «Independans Belge» от 18(30) апреля.

Остановимся теперь подробнее на отобранных нами шести материалах и попытаемся доказать их принадлежность Жуёвичу.

По нашему мнению, первым материалом, помещенным Жуёвичем в качестве заведующего славянским отделом в газете «Голос», была статья «Готовящаяся война сербов с турками и новый заговор против сербского князя». Думаем мы так потому, что, во-первых, сюжет статьи весьма близок автору. Во-вторых, Жуёвич стремился в своем первом материале на посту заведующего славянским отделом в максимально возможной степени изложить свои взгляды, если не на славянский мир в целом²⁷, то по крайней мере на положение дел в одной из стран этого мира — Сербии. Анализ статьи показывает, что в значительной мере это ему удалось. Воспользовавшись сообщением чешской газеты «Narodni Listy» («Народни листы») от 2(14) марта 1864 г. об очередной «кровавой свалке» между сербскими и турецкими войсками в Белграде и первыми сведениями о заговоре против князя Михаила, Жуёвич дает свое объяснение этим событиям. Он начинает с констатации того факта, что отношения между Сербией и Турцией продолжают обостряться, поэтому «война между ними вследствие этого делается все более близкой и несомненной». Воинственное народное настроение, подогретое событиями 1862 г.²⁸, все больше берет верх над миролюбивым характером правительств обоих государств. Это «миролюбие» объясняется их обоюдной финансовой слабостью и, кроме того, внутренними раздорами в Сербии. «Война между Сербией и Турцией давно бы началась, — пишет автор, — если бы враждебные силы этих государств не сдерживались обоими правительствами». Осуждая войну как «самую варварскую, но, к несчастью, необходимую деятельность людей», Жуёвич выступает в данном конкретном случае в ее поддержку, так как она призвана была разрешить важнейший вопрос — «об освобождении всех сербов из-под гнета турецкого».

Итак, можно констатировать, что касательно внешней поли-

²⁶ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 112.

²⁷ Это он сделал несколько позже в обширном письме И. С. Аксакову от 13 октября 1864 г.

²⁸ Речь идет о варварском обстреле турками сербской столицы. — В. К.

тики Сербии Жуёвич определенно высказывается за поддержку национально-освободительной войны сербского народа, отмечая, однако, отсутствие единодушия в нации по столь важному вопросу.

Используя далее сообщение корреспондента чешской газеты о раскрытии заговора против сербского князя, Жуёвич высказывает ряд интересных мыслей о внутреннем положении Сербии. Прежде всего он осуждает заговор, так как, по его словам, «никто и знать не хочет, какие последствия должны выйти из этого постыдного бюрократического акта». В доверительном письме Косте Поповичу от 18—21 февраля 1864 г. (т. е. буквально за месяц до появления статьи), излагая свою программу действий для прогрессивных сил Сербии, призывая их «ковать железо, пока горячо», он высказался по этому вопросу более определенно. Нужно раз и навсегда, писал он, отказаться от мысли о смене князя, потому что не в нем сила. Достаточно ограничить его власть с помощью закона, определить отношения между скупщиной и князем и наоборот.

Эту последнюю мысль он выразил и в анализируемой статье. Воспользовавшись тем, что, по слухам, в заговоре замешан министр внутренних дел Сербии Н. Христич, Жуёвич как бы мимоходом заметил: «Редактор „Народных листов“ г. Греггер сомневается в истине показания своего корреспондента относительно г. Христича, не зная, что именно благодаря этому господину и сделалось возможным изгнание из Сербии Михаила, потому что он лишил князя самой могущественной опоры, именно опоры народной». «Он занес святотатственную руку на святилище сербское — на Народную скупщину, благодаря чему князь и очутился во власти сербских бюрократов. Народная скупщина возвела князя Михаила на престол и, вероятно, постояла бы теперь за него, но, увы! Она обессилена».

Помимо этой статьи, которую, согласно классификации самого Жуёвича, можно с полным основанием отнести к категории оригинальных, в нашем перечне значатся еще пять материалов. Три материала являются переводными и два — компиляциями (№ 101 и 121).

Что касается первых трех, то они представляют собой простые переводы из двух заграничных газет — венской «Ost und West» («Восток и Запад») (№ 93 и 114) и чешской «Народни листы» (№ 101). Обе эти газеты и раньше были в поле зрения редакции «Голоса». За 1863 г. и первые два месяца 1864 г. больше всего помещалось материалов из газеты «Народни листы». Что же касается венской «Восток и Запад», то, кроме довольно подробных сообщений о преследовании этой газеты и ее издателя Ткалаца со стороны австрийских властей²⁹, никаких перепечаток из этой

²⁹ См.: «Голос», № 211, 15.VIII 1863. «Славянские известия» и № 255 от 28.IX. 1863. «Славянские земли». «Литературные процессы в Австрии».

газеты редакция «Голоса» не делала с момента своего появления, т. е. с 1 января 1863 г.

После того как мы установили, что согрудничество Жуёвича в газете «Голос» в качестве заведующего славянским отделом начинается статьей «Готовящаяся война сербов с турками и новый заговор против сербского князя»³⁰, можно с уверенностью предположить, что все переводы из газеты «Восток и Запад», печатавшиеся «Голосом» в рассматриваемый отрезок времени, принадлежат ему³¹.

Материал компилятивного характера, который, по нашему мнению, подготовлен Жуёвичем, но из-за «неисправности счетчиков» не был учтен при оплате, напечатан в газете «Голос», № 121 от 3 (15) мая 1864 г. Он был помещен в конце номера в разделе «Разные известия» со ссылкой на «Народни листы» (без указания номера и числа). В нем сообщается следующее:

«Австрийский император определил вдове известного сербского ученого, покойного Вука Караджича, единовременное пособие 1000 фл. Известно, что покойник при жизни получал что-то и от русского правительства; только, кажется, от сербского правительства он ничего не получал, хотя с покойным князем Милошем находился в большой дружбе. Получит ли вдова Вука Караджича какую-нибудь пенсию — неизвестно. Нужно сказать, что с тех пор, как история знает Сербию, никакой серб не оказал ей такой услуги, какую оказал покойный Вук Караджич собиранием народных песен, сказок, пословиц и т. п., составлением превосходного словаря и сербской грамматики. Знакомством своим с просвещенным человечеством Сербия в значительной степени обязана своим песням, а эти песни представлены человечеству Караджичем. Тем не менее покойник не пользовался большой репутацией в Сербии по причине неодобрительных для ученого отношений его к разным правительствам».

Вероятнее всего, текст этой заметки целиком составлен заведующим славянским отделом «Голоса», заимствовавшим из чешской газеты лишь факт назначения австрийским императором вдове В. С. Караджича единовременного пособия. В заметке содержится упрек тогдашнему сербскому правительству в том, что оно проявило неоправданное равнодушие к своему выдающемуся ученому. Поэтому, надо полагать, в ней и отсутствует точная ссылка на номер и дату чешской газеты³².

³⁰ Мы отнюдь не исключаем, что Ж. Жуёвич печатался в газете и раньше в качестве простого сотрудника, но установить это пока не представляется возможным.

³¹ Подробнее об этом см.: В. Г. Карасёв, О сарадњи Српског демократе Живојина Жујовића у листу «Голос», Зборник Матице српске за друштвене науке, св. 51. Нови Сад, 1968, стр. 60—78.

³² Небезынтересно отметить, что на смерть великого сербского просветителя газета «Голос» откликнулась небольшим некрологом такого содержания: «26 января (7 февраля) скончался в Вене Вук Стефанович Караджич, замечательнейший из сербских ученых, много послуживший своим тру-

Во второй заметке рассказывается о том, что, по сообщению из Белграда от 12(24) апреля, там в этот день состоялось торжественное празднование дня восстания и освобождения Сербии из-под турецкого ярма.

В статье С. А. Никитина упоминается факт кратковременного сотрудничества Жуёвича в редакционном аппарате «Голоса». «По-видимому, — пишет автор, — работа Жуёвича была непродолжительной, так как издатель — А. А. Краевский — платил ему совершенно ничтожный гонорар»³³.

В действительности дело обстояло несколько иначе. Издатель «Голоса» принял условия Жуёвича, и сотрудничество последнего в газете на посту заведующего славянским отделом продолжалось весь 1864 г. На этот счет мы располагаем двумя бесспорными доказательствами.

Первое — в письме Коршу содержится прямое указание на то, что обозрения славянских земель в газете «Голос» «в продолжение года» писались Ж. Жуёвичем³⁴.

Второе — буквально через три дня после известного нам письма Жуёвича Краевскому, 29 мая (10 июня) 1864 г. в № 147 «Голоса» была напечатана большая статья в форме корреспонденции — «Сербия и ее гости», подписанная буквой «Ж». Принадлежность этой статьи сербскому демократу не вызывает никаких сомнений. Именно так чаще всего подписывал он свои наиболее важные статьи в русской периодической печати.

Статья «Сербия и ее гости» интересна во многих отношениях. Помимо того, что это единственный за все время сотрудничества Жуёвича в газете «Голос» подписанный им материал, он чрезвычайно важен и по своему содержанию, которое дает ключ к установлению авторства ряда других его статей в газете.

Так называемая Корреспонденция³⁵ представляет собой острый обличительный памфлет, направленный против беспринципности и угодничества перед сильными мира реакция сербской журналистики того времени, рупором которой являлась белградская газета «Видов-дан». Поводом для выступления послужила передовая статья № 53 газеты «Видов-дан» за 1864 г., в которой делалась попытка обелить протурецкую, антисербскую политику Англии. «Сербские писаки знают, — писал Жуёвич, — как к ним относится Англия; они знают ту коммерческую Англию, в глазах которой шиллинг имеет тысячу раз большее значение, чем человек; они знают, что Турция давит сербов исключительно силою

дами для славянства, первый собиратель народных дум и песней сербских, сочинитель первой сербской грамматики и первого словаря». «Голос», № 39, 8 (20). II 1864. «Разные известия».

³³ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 121.

³⁴ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 438 (Литфонд), т. 17, л. 23.

³⁵ Как мы увидим из дальнейшего изложения, к такому приему Ж. Жуёвич прибегал очень часто в своей журналистской практике в России. — В. К.

Англии; они знают, что Англия продает эту силу Турции, и, зная все это, они решаются конкурировать с Турцией и конкурировать не силою гроша, как это делает „высокая Порта“, а силою литературы. За неимением гроша сербские публицисты заставляют сербский народ курить под носом коммерческой Англии ароматический фимиам, вызывающий, естественно, в этом мифическом Ротшильде справедливую презрительную улыбку».

В своей статье Жуёвич горячо и вдохновенно отстаивает принцип высокого назначения литературы в жизни и развитии народа. Он беспощаден к тем сербским писателям (иначе он не называет низкопоклонствующих журналистов), которые в угоду нескольким английским пасторам, путешествовавшим в то время по Сербии, расточали в их адрес похвалы, кричали во всеулышание, что будто бы эти-то люди и призваны освободить угнетенный христианский народ из-под гнета турецкого и немецкого. Сербский публицист дважды возвращается в статье к определению своего отношения к подобному рода «литераторам», пытающимся превратить литературу в пошлое и грязное орудие, прислужницу реакции. «Рабство противно само по себе, но рабство литературное — рабство вопиющее. Заставлять литературу кляузничать — это преступление выше всякого преступления!» — заявил он в начале. Эта же мысль с новой силой звучит в конце статьи: «Повторяем: всякая пошлость противна, но пошлость литературная — неизмеримо противнее». Статья заканчивается горькими, но полными глубокого смысла словами: «Не благороднее ли молчать, если уж нельзя сказать правдивого слова? Не лучше ли гнаться и под ярмом, чем низкопоклонничать перед бездушным купцом? Не лучше ли и умереть под ярмом, из-под которого нет возможности вывернуться, чем рабски пресмыкаться перед кем бы то ни было, а тем более перед „промышленной“ Англией?».

С рассмотренной выше статьей перекликается большая статья (свыше двух столбцов газетного текста) под названием «Действия английского духовенства в задунайских странах», напечатанная в № 151 газеты «Голос» от 2(14) июня 1864 г. Хотя эта статья не подписана, тем не менее принадлежность ее Жуёвичу можно считать бесспорной. Для этого достаточно ознакомиться с ее содержанием.

В статье живо, интересно, с публицистической точки зрения талантливо, рассказывается о том, как года три тому назад лондонские священники во главе с г. Дентоном посетили Сербию. Они были радушно приняты в столице и, обласканные сербским митрополитом, совершили приятное путешествие по стране. В своих путевых записках Дентон очень высоко отозвался о сербах: «Каждый серб — джентльмен!» — заявил он. «Да, действительно, — замечает на это автор статьи, — каждый серб — джентльмен, только не в английском смысле этого слова. Каждый серб, действительно, мог бы быть джентльменом, если б сербский народ при некоторых своих современных экономических условиях, как, например,

при нынешнем распределении в Сербии земли, был еще, во-первых, так развит, как английский джентльмен, во-вторых, пользовался бы такими правами, какими пользуется последний». Нетрудно заметить, что мысли приведенного отрывка созвучны мыслям Жуёвича, высказанным им в письмах Косте Поповичу.

Ободренный столь ласковым приемом, оказанным в православной Сербии «служителям англиканской церкви», манчестерский епископ обратился к сербскому митрополиту с благодарственным письмом и в нем «задел... важнейшие из вопросов, которые когда-либо решались на земле, именно вопрос о слиянии церквей». «Какое обширное поле для разгула фантазии! — восклицает автор статьи. — Воодушевившись еще этой мыслью Джон Россель, Пальмерстон, Дизраэли и Дерби, кто знает, быть может, в самом деле начало соединения церквей было бы положено, состоялось бы. Но, увы! английским парам не до соединения церквей, а потому и голос его высокопреподобия остался гласом вопиющего в пустыне».

Вероятно, этим бы дело и кончилось, если бы не лондонское духовенство, которому пришлось по вкусу идея манчестерского епископа. Оно выступило с предложением организовать какое-нибудь церковное общество, чтобы познакомить англичан с восточными «бедными христианами». Автор приводит два обстоятельства, которые способствовали успеху задуманного предприятия.

После возвращения в Лондон Дентон опубликовал объемистую книгу под названием «Христиане на Востоке», где изложил свои впечатления о поездках по Сербии и другим странам юго-востока. Книга имела некоторый успех, особенно среди лондонского духовенства.

Вторым обстоятельством было то, что в мае 1863 г. в английской палате общин произошли бурные дебаты по поводу обстрела Белграда турками в 1862 г.³⁶ Автор вскрывает подоплеку этого обсуждения, упомянув о неофициальной миссии в Англию сербской делегации, в которую входили княгиня Юлия и бывший министр иностранных дел Филип Христоч. Упоминает он и брошюру Владимира Йовановича, в которой разрешался «пресловутый... „Восточный вопрос.“»³⁷.

Как и следовало ожидать, обсуждение в палате общин ничего утешительного для сербов не дало: «Пошумели, погорячились, да

³⁶ Об этих дебатах писали почти все русские газеты, в том числе и «Голос». См., напр., № 128, 24.V 1863. «Обсуждение турецкого вопроса в палате общин. Речь Кобдена».

³⁷ Ж. Жуёвич тогда не знал, что В. Йованович входил в состав делегации. «Автор брошюры — довольно хороший политико-эконом, — писал Жуёвич (еще недавно он был профессором политико-экономики в лицее сербском), — и поэтому он посмотрел на этот вопрос главным образом с политико-экономической точки зрения». Подробнее об отношениях этих двух сербских общественных деятелей см. нашу публикацию: В. Г. Карасёв. Живојин Жујовић и Владимир Јовановић. Зборник Матице српске за друштвене науке, св. 43. Нови Сад, 1966, стр. 113—125.

и разошлись, окончив грустным ничем», — пишет автор. Но тем не менее усилиями Дентона и его сторонников общество по оказанию помощи «бедным юго-восточным христианам» было все же создано. Со ссылкой на № 52 сербской газеты «Видов-дан» в статье далее подробно рассказывается о первом заседании, происходившем в доме Дентона. Приводятся все четыре пункта предварительного проекта программы общества, которое решено было назвать «Товариществом за восточную церковь». Специальному конгрессу предстояло утвердить окончательный текст программы.

Главный смысл статьи выражен в ее последнем абзаце: «Говорят, что теперь в „Товариществе“ — более 100 человек. Восточные христиане, конечно с радостью согласятся прильнуть к англичанам, только бы те освободили их из-под турецкого гнета. Но что станет тогда с европейским равновесием? В том-то и беда, что тут из одного вопроса, как феникс, вылетает другой, не менее важный вопрос. А всякий знает, как Европа боится великих вопросов: потому-то и конгресс не состоялся».

Из всего сказанного можно видеть, как близки эти мысли главной теме ранее разобранных нами статьи Ж. Жуевича «Сербия и ее гости». Манера письма и стиль³⁸ не оставляют никаких сомнений в том, что автором статьи «Действия английского духовенства в задунайских странах» был Жуевич. Таким глубоким знанием церковных дел³⁹, сербской действительности⁴⁰ обладал среди тогдашних русских журналистов, пожалуй, только он один. Ко всему сказанному можно добавить еще и то, что методика составления обеих рассмотренных нами статей тождественна. И в первом, и во втором случае первоисточником являются факты, заимствованные из газеты «Видов-дан».

Сотрудничество сербского публициста в газете «Голос» не протекало гладко. Конфликт с издателем из-за гонорара, по-видимому, был не единственным и даже не самым главным. Обращает на себя внимание тот факт, что после опубликования статьи «Действия английского духовенства в задунайских странах» в № 151 от 2 (14) июня 1864 г. и до конца августа на страницах «Голоса» не было помещено материалов, подготовленных заведующим сла-

³⁸ Конфликт в Белграде 1862 г. автор в этой статье, как и в предшествующей, называет «свалкой».

³⁹ Вот как он критикует промахи книги Дентона «Христиане на Востоке»: «Есть в этой книге очень много и верного, но зато есть много и такой крупной лжи, которую мог сделать только англичанин, не слышавший до тех пор ни слова о виденном народе. Например, он в одном месте говорит „о глубоком благоговении сербов“ „при совершении богослужения“, „которое слышит серб на своем родном языке!“ Сербский народ понимает в церковном богослужении столько, сколько понимает и народ русский: и тот, и другой понимают в нем не все, потому именно, что это богослужение, как это всем известно, совершается не на русском и не на сербском, а на церковнославянском языке. А сербский язык, если не дальше, то во всяком случае и не ближе к языку церковнославянскому, чем язык русский».

⁴⁰ Заслуживает внимания в этой связи замечание о характере распределения земли в Сербии.

вянским отделом газеты⁴¹. Правда, за это время было напечатано шесть корреспонденций из Праги за подписью «П. Д.», но, как уже отмечалось, они не имеют отношения к Жуёвичу. Между тем в газете «С.-Петербургские ведомости», где славянским отделом в это время также заведовал Жуёвич, было напечатано несколько материалов о Сербии⁴².

Выше уже говорилось, какое большое значение придавал Жуёвич Сербской народной скупщине, собравшейся на свою вторую сессию в августе 1864 г. В первом письме Косте Поповичу от 12 ноября 1863 г. он писал по этому поводу следующее: «Я был бы очень рад, если бы вы сообщили мне что-нибудь о тех спорах, которые ведутся среди вас по поводу скупщины, а также хотел бы знать мнение народа сербского вообще, а белградцев в особенности, равно как и ваше собственное мнение о скупщине, происходившей в 1861 году».

Между тем освещение этого важного вопроса на страницах «Голоса» было не только скромным, но и «странным», на первый взгляд. Всего о сербской скупщине 1864 г. в газете было помещено четыре материала. В № 237 от 28 августа (9 сентября) напечатано сообщение о том, что 16(28) августа состоялось открытие Сербской народной скупщины и затем излагались главные пункты тронной речи князя. Сообщение — дословный перевод из венской газеты «Presse» без каких бы то ни было комментариев. В № 244 от 4(16) сентября 1864 г. был помещен сокращенный перевод текста адреса, с которым обратилось «Национальное собрание» (так в тексте. — В. К.) к князю Михаилу в ответ на его тронную речь. Аналогичный характер носит и перепечатка из английской газеты «Daily News» «Об открытии Сербской народной скупщины», помещенная в № 252 газеты за 12(24) сентября 1864 г.

Зато последняя, четвертая, заметка о сербской скупщине, напечатанная в газете «Голос», № 266 от 26 сентября (8 октября) 1864 г., по своему характеру отличается от вышеназванных и представляет несомненный интерес. Она посвящена закрытию заседаний Сербской народной скупщины.

После небольшого вступления, содержащего точную дату окончания работы скупщины — 6(18) сентября 1864 г., и упоминания о том, что все предложенные правительством законы одобрены сербским национальным собранием, автор подборки приводит любопытные рассуждения о прошедшей скупщине, которые он заимствует из чешской газеты «Народни листы», но без указания ее номера и даты:

«Скупщина — зеркало Сербии. Некоторые говорят, что это зеркало служит верным отражением желаний сербского народа; так

⁴¹ Если не считать небольшой заметки «Нынешнее положение в Турции» (№ 232, 23.VIII (4.IX) 1864), представляющей собой перевод из иностранной газеты.

⁴² См. следующий раздел настоящей главы.

ли это или нет, мы не беремся судить, но не можем не заметить, что в это собрание попали люди, которые или не хотят, или не умеют обсуждать критически действия правительства. Трудно также утверждать, есть ли какая-нибудь политическая партия в сербском собрании. Действительно, в Сербии есть люди, желающие иметь государем князя Михаила, а другие — Александра Карагеоргиевича; одни ненавидят Александра, другие — Михаила. Но почему они любят или ненавидят? Вовсе не из-за принципов, представителем которых служило бы то или иное имя, а просто вследствие различных причин, часто не имеющих никаких разумных оснований, вроде того, что Михаил или его отец уволили кого-нибудь от службы, перестали платить кому-либо прежнюю пенсию, что он задумал какое-нибудь нововведение, хотя бы и весьма полезное, но без которого жили и поживали деды и отцы, что он носит немецкое платье, держит слуг из немцев и т. п. Но людям дельным решительно все равно, тот или другой князь сидит на престоле, лишь бы только он заботился о благосостоянии страны. Эти-то люди убеждены, что при настоящем положении Сербии ничто не может быть вреднее внутренних раздоров и бессмысленных переворотов с целью возведения того или другого князя на престол. Поэтому бесполезно знать, к какой партии, обреновичей или карагеоргиевичей, принадлежит большинство представителей; как в том, так и в другом случае скупщина была бы тем, чем она может быть: собранием людей простых, но одаренных здравым умом, которого достаточно было бы для ведения небольшого хозяйства или мелкой торговли, но не для политических рассуждений, обсуждения мер социальных, административных, экономических, финансовых, касающихся народного образования, о которых в наше время должны заботиться народные собрания. Всякий бы охотно сделался членом собрания, но много ли бы он помог своими советами правительству? Итак, не может быть жарких парламентских споров в скупщине, притом же заседания ее не публичны, только официальные издания сообщают результаты этих заседаний. Желательно было бы, чтоб проекты правительства были приняты без изменений, — заключает чешская газета».

Нетрудно заметить, что мысли, содержащиеся в этом отрывке, взятом в кавычки, весьма близки и созвучны, кроме, конечно, последней фразы, взглядам Ж. Жуёвича. Полным диссонансом с содержанием воспроизведенного отрывка звучат заключительные слова, принадлежащие автору, подготовившему материал.

«Как ни строга эта характеристика скупщины, — пишет он, — но ее скорое закрытие снова обнаружило чувство законности сербской нации, ее привязанность князю Михаилу. Сербия и Михаил Обренович! Таков сборный клич сербов от Балканов до Дуная и Адриатики. Сербия, утомленная переворотами, стремится к единодушию и спокойствию. Эта потребность составляет силу и авторитет правительства».

Чтобы объяснить это явное противоречие⁴³, достаточно вспомнить, что статья эта писалась после восстановления Жуёвичу стипендии — 16 июля 1864 г. Как известно, радость Жуёвича была недолгой. Вскоре он узнал от своих друзей, что сербскому правительству стали известны его критические выступления о сербских делах в русской периодической печати и что над ним вновь нависла угроза лишения стипендии. Это заставило его быть особенно осторожным в своих корреспонденциях и заметках именно в августе — октябре, что не могло не сказаться на характере освещения работы Сербской народной скупщины в газете «Голос». Не исключено, что осторожного и осмотрительного редактора «Голоса» не устраивал руководитель славянского отдела в его газете, который находился под негласным надзором III Отделения и был на плохом счету у сербского правительства. К сожалению, мы не располагаем сведениями об отношениях между Жуёвичем и Краевским, однако вряд ли погрешим против истины, если скажем, что отношения эти были отнюдь не идеальными. Помимо гонорарных дел, вероятно, существовали и расхождения принципиального характера.

Во всяком случае непреложным остается факт, что с 1 января 1865 г. сотрудничество Жуёвича в газете «Голос» прекратилось. На протяжении первого полугодия 1865 г. в «Голосе» отсутствовали какие бы то ни было материалы о зарубежных славянских народах. По-видимому, с уходом Жуёвича замену ему было найти нелегко.

Как же проявилась активность Жуёвича на посту заведующего славянским отделом «Голоса» в последний период его работы в издательском аппарате газеты? Помимо четырех материалов о сербской скупщине, с конца августа по декабрь 1864 г. включительно о южнославянских землях было напечатано несколько материалов, далеко не одинаковых по своему характеру и значению. Характерной их особенностью было то, что все они посвящены не Сербии, а южнославянским народам, находившимся под властью Турции и Австрии. Наиболее вероятными материалами либо подготовленными Жуёвичем, либо написанными им в виде оригинальных статей, на наш взгляд, являются следующие:

1. «Голос», № 239, 30.VIII (11.IX) 1864. «Новости заграничные». «Герцеговина».

Оригинальная статья без подписи. Она начинается с упоминания о недавней вспышке недовольства среди христианского населения в округе Зубцы, в Герцеговине, против турецкого вар-

⁴³ Весь материал построен по принципу: с одной стороны, «нельзя не признать...», с другой — неперемное «если». Так, в самом начале автор пишет, например, что депутаты скупщины высказали пожелание о ликвидации турецких крепостей и полном изгнании турок с сербской территории, и тут же добавляет: «Нельзя не признать законности этого желания, выраженного национальным сербским собранием, если (разрядка наша. — В. К.) только это собрание верно выражает собою желание всего народа».

варства. Отметив, что эта вспышка «не должна пройти незамеченной», автор затем пытается объяснить читателям, почему он так думает, почему эта вспышка имеет определенное значение, высказав при этом интересные и оригинальные мысли. Ход его рассуждений сводится к следующему: турецкое варварство везде одинаково — в Герцеговине, Боснии, Старой Сербии, Болгарии и других областях. И если оно вызывает протесты пока только в одной Герцеговине, то для этого есть свои причины. Таких причин автор приводит две: во-первых, большая целостность герцеговинского народа по сравнению с другими турецкими подданными; во-вторых, $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ часть герцеговинского населения, а именно область Зубцы, пользуется автономией⁴⁴, которой другие не имеют. «Естественно, — пишет он, — что остальное народонаселение этой же Герцеговины не может быть равнодушным к этому обстоятельству. Свобода, хотя бы одной ступенью больше, чем была прежде или чем есть теперь, — свобода, которой пользуется одна часть народа в глазах менее свободной части его, всегда кажется в высшей степени привлекательной». Концовка статьи свидетельствует о том, что ее автор хорошо знал сюжет, о котором писал. «Известие о вспышке в Герцеговине в некоторых наших газетах сообщено с ошибками, которые нужно исправить. Так, например, говорили, что восстание это вспыхнуло в Колашине (один из округов Герцеговины) под предводительством Луки Вукаловича. На самом деле было не так. Восстание под предводительством Луки Вукаловича вспыхнуло в Зубцах; в Колашине оно имело другого предводителя, именно Новицу Перовича — черногорца, находящегося в опале у князя черногорского. Новица Перович весьма популярен как в Черногории, так и в Герцеговине, и в Боснии. Мы думаем, что вспышка в Колашине была, так сказать, отзвонком на вспышку в Зубцах».

Если к этому добавить, какое содержание он вкладывал в понятие «целостности герцеговинцев» (отсутствие, кроме турецкого, других посторонних влияний — греков-фанариотов⁴⁵ и католиков), и одновременно вспомнить, что именно Жуёвич был большим специалистом по этим вопросам (одна из его первых статей в России была посвящена униатству и Герцеговине), то можно считать, что он и был автором этой статьи.

2. «Голос», № 272, 2(14). X 1864. «Новости заграничные». «Собрание Сербской Матицы».

⁴⁴ Автор ниже объясняет, как это случилось, давая понять, что без борьбы, решительной и самоотверженной, ничего добиться нельзя. «В 1860 г., — пишет он, — Зубцы восстали под предводительством храброго Луки Вукаловича — восстали одни, на виду всей турецкой силы, сражались героями, потому в награду получили автономию».

⁴⁵ «Про деяния фанариотов в Болгарии читал и слышал каждый, — читаем мы в статье, — да притом это такой вопрос, которому необходимо посвятить отдельную статью, что мы в скором времени и сделаем». К сожалению, это обещание не было выполнено по причине, теперь нам известной, — Жуёвич вскоре прекратил свое сотрудничество в газете.

Небольшая заметка информационного характера, без ссылки на источник, о сентябрьском заседании в Нови Саде известного сербского литературного общества «Сербская Матица» и его важнейших решениях. В конце заметки автор дает очень высокую оценку деятельности этого общества. «„Сербская Матица“, — пишет он, — оказала важные услуги развитию сербской народности; нельзя не удивляться энергии ее членов, которые, несмотря на всевозможные препятствия со стороны венских централизаторов, твердо и неуклонно идут к достижению своей цели — возрождению сербской народности, подавленной мадьярами и немцами».

3. «Голос», № 281 11 (23). X 1864. «Новости заграничные» «„Ost und West“ о годовщине австрийской конституции».

Это простой перевод статьи из венской газеты по поводу пятой годовщины австрийской конституции без каких бы то ни было замечаний со стороны переводчика. О характере всей статьи красноречиво говорит ее последняя фраза: «Нам надо не праздновать годовщину конституции, а пересмотреть ее, чтобы составить одно сильное и свободное государство».

4. «Голос», № 294, 24. X (5. XI) 1864. «Новости заграничные». «Положение дел в Боснии и Черногории».

Статья объемом $\frac{3}{4}$ газетного столбца представляет собой компиляцию, вероятнее всего из материалов сербской газеты «Видов-дан», на которую имеется ссылка. В первой ее части рассказывается о Боснии, о том, что «положение христианских подданных султана не только не улучшается, но с каждым днем становится невыносимее». Приводится несколько фактов на этот счет. Относительно Черногории сообщается два интересных факта: во-первых, что деятельность турецко-черногорской комиссии по разграничению прервана до весны 1865 г. При этом автор замечает, что в настоящий момент «о сопротивлении черногорцев не может быть и речи — они совершенно обессилены последним восстанием, и все отзывы иностранных газет о вновь появившемся будто бы брожении между черногорцами и жителями Герцеговины лишены основания. Бывший предводитель в Герцеговине, известный Лука Вукалович, бежал с семейством своим из Герцеговины и по приказанию черногорского князя принят в Цетинье (столице Черногории). Он намерен жить на границах Черногории и дожидаться лучших дней». Во-вторых, говорится о том, что в Цетинье скоро будет издаваться новый официальный политический и литературный журнал, редактировать который приглашен князь Сундечич, бывший редактор «Гласника Далматинского». «Князь Сундечич, — пишет автор, — известен в южнославянской литературе своими баснями; он был профессором семинарии в Заре (Задар. — В. К.) но, по подозрению в неблагонадежном образе мыслей, лишен был этого места австрийским правительством, а издаваемый им журнал закрыт».

5. «Голос», № 316, 15 (27). XI 1864. «Новости заграничные». «Положение дел в Турции».

Перевод корреспонденции от 4 ноября 1864 г. из Константинополя, помещенной в газете «Ost und West». Выбор корреспонденции отнюдь не случаен. В ней говорится не только о Турции, но и о южных славянах: «Здесь, в Константинополе, очень мало обращают внимания на новое восстание Луки Вукаловича. Здесь, обыкновенно, начинают заниматься делом, когда оно уже примет большие размеры. Сношения с Сербией и Румынией остаются довольно дружескими. Князь Михаил дает в Белграде часто праздники, при которых всегда бывают паши со свитой...».

6. «Голос», № 341, 10 (22). XII 1864. «Новости заграничные». «Далматинский сейм».

Это большая статья, написанная в форме корреспонденции, без подписи, начинается словами: «26 сентября н. ст. созван императорским указом второй далмацкий сейм, имеющий продолжить столь внезапно и незаконно прерванные занятия первого сейма. Имея в виду, что Далмация — славянская область, я полагаю, будет небезынтересно для читателей „Голоса“ узнать, что сделано до сих пор в пользу развития славянской народности в Далмации и чего можно ожидать и надеяться впредь».

По сути своей корреспонденция является не чем иным, как небольшим исследованием истории Далмации с V в. по 1864 г. с привлечением источников и литературы.

Заглавная мысль статьи выражена в заключительном абзаце. «Как бы то ни было, — говорится здесь, — несмотря на все погромы, славянская партия успела кое-что сделать в пользу народности в Далмации в последние годы: учреждены в Заре, по примеру других славян, Далматинская Матица (1863 г.), общество для поощрения народной литературы, заведены во всех окружающих городах народные библиотеки для чтения (читавница, штионица), введено преподавание народного языка в нормальных школах, наконец, славянская партия имеет свой собственный орган „Nacionale“... Но многого еще остается желать и, конечно, не от настоящего сейма, а от непредвиденных, более благоприятных обстоятельств».

Характер статьи, манера письма не вызывают сомнений в том, что это небольшое исследование было написано на берегах Невы и что наиболее вероятным его автором является Живоин Жуёвич.

7. «Голос», № 358, 29. XII 1864 (10. I 1865). «Новости заграничные». «Турецкий закон о прессе».

Простой перевод статьи константинопольского корреспондента венской газеты «Neue freie Presse».

Прежде чем сделать некоторые выводы о сотрудничестве сербского демократа в газете «Голос» за 1864 г., необходимо отметить, что в редакционной статье под названием «1864-й год в Европе», подводящей итог второму году существования газеты, славянскому отделу, которым заведовал Жуёвич, посвящен всего лишь один

абзац, состоящий из трех фраз: «Отношение султана к другим вассалам (раньше речь шла о дунайских княжествах. — В. К.) тоже нельзя назвать удовлетворительным. *Сербия* втайне готовится к низвержению ненавистного ей мусульманского владычества и ведет переговоры с *Черногорией*. Черногорцы, истощенные недавней войной, затихли на время, но только для того, чтобы при первом удобном случае снова начать крестовый поход против своих непримиримых врагов — турок»⁴⁶.

Продланное исследование вопроса о сотрудничестве Ж. Жуёвича в газете «Голос» позволяет, на наш взгляд, сделать следующие основные выводы.

Работа Жуёвича в издательском аппарате ежедневной петербургской газеты «Голос» умеренно-либерального направления в качестве заведующего славянским отделом продолжалась не год, как он сам утверждал, а несколько меньше — около десяти месяцев с небольшим, с 22 марта 1864 г. по 1 января 1865 г.

За это время им было подготовлено около 19 материалов, из которых пять являются оригинальными статьями, пять — компиляциями и девять — простыми, без комментариев переводами из зарубежных газет. Из всех этих материалов только одна статья — «Сербия и ее гости» — имеет авторскую подпись (буква «Ж»), все остальные являются анонимными.

Абсолютное большинство материалов посвящено прямо или косвенно Сербии, ее общественной жизни, внешней и внутренней политике тогдашнего сербского правительства. Вопросы, касающиеся других зарубежных славянских народов: поляков, чехов, словаков, лужицких сербов и русинов, не являлись предметом внимания со стороны Жуёвича в пору его сотрудничества в «Голосе».

Что касается южнославянских народов, то главное внимание, как уже отмечалось, уделялось Сербии и сопредельным с нею славянским областям: Герцеговине, Боснии, Черногории и лишь отчасти — Болгарии, Старой Сербии, Воеводине и Далмации. Хорватские и словенские земли не нашли в это время освещения на страницах газеты.

Материалы славянского отдела, подготовленные Жуёвичем и опубликованные на страницах газеты «Голос» на протяжении десяти месяцев 1864 г. дают возможность составить мнение об их авторе, как о способном, талантливом публицисте, который с учетом цензурных условий, самоцензуры и других трудностей неизменно выступал за национальное освобождение славянских народов, горячо и убежденно отстаивал их право на свободное и демократическое развитие. Он подвергал беспощадной критике все реакционное, старое и отжившее в быту и нравах сербского народа, в его общественной и политической жизни, все то, что не отвечало его представлениям о свободе, равенстве и братстве.

⁴⁶ «Голос», № 360, 31.XII 1864. (12.I 1865).

Ж. Жуёвич был горячим патриотом, беззаветно любившим свой народ. Но его патриотизм не был узким. Он не жалел сил, чтобы видеть свой народ свободным, счастливым и процветающим, равным среди равных в большой семье европейских народов. Можно высказать предположение, что позиция «Голоса» по польскому вопросу, заключающаяся в поддержке официальной точки зрения царского самодержавия, была той самой причиной, из-за которой сербский демократ, не разделявший этих взглядов⁴⁷, окончательно разошелся с издателем и редактором газеты А. А. Краевским и навсегда порвал с ней связь.

СЛАВЯНСКИЙ ОТДЕЛ «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Свое сотрудничество в «С.-Петербургских ведомостях» Живоин Жуёвич начал с опубликования большого фельетона «Словенин», помещенного в № 87 газеты от 17 (29) апреля 1864 г. за его полной подписью «Ж. Жуёвич».

Хотя напечатание фельетона еще не означало официального открытия славянского отдела в газете, тем не менее для определения идейных позиций его заведующего фельетон имел большое значение. По форме он представлял собой рецензию на выходящий в ту пору в Праге всеславянский журнал «Словенин»⁴⁸.

Несмотря на то что журнал «Словенин» издается уже более года, отмечал автор, «ни один из славянских народов, кроме чехов, не знает даже о его существовании». «По крайней мере в России, Сербии и Болгарии, сколько можно судить по журналистике этих народов», — уточнил Жуёвич. Для объяснения столь странного, на первый взгляд, обстоятельства он приводит две причины: несвоевременность подобных журналов, во-первых, и то, что за распространение панславизма берутся, по его словам, «все какие-то ученые чудачки», не годные для распространения и популяризации каких бы то ни было идей вообще, во-вторых. Почему же способные люди не берутся за это дело, спрашивает Жуёвич, и отвечает — отнюдь не потому, что идея славянского единства никто не сочувствует. Все зависит от того, какое содержание вкладывается в эту идею. Если при этом имеется в виду слияние всех славян воедино, в одну необъятную державу, то это вздор; «если же, — продолжает Жуёвич, — речь идет о союзе славян, о более благоприятном для всех славян отношении, которое не-

⁴⁷ См. письмо Ж. Жуёвича И. С. Аксакову от 13 октября 1864 г.

⁴⁸ Издателем и редактором этой газеты-журнала был Франтишек И. Иезбера (F. I. Jezbera) (1829—1901 гг.) — чешский славист, один из учеников Ганки, сторонник применения кирилловской графики в языках всех славянских народов. В 1860 г. издал в Праге брошюру «О письменах всех славянских народов», с 1863 г. стал издавать всеславянскую газету «Словенин», выходящую до середины 1865 г. в неопределенные сроки. В 1865 г. издал первый чешско-славянский букварь со славянским правописанием. (Н. А. Попов. Вопрос об общеславянской азбуке. «Современная летопись». № 39. X 1865, стр. 5—9).

обходимо было бы установить между ними, тогда, конечно, — другое дело. Бояться такого союза может только тот, кто вне своего очага ничего не знает и знать не хочет, какова большая часть записных патриотов славянских». Далее он заключает: «Славянский союз на человеческих началах, конечно, — дело вполне народное, дело разумное и для славян необходимое» (выделено нами. — В. К.). Сделав такой важный вывод, который по сути дела являлся определением идейных позиций Жуёвича как журналиста, его политической программой, автор фельетона тут же не без сожаления признает, что «и эта идея несвоевременна». А несвоевременна она потому, что единоплеменные славянские народы еще не созрели для этого, что идея о таком славянском союзе пока еще не проникла в сознание народных масс, не стала их политическим требованием. «Если заглянуть в физиономии этого (славянского. — В. К.) племени без предубеждений, без слепого патриотизма, а прямо и смело, то не трудно прочесть в них, что много еще пройдет времени до удовлетворения таких потребностей, которые стоят на половине дороги к славянскому единству». «Накормите, поучите прежде, а потом уже будем помышлять о тех результатах, которых вы ждете от славянского союза».

Исходя из этого, Жуёвич резко критикует идеологию славянофилов вообще и их духовных братьев — чешских панславистов из «Словенина» в частности. Странный народ, эти славянисты! — восклицает он. Вместо того чтобы содействовать славянам в их ознакомлении с западной культурой, с результатами вековых трудов западных народов, вместо того чтобы осветить сонную жизнь славян новыми передовыми идеями, они только и делают, что заливаются слезами. «Москва плачет, Прага плачет!.. Да отчего же не плачут Петербург, Варшава, Белград и др. ?». Происходит это, по мнению Жуёвича, потому, что славянофилы и западники смотрят на славян с разных точек зрения: первые — субъективно, вторые — объективно. Субъективным автор фельетона называет такой взгляд, когда на жизнь славян смотрят с пристрастной «материнской любовью», полагаясь только на чувства, без участия рассудка и здравого смысла, тогда как сторонники объективного взгляда изучают жизнь славян как объект, как предмет, которым намерен заняться преимущественно их рассудок.

В дебюте чешских панславистов автор видит наглядную иллюстрацию субъективного взгляда на славянский мир. Признавая огромную важность ознакомления славян друг с другом («Мы ждем от этого знакомства гораздо больше, может быть, чем московские и чешские славянофилы»), Жуёвич пишет: «Мы интересуемся нынешними чехами, нынешними сербами, нынешними, наконец, кашубами, а отнюдь не чехами адамовских времен». У «Словенина» же это ознакомление не шло дальше славянских древностей, тогда как Жуёвич ратовал за знакомство в первую очередь с современным бытом славянских народов. Воспроизведя со-

держание шестого номера «Словенина» за 1864 г., он заявлял: «Украшение журнала такими проповедями свидетельствует только о худосочии панславистской сказки, о пустоте самой идеи панславистской — обстоятельстве, которое само приговаривает панславизм к кончине». Таков его последний суд и вместе с тем окончательный приговор новоявленным панславистам⁴⁹.

Из анализа первой, известной нам статьи Жуёвича в газете «С.-Петербургские ведомости»⁵⁰ можно сделать вывод о том, каким он хотел видеть славянский отдел в газете — сугубо современным, освещающим насущные вопросы жизни и быта славян с позиций тогдашней передовой науки, содействующим всестороннему развитию славянских народов с тем, чтобы «славянский союз на человеческих (т. е. прогрессивных и демократических. — В. К.) «началах» превратился из далекой мечты в реальную действительность. К середине 60-х годов борьба с реакционной славянофильской идеологией по-прежнему оставалась весьма актуальной задачей. Значение ее еще больше возросло после жестоких репрессий, обрушенных царским правительством на демократические издания. Поэтому не случайно, что первым объектом своей критики Жуёвич избрал чешский панславистский журнал «Словенин».

Первым материалом, открывшим славянский отдел «С.-Петербургских ведомостей» в 1864 г. был очерк о Старой Сербии, напечатанный в № 95 газеты от 1(13) мая 1864 г. в специальной рубрике «Славянские земли», которая входила в большой раздел газеты под названием «Иностранные известия». Зная, кто возглавлял славянский отдел «Ведомостей», нетрудно доказать принадлежность этого неподписанного материала в 125 газетных строк Жуёвичу.

Во-первых, об этом свидетельствует выбор темы, желание автора познакомить русских читателей со славянской землей, о существовании которой многие из них даже и не подозревали. Сделанное при этом в скобках характерное замечание, что говорится это «не в укор читателям», дает известное основание предположить в нем человека, который двумя месяцами раньше написал

⁴⁹ «Для того чтобы толково исследовать славянскую старину, необходима западная подготовка, — писал Жуёвич. — иначе мы дойдем до того, что отыщем циклопов г. Сеньковского в Смоленской губернии. Вы уже отыскали, — продолжал он, обращаясь к славянофилам, — что целую треть Азии населяют славяне (явный намек на книгу В. И. Ламанского „О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании“. 1859); вы даже нашли, что „значительную часть Америки населяют те же славяне“, а через год, два, вероятно, найдете их в Африке, Австралии и на всех островах, потом скажете, на основании исследований г. Вельтмана, что Бургундия — земля славянская, потому что это название будто бы одного корня с Булгарией, Бонгарией и т. д., и т. д. и, наконец, воскликнете: исчезните с лица земли, окаянные западники, вы живете на чужой, славянской земле! другими словами — вы с ума сойдете».

⁵⁰ Мы не исключаем, что Жуёвич писал в газете и раньше.

известные уже нам слова, что «южные славяне... едва ли больше известны для многих в России, чем китайцы...»⁵¹.

Во-вторых, из заметки читатель узнает о географическом положении Старой Сербии, о том, что эта прекрасная страна населена преимущественно сербами православного вероисповедания, «хотя там довольно много турок., аристократии», — как пишет автор. В историческом отношении она известна тем, что здесь на одной из ее равнин произошла печально знаменитая Косовская битва 1389 г. между турецкими и сербскими войсками, решившая участь сербской самостоятельности, после чего Сербия была завоевана турками. «С тех пор и до настоящего времени, — замечает автор, — стране этой не удалось ни на минуту вздохнуть свободно., потому что у этих диких, буйных, фанатичных азиатов нет ничего общего с их жертвами ни по происхождению, ни по языку, ни по религии, ни по чему угодно, и сама религия повелевает им „рубить и давить всякого неправовверного“».

Это мог написать человек, хорошо знакомый с предметом, который он излагал. А если к сказанному добавить рассуждения автора о природе религиозного варварства турок, естественной реакцией на которое является непрекращающаяся, веками длящаяся борьба славянского племени, то вряд ли можно усомниться, в том, что автором статьи был Жуёвич. У каждого, кто хорошо знаком с его предшествующей публицистической деятельностью в России, не может быть двух мнений о том, что мысль, выраженная в приводимой ниже пространной цитате из анализируемой статьи, принадлежит именно ему. «Читателю известно, — писал автор, — что турки собираются напасть на Дунайские княжества, чтобы исполнить данный ими перед Мухаммедом обет, т. е. чтобы обратить их в рабство. Если бы на месте Турции стояла какая-нибудь, но только образованная европейская нация, то она, между прочим, приступила бы к следующим средствам для достижения своей цели. Так как из турецких владений только Молдавия и Валахия да княжества Сербия с Черногорией пользуются некоторой автономией, то предполагаемая цивилизованная нация до нападения на эти княжества, для ослабления их силы непременно бы парализовала это дело временными какими-нибудь льготами, данными прочим православным подданным Турции. Как велика сила этих льгот — это каждому известно»⁵².

Наконец, в-третьих, для доказательства того, что турки поступают совершенно наоборот, автор приводит пять ярких фактов об их варварских действиях в Старой Сербии, которые он заимствует из новисадской газеты «Српски дневник» от 24 марта (5 апреля) 1864 г. Хорошо известно между тем, что к материалам именно этой газеты больше и чаще всего прибегал в ту пору

⁵¹ См. Письмо Жуёвича К. Поповичу от 18.III 1864.

⁵² Этим Жуёвич хотел сказать, что ничего так не ослабляет волю подчиненных к борьбе, как такого рода мнимые уступки. Для примера сошлемся хотя бы на его статью «Славянский юг».

Жуёвич в статьях, очерках, обзорах и корреспонденциях, с которыми он выступал на страницах русской периодической печати.

Приведа примеры чудовищных насилий турок над христианами в Старой Сербии в самое последнее время, корреспондент газеты «Српски дневник» спрашивает: «Когда конец всему этому будет? Мы сильно надеемся на Сербию!». На этот риторический вопрос автор статьи отвечает только одним, но полным глубокого смысла словом — «Плохо!». Стоит лишь сравнить этот неутешительный вывод с тем, что писал Жуёвич в статье «Готовящаяся война сербов с турками и новый заговор против сербского князя», напечатанной в газете «Голос» пятью неделями раньше⁵³, чтобы рассеялись последние сомнения относительно автора статьи о Старой Сербии.

Вторым материалом славянского отдела газеты «С.-Петербургские ведомости», помещенным в рубрике «Славянские земли» (№ 101, 8(20). V 1864), была небольшая заметка, которая прямо и непосредственно переключается с названной выше статей из «Голоса». В ней говорится о том, что в последнее время сербские газеты переполнены сообщениями своих корреспондентов о неизбежности войны с Турцией за «освобождение *всех сербов* и соединение их воедино под одним скипетром». Читая эти газеты, можно подумать, пишет автор, что Турция уже на краю гибели. «Ведь шутка ли, — восклицает он, — два-три миллиона одних экзальтированных сербов, не говоря о тех многочисленных болгарях, которые бродят по ущельям любимого своего Балкана и ждут только первого сигнала из Сербии, чтобы броситься на первый попавшийся город в Турции!». К сожалению, реальная действительность была далека от подобного рода пророчеств, так как возгласы сербских журналистов, по мнению автора, отнюдь не являются возгласами всего сербского народа. Сославшись на корреспонденцию от 30. III (11. IV) «С границ Боснии», помещенную в № 44 газеты «Српски дневник», автор заметки делает такой вывод: «Что касается до войны турок с Сербией, на этот раз можно за верное принять только то, что Сербия не намерена воевать ни с кем. Более толковые корреспонденты из Сербии мотивируют это тем, что там в высшей сфере господствуют стремления, целям которых война может только помешать, и потому сильно хлопочут о мире. Бедный народ сербский!..».

Близость мыслей и суждений разобранного выше материала в «Ведомостях» со статьей Жуёвича «Готовящаяся война сербов с турками», напечатанной в № 82 «Голоса», дает основание считать, что и эта заметка принадлежит его перу.

Спустя две недели после открытия славянский отдел «С.-Петербургских ведомостей» обогатился новой, весьма действенной формой информации о зарубежных славянских народах, которая в дальнейшем займет ведущее место в отделе. Речь идет о кор-

⁵³ «Голос», № 82, 22.III (3.IV) 1864.

респонденциях. 16 (28) мая 1864 г. в рубрике «Славянские земли» была помещена первая корреспонденция «С.-Петербургских ведомостей» из Белграда от 13 (1) мая, подписанная буквой «К». Установить имя и фамилию корреспондента, скрывавшегося за этим инициалом, нетрудно. Достаточно вспомнить переписку Жуёвича с Костой Поповичем, чтобы безошибочно определить, что автором этой первой корреспонденции из столицы Сербского княжества был его друг и политический единомышленник белградский либерал Коста Попович («К» — первая буква его имени).

Однако этот вывод отнюдь не означает, что упомянутая корреспонденция не должна приниматься нами в расчет при анализе творчества сербского публициста. Ведь ее написание было инспирировано Жуёвичем. Им была она переведена на русский язык и обработана. Поэтому мы вправе рассматривать ее как результат совместного творчества двух друзей-единомышленников.

В правильности такого умозаключения нетрудно убедиться при знакомстве с содержанием корреспонденции. В ней с большим знанием дела рассказывается о политическом развитии Сербского княжества после Свято-Андреевской скупщины 1858 г. Общая оценка этого развития дается уже в первой фразе корреспонденции. «Положение нашей страны весьма малоудовлетворительно по причинам, восходящим к мирному перевороту 1858 года». Этот лейтмотив пронизывает всю корреспонденцию от начала до конца. Ее авторы придавали большое значение Свято-Андреевской скупщине, видя в ней поворотный пункт политического развития Сербии XIX в. В приведенной выше цитате они называют ее «мирным переворотом», в другом месте — революцией. По их мнению, решения Свято-Андреевской скупщины создавали благоприятные условия для развития Сербии по пути демократии и прогресса. Носителями новых начал были либералы, состоявшие «из молодых людей», воспитанных во Франции и Германии и проникнутых демократическими и даже социалистическими идеями⁵⁴ (выделено нами. — В. К.). Однако реализовать им своей программы не удалось, так как «эти идеи, — пишут авторы, — не нравились старому князю, который никогда не понимал конституции, стесняющей его власть, — наследство прежней власти турецких пашей в Сербии». Милош отстранил либералов, с помощью которых вернулся на престол. Естественно, это вызвало их недовольство. Тогда они все свои надежды стали возлагать на его сына — молодого и образованного Михаила, ставшего князем в сентябре 1860 г. после смерти отца.

В своем манифесте при восшествии на престол Михаил заявил, что «хочет царствовать, сообразуясь с законами». Приступая к ре-

⁵⁴ Подобная оценка, несомненно, является преувеличением. Трудно сказать, кому она принадлежит — К. Поповичу или Ж. Жуёвичу. Заслуживает внимания тот факт, что это первое и единственное известное нам упоминание о социализме и социалистических идеях в публицистике Жуёвича за время его пребывания в России.

формам, он составил новое министерство, в которое вошли представители всех партий Сербии. Но «это соединенное министерство не удалось, и надежды страны, возрожденные манифестом князя, начинали гаснуть». В декабре 1861 г. он вынужден был создать новый кабинет во главе с И. Гарашаниным. Президентом государственного совета стал И. Маринович. Эти способные политические деятели консервативного толка никогда не были слепыми сторонниками династии Обреновичей, что вызвало недовольство обреновичевцев, начавших переходить в оппозицию.

Потерпев неудачу в благородном намерении «примирить партии в Сербии», Михаил стал думать, «что сербский народ не созрел для либеральных учреждений, которыми пользовался». Это, по мнению авторов статьи, толкнуло его на путь «наполеоновского цезаризма», дабы уничтожить всякую политическую оппозицию. Но результат получился обратный. Оппозиция с каждым днем усиливалась. Строгие репрессивные меры правительства еще больше подливали масла в огонь. Поэтому очень скоро «общественное мнение, тревожимое официальными журналами, проповедовавшими необходимость цезаризма, приписывало всю ответственность правления князю и лишило его популярности, которою он сначала пользовался».

Нездоровая обстановка партийных интриг создала благоприятную почву для возникновения заговора с целью восстановления на престоле низвергнутой в 1858 г. династии Карагеоргиевичей. В корреспонденции подробно описывается сам заговор и его характер⁵⁵. В разбираемой корреспонденции делается неутешительный вывод относительно внутривнутриполитического развития Сербии в первые годы правления князя Михаила. Корень всего зла авторы видели в том, что сербская архибюрократическая администрация была построена по австрийскому образцу («следовательно, самая худшая из всех»), что «в стране нет и тени самоуправления». В корреспонденции отвергаются доводы консерваторов и реакционеров, считающих, что сербский народ якобы «не созрел еще для самоуправления и суда присяжных, что, следовательно, его нужно держать под опекой».

«Такие доводы, — пишут авторы, — не заслуживают серьезного возражения и придуманы только для оправдания политической системы, ничем не оправдываемой, хотя и пережившей революции 1839, 1842, 1844 и 1858 гг., но умевшей⁵⁶ предотвратить их и обеспечить стране постоянное, прогрессивное политическое развитие».

В конце корреспонденции дается краткая характеристика внешнеполитического положения Сербии в первые годы правления князя Михаила.

⁵⁵ См. статью в «Голосе» «Готовящаяся война сербов с турками и новый заговор против сербского князя» (№ 82, 22.III (3.IV) 1864).

⁵⁶ В тексте «умевшей» — явная опечатка. По смыслу должно быть: «но не умевшей предотвратить их...».

Корреспонденция завершается следующими словами: «...Я не думаю, чтобы Сербии пришлось употребить в дело против турок свои военные силы, разве в случае непредвиденных обстоятельств, могущих возникнуть при общем европейском столкновении».

Мы подробно остановились на изложении содержания первой белградской корреспонденции «С.-Петербургских ведомостей», во-первых, потому, что в ней в наиболее концентрированном виде изложены взгляды ее авторов на внутривосточное и внешнеполитическое положение Сербии в начале 60-х годов XIX в. Во-вторых, сравнительный анализ мыслей, фактов и выводов, содержащихся в ней, с тем, что писал Жуёвич ранее и, как мы увидим, будет писать потом по этим вопросам, показывает их полное совпадение. Для доказательства сошлемся на такие, например, положения в разбираемой статье, как:

- 1) оценка характера Свято-Андреевской скупщины и ее значение в истории Сербии;
- 2) характеристика программы либералов и их идей;
- 3) определение политических переворотов 1839, 1842, 1844 и 1858 гг. как революций;
- 4) резко отрицательное отношение к заговору, организованному сенатором Майсторовичем в начале 1864 г.;
- 5) оценка второго правления Милоша Обреновича;
- 6) характеристика личности князя Михаила Обреновича;
- 7) объяснение причин неуспеха реформаторской деятельности Михаила;
- 8) определение источника зла в Сербии, заключающегося в отсутствии политических свобод и засилье австрийской бюрократической системы управления;
- 9) оценка внешнеполитического курса сербского правительства с точки зрения решения ее основной исторической задачи — освобождения и объединения сербского народа.

По каждому из этих девяти пунктов можно привести немало текстуальных подтверждений из статей и писем Жуёвича, написанных им до и после разобранной корреспонденции, чтобы убедиться в справедливости сделанного вывода.

После опубликования первой корреспонденции из Белграда (16 мая ст. ст. 1864 г.) прошел почти месяц, прежде чем на страницах «Ведомостей» снова появилась рубрика «Славянские земли» (№ 128 от 11 апреля 1864 г. ст. ст.), где была помещена большая статья без названия.

Эта статья была написана Ж. Жуёвичем, о чем свидетельствует подпись под ней — буква «Ж». Так он подписывал свои наиболее значительные оригинальные материалы, помещавшиеся в русской периодической печати⁵⁷. Статья целиком посвящена характеристике тогдашней сербской публицистики. Она состоит из двух частей. В первой дается анализ сербской литературы и тех двух ла-

⁵⁷ «Сербия и ее гости». (Корреспонденция «Голоса»). «Голос», № 147, 29.V 1864. Подпись: «Ж».

герей, которые оформились в ней к началу 1864 г.; во второй приводятся пространные извлечения из статьи «Сербское министерство и оппозиция», опубликованной в чешской газете «Политика», с целью подтверждения основных наблюдений автора. В заключении дается общий вывод.

Как тонкий и вдумчивый наблюдатель, пристально следивший за развитием общественной мысли и общественного движения в Сербии, Жуёвич сразу подметил некоторые новые явления в сербской журналистике и попытался их оценить. «Чем рельефнее обрисовывается характер государственной жизни, тем живее становится литература, следящая за этой жизнью», — такова его исходная позиция в анализе этих новых явлений. Поскольку главным рычагом государственной жизни являлось сербское министерство, то отношение к нему, естественно, стало той главной причиной, которая обусловила возникновение двух враждебных лагерей в литературе. Но так как в Сербии нет свободы печати, то и возникнуть они, конечно, в одном месте не могли. Их возникновение связано с двумя различными пунктами: с Сербским княжеством и австрийской Сербией. «Географически они разделяются двумя большими реками (Савой и Дунаем. — В. К.), — пишет автор, — политически — властями, от которых они зависят. В Сербии, где она (сербская литература. — В. К.) вся заключается в двух или трех газетах да в эротических стихотворениях, министерство защищается; в австрийской Сербии, напротив, оно осуждается. Австрия не запрещает нападать на сербское правительство, и недовольные сербы пользуются этим и нападают не на одно только министерство, но и на тех, которые пишут в Сербии; последние же не на Австрию нападают, а только на недругов сербского правительства в Австрии, на литераторов-сербов».

Автор предупреждает своих читателей, что они совершат грубую ошибку, если подумают, что недовольными являются только австрийские подданные. «Сама оппозиция на левом берегу Дуная, — поясняет он, — есть следствие оппозиции, образовавшейся на правом берегу этой реки, в княжестве Сербия. Там ее начало; там она даже имеет свою маленькую историю и моменты, по которым ее история может быть разделена на эпохи».

Зарождение сербской литературы Жуёвич связывает с созданием в 1842 г. ученого общества под названием «Дружество сербской словесности». Это общество и его орган «Гласник» долгое время носили корпоративный характер. Между ними связи не было. Так продолжалось до 1860 г., когда деятельность общества постепенно начала оживляться с приходом новых людей. Власти сразу заподозрили в нем, по выражению Жуёвича, «революционную закваску». Над обществом нависла угроза закрытия. В январе 1864 г. на его годичном собрании произошел скандал из-за того, что власти не разрешили одному из профессоров прочитать свой доклад «О сбережениях». Общество было распущено. Хотя Жуёвич не называет имени профессора, но мы знаем, что это был

преподаватель политической экономии белградского лицея, известный идеолог и вождь сербских либералов Владимир Йованович.

После этого В. Йовановичу и его сторонникам ничего не оставалось, как удалиться на другую сторону Дуная. «Там они нашли сочувствие, — продолжает Жуёвич, — и литературная перепалка началась». Автор приводит несколько ярких примеров полемических баталий, отличительной чертой которых была «ругня, и, надо сказать, — подчеркивает он, — ругня самая пошлая»; он даже предсказывает «литературную победу» сторонников оппозиции, но тут же дает понять, что это ненадолго.

Методический прием, использованный при написании рассмотренной статьи, весьма характерен для русского периода творчества Жуёвича. Лишенный возможности своевременно и регулярно получать свежие данные непосредственно с места событий, он вынужден был использовать главным образом материалы сербской прессы, а также чешской, австрийской, затем французской и английской, сопровождая их своими комментариями и делая собственные выводы. Так было и на этот раз. Непосредственным поводом к написанию очерка о сербской литературе явилась упоминавшаяся выше статья «Сербское министерство и оппозиция», впервые опубликованная в чешской газете «Политика» и перепечатанная затем в новисадской газете «Српски дневник».

Чтобы закончить анализ статьи о сербской литературе, необходимо в заключение остановиться на следующем характерном факте. В переведенной Жуёвичем статье «Сербское министерство и оппозиция» есть такая фраза: «Свободомыслящая Сербия, как нам кажется, необходима всего более ввиду освобождения христиан в Турции». Это место он сопроводил своим примечанием, заключенным в скобки: «Это, должно быть, слова английского пастора, г. Дентона». Смысл замечания станет понятным, если вспомнить корреспонденцию, опубликованную в № 147 газеты «Голос» от 29 мая (10 июня) 1864 г. под названием «Сербия и ее гости», специально посвященную Дентону и его миссии на Балканах. Эта корреспонденция, как и разобранный выше статья, подписана инициалом «Ж».

После статьи о сербской литературе рубрика «Славянские земли» исчезает со страниц газеты как новый, самостоятельный отдел, введенный с приходом Жуёвича. Она снова появляется только в 1866 г., но уже под другим названием — «Славянское обозрение». За все это время материалы о зарубежных славянских народах печатались как и прежде, в общем отделе газеты, носившем название «Иностранные известия». Чем это было вызвано, сказать трудно. Ясно одно, что во всех четырех случаях, пока рубрика «Славянские земли» существовала в газете как самостоятельная, т. е. с 1 мая по 11 июня 1864 г. (№ 95, 102, 108 и 128), все материалы, как подписанные, так и не подписанные, принадлежали перу Ж. Жуёвича или были написаны в соавторстве с К. Поповичем (1-я «белградская» корреспонденция).

Несмотря на то, что до конца 1864 г. в «С.-Петербургских ведомостях» больше не появилось ни одной статьи за подписью Жуёвича, тем не менее можно утверждать, что в августе—октябре этого года в газете было опубликовано по меньшей мере четыре оригинальных материала, принадлежащих его перу. Следует иметь в виду, что история со стипендией требовала от него особой осторожности.

После последней подписанной статьи Жуёвича (№ 128, 11 (23). VI 1864) и до конца года в «Ведомостях» было помещено немало разнообразных материалов о зарубежных славянских народах. Большинство их имело переводной или компилятивный характер. Так, в № 151 от 9 (21) июля в отделе «Иностранные известия» под рубрикой «Турция», со ссылкой на славянофильскую газету «День», была напечатана обширная подборка о церковном вопросе в Болгарии; в № 156 от 15 (27) июля под рубрикой «Сербия», со ссылкой на «Генеральную корреспонденцию», рассказывалось о слухах, будто князь Михаил намеревается добровольно передать престол Петру Карагеоргиевичу; в № 165 от 27 июля (7 августа) под той же рубрикой, со ссылкой на «Wanderer», говорилось о пересмотре процесса о государственной измене в Сербии; в № 168 от 31 июля (12 августа) приводилось сообщение упомянутой газеты «Wanderer» об открытии 4 августа в Сремских Карловцах сербского церковного конгресса.

5 августа 1864 г. в № 172 «С.-Петербургских ведомостей» (в разделе «Сербия») была опубликована большая статья без заглавия, занимавшая две газетных колонки и посвященная характеристике внутреннего положения Сербского княжества накануне открывавшейся в Крагуеваце очередной сессии скупщины, или «Сербского народного собрания», как выражается автор. «Никогда сербы не интересовались своей скупщиной так, как в настоящее время». По мнению анонимного автора, это было вызвано тем, что «в настоящее время Сербия переживает полный министерский или, лучше, правительственный кризис». Причины кризиса показаны в статье глубоко и всесторонне, с большим знанием дела.

С теоретической точки зрения кризис был вызван крутым поворотом Сербии на путь европейской государственности, предпринятым сербским правительством в начале 60-х годов. «Усиление администрации, строгая бдительность над словом, мыслью и деятельностью граждан, реформа о порядке управления сел и мелких городов, довольно частые реформы в судах, невыработанность законов, вследствие чего по необходимости открывается поле для произвола, недоразумения между Сенатом и министерством, между министерством и народным судом, недавнее учреждение временной комиссии как верховного судилища, суд над заговорщиками против династии Обреновичей, суд над кассационным судом и министерством — вот предметы, которые не терпят отлагательств и которые скупщина так или иначе должна решить теперь». Они отодвинули на второй план такие важные вопросы, как народные

нужды, натянутость отношений с Турцией, наследственность престола и др. Из всего этого автор делает вывод, что в Сербии неминуема революция, отклонить которую может только народ в лице своей скупщины. По его мнению, накануне созыва скупщины в стране сложилась своеобразная революционная ситуация. «Каждая сербская революция, — пишет он, — а их было до сих пор три⁵⁸, — кончалась сменой правительства». Автор усматривает полную аналогию сложившегося в это время положения с ситуацией 1842 г., когда князь Михаил был свергнут с престола.

Признаки революции автор статьи видит не только в недовольстве простого народа, но и «образованного общества». Напомним, что характеристике сербского образованного общества и его литературе была посвящена специальная статья, опубликованная газетой накануне, автором которой, как мы установили, был Жуёвич, так что русский читатель, внимательно следивший за развитием общественной мысли Сербии, легко мог догадаться, о чем в данном случае шла речь.

Чтобы не испугать великие державы жупелом грядущей сербской революции, автор замечает: «Лучи сербской революции ни для кого, кроме сербов, не опасны, потому что дальше пределов Сербии она никогда и не простирается. Это точно гроза, которая разрешается над каким-нибудь одним пунктом и ударяет только в то место, которое по магнитному своему свойству привлекает ее к себе, не распространяя своего действия ни на шаг дальше. Такой магнитной скалой до сих пор в Сербии всегда было одно только правительство».

Итак, с теоретической точки зрения, в Сербии, по мнению автора, как будто сложились весьма благоприятные условия для того, чтобы предстоящее народное собрание, призванное разрешить возникшие противоречия между народом и правительством, действительно стало поворотным пунктом дальнейшего развития страны. Какие же силы в Сербии могли это сделать? Содержание статьи показывает, что эту силу автор видел в «чисто народных воззрениях» на скупщину, подчеркивая при этом «пылкость натуры сербской, которая во время скупщины доходит до крайнего своего предела». «Все дело будет зависеть от количества правительственных депутатов и от того нравственного перевеса, который должен оказаться на той или на другой стороне». В этих условиях перемена правительства может зависеть от одного энергичного депутата. Для подтверждения своего предположения он указывает на то, что в Сербии очень сильна патриархальность, что простота нравов здесь еще «не зацеплена обоюдоострой цивилизацией», наглядным примером чему служит Свято-Андреевская скупщина, на которую ссылается автор. «Сельских депутатов на этой скупщине было более 350, из них, может быть, 10 — никак

⁵⁸ Имеются в виду династические перевороты 1839, 1842 и 1858 гг. Заметим, кстати, что в данном случае не упоминается Катанская буна 1844 г., о которой сообщалось в разобранной выше 1-й корреспонденции из Белграда.

не более — знали про существование замысла лишить князя Александра престола. Про это они узнали в Белграде, да и то вследствие вмешательства правительства в белградские выборы; другие и, пожалуй очень многие, узнали про это во время первого заседания скупщины. Некто Янкович да, пожалуй, Стаменкович, можно сказать, — заключает он, — одни и двигали всей этой скупщиной, как хотели».

Таким образом, по мнению автора, на предстоящей скупщине все будет зависеть от того, удастся ли правительству сгладить «стушевать», как он выражается, имеющиеся противоречия с помощью испытанных средств, которые оно успешно применяло на скупщине 1861 г. Но все это можно было устроить в то время, когда правительство князя Михаила не выяснило программы своих дальнейших действий, когда только что перед этим Михаил получил со всех сторон адреса, в которых говорилось: «Государь, представитель разума, возьми и веди нас, куда знаешь, потому что иначе из нас ничего не получится!». Но «теперь, — оговаривается автор, — не то время, и если князя любят и до сих пор, то эта любовь дальше него не простирается — сербы научились отчасти различать князя от его правительства».

Кто же мог быть автором этой интересной и содержательной статьи, возлагавшим столь большие надежды на сербскую скупщину и придававшим ей такое значение? Установить это не представляет большого труда, если вспомнить переписку Жуёвича с Поповичем и сравнить содержащиеся в ней высказывания Жуёвича о сербской скупщине и ее значении с тем, что думал и писал о ней неизвестный автор в изложенной выше статье⁵⁹. К этому можно добавить и другие, не менее веские доказательства:

1. Уже отмеченный в ходе изложения статьи факт, когда династические перевороты и смены правительства именуются революциями.

2. Полное совпадение авторского объяснения причин и обстоятельств низвержения князя Михаила с престола в 1842 г. с тем, что писал об этом Жуёвич в своих подписных статьях. Объяснение характера патриотизма сербского князя, мало чем отличающееся, в частности, от оценок на этот счет, содержащихся в рассмотренных уже нами статьях, принадлежность которых Жуёвичу можно считать бесспорной.

3. Часто повторяющаяся в принадлежащих Жуёвичу газетных материалах мысль о том, что сербский князь слишком доверяет, без достаточных на то оснований, своим министрам. «Люди, с которыми управляет ныне Михаил, — писал автор рассмотренной статьи, — пользуются величайшей любовью последнего! Он до такой степени доверяет им, что мог воскликнуть — это было год тому назад: если б все мои министры были такие, как г. Хри-

⁵⁹ Подробнее об этом см. статью «Сотрудничество сербского демократа Живоина Жуёвича в газете «С.-Петербургские ведомости в 1864 году». «Советское славяноведение», 1968, № 6, стр. 39—55.

стич, я бы мог управлять Сербией из Рима!». Последнее выражение, равно как и аллегорический прием со ссылкой на «Сциллу и Харибду», содержащиеся в интересующей нас статье, нередко встречаются в бесспорных произведениях Жуёвича.

4. Подробное описание всех обстоятельств заговора против князя Михаила и династии Обреновичей, которым уделено в статье значительное место. Этот сюжет проходит через все материалы Жуёвича в русской периодической печати, причем не только в «С.-Петербургских ведомостях», но также и в «Голосе», начиная с момента раскрытия заговора и первых сообщений о нем и кончая его логическим завершением. Этим «эксцентричным событием», — заключает он, — «судьба министерства поставлена на карту; ему остается одно из двух: или обвинить заговорщиков, или пасть». Острый конфликт, возникший между чрезвычайной комиссией, назначенной с согласия князя, и кассационным (великим) судом в связи с делом о заговоре, по утверждению автора, должен решать народ на скупшине. «Посмотрим, какой суд он произнесет». Этими словами завершается статья.

Перечисленные выше доводы являются, как нам кажется, вполне достаточными, чтобы приписать авторство интересующей нас статьи Живоину Жуёвичу.

Через 20 дней после появления упомянутой статьи читатели «Ведомостей» получили возможность ознакомиться с другим, не менее интересным материалом на ту же тему. На этот раз — с корреспонденцией из Белграда от 22 (10) августа, которая была напечатана в № 187 от 25 августа (6 сентября) 1864 г. Хотя вторая по счету корреспонденция из Белграда не имела подписи, тем не менее на ее связь с первой, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях» три с лишним месяца тому назад (в № 108, 16 (28). V 1864), указывают следующие слова: «Я писал вам прошлый раз о скандальном деле сенатора Майстановича и о процессе его сообщников за умышление на жизнь князя Михаила и за государственную измену». После этого он изложил новые детали и подробности, связанные с этим заговором.

Несмотря на общность темы разобранной выше статьи и этой корреспонденции, в авторских суждениях относительно возможных результатов предстоящей скупщины имеются различия. Оба материала начинаются с констатации одного и того же факта: в статье — что 6 августа в Крагуеваце начнутся заседания сербской скупщины, а в корреспонденции — что «на днях⁶⁰ соберется наша скупщина». Однако автор корреспонденции не разделяет оптимизма автора статьи относительно результатов предстоящей скупщины. Уже в самом начале корреспонденции можно прочитать такие слова: «Наша политическая жизнь оживляется; все ожидают важных событий. Мне сдается, что это ошибка, что напрасно ожидать слишком многого: если признаки не обманывают меня,

⁶⁰ Скупщина открылась не 6 августа, как писал автор статьи, а 16 (28) августа 1864 г., не в Крагуеваце, а в столице княжества — Белграде.

то предстоящая скупщина не будет иметь того значения, которое ей приписывают». Это наводит на мысль, что автором 2-й «белградской» корреспонденции мог быть Коста Попович.

Изложив все известные в то время обстоятельства «скандального дела» сенатора Майстановича, корреспондент приходит к заключению, не совпадающему с выводами автора статьи. Если последний считал, что этим делом «судьба министерства была поставлена на карту» и что скупщина должна была вынести свой окончательный суд над ними, то автор корреспонденции реагировал на заговор более спокойно. «Не знаю, — писал он, — будет ли это дело представлено на обсуждение скупщины, как поговаривают в Белграде, во всяком случае судьба отрешенных судей не возбудила бы ее участия, потому что наши чиновники вовсе не любимы народом».

В корреспонденции появился новый сюжет, отсутствующий в статье. Речь идет о финансовом вопросе Сербии, который, по мнению автора, вероятно, станет главным предметом занятий скупщины. Дело в том, что на протяжении последних четырех-пяти лет сербский бюджет оставался неизменно дефицитным. Причиной тому было резкое увеличение расходов на вооружение, которые истощали казну. Финансовая политика Сербии при Михаиле имела двойкий результат: с одной стороны, как пишет автор, «правительству удалось поставить страну в такое положение, что она в состоянии обороняться от нападения турок», а с другой, вследствие плохой системы налогов «народ основательно жалуется на обременяющие его повинности». Исходя из этого, корреспондент делает вывод о том, что, если даже скупщина одобрит предложение правительства по финансовому вопросу, «то едва ли оно будет принято сербским народом, очень расчетливым в отношении своего кармана». В подтверждение своих слов он приводит такой, характерный для сербской истории, пример. «Не сбавь Александр Карагеоргиевич одного „талира“ (1 руб. 25 коп.) с налога, его не провозгласили бы сербским князем в 1842 году».

Более половины корреспонденции занимает описание внешне-политического положения Сербии. Освещение этого вопроса корреспондентом заслуживает более пристального рассмотрения, так как после открытия славянского отдела газета впервые останавливается на нем столь подробно. Корреспондент указывает, что тогдашнее положение на Балканах и международная обстановка были неблагоприятны для освободительных акций со стороны Сербии. После того как был упущен момент для организации всеобщего восстания в европейской Турции в связи с бомбардировкой Белграда в 1862 г., в настоящее время сербское правительство «поступает благоразумно, сохраняя спокойствие и не раздражая Порты». Правда, в Герцеговине снова вспыхнуло волнение под руководством знаменитого Луки Вукаловича из-за несоблюдения турками своих обязательств, но автор склонен думать, что Турция проявит благоразумие и, удовлетворив справедливое требова-

ние христиан, сумеет потушить восстание в самом зародыше. Такой исход в силу изложенных выше причин он считал наилучшим, хотя и не единственным. «Если Порта по внушению Австрии и Англии откажет христианам в справедливом удовлетворении, „чтобы не уронить своей власти“, то восстание может распространиться по Герцеговине и вызвать такие затруднения, которые принудят Черногорию и Сербию принять в нем участие». И все же корреспондент считал, что вследствие неудовлетворительного внешнеполитического положения Сербии разрастание восстания в Герцеговине было бы для нее нежелательным. «Девиз нашей внешней политики, — писал он, — должен быть тот же, что и у Наполеона III: „Inertia Sapientia“, пока не пробудится восточный вопрос и не постучится к нам в дверь. В этом отношении скупщина не изменит положения дел».

Кем же была написана эта корреспонденция? По нашему мнению, — заведующим славянским отделом газеты Ж. Жуёвичем с использованием материалов его белградского друга и единомышленника К. Поповича. По-видимому, доля участия последнего во второй корреспонденции была меньшей, чем в первой, поэтому она не имеет принятой подписи — «К». Тем не менее свежая информация с места имела настолько большое значение, что Жуёвич был вынужден уточнить, а кое в чем и пересмотреть свое прежнее мнение относительно значения предстоящей сессии сербской скупщины, изложенное им в большой статье, появившейся в газете двадцатью днями раньше корреспонденции. Конечно, высказанное предположение о соавторстве Поповича не может претендовать на абсолютную достоверность хотя бы потому, что письма Поповича к Жуёвичу не сохранились. Но зато есть другие неопровержимые факты, которые дают возможность сделать более важный вывод о том, что во все корреспонденции из Белграда в период заведования Жуёвичем славянским отделом «С.-Петербургских ведомостей» готовились им в Петербурге. И только в первых двух, рассмотренных уже нами, вероятно, был использован фактический материал из писем К. Поповича, определить размер которого из-за их отсутствия не представляется пока возможным. Забегая вперед, отметим, что до конца 1864 г. никаких других корреспонденций из Белграда, кроме названных, в газете не появилось, и только с конца февраля 1865 г. они снова возобновляются за подписью «П. П.»⁶¹. Но к ним уже К. Попович не имел отношения. Он скоропостижно скончался в сентябре 1864 г.

Какое отражение в газете получила Сербская народная скупщина 1864 г. после ее открытия?

28 августа (9 сентября) в № 237 газеты «Голос» со ссылкой на венскую газету «Presse» было помещено сообщение об открытии 16 (28).VIII Сербской скупщины и кратко изложена тронная

⁶¹ Первая из них — в № 44 «С.-Петербургских ведомостей» от 20 февраля (4 марта) 1865 г.

речь князя. Примечательно, что в обоих случаях информация об открытии скупщины заканчивалась почти одинаковой фразой: «Смотр войскам прошел также спокойно, и вообще порядок не был ни на минуту нарушен» («Голос». Цитированные слова взяты в кавычки). «Смотр войскам прошел мирно, и вообще порядок не был нарушен» («Ведомости». Здесь эти слова даны как авторский текст, без кавычек). Такое совпадение проистекало из того, что в обеих газетах славянским отделом заведовал один и тот же человек.

30 августа (11 сентября) 1864 г. «С.-Петербургские ведомости» напечатали небольшую информационную заметку о том, что князь Михаил назначил президентом скупщины депутата от Ягодины Михаэлу Раденковича, а вице-президентом — депутата от Шабаца Георгия Топузовича и что в Белград 27 августа прибыл новый комендант крепости Али-паша.

Адрес сербской скупщины князю Михаилу сначала был опубликован 3 сентября в кратком изложении в «Ведомостях», а на следующий день полный его текст был напечатан в «Голосе». Хотя тексты перевода адреса несколько отличаются стилистически друг от друга, тем не менее можно с уверенностью сказать, что в обоих случаях переводчиком был Жуёвич. Его выдает сходство терминологии («Национальное собрание», «нация» и др.), которой он придерживался в своих статьях, очерках и корреспонденциях.

Сильное сокращение текста адреса в «Ведомостях» частично было компенсировано новым сообщением о скупщине, помещенным в том же номере от 3 сентября вслед за адресом.

До появления 22. X (3. XI) большой итоговой статьи, посвященной результатам скупщины, газета «С.-Петербургские ведомости» в № 218 от 1 (13) октября 1864 г. напечатала столь же большую по объему статью под названием «К делу о заговоре против князя сербского», к рассмотрению которой необходимо обратиться прежде, чтобы не нарушать хронологический принцип.

Раскрытие заговора против сербского князя Михаила Обреновича в 1864 г. привлекло внимание почти всех тогдашних газет как западноевропейских, так и русских. Особый интерес русской прессы к заговору автор считает понятным и естественным, «если взять во внимание начинающее пробуждаться славянское сознание». Однако различные русские газеты освещали его по-разному. Умолчав о позиции «С.-Петербургских ведомостей» и «Голоса», автор подробно останавливается на оценке заговора газетами «День» и «Русский инвалид». «День» утверждал, что заговор был мнимым, а «Русский инвалид» доказывал обратное. Это было умело использовано автором статьи, который привлек внимание читателей к чисто юридической стороне дела и показал, что кассационный суд, вынеся оправдательный приговор заговорщикам, был прав, а разгон его правительством, с юридической точки зрения, напротив, был антизаконным. И если большинство сербов осуждает кассационный суд, то «причина здесь та, что у этого боль-

шинства плохо развит юридический смысл, что оно не умеет должным образом взвешивать данные факты». В доказательстве правильности решения кассационного суда и незаконности расправы, которая была учинена над ним чрезвычайной комиссией, созданной правительством в нарушение конституции, и состоит главный смысл статьи.

Автор берет под защиту сербских либералов (известно, что членом кассационного суда был Еврем Груич), осуждает заговоры вообще, а династические в особенности (заговор сенатора Майсторовича). Обнаружив прекрасное знание русской и сербской периодической печати того времени, он ни словом не обмолвился об освещении заговора против сербского князя на страницах «Голоса» и «Ведомостей», так как в этих газетах заговор освещал он сам. Все сказанное свидетельствует о том, что автором статьи «К делу о заговоре против сербского князя» был Ж. Жуёвич.

Для того чтобы сделать окончательный вывод о позиции «С.-Петербургских ведомостей», а точнее — заведующего славянским отделом по вопросу о Сербской народной скупщине 1864 г., необходимо рассмотреть итоговую статью на эту тему — «Последняя сессия скупщины». Статья под таким названием была напечатана в № 239 газеты от 22 октября (3 ноября) 1864 г. в отделе «Иностранные известия» под рубрикой «Сербия». Она занимает без малого два столбца большого газетного формата.

«Сербские народные представители, — читаем мы в первом ее абзаце, — собравшиеся 15 августа нынешнего года в Белграде, давно уже покончили свое дело и почти месяц назад разъехались по домам. Сессия этого собрания кончилась еще 5 сентября, а 6 этого же месяца почтенное собрание было распущено заключительной тронной речью князя Михаила. Странно, что русские газеты так мало обратили внимания на такое важное событие в Сербии, тогда как к подобным событиям за границей, т. е. в западных, неславянских и неправославных государствах, они всегда оказывали и оказывают внимание самое напряженное. Бедные славянофилы! Хоть бы вы вооружились за забытую славянщину, хоть бы вы сказали нам, что делают наши «меньшие братья» на юге славянском!». По манере и стилю изложения, уже и по этим первым строкам можно безошибочно определить авторский почерк Жуёвича.

Не менее примечателен и второй абзац статьи, характер и познавательное значение которого заслуживают того, чтобы воспроизвести его полностью.

«Но что сказать о минувшей сербской скупщине, когда сербские газеты излагают ее занятия так подробно, что на одну сессию (заседание. — В. К.) нередко приходится 10—15 строк одного столбца? А до других источников русским редакциям, как бы ни был велик их интерес, добраться мудрено. Корреспонденты, пожалуй, могли бы сообщить по этому делу кое-что, кроме того, что находится в сербских газетах, да, вероятно, всех счетов еще не

свели. Ждать их мы не будем, а скажем то, что знаем, оставляя на их долю пополнить недосказанное нами».

Слабая осведомленность прессы о работе сербской скупщины объяснялась закрытым характером ее заседаний. Речи депутатов не публиковались. Правда, кроме скудных официальных сообщений, журналисты располагали еще текстами отчетов министров: финансов, народного просвещения и церковных дел, военных дел. Но и это мало что давало. Чтобы понять столь «странный характер» деятельности Сербской скупщины, автор просит своих читателей принять во внимание такие важные, с его точки зрения, обстоятельства, как состав самой скупщины, ее положение и, наконец, характер отношений к сербской скупщине всех слоев населения.

Раскрытию этих положений в конечном счете и посвящена почти вся статья.

При рассмотрении состава минувшей скупщины автор статьи делает весьма важную ссылку, позволяющую определить ее автора. Скупщина «состояла, как мы предсказали в одной из наших статей (выделено нами. — В. К.), из простого народа (земледельцев), торговцев и чиновников, не выбираемых, а назначаемых министром внутренних дел». Между правительством и простым народом не было никакого посредника. Такое положение было установлено законом о Народной скупщине 1861 г., согласно которому лица, когда-либо служившие на казенной службе, не имели права быть представителями в скупщине. «А так как в Сербии, — замечает автор, — покамест нет ни одного образованного человека, который когда-либо не был на жаловании у правительства, то никакой образованный человек и не может войти в Сербскую скупщину в качестве законного ее члена». При всей любви сербов к скупщине, при всей ее популярности в народе сербский простолюдин, по мнению автора, не понимает ее значения. Эту свою парадоксальную, на первый взгляд, мысль он довольно тонко объясняет следующим образом: «По-видимому, это парадокс. Но в сущности это очень просто. Именно то, в чем выражается плоть и кровь народа, менее всего понимается народом, и гораздо отчетливее он понимает то, что представлялось ему раньше совершенно чуждым. Русский человек гораздо меньше понимает значение «мира», чем значение «волости». Поэтому, — делает вывод автор, — довольно сохранить форму наиболее любимого народом государственного учреждения, уничтожив его сущность, чтобы народ не сказал ничего против этого; наоборот, уничтожьте форму и оставьте сущность, и он вооружится дреколем».

Так случилось в Сербии после принятия в 1861 г. закона о народной скупщине, лишившего ее того значения, которое придавали ей образованные сербы или так называемые «слободняки», т. е. либералы. Эти последние, замечает автор, «до того пристрастны к ней, что желали бы, чтоб вне скупщины не было никакой высшей власти». Здесь впервые за время своего сотрудничества в га-

зете автор обращается к вопросу о сербских либералах прямо и непосредственно, причем не только в плане косвенной их защиты, как это было с кассационным судом, но, и это особенно важно подчеркнуть, в плане критической оценки их деятельности. «Читатели спросят: отчего же они (либералы. — В. К.) не проводят своих мыслей о скупщине в народе?» И отвечает так: «Мы сами задаем себе такой вопрос и не находим на него ответа». Жуёвич считает, что жалобы либералов на отсутствие свободы печати в Сербии не могут служить им достаточным оправданием. Более существенным, по его мнению, является то, что «политический такт и у них не совсем выработался». В 1858 г. на Свято-Андреевской скупщине либералы были господами положения, сила и власть находились тогда в их руках. Почему же они тогда не устроили все так, как следует? «Потому, — отвечает он, — что, когда они стали во главе народа, у них все померкло перед глазами, и они самым наглядным образом обнаружили всю свою несостоятельность для крупных дел».

При таких условиях от скупщины нельзя было ожидать решения важных и значительных вопросов. Любая попытка критики министров воспринималась, как критика князя. Что из этого получилось на деле, автор наглядно показал на двух примерах, которые он заимствовал «из самого верного источника». Речь шла о безуспешной попытке постановки в скупщине вопросов об ответственности министров и свободе печати. Свое отношение к этим вопросам, «которые занимают общество сербское уже лет пять», и свое суждение о них Жуёвич высказал в заключительной части статьи.

«Вопрос о свободе печати в 1858 году был решен в Сербии утвердительно, но эта свобода так недолго продержалась, что ни один из сербских писателей не успел воспользоваться ею. Снова была учреждена цензура, о которой г. В. Ламанский в статье, помещенной в «Отечественных записках» за май месяц, говорит, что она строже, чем где-либо. Потом она была утверждена и самим законом (новым) о скупщине 1861 года. Недовольство, вызванное цензурой в Сербии, высказывалось даже в нескольких демонстрациях против нынешнего министерства».

«Судьба вопроса об ответственности министров такая же, как и вопроса о печати. В Сербии многие ожидали, что минувшая скупщина решит их более или менее удовлетворительно, но ошиблись».

Оба этих вопроса не будут до тех пор решены в Сербии, пока не будет изменен закон о скупщине 1861 года, который не дает места в скупщине образованным людям. Но это изменение, судя по всему, еще долго не последует».

До конца 1864 г. в «С.-Петербургских ведомостях» не появилось больше оригинальных статей проблемного характера, написанных заведующим славянским отделом газеты.

Проведенные исследования о сотрудничестве Ж. Жуёвича в га-

зете «С.-Петербургские ведомости» в 1864 г. позволяют сделать следующие основные выводы.

С приходом Жуёвича в газете снова был открыт отдел «Славянские земли», но на принципиально иной, чем в 1859 г., основе. В 1864 г. славянский отдел «Ведомостей» стал формировать и редактировать человек, который, в соответствии со своими демократическими взглядами, сообразуясь с цензурными условиями и направлением газеты, стремился придать ему вполне определенный характер. По-видимому, в этом отношении не все шло гладко. Хотя до приглашения Ж. Жуёвича в газету славянский отдел, как таковой, в ней отсутствовал, тем не менее иногда газета помещала отдельные материалы по славянскому вопросу. Временами она имела своих корреспондентов в «Славянских землях». Так, с 1863 г. газета печатала корреспонденции из Аграма (Загреба)⁶². В течение 1864 г. «С.-Петербургские ведомости» поместили 8 корреспонденций из Австрии (Пешта и Вены), автор которых подписывался буквой «Ф». Помещались и некоторые другие материалы. Объединить их все в одном отделе не представлялось возможным. Этим, быть может, объясняется тот факт, что рубрика «Славянские земли», появившаяся на страницах газеты после привлечения Жуёвича в издательский аппарат, была обозначена как самостоятельная лишь четыре раза — в № 95, 101, 108 и 128. При этом характерно, что она заполнялась только материалами о Сербии, автором которых, как установлено, являлся Жуёвич.

За девять месяцев — с апреля по декабрь 1864 г. — Жуёвич опубликовал девять оригинальных материалов, общим объемом свыше двух авторских листов. Только два из них имели его подпись («Ж. Жуёвич» и «Ж»), один, написанный в соавторстве с К. Поповичем, подписан «К», остальные — анонимные. Определить число других материалов, переводных и компилятивных, при отсутствии необходимых данных не представляется возможным.

Подавляющее большинство материалов, опубликованных Жуёвичем в 1864 г. в «С.-Петербургских ведомостях», было посвящено одной теме — Сербии, ее общественной жизни, литературе, внутренней и внешней политике правительства. Что касается других славянских областей, то только Старая Сербия и отчасти Черногория, Герцеговина и Болгария нашли некоторое отражение в публицистике Жуёвича в это время.

Из больших проблем, получивших освещение в материалах славянского отдела газеты, выделяются четыре: критика славянофильской идеологии, борьба сербского народа за свое освобождение

⁶² В 1864 г. таких корреспонденций было напечатано три: № 25, 31.I (12.II), без подписи; № 102, 9 (21).V, без подписи и № 164, 25.VII (6.VIII), за подписью «У». Подробнее об этом см.: В. Карасев, В. Фрейдзон. Сотрудничество хорватского публициста Имбро Ткалаца в «С.-Петербургских ведомостях» (1863—1865)». В сб. «Славяне и Россия». М., 1972, стр. 171—188.

и объединение (ее внутривполитический и внешнеполитический аспекты), общественное движение в стране и сессия Сербской народной скупщины 1864 г. Все эти вопросы рассматривались с демократических позиций. Жуёвич выступал за национальное освобождение славянских народов, отстаивая их право на свободное и демократическое развитие.

За время одновременного сотрудничества в газетах «Голос» и «С.-Петербургские ведомости» сербский демократ проявил себя зрелым публицистом, в совершенстве владевшим русским языком.

Широта и разносторонность творческих интересов Живоина Жуёвича — специалиста по славянскому вопросу и обозревателя славянских земель на страницах русской периодической печати 60-х годов XIX в. — в полной мере проявится позже — в 1865 и 1866 гг.

ВО ГЛАВЕ СЛАВЯНСКОГО ОТДЕЛА ГАЗЕТЫ
«С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1865 г.)

ЮЖНОСЛАВЯНСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Сотрудничество Живоина Жуёвича в «С.-Петербургских ведомостях» в 1865 г. протекало в более благоприятных условиях, чем в предшествующем. С начала 1865 г. его работа в «Голосе» прекратилась. С 1865 и до марта 1866 г. «Ведомости» были главной ареной деятельности сербского публициста. В это время наиболее полно раскрылись его журналистские способности.

Уже в № 6 газеты от 8 (20) января 1865 г. в рубрике «Сербия» была напечатана статья «Положение дел». Хотя она не имела подписи, тем не менее ее принадлежность Ж. Жуёвичу можно считать бесспорной. В доказательство можно привести ссылку анонимного автора на статью «По поводу мнимого заговора против князя сербского», помещенную в № 218 «Ведомостей» за 1864 г., и другие, не менее существенные детали: сюжет статьи и характер его освещения, наличие почти дословных совпадений в тексте с уже известными бесспорными материалами Жуёвича и др.

Статья «Положение дел» представляет собой развернутый комментарий двух событий, которые в конце 1864 г. сильно взволновали умы сербов: неожиданного решения правительства запретить сербским торговцам продавать ружья черногорцам и боснякам и появления в Сербии около 15—20 ноября 1864 г. антиправительственной прокламации¹. Назвав оба эти события «довольно важными недоразумениями», автор пытается объяснить их значение русскому читателю. Его пространные рассуждения по этому поводу представляют немалый интерес и заслуживают обстоятельного рассмотрения.

Анонимный автор отвергает мнение тех сербов, которые пытались объяснить запрет на продажу оружия стремлением министра внутренних дел (Н. Христича) отомстить своим противникам², и склонен думать, вслед за некоторыми сербами, что за этим

¹ Касательно первого факта автор в качестве источника называет письмо из Белграда, «недавно напечатанное в „Московских ведомостях“». Что касается второго, то, кроме глухой ссылки на корреспондента из Белграда, который, судя по концовке статьи, писал во французской газете, более точные данные отсутствуют.

² Хотя подобные объяснения могут показаться русскому читателю «слишком наивными», пишет автор, но как человек, «хорошо знакомый с серб-

скрывается «что-то другое», более существенное. Но что именно? Чтобы ответить на заданный вопрос, он обращается к некоторым предшествующим событиям.

Автор уделяет большое внимание необходимости создания южнославянской коалиции государств для борьбы с Турцией и освобождения христиан на выгодных для них условиях. Тем самым, не будучи посвященным в тайны дипломатии, он предвосхитил идею Балканского союза, сложившегося, как известно, во второй половине 60-х годов. Важность этого вывода, заставляет нас внимательно проследить за ходом рассуждений автора, вплоть до самых незначительных, на первый взгляд, деталей.

Он начинает с констатации несомненного, с его точки зрения, факта, что между князьями Кузой, Михаилом и Николаем (черногорским) достигнуто согласие о совместных действиях на случай нападения турок на Молдовалахию, Сербию и Черногорию. Такая его уверенность основывалась на том, что якобы для этой цели к молдовалахскому князю приезжали послы из Сербии и Черногории, и это «подтверждено, — заявляет он, — не только 10 русскими и заграничными корреспондентами из Белграда и Бухареста, но еще и многими частными корреспондентами; что ввиду этой же коалиции летом нынешнего года³ ездил в Париж чрезвычайный сербский посланник г. Чернобарац; что черногорский вождь Лука Вукалович принужден был отказаться на время от восстания против турок и поселиться с семейством в Черногории именно ввиду южной коалиции. . .»

Свое отношение к созданию такого рода антитурецкой коалиции автор выразил в следующих словах: «Нечего и говорить, что дело это весьма похвальное и что коалиция, составленная из упомянутых выше государств на юге, должна быть для каждого русского весьма желательна». Тем самым он хотел подчеркнуть заинтересованность России в этом деле. «Со своей стороны, — продолжает он, — мы прибавим лишь то, что, по нашему мнению, только такая коалиция и может освободить на выгодных условиях христиан от турок. Сила и право в области политической пополняли и, кажется, долго еще будут пополнять друг друга». Последней фразой он хотел сказать, что добиться своего права южные христиане смогут, предварительно осознав, что друг без друга они не в состоянии ничего сделать ни для себя, ни для другого, что без соз-

скими делами», он их приводит. В условиях, когда в стране «царит патриархальность», причем «скверная патриархальность», когда «общества, в строгом смысле, в Сербии нет», когда «так называемой текущей литературы в Сербии также не существует», когда «две, три убогие газеты, какие там есть, издаются все на счет правительства» (эти выражения в статьях Жуёвича встречаются не раз), все это служит причиной «бесконечных сплетен и дразг в сербской столице, что порядочному и неприличному ко всему этому человеку просто жить в ней нельзя», — заключает он.

³ По-видимому, это не оговорка. По всей вероятности, статья написана в конце 1864 г.

дания объединенной союзной армии им не на что рассчитывать. «Только ввиду такой армии Европа услышит голос южнославянского и румынского населения, — заключает он, — иначе же голос этот останется навек гласом вопиющего в пустыне или умолкнет совсем».

Итак, свое положительное отношение к коалиции трех балканских государств автор выразил предельно ясно и четко. К сказанному необходимо только добавить, что среди членов коалиции отсутствует Греция, о которой как о возможном союзнике писал Жуёвич в «Ведомостях» в 1864 г. в статье «К делу о заговоре против сербского князя».

Автор одобрительно отзываясь о позиции южных князей, которые не хвалятся перед Европой своей коалицией и никому ею явно не угрожают. «Это, конечно, служит им к чести», — замечает он. Но всего этого еще недостаточно, чтобы рассчитывать на успех в предстоящей борьбе южных славян и румын против турок. Личным союзом князей дело далеко не решается. «Здесь нужен союз государств», — уточняет он. В его понимании это означало, что союз лишен смысла, если народ не в состоянии сознательно и энергично взяться за подготовку своего будущего. Но именно этого-то и недостает коалиции. «Румынский *Coup d'état*, — пишет он, — совершен, можно сказать, только вчера; нужно, следовательно, чтобы румынский народ усвоил новый порядок; нужно, чтобы народ этот вошел в нормальную свою колею...» Не лучше обстоят дела и в Сербском княжестве. «Вместо молдово-валахского *Coup d'état* в Сербии совершаются такие реформы, ввиду которых у многих сербов останавливается дыхание... Народу неизвестна никакая коалиция, он видит только, что с него требуют больше прежнего, и потому негодует...» Короче говоря, все это довело Сербию до ненормального состояния. «Нужно, следовательно, — заключает автор, — чтобы и сербские дела вошли прежде в нормальную свою колею, чтобы потом они дали сербскому князю возможность энергично готовиться к войне». Что касается третьего члена коалиции — Черногории, то дела там, по мнению автора, еще хуже, чем в первых двух княжествах.

Все сказанное позволило автору сделать вывод, что хотя силы коалиции приготавливаются, однако это приготовление пока имеет отрицательный характер. Желание князей сохранить коалицию в тайне заставляет их явно действовать против всего, что могло бы их скомпрометировать. Куза преследует всяких подозрительных личностей, сохраняя самые хорошие отношения с султаном, а Михаил в свою очередь запрещает продавать ружья черногорцам, посылая султану богатые дары (об этом пишут в «Московских ведомостях», уточняет он); князь Николай уговаривает Вукаловича не начинать дела с турками, отказывая ему в помощи и т. д. и т. п. Таким образом, заявляет автор, «коалиция южных князей есть дело покамест личное и притом дело нынешнего времени, основанное на нынешних обстоятельствах; кроме того, оно

покамест больше в идее, чем на факте». Что может произойти, если европейская политика переменит нынешнее свое отношение к восточному вопросу или завтра обстоятельства изменятся в пользу одного из членов коалиции и во вред другим, спрашивает автор, имея при этом в виду, что народ ни морально, ни материально не готов к борьбе, так как коалиция создана без его участия. В этих условиях любой член коалиции, заявляет он, «для которого бы будущие обстоятельства оказались выгоднее участия в коалиции и политика европейская ему одному указала бы, где и как приобрести золотое руно, — ведь этот коализатор откажется от коалиции». Последствия этого очевидны. Если это случится и южная коалиция не состоится, то «связь Сербии с Черногорией, а может быть, и со всеми другими сербами будет разорвана по крайней мере лет на 100. Собственно, с народом черногорским, — добавляет он, — связь эта уже разрушилась...».

«Да, — резюмирует свои рассуждения анонимный автор, — для великих дел нужны великие средства...».

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что автор статьи «Положение дел» не только прекрасно ориентировался в положении полунезависимых государств на Балканах, но и ясно отдавал себе отчет в том, что нужно было предпринять, чтобы готовящаяся антитурецкая коалиция могла рассчитывать на успех в предстоящей освободительной войне. При этом он не устал подчеркивать, что без народа и против народа это важное мероприятие заранее обречено на провал.

Относительно второго «недоразумения» (появление прокламации в Сербском княжестве), которое не в меньшей степени, чем первое, взволновало умы сербов, автор был более краток. Прежде всего он отметил, что прокламация эта — «первая от начала бытия сербов, по крайней мере история Сербии о другой не говорит», и что напечатана она была не в Сербии, а в Землине, на австрийской территории. Затем он попытался выяснить, кто мог ее написать. Сопоставляя все «за» и «против», автор пришел к мысли, что ее написали те самые, «о которых в газете нашей, — замечает он, — было говорено по поводу мнимого заговора против князя сербского» и которых кассационный суд «оправдал и освободил» (за что члены этого суда отосланы на 2 года в заточение и лишены гражданской чести)⁴, т. е. сторонники династии Карагеоргиевичей.

⁴ Отвергая мнение сербских либералов, будто прокламация пущена в ход австрийскими агентами с ведома сербского министра Христича, автор делает следующее характерное замечание относительно Австрии, которое созвучно тому, что писал по этому поводу Ж. Жуёвич в 1864 г.: «Что касается Австрии, то, действительно, для нее было бы очень выгодно, если бы в Сербии произошла революция в нынешнее время. По крайней мере южная коалиция, этот кол в глазах Австрии, сделалась бы невозможной, потому что после Михаила, несомненно, вступил бы на престол Петр Карагеоргиевич, 18-летний юноша, который бы очутился в положении Михаила в 1839 г., под опекой».

Его суждение по поводу этого «недоразумения» сводилось к тому, что «откуда бы ни вышла эта прокламация, она не останется без последствий — вот что главное и чего нужно сильно опасаться, — подчеркивал он. — Внутренние дела Сербии не совсем удовлетворительны, и это-то весьма легко может доставить почву для всякого рода прокламаций».

Вторым материалом славянского отдела «С.-Петербургских ведомостей» за январь 1865 г. был небольшой очерк «Состояние образованности в Герцеговине», помещенный в № 10 газеты от 13 (25) января в рубрике «Турция». Хотя с 8 по 13 января в газете были напечатаны две корреспонденции из Вены (№ 7 и 9), однако мы их не относим к славянскому отделу на том основании, что к их появлению Жуёвич как заведующий отделом отношения не имел. Иное дело очерк о Герцеговине. То, что он написан сербом, а не русским, видно из таких специфических выражений автора, как «надрикнига»⁵ и «основная школа» вместо начальная. А о принадлежности этого материала Жуёвичу можно судить по тому, что герцеговинская тематика занимала второе после сербской место в его творчестве. Достаточно вспомнить одну из первых статей Жуёвича «Униатство в Герцеговине», обзоры и статьи о герцеговинских делах, помещенных в газетах «Очерки» (1863 г.) и «Голос» (1864 г.). Кроме того, авторские рассуждения о «правверных сынах неба» — мусульманах и коране в начале очерка почти текстуально повторяют то, что писал по этому вопросу Жуёвич в «Ведомостях» за 1864 г. Наконец, вывод автора о том, что сама Герцеговина без помощи извне не в силах поправить дела с развитием образования у себя, полностью совпадает с выводом, который сделал Жуёвич в статье «Униатство в Герцеговине».

Тот факт, что очерк о Герцеговине был помещен в разделе «Турция», лишний раз говорит о том, что после снятия редакцией по неизвестным нам причинам рубрики «Славянские земли» материалы о зарубежных славянах стали помещаться в отделе «Иностранные известия» по странам: Сербия, Турция, Австрия и т. д.

Разбираемый очерк начинается с констатации того факта, что в Герцеговине нет ни одного высшего или среднего учебного заведения, «в котором мог бы воспитываться православный наш собрат — герцеговинец». Автор приводит три причины или три бедствия, как он выражается, столь печального состояния герцеговинской образованности, когда страна не имеет ни одного человека, окончившего какой-нибудь университет, духовный или медико-академический курс. Первая причина — господство турок, которые держат в левой руке Коран, а в правой меч. «Где есть господа и рабы, — пишет он, — там не дают работать во имя образования — там иначе и быть не может». Вторая причина — предательская роль полукатоликов или униатов. Этот «народец», по опре-

⁵ Разговорн., ироническое: лжеученый, шарлатан в науке.

делению автора, «находясь под покровительством четырех великих западных держав в лице немецкого и французского консулов в Герцеговине и будучи в силу этого свободным от турецкого варварства, воспomoществуемый в денежном отношении Западом, и в особенности Австрией и папой, народец этот не останавливается — как истинный последователь Лойолы — ни перед какими средствами, которыми можно держать в невежестве связанный по рукам и ногам православный герцеговинский народ». Наконец, третья причина — засилье греков-фанариотов, которые кровно заинтересованы в сохранении невежества в Герцеговине, так как только в этом случае незваным гостям будет гарантирована уплата их долгов и они смогут обеспечить себя на черные дни, которые для большинства из них неизбежны.

«Как много выиграла ты, Русская земля, — восклицает автор, — поставив свою церковь в независимость от Константинополя! Десять раз больше бы выиграла несчастная Герцеговина, если бы и ее постигло такое счастье! Да, увы, Русь велика и сильна, Герцеговина же мала и слаба».

Автор очерка перечисляет все 8 школ, существовавших в ту пору в Герцеговине, и приводит количество учащихся в каждой из них. Сравнение православных и униатских школ оказалось явно не в пользу первых. «Католиков или униатов в Герцеговине, — отмечал он, — не более чем 40 тыс. чел., а учебных заведений у них (10 начальных и 1 семинария. — В. К.) больше, чем у 300 тыс. православных».

Отчего же герцеговинцы не открывают больше школ? Они рады всей душой открыть их, да не на что, потому что «это народ поработанный, голый и голодный». Правда, замечает автор, монастырские торговцы могли бы немного больше сделать для своих школ, чем они делают, «но что поделаешь, когда они торговцы, необразованные!»

Очерк заканчивается грустным выводом о том, что Герцеговине, возможно, еще долго придется оставаться в таком плачевном положении, так как сама она «не в силах поправить дело».

После опубликования очерка о Герцеговине на протяжении более месяца в газете не появилось ни одного оригинального материала, написанного сербским публицистом⁶. Заслуживает внимания напечатанный в двух номерах газеты (28 и 41) обширный фельетон под названием «Белград и его окрестности (из путевых воспоминаний)», подписанный псевдонимом «Хаджи». Автором фельетона, по всей вероятности, был известный русский славист В. И. Ламанский, посетивший в начале 1864 г. Сербию и другие южнославянские земли и опубликовавший в том же году

⁶ Доказать принадлежность Ж. Жуёвичу переводных и компилятивных материалов, напечатанных за это время, при отсутствии дополнительных данных не представляется возможным.

в двух книжках «Отечественных записок» свою работу «Из записок о славянских землях. Сербия и южнославянские провинции Австрии», изданную затем отдельной брошюрой.

«БЕЛГРАДСКИЕ» КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

В феврале—марте 1865 г. в рубрике «Сербия» газета «С.-Петербургские ведомости» напечатала три корреспонденции из Белграда: первая в № 44 от 20 февраля (4 марта), вторая — в № 49 от 25 февраля (9 марта) и третья — в № 67 от 16 (28) марта. Все три были подписаны инициалами «П. П.» В отличие от двух белградских корреспонденций за 1864 г. эти последние не имели двойной даты — по новому и старому стилю — как это было принято в газете для всех без исключения заграничных корреспонденций. Первая была помечена 7 февраля, вторая — 10 февраля, третья — 5 марта.

Отметим, что всего за 1865 г. «Ведомости» напечатали 17 корреспонденций из Белграда, 14 из которых были подписаны упомянутыми инициалами «П. П.», а 3 не имели никакой подписи. Поэтому раскрытие загадочных инициалов «П. П.» и определение автора интересующих нас корреспонденций имеет важное значение.

Попробуем подойти к решению этой сложной задачи со многими неизвестными с разных сторон. Сначала остановимся на тематике и содержании каждой из трех корреспонденций в хронологическом порядке, затем постараемся выявить общие места, текстологические и смысловые совпадения в них с уже известными нам материалами о Сербии, появившимися на страницах русской периодической печати в первой половине 60-х годов, и, наконец, — стилистические и другие особенности.

Первая корреспонденция из Белграда посвящена общей характеристике состояния просвещения и образования в Сербии. «В первый раз берусь за перо, — так начинает ее автор, — чтобы писать из той далекой глуши, в которой суждено было мне родиться, жить, а может быть, и умереть, — из Сербии». Итак, «П. П.», — серб. Но жил он в тот момент на берегах Дуная или Невы, — на этот вопрос мы пока не в состоянии ответить. Отметим это обстоятельство, пойдем дальше. Автор называет свою родину глушью, которой лишь слегка коснулась европейская цивилизация, да и то не лучшей своей стороной. «В самом деле, — пишет он, — как посмотришь на нашу жизнь вообще и на столичную, в особенности, как взвесишь степень умственного развития, на которой находятся мои земляки, как подумаешь об их политическом мировоззрении, как глянешь, насколько они заботятся о своем развитии и насколько понимают — что есть человек, какие его права, каков его долг и т. д., да сравнишь с каким-нибудь самым мизерным государством Европы, — что-то страшно тяжелое, как будто массивное ляжет на душу!» По мере того как сербы освобождаются от патриархальности, они начинают нрав-

ственно мельчать, вырабатывая больше дурных, чем хороших черт своей народности. Хотя в Сербии насчитывается до 400 школ, школьное дело поставлено из рук вон плохо. Не лучше обстоит дело с гимназиями и лицеем. С тех пор как Владимир Йованович покинул лицей, последний стал похож на провинциальный военный корпус. Недавно, после введения правительством полицейского надзора за студентами, лицей оставил также известный ученый, профессор филологии и эстетики — Д. Даничич. «Как видите, — заканчивает свою первую корреспонденцию автор, — наша глушь очень похожа на Францию по внешним своим проявлениям. Но это-то именно мне и не нравится, что мы, сербы, постоянно корчим из себя другие нации». В заключение он обещает в следующем письме сообщить об отзывах сербских газет на русские — «С.-Петербургские ведомости», «Русский инвалид» и «Московские ведомости».

Во второй корреспонденции автор выполняет свое обещание и останавливается на двух вопросах: почему сербы не перестают услаждаться всевозможными иллюзиями, становясь то смешными до комизма, то жалкими до слез, и на мнениях сербской газетной журналистики о некоторых русских газетах. Относительно первого вопроса автор замечает, что в сербии столкнулись две враждебные силы — «свободняки» (либералы) и правительство. И те и другие не перестают представлять себе Сербию Францией. При этом они забывают, что сербский народ — не французы и не немцы. Он еще мало развит и довольно патриархален. Поэтому, когда французская напыщенность сталкивается с сербской простотой, комизм доходит до своего апогея. Все дело объясняется тем, пишет автор, что «мы имеем только два сословия — бюрократию и необразованную массу. Оттого у нас ничего светлого вы теперь не увидите... все население делится на приказывающих и исполняющих». К стремлению высшей бюрократии замкнуться в особое сословие в последнее время с большим рвением присоединились и белградские женщины — жены видных государственных людей. К своим фамилиям они стали прибавлять окончание «ка» (Симичка, Христичка и т. д.), чтобы подчеркнуть свой аристократизм и чем-то отличаться от основной массы белградских женщин. Во главе новоявленной сербской «аристократии», о которой автор не мог говорить без улыбки, стояла княгиня, венгерка по национальности — Юлия Гуниади. Таким образом, главная мысль автора сводится к тому, что приобщение Сербии к европейской цивилизации касается одной только формы и не затрагивает содержания. Это вызывает его протест и возмущение. Во взаимном обращении двух враждебных сторон, пишет он, «столько же карикатурности, сколько и ненависти. Министры наши в самом деле воображают, что они все равно, что министры английские, ваши, русские или французские. Что за беда, что поле для их деятельности не более средней вашей губернии и что про них знают люди посторонние столько же, сколько про какого-нибудь вашего го-

родничего Тобольской губернии, — это для них ничего не значит».

Что касается второго вопроса, рассмотренного в корреспонденции, то здесь автор по вполне понятным причинам более осторожен в своих суждениях. Он отмечает, что в Сербии чаще всего говорят о таких русских газетах, как «Инвалид», «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости» и реже о «Голосе». Ослабление интереса сербской читающей публики к «Голосу» не случайно. После ухода Жуевича из газеты ее славянский отдел совсем захирел. Наибольшим авторитетом в Сербии, по мнению автора, пользуются «Русский инвалид» и «Московские ведомости». Что касается «С.-Петербургских ведомостей», то прежде они пользовались довольно большой популярностью, «но теперь, — говорит он, — вследствие их раздора с «Московскими ведомостями» они в опале». Смысл такого противопоставления раскрыт в следующей за цитированным отрывком фразе: «Хорошо в этом по крайней мере то, что хоть соблюдена логика, ибо трудно одновременно сочувствовать и «Петербургским» и «Московским ведомостям»».

Третья корреспонденция целиком посвящена одной теме — массовому поселению турецким правительством черкесов на Балканах. «Вы покорили Кавказ — Кавказ покоряет нас — вот тема, о которой я намерен говорить в этом письме», — пишет автор. Цель, которую преследовала при этом Блистательная порта, для него ясна: «Разрознить нас, сербов княжества, старосербов и болгар, поставить между нами черкесскую преграду — вот, конечно, турецкая политика в этом деле. Политика не очень-то хитрая, — замечает он, — но тем не менее слишком важная, чтобы сербам пренебрегать ею». Автор ополчается на правящие круги Сербии за то, что «они никак не реагируют на это, не предпринимают никаких ответных мер. Более того, сербские «наибольшие» (правители. — В. К.) продолжают пировать в одной компании с белградским пашой на еженедельных балах, думая только, как бы освободиться от несуществующей либеральной партии. Им невдомек, продолжает он, что «наше будущее зависит именно от нашего объединения, от тесного союза между нами» (сербам и болгарам. — В. К.).

Таким образом, с точки зрения содержания, разобранные корреспонденции посвящены исключительно внутренним и внешним вопросам Сербии. В них последовательно проводится единая линия в сербских делах, которой придерживался заведующий славянским отделом «Ведомостей» с момента вступления на свой пост в марте—апреле 1864 г. На этот счет все три корреспонденции не могут вызвать двух мнений. Но этого еще недостаточно, чтобы решить вопрос об их авторе. Необходимо теперь, в соответствии с принятым планом, попытаться выявить наиболее характерные общие места, сопоставить эти корреспонденции с уже известными нам, в смысле авторства, материалами о Сербии и посмотреть, что из этого получится.

1-я. «Наши школы не приносят народу ни малейшей пользы; можно даже сказать, что они вредны, ибо часто служат проводниками безнравственности. Учителя... у нас зачастую служат помешанием для народа. И не диво: наши учителя — отставные гимназисты первого, второго, третьего и четвертого классов, отставные и патентованные семинаристы... Наши средние и высшие учебные заведения не лучше народных школ».

2-я. «Сербия находится не в нормальном состоянии...»

«С 1860 года у нас начало было образовываться среднее сословие образованных и более или менее независимых людей... Но теперь образование такого сословия у нас остановилось...»

3-я. «Наш князь, несмотря на всю нашу любовь к нему, сделался недоступен для наших жалоб: к нему нас не пускают; те же, кто имеет к нему доступ, тщательно скрывает от него, что мы терпим. Воспользоваться печатью мы не можем, ибо она почти в личном распоряжении наших министров».

«Они дают нам знать, что всего это требует их «высшая политика», что без этого турки узнали бы (как будто они этого не знают!) о договорах с князьями черногорским и молдовалахским и пр.»

«Я сказал, каково состояние сербских школ: они плохи, до крайности плохи. Почему они плохи? Потому, что высшие учебные заведения в Сербии такие же, как основные школы. Как там, так и здесь, больше обращается внимания на дисциплину, нежели на преподавание. Сельские учителя — это гимназисты, по большей части третьего и четвертого классов, и семинаристы».

(«Библиография. Сербия и южнославянские провинции Австрии. Соч. Владимира Ламанского». «С.-Петербургские ведомости», № 75, 24.III (5.IV) 1865. Подпись — «Ж. Ж.-ч».)

«Все это довело Сербию до того ненормального состояния в котором она находится теперь».

(«Положение дел». «С.-Петербургские ведомости», № 6, 8 (20).I 1865.)

«Так тянуло оно («Дружество сербской словесности». — В. К.) свою жизнь до 1860 года. С тех пор это общество стало оживляться. Все стали интересоваться им... Заговорили о разных недугах, которыми страдал в то время народ сербский... Но чем более оживлялось это злосчастное общество, тем более подозрений оно навлекло на себя. В нем заподозрили «революционную закваску». Решили закрыть общество (в январе 1864 г. — В. К.), которое успело было приобрести некоторую популярность».

(«Славянские земли». «С.-Петербургские ведомости», № 128, 11 (23).VI 1864. Подпись — «Ж».)

«Но общественное мнение (сербское. — В. К.) приписывало всю ответственность правления князю и лишило его популярности, которой он сначала пользовался».

(«Славянские земли». Белград, 13 (1).V. Корреспонденция «СПб. ведомостей». «С.-Петербургские ведомости», № 108, 16 (28).V 1864.)

«Так называемой текущей литературы в Сербии тоже не существует. Две, три убогие газеты, какие есть там, содержатся все на счет правительства».

(«Положение дел». «С.-Петербургские ведомости», № 6, 8 (20).I 1865.)

«В Сербии, где она (литература. — В. К.) вся заключалась в двух или трех газетах... (в которых) министерство защищает».

(«Славянские земли». «С.-Петербургские ведомости», № 128, 11 (23).VI 1864 г. Подпись — «Ж».)

«Но для того, чтобы согласие южных князей на коалицию оставалось по возможности тайной, нужно, по их мнению, чтобы они явно действовали против всего, что могло бы скомпрометировать их». («Положение дел». «С.-Петербургские ведомости», № 6, 8 (20). I 1865).

«... У нас, что ни день, то новое банкротство... барабаны, оглашающие нескончаемые продажи с публичного торга, оглушают наши уши; ... нищета (все это прямые следствия бомбардирования Белграда и мудрости наших) усиливается у нас с каждым днем».

«После бомбардирования Белграда торговля сербская высыхает, и барабаны, оглашающие, что такого-то или другого продаю се добра (bien, imение), не умолкают в Белграде, точно так же, как и во всех других сербских городах и паланках (уездных городах)». («Положение дел». «С.-Петербургские ведомости», № 6, 8 (20). I 1865).

Из приведенных примеров можно сделать один вывод, а именно, что автором трех разобранных выше корреспонденций из Белграда был Живоин Жуёвич. Последующий анализ остальных 14 белградских корреспонденций, напечатанных в «Ведомостях» за 1865 г., а также пространной рецензии на работу известного русского слависта В. И. Ламанского «Сербия и южнославянские провинции Австрии», опубликованной в № 75 газеты и подписанной почти полным именем сербского демократа («Ж. Ж-ч»), еще более наглядно подтвердит это.

К сказанному необходимо добавить следующее. Выше отмечалось, что автором интересующих нас корреспонденций был серб⁷. Его сербское происхождение доказывается не только собственным признанием (вспомним начало первой корреспонденции), но и наличием в корреспонденциях сербизмов вроде «наибольшие», в смысле руководители, «основная» школа, вместо начальная, «слободняки», как специфически сербское название либералов, и, наконец, введением в текст сербских выражений («продаю се добра») и т. д.

Выше было высказано сомнение относительно местонахождения корреспондента. Теперь, после разбора первых трех корреспонденций, можно с уверенностью сказать, что он жил в Петербурге, а не в Белграде. Только этим можно объяснить отсутствие двойной датировки во всех 17 корреспонденциях (по новому и старому стилю). Это делалось автором сознательно, чтобы не открыть своего имени. Такая предосторожность была крайне необходима Жуёвичу, учитывая его положение государственного стипендиата и отношения с сербским правительством.

⁷ Попытки доказать обратное заранее обречены на неудачу. Хорошо известно, что в это время своего, русского, корреспондента у «С.-Петербургских ведомостей» не было в Белграде. Письма и корреспонденции таких русских путешественников, как Н. А. Попов, В. И. Ламанский и др., известны в литературе. П. А. Ровинский прибыл в Белград в качестве специального корреспондента «Ведомостей» только в 1868 г. Что касается других сербов из Белграда, то, кроме Ж. Жуёвича, другие сотрудники неславянофильских изданий в России 60-х годов XIX в. нам неизвестны.

Наконец, в разобранных корреспонденциях нет ничего такого в смысле фактов, событий, отдельных деталей, что давало бы повод утверждать, что написать их мог только человек, проживающий в Белграде. Скорее наоборот, в корреспонденциях есть немало мест, которые заставляют предположить в их авторе человека, прекрасно ориентировавшегося в тогдашней русской действительности. Именно об этом свидетельствует такое, к примеру, выражение во второй корреспонденции: «Что за беда, что поле для их (сербских министров. — В. К.) деятельности не более средней вашей губернии и что про них знают люди посторонние столько же, сколько про какого-нибудь вашего городничего Тобольской губернии» (разрядка наша. — В. К.). Такое сравнение говорило русскому читателю неизмеримо больше, чем самые пространные рассуждения на этот счет. Вспомним и другой пример из этой же корреспонденции. Кто мог так прекрасно разбираться во всех нюансах тогдашней русской периодической печати, как не человек, который немало прожил в России и был близок к этим делам? Нет нужды доказывать, что всеми этими качествами обладал Живоин Жуёвич.

Настала очередь высказать наши соображения относительно, быть может, самого трудного вопроса: откуда взялась эта странная и непонятная на первый взгляд подпись — «П. П.» в корреспонденциях, автором которых, как мы полагаем, был Жуёвич? За многие годы своей журналистской деятельности в России он пользовался самыми различными псевдонимами: «Склав» (раб), «Южный славянин (в Петрограде)», «Серб», «Задунайский славянин», «Ж.», «Ж. Ж.», «Ж. Ж-ч», «Ж. Жуёвич» и др. Все они понятны или могут быть в конечном счете объяснены, но откуда вдруг — «П. П.»? Разгадка, тем не менее, может быть очень простой. После того, как нам стали известны обстоятельства сотрудничества Жуёвича с белградским лицеистом Костой Поповичем, вместе с которым были написаны две корреспонденции, напечатанные в «С.-Петербургских ведомостях» за 1864 г. (первая за подписью «К», вторая без подписи), не будет противоестественным предположить, что аббревиатура «П. П.» была избрана Ж. Жуёвичем в память о своем друге и соратнике — Поповиче⁸.

За тот промежуток времени (февраль—март 1865 г.), когда публиковались разобранные выше белградские корреспонденции «С.-Петербургские ведомости» поместили немало других материалов, часть которых имела непосредственное отношение к славянскому отделу.

Для нас представляют интерес материалы, опубликованные в означенный промежуток времени в разделах «Сербия» и «Турция». В рубрике «Сербия» в № 59 от 7 (19) марта 1865 г. была напечатана пространная заметка под названием «Статистические сведения». Со ссылкой на газету «Српске новине» № 14 в ней со-

⁸ «П. П.» можно расшифровать, к примеру, как «Петербургский Попович».

общались цифровые данные о сербской столице за 1864 г., незадолго перед этим обнародованные статистическим комитетом Белграда. Эти данные автор считал интересными для русских читателей. Оставляя в стороне многочисленные статистические сведения, содержащиеся в информации, воспроизведем полностью авторский комментарий к ним. «Всего более, — пишет автор, — поражает цифра, касающаяся телесных, да и вообще всех наказаний, произведенных в Белграде в 1864 году. Одних телесных наказаний было за этот год более тысячи, а ведь бюрократия сербская старается выдать себя за либеральную. 83 бала и 1006 телесных наказаний! Впрочем, — продолжает он, — это не удивительно. Мы помним, что в прошлом году в газете „Видов-дан“ напечатано было такого рода объявление белградской полиции: „Гуляющим по паркам воспрещается рвать цветы и пр. и пр. Кто ослушается, тот подвергнется штрафу, а кто не в состоянии будет заплатить, тот подвергнется телесному наказанию от 10 до 25 ударов“. Парки и палочные удары — вот смесь цивилизации с варварством!..»

Вряд ли можно усомниться в том, что этот комментарий принадлежит перу заведующего славянским отделом «С.-Петербургских ведомостей». Подтверждения такого вывода можно найти и в обширной рецензии Жуёвича на книжку В. И. Ламанского «Сербия и южнославянские провинции Австрии», к анализу которой мы теперь и обратимся. Но прежде необходимо сказать несколько слов о подборке «Разные известия», помещенной в № 61 газеты от 9(21) марта 1865 г. в разделе «Турция». Ранее отмечалось, что материалы славянского отдела «Ведомостей» печатались и в этом разделе. В данном случае мы имеем еще одно тому доказательство. Из 4 абзацев подборки два непосредственно относятся к славянам и тесно связаны с сюжетами, которые в немалой степени занимали Жуёвича как журналиста. «О Луке Вукаловиче, — читаем мы во втором абзаце, — опять заговорили. По последним известиям, этот неукротимый агитатор, подчинившийся было в январе князю Николаю, намерен открыть кампанию во главе нескольких беглецов из Герцеговины, сбор которых назначен около Ястребицы. Губернатор мостарский предлагает Вукаловичу помилование и разрешение жить беспрепятственно в Зубчи, на что Вукалович ответил, что он не вернется в Зубчи до тех пор, пока Порты не признает его воеводой пяти герцеговинских племен; сверх того, он требует амнистии для всех герцеговинских беглецов и возвращения им имущества».

В одном из абзацев говорилось о переселении с Кавказа в Европейскую Турцию в течение 1864 г. свыше 70 тыс. семейств черкесов. Напомним, что этой теме специально была посвящена третья по счету белградская корреспонденция из числа рассмотренных выше.

Фельетон под названием «Библиография. „Сербия и южнославянские провинции Австрии“, соч. Владимира Ламанского», как отмечалось, являлся развернутой рецензией на труд известного русского слависта. Он занял два подвала газеты № 75 от 24 марта (5 апреля) 1865 г. и имел авторскую подпись «Ж. Ж-ч». Это было уже не первым выяснением отношений сербского демократа с русским ученым-славянофилом на поприще журналистики!⁹

Как известно записки Ламанского о славянских землях были напечатаны в двух номерах «Отечественных записок» (№ 2 и 5) за 1864 г.¹⁰ Затем вышли отдельной брошюрой. «Современник» немедленно откликнулся на их появление, поместив в апрельской книжке специальную «Заметку»¹¹. «Автор этой «Заметки»¹², — пишет Жуёвич, — мало обращая внимания на рассказы г. Ламанского о славянских землях, гораздо больше был заинтересован мнимым фазисом, в котором находится будто бы г. Ламанский, фазисом новым в истории развития московского славянофильства. Не соглашаясь с автором упомянутой «Заметки» касательно собственно этой мысли, я, однако, оставляю этот вопрос в стороне и займусь разбором самой брошюры... Этот разбор мне легче сделать, чем всякому русскому, — добавляет он, — ибо, будучи сам южным славянином, я, без всякого сомнения, знаком с этим краем довольно хорошо».

Итак, определив свои исходные позиции, сербский публицист приступает к детальному рассмотрению брошюры. Прежде всего он констатирует факт, что русская публика очень мало знакома со своими южнославянскими единоверцами, хотя интересуется этим народом больше, чем другими. Просвещенная часть русского общества, уточняет Жуёвич, мало знакома с юго-западными славянами потому, что «в русской литературе о них написано весьма немного, да и в написанном по большей части больше неправды, чем правды». Проистекало это оттого, что упомянутыми зарубежными славянами занимались только славянофилы. «Все написанное ими — слезливо; их внимание обращено почти исключительно на православие славянского юга; политическая же и социальная жизнь славян как-то ускользала из их глаз». В этих условиях просвещенным русским людям не оставалось ничего другого, как знакомиться со своими единоверцами по западной прессе. Результатом этого было следующее.

⁹ «Сербия и ее гости» («Голос», № 147, 29.V (10.VI) 1864); статья-рецензия «Словенин» («С.-Петербургские ведомости», № 87, 17 (29).IV 1864).

¹⁰ «Отечественные записки», т. 152, № 1-2, 1864, стр. 649—702 и т. 154, № 5-6, 1864, стр. 353—380.

¹¹ «Современник», кн. IV, VI, 1864, стр. 187—200. «Заметка. (Из записок о славянских землях В. Ламанского)».

¹² Им был А. Н. Пыпин.

«Про княжество Сербское, например, существует мнение, что это — страна очень богатая, удивительно либеральная и даже очень развитая, в подтверждение чего обычно ссылаются на отсутствие в ней сословий, на полное равенство граждан, на равномерное распределение поземельной собственности, указывают, наконец, на относительное множество в ней школ и на развитую в ней грамотность... Это мнение повторяется на разные лады не только в брошюрах, писанных самими сербами на иностранных языках, но и некоторыми французскими публицистами, вообще редко знающими меру как в порицаниях, так и в похвалах». Этот отрывок, процитированный Жуёвичем в рецензии, принадлежал перу Ламанского. Вероятно, заявляет автор фельетона, такого мнения о Сербии придерживался русский ученый до своей поездки в эту страну, но, посетив ее, он сильно разочаровался. Это видно из следующих его слов: «Все толки о Сербии, как стране либеральной в смысле западноевропейском, конституционной и т. д., крайне смешны и обличают непонимание ее истории и современного положения». Однако ожидаемого отрезвления, неизбежного, по мнению Жуёвича, в подобной ситуации, к сожалению, не произошло. Правда, сербский публицист отдает должное рецензируемому труду, заявляя, что «в брошюре г. Ламанского сказано о южнославянских народах больше, чем всяким другим, отдельно взятым, московским славянофилом», но при всем том брошюра является не плодом глубокого исследования, а скорее рассказом очевидца.

Раскрытию этого положения и посвящена в конечном счете рецензия. «Путешественник, — справедливо замечает Жуёвич, уточняя свою позицию по отношению к произведению Ламанского, — записывающий попадающиеся ему факты, должен быть по преимуществу объективным в этом записывании, иначе он будет записывать только для себя. Собственные его мнения относительно виденных им фактов могут быть весьма хороши, но для постороннего читателя здесь факты нужнее личного мнения одного человека. Не будь г. Ламанский таким субъективистом, его брошюра была бы полнее».

В чем же не согласен сербский демократ с Ламанским и за что он его критикует?

Прежде всего, и раньше всего — за попытку навязать славянам русский язык в качестве языка литературного, языка письменности и дипломатии, видя в Ламанском ревностного последователя Хомякова. «Не знаем, — пишет Жуёвич, — кто изобрел эту песню, но что она поется более тридцати лет — это все знают. Мы говорим — изобрел, потому что песня эта отнюдь не выработана жизнью славян», — и обещает это доказать.

Проследим за его доказательствами. Жуёвич упрекает русского ученого за то, что, занявшись в Белграде изучением сербской литературы, он остановил свое внимание только на «Гласнике», который, как известно, был посвящен древности, а не современной

жизни сербов¹³. Ламанский не задумался над таким «грустным фактом», почему в Сербии, кроме «Гласника», существуют всего лишь четыре газеты, две из которых («Српске новине» и «Видовдан») издаются на счет правительства, а две других — «жидкие и плохонькие донельзя». «В самом деле, — недоумевает Жуёвич, — в Сербии — стране вообще плодородной, где числится более миллиона жителей, где нет пролетариата, где земля распределена более или менее равномерно и где ее весьма достаточно для каждого серба, где господствует полная равноправность, в этой-то стране единственные две неказенные газеты насчитывают каждая всего по 500 подписчиков!» Чем объяснить этот факт, если сам Ламанский заявляет, что «грамотность в Сербии распространяется успешно и отношение народных школ и учащихся к народонаселению очень благоприятно»¹⁴. Дело здесь не в цифрах, поясняет Жуёвич, а если говорить о цифрах, то нельзя не заметить, что среднее число детей, учащихся в школах Сербии, почти не изменилось в течение последних пяти лет. Это означает, что народ отдает своих детей в школы больше по принуждению, чем по доброй воле. Народ понял, что «в пустом знании грамоты ничего не заключается». Дело, следовательно, в другом: «И в России сельские учителя народ довольно плохой, — пишет Жуёвич, — но в сравнении с сербскими учителями это образованнейшие люди».

Ламанский отказался анализировать эти факты потому, утверждает Жуёвич, что «сильно спешил к многожеланному выводу». Ему нужно было сказать, что «сербы исчахнут, если не примут русский язык за язык дипломатический, литературный, за язык *высшей образованности*». С этой целью он подбирает и группирует нужные ему факты. Так, например, причину недостатка в Сербии образованных и независимых людей Ламанский видел в отсутствии сословий, равномерном распределении поземельной собственности, отсутствии общинного землевладения и отсутствии крупных собственников. Последим за полемикой сербского демократа с русским ученым.

«Отсутствие сословий, бесспорно, хорошо в политическом отношении; так, по крайней мере, для Сербии, где обстоятельство это выработало дух равенства и независимости», — воспроизводит Жуёвич главную мысль Ламанского и оппонирует ему следующим образом: «Это, пожалуй, и неверно, потому что отсутствие сословий, так и дух равенства и независимости в равной мере суть следствия, а не причина; то и другое имеет свою причину в характере борьбы сербов за независимость. Известно, что перед восстанием

¹³ Здесь Ж. Жуёвич почти дословно повторил свою оценку этого журнала, данную им раньше. См.: «Славянские земли». «С.-Петербургские ведомости», № 128, 11 (23). VI 1864.

¹⁴ Жуёвич воспроизводит цифры об увеличении числа начальных школ в Сербии и учащихся в них с 1856/57 учебного года по 1860/61 включительно, приводимые Ламанским, дополняя их новыми данными за 1863 г., заимствованными из доклада министра народного просвещения, представленного скупщине 1864 г.

сербов у них не было господ из своих, а были все равные рабы. Восстав против турок, они восстали все и дрались все. За что они дрались? За свободу и еще за тот клочок земли, который они населяли и обрабатывали. Прогнав турок, своих прежних господ, с этой земли, они, как участвовавшие все в этом деле, на всех и поделили эту землю. После освобождения они умственно все были более или менее одинаковы, равны, нравственно одинаково сильны. От раздела земли, освобожденной всеми сербами, зависела будущая сила каждого из них, а с силой и право. Так как землю эту они освободили все, то и всем она досталась, но при этом те, которые больше отличились на войне, земли получили больше; таким образом, предводители получили больше, чем предводимые, хотя и немногим больше».

«...Общинное землевладение я пройду молчанием, — продолжал Жуёвич, — я скажу только, что равное распределение земельной собственности в Сербии не есть причина недостатка образованных и независимых людей в этой стране, не есть причина низкой степени ее развития хозяйственного, а напротив, есть важное условие ее развития; есть порука, что ни единый серб не будет голодать в то время, когда равноправный с ним сосед будет «возлежать на мягком тюфяке да кормиться медом и сахаром», как говорится в сербской песне. Разве образованные люди независимы потому, что они сыновья больших собственников или сами владеют такой собственностью, а не потому, что они образованны? Ведь по теории г. Ламанского должно полагать, что все русские и иностранные литераторы и ученые — помещики или капиталисты. Так ли на самом деле?»

Причиной зависимости образованных людей Сербии от правительства, по мнению Жуёвича, является, во-первых, то, что у сербского народа, недавно освободившегося от постыдного рабства, не успела еще развиться любовь к знанию, и, во-вторых, что образованные сербы не способствуют развитию этой любви. Неудовлетворительное состояние сербских учебных заведений всех степеней служит тому доказательством.

Очень интересно замечание Жуёвича о значении политической экономии для развития общественных наук. «Странно, — писал он, — что г. Ламанский, говоря о передовых ученых сербских и их трудах, так слегка коснулся политико-экономической литературы сербской и ее представителей гг. Цукича и В. Йовановича». «Политическая экономия получила ныне такую силу, — утверждал он, — что без знакомства с нею лучше и не соваться в историю и юриспруденцию. В Европе как история, так и юриспруденция несколько веков шли без политической экономии, но зато они и испытывают ныне от последней такие удары. Сербия — страна молодая, и потому можно надеяться, что она воспользуется теми примерами, которые представляет ей Европа».

Бедность сербской литературы — факт, хорошо известный русским читателям; поэтому Жуёвич счел нецелесообразным задер-

живаться на этом вопросе. Его больше занимала судьба этой литературы и выяснение причин ее неразвитости по сравнению с другими странами. При этом он высказал весьма примечательное для характеристики взглядов сербского мыслителя суждение: «Во всех государствах Европы, — утверждал Жуёвич, — литература в известных пределах ограничена. Даже в Англии, где господствует полная свобода печати, и там мы видим это явление. Что другое означала такая высокая пошлина на бумагу в этой стране, как не намеренное противодействие развитию литературы? Откуда происходило это противодействие? Из того, конечно, что господствующий класс в Англии боялся, чтобы при дешевизне бумаги образование не пошло быстрее и не разлилось на многочисленный негосподствующий класс! А что же это, — спрашивает Жуёвич, — если не политика?..» Эти замечательные слова сербского демократа показывают, что он отдавал себе отчет в том, что «В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной»¹⁵.

В Сербии нет сословий. Это верно. Но зато там есть иного рода зло: ее полунезависимое положение и ничтожно малые размеры в сравнении с другими государствами Европы, внешняя опасность со стороны Австрии и Турции! Поэтому сербский народ больше, чем любой другой, нуждается в правительственной мудрости, особенно в условиях, когда он хочет одного, а Европа — другого. Но именно этой мудрости и недоставало сербскому правительству. Чтобы еще резче подчеркнуть свое отрицательное отношение к сербскому правительству, которое металось между двух огней — Европой и своим народом, Жуёвич воздал должное этому народу. Из-под пера сербского демократа вырвались редкие для его журналистской практики в России слова: «Сербский народ юн, полон сил, свеж, целен, притом это народ, которого уже коснулась цивилизация, который так и рвется освободиться от разных пут, наброшенных на него политикой, .. Будь сербский народ немного позреее, правительство сербское должно было бы пристать к одной стороне. Но, как мы сказали, народ сербский еще молод; начала, присущие его духу, еще не формулированы сознанием...»

Попытки небольшого числа передовых представителей народа сформулировать эти начала во время Свято-Андреевской скупщины были задушены правительством в самом зародыше. И молодая, как весенний отпрыск, сербская литература, лишь обнаружив в себе «какую-то тревогу, горячность», оказалась обреченной на увядание, так и не успев расцвести. В этом отношении время с 1859 по 1863 гг. в сербской литературе, по мнению Жуёвича, «представляло интереснейшее явление для постороннего наблюдателя». Как же реагировал на все это русский путешествен-

¹⁵ В. И. Ленин. Партийная организация и партийная литература. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 103.

ник? Разгон правительством «Дружества сербской словесности» в начале 1864 г. для него не более как случай, который вызывает улыбку. Он даже не счел нужным рассказать читателям об этом «случае». Выражая свое несогласие с русским ученым, Жуёвич подробно и обстоятельно разобрал этот «казус», в результате которого «литераторы точно исчезли из Сербии». «Так вот какое влияние имела политика на литературу сербскую, — заключает Жуёвич. — Она сильно прижала ее».

В заключение фельетона Жуёвич снова возвращается к вопросу, с которого начал и который считал главным в брошюре Ламанского, — о принятии славянами русского языка за язык «всеславянской образованности, дипломатии и литературы». Если «маститые московские деятели» доказывали необходимость такого шага, опираясь на «любовь славян между собой, на православие большинства их и, наконец, на их племенное сходство в нравах, обычаях, верованиях и т. п.», то Ламанский, убедившись в недостаточности таких доводов, ухватился за другое, более надежное, с его точки зрения, средство, а именно статистические данные о численности юго-западных славян. Он доказывал, что 15 с лишним млн. этих славян «лишены двух необходимых условий, без которых ни одна народность не может иметь всемирно-исторического значения и не заслуживает названия исторической национальности, ибо между понятиями *народности* и *нации* есть существенное различие, о котором славяне австрийские как-то забывают».

Вывод, который делал Ламанский из этого, предельно прост: поскольку 300 млн. славян вне России распадаются на девять отдельных народностей, — нельзя верить в великое будущее девяти литератур. «Славяне, — писал он, — могут принять или не принять наш русский язык за общий... мы, русские, должны об этом откровенно высказать свое мнение, не стесняясь ложными приличиями».

Комментарий Жуёвича к этому выводу не менее прост, но зато более убедителен: «Г. Ламанский указывает славянам на такие факты, — пишет он, — которых они отрицать не могут, и, указав, делает вывод, с которым славяне не соглашаются. Отчего это происходит? Оттого, что фактов, приводимых г. Ламанским, мало для такого важного вывода».

В разобранной рецензии Жуёвич в полемике с Ламанским впервые так обстоятельно привлекает внимание русских читателей к особенностям социального развития Сербского княжества в первой половине XIX в.

Ж. ЖУЕВИЧ И СЕРБСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ

В № 96 «С.-Петербургских ведомостей» от 21 апреля (3 мая) 1864 г. была напечатана четвертая по счету корреспонденция из Белграда за подписью «П. П.» Она датирована 1 апреля и цели-

ком посвящена одному вопросу — сербскому либералу Владимиру Йовановичу и его газете «La Liberté» («Свобода»), которую он издавал в Женеве.

Анализируя публицистическую деятельность Жуёвича в России, мы не раз отмечали, с каким вниманием следил сербский демократ за деятельностью главы сербских либералов в княжестве. 4-я корреспонденция дает возможность рассмотреть этот вопрос более подробно. Вместе с тем она имеет большое значение для окончательного определения автора белградских писем.

После известного «казуса» в начале 1864 г. в результате которого было закрыто «Дружество сербской словесности», В. Йованович эмигрировал из Сербии и обосновался в Женеве, где с конца июля 1864 г. стал издавать антиправительственную газету «Свобода»¹⁶. Находился ли Жуёвич в переписке с Йовановичем в доэмигрантский период последнего, нам неизвестно, но что переписка между двумя сербами существовала позднее — это бесспорно. О ее наличии свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, рассмотренные в главе первой.

Как уже отмечалось, на страницах «Ведомостей» Жуёвич неоднократно возвращался к теме о Владимире Йовановиче и его газете «Свобода»: в заметке «Швейцария» (№ 149, 7 (19). VI, 1864), в корреспонденции из Белграда от 7 февраля (№ 44, 22. II (4. III) 1865), в разобранной выше рецензии на брошюру Ламанского. В последней Жуёвич упрекнул русского славянофила за неправильное употребление термина «радикалы» применительно к сербским либералам. (Заметим в скобках, что до выхода «Свободы» и знакомства с ее первыми номерами сам Жуёвич называл сторонников В. Йовановича «радикалами».) «Странно, что г. Ламанский называет некоторых деятелей «радикалами», — писал он. — Можно ли назвать радикалами тех, которые всегда относятся с величайшим уважением к князю, но которые в то же время ратуют против министров? А что такое радикализм сербов-слободняков, это известно всякому, кто следит за сербской литературой. Нам кажется, что при употреблении подобных терминов, определяющих такое важное понятие, следует быть несколько осторожнее...»¹⁷. Совершенно очевидно, что в данном случае Жуёвич имел в виду сербских либералов и их лидера — В. Йовановича.

После уяснения предыстории отношений между Жуёвичем и Йовановичем обратимся к рассмотрению 4-й белградской корреспонденции. «Вам, вероятно, известно, — писал ее автор, обращаясь к русским читателям, — что в Женеве издается сербская газета «La Liberté» под редакцией г. В. Йовановича, бывшего профессора политической экономии в сербской Великой школе. Это орган так называемых «слободняков», т. е. сербских либералов, между

¹⁶ Первый номер газеты вышел в субботу, 26 июля 1864 г., второй — 1 августа 1864 г.

¹⁷ «С.-Петербургские ведомости», № 75, 24.III (5.IV) 1865.

которыми есть очень почтенные люди». В свете известных нам фактов такое начало вполне оправдано. Поводом для корреспонденции явилось помещение в № 6 газеты «Свобода» от 19 марта 1865 г. н. ст. статьи под названием «Понашање извесних русских журнала спрам Србије», которое автор корреспонденции переводит на русский язык довольно вольно, как «Клевета, изрекаемая некоторыми русскими журналами в отношении к Сербии». Появление столь грозной передовой статьи в газете «Свобода» корреспондент считает «недоразумением», основанным на неправильной трактовке одного места из второй белградской корреспонденции от 10 февраля, напечатанной в № 49 «С.-Петербургских ведомостей», где говорилось, что «слободняки наши не хотят понять ту сферу, в которой они действуют, и вместо этого не перестают представлять себе Сербию Францией, а себя французскими либералами...». «Слободнякам сербским, и во главе их редактору „La Liberté“, вероятно, вследствие незнания русского языка, показалось, — поясняет автор, — будто мы сравнили их с французскими либералами только для того, чтобы одновременно осудить тех и других». Путем сравнения русского текста с французским переводом его он наглядно показывает происшедшую ошибку.

В разбираемой корреспонденции содержится немало лестных слов в адрес издателя «Свободы». «Газетой сербской управляет человек, в высшей степени честный и умный, и нам с ним не из-за чего долго спорить», — читаем мы в одном месте. «Ошибка эта произошла, вероятно, вследствие незнания русского языка; редактор г. В. Йованович слишком честен для того, чтобы умышленно коверкать и дико перетолковывать чужие слова», — написано в другом.

Но наряду с этим нельзя не обратить внимание и на другую сторону дела. Уже в самом начале корреспонденции, отметив, что среди либералов «есть очень почтенные люди», автор тут же добавляет: «Но, кроме них, „La Liberté“ считают своим органом и те молокососы-либералы (лицеисты. — В. К.), которые, пока они в Великой школе, либеральничают до упоения, но по окончании курса стремятся всеми силами надеть скорей «униформу» и становятся по большей части вернейшими слугами тех, с кем враждовали в школе». Это по существу та же мысль, которую подробно развивал Жуёвич в письме К. Поповичу от 18 февраля 1864 г. о либералах «с головами» и либералах «без голов». «Много ли вы имеете товарищей по убеждению среди ваших сокурсников по лицей?» — спрашивал тогда своего нового друга Жуёвич.

Проследим эту вторую линию в корреспонденции дальше. Автор требует от редактора «Свободы» публичного признания своей ошибки. «Я тем более вправе требовать от него такого признания, что, заподозрив в нас своих антагонистов, он поспешил приписать «С.-Петербургским ведомостям» еще и такие тенденции, каких не приписывала им до сих пор ни одна другая газета». Речь шла об обвинении России в стремлении превратить Сербию

в свою провинцию¹⁸. Вот как отвечает автор на это обвинение: «На этот счет, по-моему, не только слободняки, но и вообще все сербы могут быть совершенно спокойны. Русь „велика и обильна“, и поэтому ей нужды нет „de transformer la Serbie en province russe“. Водитесь вы по этому поводу с Бахами, Меттернихами и вообще с кем вам угодно, только не с „С.-Петербургскими ведомостями“, ибо им и большинству их читателей Сербия вообще не нужна». Заключительным аккордом этой критической оценки в адрес сербских либералов являются такие его слова: «Однако мы не скрываем, что взгляды наши на сербские дела не совсем сходятся со взглядами уважаемой сербской газеты и сербских либералов».

В интересах редактора сербской независимой газеты, ее читателей и сербского общества он делает следующее замечание: «Во-первых, „La Liberté“, опираясь на свободу, нелогична, непоследовательна в своих рассуждениях о сербских министрах и вообще о правительстве сербском, а, во-вторых, трактовать вечно об одних только министрах сербских в газете и отнюдь не касаться в ней внутренней жизни сербского народа, как это делает газета „La Liberté“, это, по нашему мнению, то же, что взять воду и толочь ее».

Итак, разбор 4-й корреспонденции из Белграда и всех обстоятельств, с нею связанных, лишний раз убеждает нас в том, что ее автором не мог быть никто другой, кроме Живоина Жуевича. Этого убеждения не может поколебать могущее только на первый взгляд показаться странным следующее замечание автора корреспонденции: «На другие, более частные вопросы, которые приводит в своей статье г. Йованович, я предоставляю отвечать вашему сотруднику по южнославянским делам». Это было специально сказано для сербского правительства. Нас же не может ввести в заблуждение этот довольно «парадоксальный» факт, когда Живоин Жуевич (автор корреспонденции) просит Живоина Жуевича (заведующего славянским отделом «Ведомостей») ответить В. Йовановичу «на другие, более частные вопросы». Можно заметить, что сербский демократ успешно выполнил данный самому себе наказ, как это будет видно из дальнейшего изложения.

«БЕЛГРАДСКИЙ» КОРРЕСПОНДЕНТ О СЕРБИИ И ЕЕ ДЕЛАХ

Через три недели после появления 4-й корреспонденции из Белграда на первой странице № 115 «С.-Петербургских ведомостей» была напечатана статья под названием «Закон о поселении иностранцев в Сербии». Статья не имела ни подписи, ни указания на то, что это корреспонденция и откуда она поступила.

¹⁸ В корреспонденции приводится в качестве доказательства отрывок на французском языке из заключительной части передовой статьи № 6 газеты «Свобода» за 1865 г.

Между тем, в очередной белградской корреспонденции за подписью «П. П.», помещенной в № 133 газеты от 29 мая (10 июня) 1865 г., в рубрике «Сербия» и датированной 5 мая, в первой же фразе говорится следующее: «Месяц тому назад я писал вам о новом законе относительно натурализации иностранцев в Княжестве сербском. Я сообщил вам только сущность этого закона, считая ненужным для ваших читателей излагать его подробно». Самое внимательное изучение газеты показывает, что упомянутая выше статья и являлась той самой анонимной корреспонденцией, на которую ссылается в своей, теперь уже 6-й корреспонденции «П. П.» Это дает нам право считать статью «Закон о поселении иностранцев в Сербии» 5-й корреспонденцией из Белграда.

В ней говорилось о том, что вынесенное в название статьи заглавие является новой статьей кодекса¹⁹ о переселении иностранцев, опубликованной правительством в своем органе «Српске новине», № 24. Говоря о причинах иммиграции в Сербское княжество, автор замечает, что в нем «как для австрийских, так и для турецких сербов-простолудинов, в тысячу раз больше удобств, чем в Австрии или в Турции». Тем не менее переселение шло туго, не превышая 100—150 человек в год. Корреспондент полагает, что с принятием нового закона о поселении иностранцев в Сербии дело пойдет более успешно. Поручкой тому большие льготы, которые предоставлялись новым законом переселенцам: 5 десятин (3 дана орања) пахотной и столько же нерасчищенной земли для семьи, жилище с земельным участком в 500 квадратных футов, тягло и необходимый инвентарь. По прошествии 15 лет все это переходило в полную собственность переселенцев. Кроме того, переселенцы на 5 лет освобождались от всех государственных повинностей.

«Эти условия безукоризненно хороши для угнетенных сербов, — пишет автор. — ... Только вот в чем дело: Сербия состоит из 1000 кв. миль, населенных 1150 000 жителей. Очевидно, что всех пожелавших поселиться в Сербии не уместить на этом небольшом пространстве...» Если даже предположить, что переселяться будут одни только сербы, которых вне Сербии насчитывается 4 млн. чел., то даже 1% от этого числа составит 40 тыс. Видимо, тут какие-то ограничения неизбежны. Автор показал большие знания природных и экономических условий своей родины. Это видно из следующих его слов: «... Сербия не есть такая страна, в которой вся земля годна для обработки; напротив, это страна гористая, во многих местах и на обширных пространствах почти совершенно неплодородная. Так, например, в Ужицком округе пшеница почти совсем не родится, и жители этого округа питаются главным образом гречихой. Это же обстоятель-

¹⁹ Обращает на себя внимание любопытное замечание автора о том, что у него нет «кодекса под руками». Это вполне естественно, так как статья писалась в Петербурге.

ство едва ли не было главной причиной того, что ужичане пустились в промышленность. Округ этот один снабжает всю Сербию дегтем, добываемым исключительно из хвойного дерева, называемого бор (бор очень походит на ель; может быть, это одио и то же дерево)²⁰. Рудницкий и Крушевацкий округа тоже почти наполовину негодны для полевой обработки. Правда, при малейшем удобрении этих, в нынешнее время бесплодных земель они могли бы превратиться в плодородные, но в том-то и дело, что удобрение земли сербскому народу почти незнакомо...»

6-я белградская корреспонденция («Ведомости», № 133, 29. V (10. VI) 1865) посвящена разбору «Закона о построении публичных зданий в Сербии». Значение этого закона, как пишет «П. П.», обуславливается, «во-первых, временем, когда он обнаружен, во-вторых, его прямым отношением к самой щекотливой народной струне, именно к карманной».

Из параграфов закона, приводимых в корреспонденции, следует, что сербское правительство с 1 мая 1865 г. переложило все расходы по строительству казенных зданий государства на народ. «Все постройки и починки упомянутых зданий, — говорилось в § 36, — будут производиться за счет народа, то есть за счет тех округов, в коих будут производиться эти постройки и починки...» «Как видите, — замечает автор, — этот параграф пахнет сощр d'état...» По смыслу § 53, контроль над строительством всех казенных зданий осуществлялся полицейскими властями.

«Я должен напомнить вам (читателям газеты. — В. К.), — писал автор, — что закон этот издается тогда, когда народная подать увеличилась вдвое против прежнего, когда народная промышленность находится в полном застое, когда продажа поземельной народной собственности в полном разгаре, когда узакониваются чрезвычайные судебные трибуналы, когда... да и этого слишком достаточно для того, чтобы понять те условия, при каких сербское министерство решается вложить руку в народный карман...»

Сообщая читателям об активной законодательной деятельности сербского правительства за последнее время, корреспондент считает необходимым высказать свое мнение о ее причинах. «Частная публикация всевозможных законов, т. е. государственных постановлений верховной власти, не означает, будто в Сербии совершается ныне коренная законодательная реформа в настоящем смысле этого слова, как мог бы подумать не посвященный в сербские дела, — нет: при внимательном рассмотрении за всеми этими законами оказывается, что дело здесь не в законодательных реформах, а в *стремлении*, с одной стороны, произвести действительно подобную реформу, а с другой, — в замечательном неумении не сделать ни одного шага — взад или вперед — на этом пути. Отсутствие научного юридического образования и стремление

²⁰ Бор — сосна.

осуществить на практике плохо понятую систему Людовика-Наполеона и вместе г. Шмерлинга сказывается вполне в законодательной деятельности сербского правительства. Подобно встревоженному в паутине пауку, оно проводит все свои законодательные нити на полное сербское „алла-керим“ (русское „авось“). Но это „алла-керим“ как назло постоянно оказывается неудачным. Вот в этих-то неудачах заключается главнейший мотив лихорадочной законодательной деятельности сербского правительства. Для читателей ваших будет понятно, если я укажу на главных государственных людей Сербии, которым принадлежит полная фактическая законодательная инициатива в княжестве. Люди эти — президент министерства г. Гарашанин и министр внутренних дел г. Христич. Тот и другой люди весьма энергичные, но, к сожалению, лишенные всякого научного образования. Первый пользуется благорасположением тюльрийского, другой — венского кабинета; первый часто ездил в Париж и, по сказанию сербов, даже обедал когда-то за одним столом с Наполеоном III; второй был уездным и крошечным чиновником в Австрии. Соответственно этому первый слышет в Сербии первостатейным политиком, второй — знатком полицейского искусства. Это видно, между прочим, и на законодательной деятельности сербского правительства».

Содержание, характер и стиль воспроизведенного отрывка 6-й белградской корреспонденции опять-таки служат подтверждением того, что корреспонденция из Белграда принадлежит перу Жуёвича. Именно ему было присуще столь резко отрицательное отношение к законодательной деятельности сербского правительства князя Михаила. Содержащаяся в ней оценка его министров — И. Гарашанина, и особенно Н. Христича, — встречалась уже не раз. Кто еще, кроме Жуёвича, творчество которого отличалось необычайно яркой образностью мышления, мог придумать такое блестящее сравнение сербо-турецкого «алла-керим» с знаменитым русским «авось». А заключительная фраза корреспонденции: «Повторяю, интересы князя Михаила наравне с интересами народа требуют, чтобы князь подумал прежде всего о составе министерства. . .», — разве не выдает его с головой? Бесчисленное множество раз повторялась эта фраза в разных вариантах в статьях, очерках и корреспонденциях сербского публициста на страницах русской периодической печати 60-х годов прошлого столетия. Наконец, мы еще раз убеждаемся, что в 4-й и 5-й корреспонденциях, рассмотренных выше, равно как и во всех предшествующих, нет таких фактов и событий, осветить которые автор не мог, находясь в Петербурге. Характерная на этот счет оговорка в 4-й корреспонденции, что у него нет под руками старого кодекса сербских законов о переселенцах, опять же говорит в пользу нашего предположения.

Думается, что материал 7-й по счету белградской корреспонденции («С.-Петербургские ведомости», № 140, 5(17). VI 1865) вносит полную ясность в интересующий нас вопрос. В самом деле,

корреспонденция датирована 25 мая, а рассказывается в ней о событиях в сербской столице, имевших место 23 мая 1865 г. Время появления ее в свет — 5 июня. Разберемся в хронологии. 25 мая ст. ст. автор послал письмо из Белграда²¹. Обычно оно находилось в пути 18—20 дней. В данном случае события развертывались быстрее, с опережением сроков на целую неделю. На 11-й день корреспонденция из Белграда появилась в газете. Это ужестораживает. Не исключено, что она была доставлена с оказией. Вполне возможно. Будем иметь в виду и такой вариант. Но главное не в этом. Торжества по поводу 50-летия освобождения Сербии от турецкого ига, которым посвящена корреспонденция, состоялись 23 мая. Значит, автор, живя в Петербурге, не мог получить необходимой информации о празднестве. Газеты из Белграда дегазировали в русскую столицу с такой же скоростью, как и письма, — в среднем 18 дней.

Итак, мы имеем тот самый редкий случай, который поможет разрешить, наконец, важный вопрос. Если в корреспонденции есть хоть один только факт или только одно событие, знать которые мог лишь человек, проживающий в Белграде, как свидетель и очевидец описываемого события или сообщаемого факта, тогда мы готовы признать, что наши догадки и предположения несостоятельны и должны быть отвергнуты.

Увы! Таких фактов и событий в 7-й корреспонденции нет. Их мы найдем в 8-й корреспонденции, датированной 29 мая и опубликованной в «Ведомостях», № 149, 15 (27). VI 1865. Но это в счет не идет, и если доказывать что-нибудь, то только одно — справедливость и обоснованность наших предположений.

Стоит взглянуть на первые строчки корреспонденции, чтобы убедиться, в каком сложном и неестественном положении оказался Жуёвич. «Очень может быть, — писал он, — что я немного запоздал с этим письмом. Предмет, о котором я намерен писать вам, для нас, сербов, п е р в о й в а ж н о с т и (подчеркнуто нами.—В. К.). Я разумею празднество 50-летия нашего освобождения из-под турецкого ига. Это празднество совершилось у нас третьего дня, т. е. 23 мая, в Духов день. У меня было намерение писать вам об этом празднестве еще за десять дней до его совершения, но по причинам, которые я изложу ниже, намерение это я отложил было до самого дня празднества. День этот прошел, и я опять не решил писать вам. Почему? А вот почему. Прежними своими письмами, я полагаю, хотя бы в общих чертах, познакомил вас более или менее о сербских делах. В письмах этих я всегда основывался на фактах. . .» — А так как, ответим мы за Жуёвича на вопрос «почему?», — этих фактов не было, то писать, естественно, он не мог, с нетерпением ожидая белградских газет в Петербурге.

²¹ Возможно, что дату 25 мая следует считать по нов. ст. Тогда все обстоит благополучно с точки зрения хронологии. Но это находится в явном противоречии с текстом письма. В таком случае Ж. Жуёвич допустил просчет.

И тем не менее следует заметить, к чести Жуёвича, что он блестяще вышел из трудного положения. Центр тяжести в своем письме он перенес на критику ненормального положения, когда в столь знаменательную годовщину сознательно игнорируется имя человека, которому Сербия больше, чем кому бы то ни было, обязана своей свободой, имя Георгия Черного, верховного вождя первого сербского восстания 1804—1813 гг. — этого «величайшего политического деятеля сербского до нынешнего дня...», — как утверждал Жуёвич. Это дало ему возможность просто и естественно ответить своим читателям на злополучный вопрос «почему?».

«... все празднество устраивалось, сколько с целью прославить сербское освобождение, столько же (а пожалуй, еще и больше) прославить Милоша и его династию. Никто иначе и не смотрит у нас на это празднество, — писал Жуёвич. — Для меня же цель его сделалась еще понятней с того момента, когда впервые у нас заговорили об этом деле. Но я ждал, что цель эта хоть сколько-нибудь замаскируется; что с прославлением Обреновича прославится, хоть в виде добавочной степени и Черный Георгий; потому я не решался раньше писать вам об этом деле. Ожидания мои не оправдались, и поэтому я пишу теперь о том, что уже совершилось и как совершилось». Но этого-то «как совершилось» и нет в корреспонденции, кроме следующего аванса: «что касается до подробностей, касающихся минувшего празднества, подробностей весьма и интересных и характеристичных, — говорится в конце письма, — то о них я напишу вам на этих днях...»

Чтобы не заподозрили нас в субъективизме, справедливости ради следует сказать, что в рассматриваемой корреспонденции есть-таки одна деталь, которая могла бы разрушить наши построения и логические доказательства относительно местонахождения ее автора. В письме цитируется речь князя Михаила, которую он произнес перед народной милицией за два дня до торжества. Но текст ее Жуёвич мог воспроизвести по телеграммам, получаемым редакцией «Ведомостей», или, что более вероятно, позаимствовать из западных газет, которые поступали в Петербург несколькими днями раньше, чем из Сербии.

Что же в таком случае заставило сербского демократа взяться за перо и писать о событии, полной или достаточной информации о котором он еще не имел; зачем понадобилась такая спешка? Ответ на этот вопрос содержится в первых строках корреспонденции, в специально подчеркнутых нами словах — важность предмета. А что это был действительно предмет «первой важности», подтверждается фактом неизмеримо большего политического звучания, чем сама корреспонденция из Белграда. Речь о том, что в передовой статье № 140 «С.-Петербургских ведомостей», в котором была напечатана 7-я белградская корреспонденция, редакция газеты впервые за время существования славянского отдела под началом Жуёвича выступила со специальной за-

меткой «По поводу сербских дел». Исключительное значение этого факта делает необходимым полное воспроизведение редакционного текста упомянутой заметки:

«В русском обществе в последнее время пробуждается живое участие к судьбе славянских народов, исторической своей судьбой разбитых на множество разрозненных частей, большей частью подчиненных чуждым народностям. Одному из наших собратьев пятьдесят лет тому назад удалось отбить свою независимость из-под тяжелого и грозного ига. И вот к этому-то мужественному и благородному племени, соединенному с нами, кроме единства крови, единством религии, всего сильнее обращается наше сочувствие. Да послужит Сербское княжество — мы от всей души желали бы этого — ядром соединения славян на юге.

К сожалению, внутренние обстоятельства Сербского княжества далеко не представляются нам в благонадежном виде. Читатели нашей газеты из помещаемых у нас белградских корреспонденций могли видеть, как много в этой стране элементов расстройств, раздора, разъединения, внутренней порчи. Корреспонденция, помещаемая в нынешнем номере, свидетельствует, как дурно распорядилось правительство князя Михаила по поводу празднования пятидесятилетней годовщины сербской независимости; при других условиях эта годовщина могла бы сделаться великим национальным торжеством, укрепляющим дух народа, усиливающим верховную власть в стране, тесными узами связывая эту власть с народом, — торжеством, внушающим народу идею об его великом будущем. Из народного торжества, каким следовало быть сербскому юбилею по самому его значению, он, благодаря политической неспособности советников князя Михаила, превратился в праздник чисто династический. Это было бы уместно в той стране, где династия и народ составляют плотное, неразрывное единство, где, кроме царствующей династии, другая немислима; но, к сожалению, в Сербии далеко не так. Там две фамилии. Обреновичи и Карагеоргиевичи являются с совершенно равными правами на престол. Поэтому династические стремления должны в Сербии проявляться с особенною осторожностью. Так как династия не служит там полным представителем народного единства, то в некоторых случаях благоумие предписывало бы ей не выдвигаться на первый план, заслоняя собой проявления народных чувств. К сожалению, праздник, который в Духов день видала Сербия, носил на себе, по свидетельству нашего корреспондента, черты, глубоко взволновавшие патриотизм сербского народа и его благородные чувства к великому освободителю Сербии, к тому Георгию Черному, который еще при жизни своей сделался героем поэтических легенд.

Корреспондент наш объясняет причину, почему сербские торжества получили такой именно характер. В Сербии в настоящее время господствует бюрократия: она стала между князем и народом; с одной стороны, она угнетает народ, с другой — обманывает князя, вредит ему. Эффект, произведенный торжеством годовщины, был самый неблагоприятный для Обреновичей. Это должно послужить уроком для них; избежать опасности они могут только в том случае, когда будут менее доверять бюрократии и станут ближе к народу».

Стилистические особенности заметки не оставляют сомнений в том, что она написана не Жуёвичем, а другим сотрудником газеты, возможно даже самим ее редактором В. Ф. Коршем. Да и с морально-этической точки зрения противоестественно, чтобы Жуёвич писал сам о себе, о своей корреспонденции, давая ей высокую оценку. Но в данном случае важнее подчеркнуть другое: полную солидарность газеты со взглядами сербского демократа на положение дел в Сербии. Причем это относилось не только к 7-й белградской корреспонденции, но и к шести остальным, на-

печатанным ранее. «Ведомости» предельно четко сформулировали свое отношение к Сербскому княжеству как ядру, вокруг которого должны объединиться все славяне Балканского полуострова. Все, что мешало этому, в том числе непрочное внутреннее положение Сербии, вызвало с их стороны осуждение и критику.

Живое сочувствие газеты к судьбе поработанных славянских народов, нашедшее столь яркое выражение в «Заметке», воодушевляло Жуёвича. «Я очень хорошо понимаю, — писал он в 7-й белградской корреспонденции, — какое место должны в вашей газете занимать известия, касающиеся моей родины в ряде мировых событий, которые должны наполнять столбцы всякой политической газеты. Сербией и сербскими делами читатели ваши — это я знаю по собственным наблюдениям — не интересуются столько, сколько желательно для моего национального чувства, и за это я их несколько не обвиняю». Для такого обвинения, по его мнению, нет никаких оснований, так как только дважды в продолжение всей своей исторической жизни (в 1389 г. на Косове и в 1804—1813 гг., во время восстания) сербы заявили миру о том, что они существуют, и «никогда о том, — продолжал развивать свою мысль Жуёвич, — что мы достойны большего внимания, чем обращает на нас европейский мир». Поражение сербов в Косовской битве Жуёвич объясняет их «политической несостоятельностью»²² в то время. Зато их поведение во время восстания 1804—1813 гг., по его мнению, выше всяких похвал. «Во втором же случае, — писал он, — то есть в восстании нашем против ига мусульманского в начале нынешнего столетия, мы — говорю это с высокой национальной и почти личной гордостью — отличились настолько, насколько было у нас сил». С этим светлым и великим политическим актом сербского народа — бескомпромиссной общенародной борьбой за свободу и независимость родины — «тесно связано имя одной личности, вспомнить о которой я не могу, если не без благоговения, то, по крайней мере, не без самого глубокого уважения». Этой личностью, «Божим мечом» для турок начала нынешнего столетия, по его определению, был верховный вождь 1-го сербского восстания — Георгий Черный, или Карагеоргий.

²² Выделено нами. — В. К. Этим определением Ж. Жуёвич довольно широко пользовался в своей публицистике. Напомним, что именно этим термином он квалифицировал позицию сербских либералов-свободняков на Свято-Андреевской скупщине 1858—1859 гг. Характеризуя реформы правительства князя Михаила, он часто прибегал к указанному определению. Да и в 7-й корреспонденции есть такие, например, слова: «У нас совершаются реформы за реформами, но все они несостоятельны (выделено нами. — В. К.), не народны, фальшивы». И далее: «Наш князь, на которого мы все еще надеемся, видит это как бы сквозь туман; но несчастная вера в своих министров преодолевает его, и потому он не решается повести дело иначе. Поэтому-то так горячо ухватился за нынешнее наше празднество! Но и тут проявилась несостоятельность (выделено нами. — В. К.): цель празднества, будучи понятой, отдалилась — династия Обреновичей не поддержана, а даже уронена. В этом виновата исключительно бюрократическая ревность».

Сербский публицист отдает должное и заслугам Милоша Обреновича, возглавившего 2-е сербское восстание в 1815 г., которое он называет «завершительным актом» всенародного восстания против турок: в результате его Сербия приобрела автономию. Но, утверждает он, перед вождем 1-го восстания «Милош едва заметен, его деятельность оценена и оценится нашим народом гораздо ниже деятельности Георгия Черного. В героических своих песнях народ наш говорит об этой деятельности Милоша и о нем самом, как о деятельности дополнительной, далеко не столько ценной, сколько деятельность Георгия Черного. Песни народа, посвященные Георгию Освободителю, по силе чувства, по полету фантазии стоят наряду с самыми лучшими песнями сербскими, тогда как песни, посвященные Милошу (их весьма немного), гораздо слабее, прозаичнее».

И несмотря на все это, вопреки очевидным и всеми признанным фактам, в годовщину 50-летия прославляется один Милош Обренович и сознательно устраняется все, что могло бы напомнить о Карагеоргии и его заслугах. «Если сводить дело на личности, — заключает корреспондент, — то я должен сказать вместе с народным голосом, что Георгий Черный дорожке для нас Милоша Обреновича, хотя и последний очень заслуженный человек».

То, что в связи с торжествами по поводу 50-летия освобождения Сербского княжества, по словам автора «Заметки», целиком солидарного со своим белградским корреспондентом, «глубоко взволновало патриотизм сербского народа», в 7-й корреспонденции выражено еще сильнее: «Цель празднества, — писал в ней Жуёвич, — не национальная, а частная, династическая, внутренне-политическая... Милош забывается народом нашим, а популярность его сына суживается со дня на день все больше и больше — обстоятельство, замеченное всеми сербами». Причиной тому была недалёковидная или, выражаясь словами Жуёвича, «несостоятельная» политика сербского правительства. «Бюрократия наша, — писал он, — значительно скомпрометирована в обществе, и потому вождатаи ее могут держаться еще только одною силою нашего нынешнего князя. Этою силою она действительно и держится; но ревностью своею, которой она думала отплатить князю за поддержку, она только повредила ему».

Резюме содержания письма-корреспонденции, сделанное самим автором, было кратким, но полным глубокого смысла: «Минувшее празднество наше не должно никого пугать, — писал Жуёвич, — потому что оно имело — но не достигло того, даже отдалило — цель частную, династическую».

«ОБЗОР ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР»

Буквально через четыре дня после опубликования 7-й корреспонденции из Белграда «С.-Петербургские ведомости» поместили третий по счету (второй в 1865 г.) фельетон своего постоянного

сотрудника за его подписью — *Ж. Жу-ч*. Полное название фельетона гласило: «Новые книги. Обзор истории славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича».

Это произведение сербского демократа заслуживает самого пристального внимания. Принадлежность его Жуёвичу бесспорна. Но зачем, в таком случае, понадобилось автору выдавать себя за русского? Есть в фельетоне несколько таких мест:

«Изучение славян: поляков, чехов, сербов и др., — этих ветвей, возникших из одного с нами (выделено нами. — *В. К.*) корня, полезно именно в том отношении, что мы уясняем себе, что мы такое...»

«Мнение, не раз высказанное в нашей (выделено нами. — *В. К.*) литературе, что тратить время на изучение славянских народов бесполезно, глупо и пр., есть мнение ребяческое, вздорное...»

«О нем (Белинском. — *В. К.*), кажется нам, следовало бы Г. Пыпину поговорить больше, чем это сделано им в книге, особенно нужно это теперь, когда «принципиальные наши критики» (выделено нами. — *В. К.*) поднимают свои кроликовые головы с претензией стать выше Белинского и даже отнести его к категории рутинеров...»

С другой стороны, стиль рецензии, отдельные обороты речи, сербизмы («калугер» — вместо монах, «чуется» — вместо слышится), наконец, хорошо знакомая нам авторская подпись — говорят о том, что писал фельетон не русский, а серб, хорошо известный нам сербский публицист Живоин Жуёвич.

Прежде чем ответить на поставленный выше вопрос, необходимо остановиться на содержании самой рецензии, чрезвычайно богатой оригинальными мыслями. Автор высоко оценивает рецензируемую книгу. Труд Пыпина и Спасовича, по его мнению, заслуживает «всякой похвалы», это труд «добросовестный, серьезный и... в высшей степени интересный». К тому же, это первый труд по истории славянских литератур.

«Мы, славяне, уж слишком пренебрегаем собой, изучая других; мы чрезвычайно мало посвящаем времени на изучение самих себя». Эту мысль Жуёвич настоятельно подчеркивает и развивает в своей рецензии. Полезно и похвально, говорит он, изучать народы, далеко опередившие славян на пути развития гражданской свободы и умственного развития. Изучая других, славяне изучают и себя. «Но, — продолжает Жуёвич, — если успехи всякого народа обуславливаются всегда в окончательном результате степенью его самосознания, если без самосознания не может быть толку ни в каких проявлениях жизни народа, то ясно, какую важность приобретает дело самоизучения. Пусть будем мы тысячу лет изучать немцев, французов, англичан и других, но когда мы захотим воспользоваться этим изучением, когда пожелаем, чтобы жизнь наша устроилась лучше, тогда убедимся в сотый раз, что знание других и незнание самих себя — недостаточно и поверхностно».

Хотя славянские литературы бедны и отстают от литератур западных народов, но зато, изучая славянскую литературу, мы познаем собственную внутреннюю силу, «узнаем, что мы можем сделать без посторонних толчков, без напоминаний со стороны». Такова вторая и главная мысль Жуёвича, которая проходит через все его рассуждения. Ее раскрытию и посвящена в первую очередь рецензия.

Проследим за развитием этой мысли у автора: как и чем он ее обосновывает?

Прежде всего Жуёвич не выделяет историю славянских народов из всемирной истории. Напротив, «в судьбе славян, — пишет он, — вы видите довольно наглядно судьбу всего человечества». Вместе с тем, «обозревая мир славянский, вы видите перед собой нечто целое, оригинальное, в высшей степени интересное для философского ума...».

Стремясь определить специфические черты и особенности знаменитых славянских деятелей в отличие от великих деятелей других, неславянских, народов, Жуёвич приходит к такому выводу: «Величайшие умы славянские суть в то же время и величайшие бойцы за свободу славян, и первейшие граждане, достойнейшие люди, как люди своего времени, — черта, говоря вообще, которой не замечается у других народов». Как же он доказывает этот свой тезис? Прежде всего сравнением славянина Гуса с немцем Лютером. По его мнению, Гус гораздо выше Лютера. «Лютер — великий деятель, — говорит Жуёвич, — но не настолько великий человек; за свои убеждения Лютер не пошел бы на костер»; «вся национальная борьба не сосредоточилась» в Лютере. «... Слова и дела Яна Гуса... были словами всякого и делами чешского народа».

Славяне, по определению Жуёвича, отличаются в особенности тем, что их деятельность всегда подкрепляется человечностью. «Каждое слово великих славянских деятелей проникнуто духом справедливости, гуманности, каждое их слово народно, т. е. служит выражением народных желаний и стремлений...» Таков его критерий для определения великих славянских деятелей. Кого же он относит к их числу, кроме Яна Гуса? Хотя, говорит он, у других славян не появилось равных Гусу личностей, тем не менее славянская история знает немало великих деятелей на поприще литературы.

От чехов он переходит к сербам, у которых «замечательно симпатичной личностью» был Досифей Обрадович — «философ, моралист, но философ народный в самом тесном смысле этого слова».

«Самая крупная личность у поляков — это, без сомнения, — заявляет Жуёвич, — Иоахим Лелевель». Правда, сначала он останавливается на его предшественнике — А. Нарушевиче, который «проложил дорогу целому поколению польских историков и поэтов». Такое отступление от главной мысли понадобилось Жуёвичу

для того, чтобы упрекнуть Спасовича за неудачное сравнение взглядов Нарушевича с устаревшим славянофильством. «Он не был славянофилом, — утверждает Жуёвич. — Ведь славянофилы не проложили дороги ни одному историку, ни одному поэту. Наши историки²³, гг. Соловьев, Костомаров, Павлов²⁴ и пр., — не славянофилы. Муза Некрасова — тоже неславянофильская, несмотря на то, что она посвящена горькой судьбе русского мужика».

И. Лелевеля Жуёвич ставит на первое место, исходя из своего критерия. Он видел в польском историке «одновременно и замечательного деятеля, и замечательную личность». Для подтверждения своих слов он приводит характеристику направления университетского курса лекций Лелевеля, данную Мицкевичем²⁵, и приходит к такому выводу: «Исторические труды Лелевеля останутся навсегда дорогим памятником, воздвигнутым на правде и человечности — базисе, который не рухнет, не подлежит порче. Как чехи могут по справедливости гордиться Гусом, так поляки могут гордиться своим Лелевелем».

После чехов, сербов и поляков Жуёвич обращается к украинцам и дает сжатую, но исключительно глубокую и яркую характеристику творчества великого украинского кобзаря Т. Г. Шевченко, в которой, быть может, наиболее полно проявились демократизм и близость к народу самого автора.

Вот эта характеристика.

«Говоря о славянских знаменитостях, — пишет Жуёвич, — нельзя не вспомнить и знаменитого малороссийского батьку Тараса Шевченка. Шевченко для малороссов есть нечто чуть ли не большее, чем все прочие светила других славянских племен. В Шевченке сосредоточивается язык, чувства, помыслы малорусского народа. В Шевченке, на его лире, как на его жизни и даже физиономии, отражается самым отчетливым образом весь малороссийский народ и вся его судьба. Мужик-Шевченко выбивается из-под помещичьей плети, берет бандуру и запекает звучным голосом: „Я не умер, я существую, внимайте, друзья человечества!..“ И, несмотря на его грязные сапоги и грубую физиономию, все его слушают, все удивляются, все верят ему. В знаменитом малороссийском поэте мы опять встречаемся с слиянием деятельности и человечности. В песнях Шевченки постоянно звучит нота: „Любите народ, не угнетайте народ“, — вот тема всех песен Шевченки. Шевченко имеет много последователей на поэтическом поприще, но все это такая посредственность, о которой и упоминать не следует. На поприще же деятельности Шевченко имеет чрезвычайно мало последователей. Большая часть так называемых

²³ Это четвертое место в фельетоне, где Жуёвич пытается выдать себя за русского.

²⁴ Это, конечно, Платон Васильевич Павлов.

²⁵ «Солнце истины не знает ни востока, ни запада, оно охотно и безразлично дарит день всем племенам и всякому отечеству, а потому тот, кто хочет наслаждаться его лицезрением, должен быть вполне человеком».

хохломанов только роняет память поэта». Такая характеристика не имеет ничего общего с либеральными оценками творчества великого украинского поэта.

И, наконец, о великорусских светилах. Жуёвич называет три имени самых видных деятелей на поприще русской словесности до 50-х годов XIX в. — В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина. При всем уважении и любви автора к Пушкину и Гоголю²⁶ он все же на первое место ставит Белинского, который «окончательно утвердил за ними их настоящее значение». Почему? Да все по той же причине — исходя из принятого критерия. «Белинский, — писал Жуёвич, — был замечательный литератор и столько же замечательный человек. Известно, что он ставил человечность выше всего на свете: выше всех заслуг, выше всяких талантов и гениев. Новое подтверждение нашего замечания, что лучшие славянские деятели были в то же время и лучшими людьми, лучшими гражданами».

Главный недостаток книги Пыпина и Спасовича, помимо краткости изложения предмета, рецензент усматривал «в излишнем преследовании теории *московских славянофилов*» и отнюдь не потому, что их теория не заслуживает критики. «Нам кажется, — пишет Жуёвич, — что если бы литература русская перестала интересоваться теорией московских славянофилов, то после двух-трех лет по ней можно было совершить тризну». Эта мысль сербского демократа нам хорошо известна. Он ее высказывал и раньше. Правда, свое критическое замечание он не распространяет на главу «Возрождение и панславизм», которая, по его мнению, имеет «большой литературный интерес». Рецензию Жуёвич завершает словами, в которых звучит мысль, уже не раз встречавшаяся в его статьях: «*Общеславянский панславизм и теория московских славянофилов* — не одно и то же...».

Разобранная рецензия примечательна тем, что ее автор — обозреватель славянских земель «С.-Петербургских ведомостей» — впервые пытается охватить своим взором всех славян, правда, на этот раз лишь с точки зрения развития их литератур. По мнению Жуёвича, славянский мир представляет собой «нечто целое, оригинальное, в высшей степени интересное для философского ума». На примере выдающихся личностей в истории славянских народов он стремится определить черты, отличающие славян от других народов. Такими чертами, в его представлении, были свободолюбие, высокая гражданственность и человечность. Только гармоническое сочетание этих трех качеств делает личность поистине великой. Можно принять или отвергнуть критерий Жуёвича, но нельзя

²⁶ Автор даже упрекает Пыпина, что он относится к ним слишком строго. «Гоголь и Пушкин очерчены г. Пыпиным вполне хорошо, верно, — пишет Жуёвич, — если рассматривать их независимо от времени, когда работали эти люди... Гоголь, по несчастью, окунулся в море своего времени глубже, чем Пушкин. Пушкина заела среда аристократическая, сословная; Гоголя — общественная, общерусская». Такой меткой характеристике может позавидовать любой литературовед!

отказать ему в огромном воспитательном значении вообще, а в особенности в пору славянского возрождения.

Заслуживают внимания характеристики, данные самым крупным личностям на литературном поприще польского и украинского народов — Иоахиму Лелевелю и Тарасу Шевченко — прежде всего в силу специфического положения этих народов в составе Российской империи. Не менее интересен и взгляд автора на теорию московских славянофилов, которой он предсказывает неминуемую гибель в самое ближайшее время.

Чем объяснить, что рассматривать столь важные вопросы сербский демократ предпочел с позиций русского человека? Поступая так, он мог руководствоваться двумя соображениями: принципиальным и тактическим, а возможно, и тем, и другим вместе. С принципиальной точки зрения разбирать «Обзор истории славянских литератур» в том плане, в каком это сделал Жуёвич, целесообразнее было русскому, а не сербу. Подчеркивать свою национальную принадлежность, как это он сделал в рецензии на книгу В. И. Ламанского, в данном случае не имело смысла — не получилось бы должного эффекта. Тактическое соображение могло быть одно: скрыть от сербского правительства свое подлинное имя и ввести его тем самым в заблуждение. Напомним, что рецензия на книгу Ламанского была подписана «Ж. Ж-ч», а на книгу Пыпина и Спасовича — «Ж. Жу-ч». Добавление в последнем случае еще одной буквы, с одной стороны, казалось, проясняло дело, а с другой — окончательно его запутывало. Переписка Ж. Жуёвича с сербскими властями показывает, что острые коллизии с вопросом о правительственной стипендии, боязнь потерять ее в канун отъезда из России в Германию заставляли сербского демократа быть особенно осмотрительным.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СЕРБСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Свою 8-ю корреспонденцию («С.-Петербургские ведомости», № 149, 15 (27). VI 1865) Ж. Жуёвич, как и обещал, целиком посвятил описанию подробностей торжеств в честь 50-летия освобождения Сербии. Корреспонденция была датирована 29 мая и имела хорошо знакомую нам подпись — «П. П.». В ней автор поведал читателям «Ведомостей» о всех мельчайших деталях праздника (вплоть до указания на то, что накануне и в день торжества шел мелкий дождь), происходившего в окрестностях Белграда, в знаменитом Топчидере. Праздник начался в 7 час. 30 мин. утра и продолжался до вечера. Он сопровождался множеством эффектов, среди которых самым удачным автор называет тот, когда князь и княгиня приняли участие в народном танце, устроенном перед их дворцом. «Это в самом деле, — говорит он, — в высшей степени понравилось зрителям». Но как бы

подводя итог всему описанию, Жуёвич подчеркнул, что «характерного народного веселья» не получилось. «Под характерным народным весельем, — писал он, — я понимаю то веселье, в котором принимают участие и самые серьезные граждане известной нации, в котором празднество исполняется не одними кутейниками и бездельниками, одним словом, не бестолковой толпой, а вместе и людьми серьезными, солидными».

Среди приглашенных гостей автор особо выделил вице-президента черногорского сената Вукотича, называя его «замечательным человеком», «лучшим черногорцем», который вел себя с большим тактом. Хотя он был необразованным, но умом своим превосходил многих образованных людей. «Мне кажется, — писал Жуёвич, — что он отлично понял наше празднество и ту роль, которую ему следовало играть на нем».

Сославшись на свое последнее письмо, посвященное 50-летию освобождения Сербии, автор в самом начале 8-й корреспонденции делает важную для понимания его взглядов оговорку-объяснение: «В этом письме, — пишет он, — я посвятил несколько строк знаменитому сербу Георгию Черному как человеку, которому нынешней нашей свободой мы обязаны более чем кому бы то ни было другому. Слова эти могут вызвать подозрение, будто я приверженец династии Карагеоргиевичей. Но я заявляю, что я не принадлежу ни к какой династии, не защищаю и не порицаю ни той, ни другой, а только оцениваю совершившиеся факты. С этой стороны я смотрю на сербские княжеские династии совершенно с народной точки зрения. Каждый князь наш может только лично заслужить доверенность и любовь со стороны нашего народа. Черный Георгий сделался еще при жизни героем наших народных легенд; сын его в том же народе был почти неизвестен, точно с Черным Георгием у него ничего не было общего. Князь Милош собственными своими делами приобрел известность в народе, между тем как сын его, наш нынешний князь, знаком только горожанам да грамотникам. И когда было выработаться у нас династической идее, если начало наших династий не идет дальше 50 лет назад?».

В начале июля 1865 г. «С.-Петербургские ведомости» (№ 173, 9 (21). VII) поместили очередную, 9-ю белградскую корреспонденцию. Она посвящена оппозиционной сербской газете «Свобода», издававшейся Владимиром Ивановичем в Женеве, и непосредственно перекликается с 4-й корреспонденцией («Ведомости», № 96, 21.IV (3.V) 1865). Помимо того, что корреспонденция не подписана, обращает на себя внимание еще и факт, что она датирована 1 июля 1865 г. Очевидно, авторскую дату необходимо считать по новому стилю, в отличие от всех предшествующих белградских корреспонденций, в противном случае нельзя свести концы с концами. Объяснить эти два «странных» обстоятельства можно, исходя из разбора содержания 9-й корреспонденции, к чему мы и приступим.

С 20 июля 1865 г., сообщает автор, в Женеве будет издаваться газета под названием «Сербская свобода». Это — не новая газета. Прежняя «Свобода», которую в течение года издавал в Женеве сербский эмигрант Владимир Йованович, получит с 20 июля другое название. «Если бы я, — писал автор, обращаясь к читателям, — так много интересовался названиями, сколько интересуются ими наши слободняки (либералы), в особенности г. Йованович, то, без сомнения, названию „Сербская свобода“, насколько оно относится к газете, я предпочел бы название „Свобода“... Но для меня, как и для вас, дело здесь не в названии, а в характере, какой будет иметь „Сербская свобода“».

Что касается последнего, то в специальном объявлении в связи с переменой названия газеты В. Йованович сообщил, что сербские либералы «готовы поставить свой орган в согласие с внешней политикой князя Михаила» и впредь «воздерживаться от нападений на правительство...». Отказ от оппозиции слободняки объясняли мнимой угрозой внешнего вмешательства в сербские дела; в действительности же с помощью этой «вздорной выдумки» они пытались «выйти с честью» из затруднительного положения, в котором оказались. Такая позиция сербских либералов вызвала явное недовольство Жуёвича, некогда считавшего их «залогом будущей истинной оппозиции, в европейском смысле этого слова». «Но вот оппозиция эта преклонилась перед нашими министрами и хочет теперь действовать с ними заодно», — с горечью констатирует он. Это обстоятельство навело его на глубокие философские раздумья. «Согласие, говоря вообще, — вещь хорошая, — писал Жуёвич, — но не абсолютно. Согласие в народной жизни равняется мертвенности, почти отсутствию жизни, ибо согласие исключает борьбу, а без борьбы нет жизни, и сама жизнь есть не что иное, как борьба...».

К сожалению, такие представления отсутствовали в сербской общественной жизни середины 60-х годов прошлого столетия. В этой связи представляет интерес следующее высказывание Жуёвича. «Главнейший мотив наших критиков — всегда личность, а не труд лица, не его мнение. Оттого литературный труд у нас не имеет общественного значения, а имеет исключительно личное. Критик поражает не мысли автора, а самого автора... Прямое следствие всего этого — ругательства, ругательства и ругательства. Вот корень этих злых отношений, в которых находятся у нас пишущие и власть имущие». Орган слободняков — «Свобода», по утверждению автора, до сих пор только и занимался подобного рода ругательствами, которые он именовал словом «оппозиция». Вряд ли сербские министры подружатся со слободняками, так как достаточно сильны и не нуждаются в их поддержке. Последствия столь жалкой «оппозиции» слободняков уже дают себя знать. «Во всей Сербии, — писал Жуёвич, — я знаю только одного человека, который трудами своими показал, что он более или менее понимает (выделено нами. — В. К.), что такое критика, и так как

человек этот воспитывался в России и большой поклонник Белинского, то из этого я заключаю, что понимать критику научил его главным образом Белинский. Благодаря нашим слободнякам и тем обстоятельствам, которые я изложил выше, у этого человека отнята теперь всякая возможность писать. Это тем более при- скорбно, что он обещал много, имея большой талант. Человек, о котором я говорю, некто Алимпий Васильевич, бывший воспитанник Киевской духовной семинарии».

Хотя автор 9-й корреспонденции не связывает ее прямо со своей 4-й корреспонденцией, тем не менее для читателей, следивших за его творчеством, эта связь очевидна. Поступил он так потому, что хотел завуалировать свое настоящее имя и положение. Этим только и можно объяснить «путаницу» с датировкой, отсутствие подписи. Вопрос, о котором шла речь в 9-й корреспонденции, был настолько важен и значителен, что принятые Жуёвичем меры предосторожности были отнюдь не излишними. Рассмотренная корреспонденция весьма важна для уяснения дальнейшей эволюции взглядов сербского демократа по отношению к сербским либералам и их идейному вождю Владимиру Йовановичу.

10-я белградская корреспонденция, датированная 15 июля и подписанная инициалами «П. П.», была напечатана в № 185 «С.-Петербургских ведомостей» от 21 июля (2 августа) 1865 г. В этой небольшой заметке рассматривается вопрос о «печальном состоянии» сербских школ и просвещения вообще. По существу в ней повторяются те же мысли, которые уже не раз излагал Жуёвич в своих многочисленных материалах на страницах русской периодической печати. «Если вы вспомните, — пишет автор, — что я говорил в моих письмах о нашей бюрократии, то увидите, в какой гармонии стоят наши школы вообще со всем тем, что подвластно этой бюрократии... Между тем, как я уже сказал раз²⁷, мы, сербы, такой мирный народ, какого вы редко найдете. Мудрено ли после этого, что у нас нет ни хороших школ, ни хороших воспитанников, ни хороших учителей, ни, наконец, ученых!..».

Действия бюрократии самым печальным образом сказывались на сербской общественности и нравственном состоянии народа. К сожалению, в Сербии не слышно пока голосов протеста против такого, по выражению автора, «бюрократического всепожирательства», и не слышно потому, «что бюрократия у нас сильна, а общественное сознание — в младенчестве», — заключает Жуёвич.

Первый осенний месяц 1865 г. ознаменовался в творчестве заведующего славянским отделом «Ведомостей» весьма примечательным событием. До сих пор мы имели дело с его корреспонденциями, статьями и рецензиями; но вот в № 200 «С.-Петербургских ведомостей» от 5 (17) августа 1865 г. Живоин Жуёвич

²⁷ См. 6-ю корреспонденцию. Белград, 25 мая. «С.-Петербургские ведомости», № 140, 5 (17).VI 1865.

предстает перед нами в совершенно новом качестве — автора передовой статьи.

Каждый номер газеты открывался одной, а чаще несколькими редакционными заметками по актуальным вопросам жизни Российской империи или важным международным событиям. Мы уже имели случай отметить, как откликнулась редакция на торжества в честь 50-летия освобождения Сербии от турецкого ига. 200-й номер открывался статьей, которая, согласно «Содержанию» газеты, помещаемому в каждом номере, имела название «Лука Вукалович и герцеговинское восстание». В самом тексте это заглавие отсутствовало. Статья начиналась так: «Петербург, 4 (16) августа», — и далее шло само изложение: «Герцеговинский герой, Лука Вукалович, уже в России...», и т. д.

Всесторонний анализ этой крайне интересной, неподписанной статьи показывает, что ее автором мог быть Ж. Жуевич. В пользу такого заключения можно привести следующие доводы и соображения.

1. Тот факт, что автор выдает себя за русского («мы, русские...», — пишет он), не должен нас смущать. Иначе в данной ситуации он поступить не мог. Но его нерусское происхождение выдают сербизмы, встречающиеся в статье. «...Откуда взялось у этого голого и нищего народа столько энергии, чтобы длить (выделено нами. — В. К.; буквальный перевод сербского — «трајати») борьбу с турками полных два года?». Будь это русский, он непременно употребил бы слово «вести» или «продолжать». Это первый пример. Второй же содержится в следующей фразе: «Все это видел герцеговинский народ, а потому не удивительно, что он со страхом смотрел на восстание своих земляков и не решался *прид руж и т ь с я*» (выделено нами. — В. К.). Это — тоже сербизм, представляющий собой буквальный перевод сербского слова «придружити се», вместо русского «присоединиться». Это слово в статье употреблено дважды («Черногорцы *прид руж и л и с ь* к оставшим»). Третий пример — «приставать» («пристати се») вместо русского «присоединиться» в фразе «К зубчанам стали *п р и с т а в а т ь*» (sic! — В. К.) герцеговинцы прочих племен...». Кроме того, автор приводит слова из знаменитого стихотворения Джуря Якшича «Падайте, братья!»: «В бой, в бой, кого слава крепит!», называя его песней, «сложенной кем-то в Сербии».

2. Автор передовой статьи обнаружил такое обстоятельное и глубокое знакомство с герцеговинскими восстаниями во главе с Лукой Вукаловичем, со всеми их перипетиями, знать которые мог только человек, внимательно и пристально следивший за развитием событий на Балканах вообще и в Герцеговине, в частности. Таким именно человеком был Жуевич. Хорошо известно, что в своих статьях, очерках, заметках и информациях он не пропускал ни одной, даже мелкой, детали, прямо или косвенно связанной с именем знаменитого герцеговинского героя и его делами. Все эти факты отмечались в предшествующем изложении,

поэтому наше утверждение не нуждается в дополнительном доказательстве и обосновании.

3. Стилистические особенности разбираемой статьи (в отличие от передовой статьи в № 140 «Ведомостей») также говорят о том, что она написана Жуёвичем. При этом речь идет не только и даже не столько об интуитивных факторах, которые нельзя сбрасывать со счетов, потому что исследователь невольно вживается в авторскую манеру письма, но о вещах более конкретных, так сказать, материализованных. Мы имеем в виду обстоятельство, на которое уже раньше обращалось внимание, а именно — стремление Жуёвича прибегать к аллегорическим приемам и сравнениям. Есть в статье такая фраза: «Но тут и представляется для сербского правительства Сц и л л а и Х а р и б д а (выделено нами. — В. К.), обойти которые оно при политической своей недалекости решительно не может». К этой именно аллегории, как уже отмечалось, очень часто прибегал Жуёвич в своих письмах и статьях. Сам по себе этот факт не является абсолютным доказательством (элемент случайного совпадения всегда возможен), но наряду с другими, отмеченными ранее, он, несомненно, заслуживает самого серьезного внимания. Небезынтересна в этом плане и «история» с зайцем, которую в аналогичной редакции уже однажды использовал Жуёвич. «Таким образом, — пишет в рассматриваемой статье автор, — пока заяц (Герцеговина. — В. К.) еще лежал себе преспокойно в берлоге, окруженной самой густой чащей, уже готовы были три кастрюли, принадлежащие трем поварам-конкурентам (претендентам на руководство восстанием. — В. К.), в одной из которых должен был жариться бедный заяц».

Наконец, забегаая вперед, отметим, что одну из своих очередных корреспонденций, опубликованных в «Ведомостях» за 1865 г., подписанную инициалами «П. П.» (№ 246, 21. IX (3. X) 1865), Жуёвич специально посвятил герцеговинским делам и Луке Вукаловичу.

Обратимся теперь к разбору содержания передовой статьи, чтобы дополнительно убедиться в обоснованности высказанных выше предположений.

Как уже отмечалось, статья начинается с указания на то, что герцеговинский герой прибыл в Россию. «Самый популярный человек на юге славянском, надежда этого славянства, — Вукалович, — пишет автор, — покинул родные края, обезнадежил несколько миллионов земляков и соседей и пошел искать счастья за пределами родины. Факт — грустный, тяжелый, задуматься есть над чем». Эти раздумья, высказанные вслух, и составляют содержание передовой статьи. Автор мастерски, сжато, образно и ярко изложил драматическую историю герцеговинских восстаний всего на пяти страницах машинописного текста. Но от этой краткости нисколько не пострадала глубина анализа, скорее даже наоборот, так как по своему характеру статья являлась итоговой, обобщающей огромный фактический материал.

Значение герцеговинского восстания объясняется в статье в следующих словах: «Десять с лишним миллионов народа глядели на герцеговинское восстание как на симптом, предвещавший им свободу, а свободный человек едва ли может так увлекаться свободой, как человек поработенный. Перед глазами герцеговинцев, босняков, старосербов, болгар и австрийских сербов стоят две горстки независимых братьев (Сербия и Черногория); они каждый день, каждый час могут сравнить свое положение с положением в особенности сербов Княжества, рабство со свободой, а это обстоятельство, без сомнения, еще более усиливает тягость рабства».

Стоит сравнить содержание и фразеологию приведенного отрывка с тем, что писал на эту тему Жуёвич год тому назад в газете «Голос», как станет ясно, что мысли и их выражение в том и другом случае близки²⁸.

Объяснив причину восстания и его значение, автор переходит к изложению его хода. Делает он это умело и образно.

«Но вот раздается выстрел (первое восстание под руководством Луки Вукаловича. — В. К.), направленный против этого рабства; сердце южного славянина дрогнуло, народ — в недоумении; раздался другой выстрел (второе восстание Луки Вукаловича. — В. К.), третий — недоумение стало рассеиваться; снова выстрел, но уже с другого пункта (восстание черногорцев) — недоумение прошло и послышался голос: „В бой, в бой, кого слава крепит!“ (песня, сложенная кем-то в Сербии); дело стало ясным: началась кровавая резня».

Силы борющихся сторон были неравны. «Но... на стороне черногорцев и герцеговинцев было еще одно (кроме лютой ненависти к врагам. — В. К.) важное условие — самая крепкая надежда на Россию, в особенности на княжества Сербское». Таким образом, надежды были самые широкие. «Ими одними, — говорит автор, — и можно объяснить, откуда взялось у этого голого и нищего народа столько энергии, чтобы длить борьбу с турками полных два года». Но надежды не оправдались полностью. О позиции России автор предпочитает умолчать²⁹. Зато о Сербии и Черногории говорит подробно. «На Сербию, — пишет он, — черногорцы надеялись, как на самих себя, и в этом отношении вожди восстания ошиблись не менее предводимого ими народа». И причина этого — отнюдь не в отсутствии у Сербии желания помочь своим братьям (такое желание было, и автор это показывает),

²⁸ См. статью «Герцеговина» («Голос», № 239, 3.VIII (11.IX) 1864).

²⁹ В статье по этому поводу сказано следующее: «Правда, вожди герцеговинского восстания не столько надеялись на русское войско (они, пожалуй, его не ожидали), сколько на военные средства, которых ждали они от России, — именно на съестные припасы, ружья, порох, пули и деньги и на то влияние, которое, по их мнению, Россия могла иметь в этом случае на Европу, в особенности на Турцию. Войска регулярного они ждали от Сербии. Что же касается до остального народа, он ждал от России помощи, т. е. прямого вмешательства в турецко-герцеговинскую распрю».

а все в тех же злополучных «Сцилле и Харибде», обойти которые сербское правительство в силу своей политической близорукости никак не могло. «По мнению сербского правительства, — объясняет автор, — вмешиваться в черногорско-герцеговинские дела — значит поставить на карту страну, которая во всяком случае есть залог будущей свободы всех сербов. Однако же, — возражает он, — независимость Сербии вполне обеспечена европейским равновесием; автономия Сербии — звено (хотя и маленькое) в той цепи, которая поддерживает это равновесие. Оттого, пока существует последнее, автономия Сербии вне всякой опасности. Таким образом, для успеха южных славян необходимо, чтобы во главе сербского правительства стояли люди, более энергичные и лучше понимающие европейскую политику, чем те, которые были во главе сербского правительства во время черногорско-герцеговинского восстания и которые поныне остаются еще на своих местах» (выделено нами. — В. К.). Сколько раз в различных вариантах повторял Жуёвич эту мысль в своих статьях и корреспонденциях!

Что касается черногорцев, то они оправдали надежды герцеговинских повстанцев, но, к сожалению, пишет автор, заплатили за это. Слово «сожаление» употреблено в данном случае отнюдь не случайно. Оно имело двойкий смысл, который автор раскрывает в дальнейшем изложении. Во-первых, он с сожалением констатирует, что половина герцеговинского народа не принимала участия в восстаниях. Правда, он находит для этого объяснение: тяжело подниматься на борьбу народу, который долго угнетали. «Воинственные, да и всякие вообще порывы парализуются гнетом в самом их источнике, — пишет он, — раб нерешителен и не способен на риск, он труслив и дрожит не только в виду действительной, но даже и призрачной политической бури. К этому присоединилось и другое обстоятельство, которое также обуславливается рабством: мы разумеем внутренний раздор, рабскую зависть, стремление всякого стоять во главе» (и эта мысль, заметим в скобках, не раз варьировалась в произведениях Жуёвича).

Другое его сожаление, уже иного свойства, вызвали «нелепые и странные стремления черногорского правительства», которое поставило Никофора Дучича номинальным главой герцеговинских повстанцев, надеясь с его помощью присоединить в случае успеха Герцеговину к Черногории, «как ко второму, совершенно отдельному от Сербии, государству на юге славянском». Затем в качестве кандидата на пост предводителя явился третий герцеговинец, имени которого автор не называет, но считает его турецким шпионом и изменником. Так и зародились три кастрюли для одного неубитого зайца, о чем упоминалось выше.

«Все это видел герцеговинский народ, — заключает автор, — а потому не удивительно, что он со страхом смотрел на восстание своих земляков и не решался придружиться к ним. Не удивительно также, что восстание герцеговинское кончилось печально, оставив полную победу на стороне турок».

Анализ статьи показывает, что все симпатии автора на стороне Луки Вукаловича. Этот храбрый усюк долго противостоял всем невзгодам (как в своей дружине, так и со стороны Турции и Австрии), надеясь «преодолеть все препятствия и положить хоть один камень в основу герцеговинской свободы». Когда все средства были исчерпаны, он решил оставить родину и переселиться в Россию. «Любители сильных ощущений, вероятно, скажут, — говорит в конце статьи автор, — что лучше было бы, если б герцеговинский герой погиб, чем покинул родную страну; но если родине нельзя помочь в данное время и если невозможность эта доказана на факте, то человеку, употребившему тщетно столько усилий, чтобы помочь этой родине, нет никакого резона оставаться в ней только для того, чтобы храбро, но бесплодно умереть за нее».

Передовая статья «С.-Петербургских ведомостей» — «Лука Вукалович и герцеговинское восстание» — интересна еще и в том отношении, что служит наглядной иллюстрацией общности взглядов на рассматриваемый в ней вопрос редактора газеты и заведующего славянским отделом. Из дальнейшего изложения мы увидим, что так было не всегда, что появятся и расхождения в оценках, но случится это позже, в 1866 г. Что же касается 1865 г., то на основании двух разобранных передовых статей газеты можно прийти к выводу, что в это время имело место единство взглядов В. Ф. Корша и Ж. Жуевича по славянскому вопросу.

Все десять рассмотренных нами «белградских» корреспонденций прямо или косвенно были связаны с Сербией. Не составляют исключения в этом отношении и семь остальных, опубликованных в августе—октябре 1865 г. на страницах «С.-Петербургских ведомостей».

Правда, 11-я корреспонденция (№ 206, 11 (23). VIII 1865 г.) на три четверти посвящена Румынии, но при ближайшем ее рассмотрении оказывается, что все это понадобилось Жуевичу (корреспонденция датирована 29 июля и подписана инициалами «П. П.») для того, чтобы высказать свое мнение о возможных последствиях румынских событий для Сербского княжества. Свообразным эпиграфом к корреспонденции служат слова сербской песни, в которой царь Душан говорит: «Если дом соседа загорится, то поспеши тушить пожар, потому что и твой дом в опасности». «Эти слова, — продолжает автор, — невольно припоминаются каждому сербу, следящему за событиями, вызванными нашим ближайшим соседом, двусмысленным аболиционистом князем Кузой».

Представляет несомненный интерес, как и с каких позиций рассматривал сербский демократ румынские события, о которых тогда много и по-разному писали русские газеты, и какую он усматривал связь этих событий с положением дел в Сербии. Надо признать, что по этому вопросу взгляды Жуёвича отличались большой широтой и прозорливостью. Он подошел к оценке событий в Румынии с двух точек зрения — международной и внутренней. «Нельзя слегка смотреть на эти события, — писал он, — ибо они — следствия столкновений, во-первых, целого склада жизни молдовалахского народа с личной волей князя, а во-вторых, следствие столкновения самых крупных принципов, какие только знает история, — *принципов рабства и свободы*». История полна примерами такого рода столкновений, причем, чем дальше, тем их будет все больше. За спиной Молдовалахии стоит Турция, которая целиком держится на «ходулях рабства», а впереди — Австрия, Франция и Россия, за которыми зорко наблюдает Англия. Германия, по словам немецких газет, рассматривает вопрос о возможности присоединения дунайских княжеств. Европейская политика крайне шатка и непрочна. Достаточно одного выстрела в любом уголке Европы, и всеобщее смятение неизбежно. «Революция в Молдовалахии в один шаг выдвинет восточный вопрос, а вы знаете, — пишет корреспондент, — какими комбинациями опутан этот пресловутый восточный вопрос. Я всегда утверждал, что в разрешении его самую тяжелую роль должны играть южные славяне, ибо никто не терпит столько от неразрешения этого вопроса и никто более их не заинтересован в его разрешении! Но мало этого. Я осмеливаюсь сказать, что восточный вопрос благодаря тому, что он не разрешен в более благоприятное время, со дня на день все больше вступает в связь с другим вопросом, разрешение которого поведет за собой столько последствий, что и перечислить невозможно: я разумею вопрос мексиканский». Эту связь Жуёвич видел в том, что оба эти вопроса ждут своего разрешения. Не подлежит сомнению, что Мексика должна принадлежать мексиканцам, а не Габсбургам и «Наполеонидам». «Революция молдовалахская, если только она случится, — заключает Жуёвич, — несомненно, выдвинет восточный вопрос, а что революция эта весьма возможна, с этим согласится всякий, кто хоть поверхностно знаком с молдовалахскими делами».

По этой причине довольно большое место в своей корреспонденции Жуёвич отвел рассмотрению внутреннего положения Румынии. Ход его рассуждений сводился к следующему. До Кузы молдовалахские бояре были настоящими сатрапами. Боярское сословие обладало непомерным богатством и обширными правами. Олигархия терзала страну. До восшествия на престол полковник Куза слыл сторонником народа. Но он был беден. «Понятно, — пишет Жуёвич, — что, взойдя на престол, ему необходимо было или еще больше расширить права боярского сословия и поискать

в нем опоры для себя, или объявить войну этому сословию и опереться на народ. Куза не пошел ни по тому, ни по другому пути, а задумал сыграть в Молдовалахии роль Наполеона, роль двусмысленную: он, видимо, хотел обойти и бояр, и народ, но так, чтобы обе эти стороны не могли роптать против него».

Отношение автора к румынскому князю двойственно. С одной стороны, он приветствует начатую им борьбу с боярами, которых называет рабовладельцами и сатрапами, приветствует потому, что, наделив крестьян землей, князь так или иначе положил начало молдовалахскому прогрессу. С другой стороны, он резко осуждает князя за нерешительную и двойственную политику, в основе которой лежало не благо народа, а его личное тщеславие, желание стать неограниченным властителем. Поэтому произведенный им государственный переворот оказался делом крайне рискованным. По мнению Жуёвича, Кузе необходимо было сделать еще один шаг вперед — вместе с землей дать народу и свободу. Но он этого не сделал. «Куза слиберальничал, — замечает Жуёвич, — это правда, но, к несчастью, с задней мыслью, которая и поставила его в такое неловкое положение». Без поддержки народа престол зашатался и повис на волоске. «Надобно знать, — продолжал развивать свою мысль Жуёвич, — какими относительно громадными положительными силами владеют молдовалахские бояре и какую отрицательную силу доставляет им молдовалахский народ своим невежеством, чтобы понять, как ненадежны те солдатские штыки, которые только и может выставить против них молдовалахский князь». В этом сила бояр и бессилие князя. Такое положение чревато революцией. Жуёвич не говорит прямо, как следовало поступить князю в столь сложной ситуации, но иносказательно это выражено им в таких словах: «Никто так не благодарен, как народ, и никого нельзя так легко удовлетворить, как народ, покуда он не выведен из терпения, напротив, никто не отличается такой неблагодарностью, никто в такой степени не жаден, как каста или привилегированное сословие. Жадность последнего невозможно удовлетворить, и чем больше государь сулит ему прав, тем оно недовольнее, тем более оно ищет новых прав и тем шатче становится положение государя».

Как уже отмечалось, Жуёвича в первую очередь интересовали последствия возможной румынской революции для Сербского княжества. Этому вопросу посвящена заключительная часть 11-й корреспонденции. Напомнив о том, что между Кузой, сербским князем Михаилом и Николаем черногорским существует союз, он ставит такой вопрос: существует ли между ними какой-нибудь договор относительно современных внутренних беспорядков в княжествах? И отвечает: «Нет, ибо, — говорит он, — подобный договор в случае его исполнения повел бы к революции во всех княжествах, что в свою очередь повлекло бы за собой много дурных последствий для этих княжеств». В молдовалахскую революцию непременно вмешаются европейские державы. Но

Сербия (по причине несостоятельности — выражение Жуёвича — ее правительства) вряд ли вмешается в бурный водоворот событий, чтобы извлечь из них пользу для себя. «Сербия, — писал Жуёвич, — поставлена на точку политического замерзания и ожидать от нее какой-нибудь политической деятельности трудно». Другое дело — Черногория. «Последняя, несомненно, — говорит он, — воспользуется случаем, если Турция отвлечет куда-нибудь свои силы».

Корреспонденция завершается многозначительными словами: «Авось и нам, сербам, в таком случае удастся обнажить наши мечи...».

12-я и 13-я корреспонденции Жуёвича-«П. П.» («Ведомости», № 219 от 24 августа (5 сентября) 1865 г. и № 224 от 30 августа (11 сентября) 1865 г.) посвящены одному вопросу — разбору донесений английского консула в Белграде о тогдашнем состоянии Сербии.

В первой из этих корреспонденций, датированной 15 августа, автор в самом начале как бы мимоходом замечает, что «С.-Петербургские ведомости» получают в Белграде всего в одном экземпляре. Но зато читают их самые солидные люди — администраторы и литераторы. «Солидность вашей газеты, — пишет он, — а с другой стороны, солидность ее читателей, не позволяют мне относиться слегка к тем предметам, о которых мне приходится писать вам». И далее: «Что касается предметов, о которых мне приходится писать вам теперь, то я считаю нужным предварительно заметить, что я отношусь к ним со всею серьезностью, с какой только способен относиться к предметам, заслуживающим, по моему мнению, самого серьезного внимания». Сущность этого предмета, которому посвящены целых две корреспонденции, определена следующим образом: «Дело касается, — говорит автор, — мрачного настроения, овладевшего самой лучшей частью нашего общества — нашими искренними патриотами и вообще нашими мыслящими людьми, настроения, возбужденного еще более одним неожиданным событием. Я разумею донесения состоящего в Белграде английского консула о современном положении Сербии. Это факт весьма замечательный».

Интересно отметить, что об этом корреспондент узнал из газеты «Сербская свобода», которой, как известно, он посвятил специальную корреспонденцию — 9-ю по счету. Возникает вопрос: не с этим ли связаны «мрачные настроения» лучшей части сербского общества, заставившие его представителя — Владимира Йовановича не только изменить название своей оппозиционной газеты, издававшейся в Женеве, но и радикальным образом пересмотреть ее направление, что, как известно, вызвало резкий протест Жуёвича; не потому ли он придает этому факту такое большое значение?

Приведа пространную выдержку из донесений английского консула в изложении «Сербской свободы», автор замечает:

«Трудно нам, сербам, оставаться невнимательными к таким фактам, как донесение агента могущественной нации». В донесении английского консула содержались такие обвинения, которые, по словам Жуёвича, невольно вызывают вопрос: «Нельзя ли устроить эту страну как-нибудь иначе? Нельзя ли поставить ее на такую ногу, чтобы она служила на пользу европейскому прогрессу? Нельзя ли по крайней мере распорядиться с ней так, как распорядилась Европа с юной Грецией или Шлезвиг-Голштинией? Одним словом, положение Сербии не вменяет ли Европе в обязанность прямо вмешаться в ее дела и распорядиться в ней по своему благоусмотрению? Ведь подобные распоряжения не новость для Европы; на греческий престол посажен принц датский; на престол мексиканский посажен принц австрийский; герцогства Шлезвиг и Голштиния вчера были, а сегодня их уже нет. Что же, разве Сербия крепче этих стран и разве с ней нельзя распорядиться точно так же? Вопросы эти ставятся, так сказать, сами собой или, лучше, самим положением Сербии, как оно очерчено английским консулом в Белграде, и потому, если кому-нибудь, то уж скорее всего нам, сербам, необходимо отвечать на них».

Первой отреагировала на выступления английского консула редакция газеты «Сербская свобода». Жуёвича не вполне удовлетворил ответ газеты. Способ опровержения нападок английского консула (статистические выкладки относительно народонаселения Сербии в период рабства и после него) он нашел недостаточным и потому решил подойти к рассмотрению поставленного вопроса совсем с другой стороны.

«Я не оспариваю ни одного из показаний консула о современном состоянии Сербии, — писал он. — Но я не согласен с ним относительно тех выводов, которые приписывает ему редакция „Сербской свободы“ и которые, быть может, действительно сделаны самим английским консулом, т. е. я не согласен с тем, будто во всем этом виновата самостоятельность, свобода сербская, и что будто бы с возведением на сербский престол какого-нибудь иностранного принца или с окончательным присоединением Сербии к какому-нибудь государству выиграло бы все то, что теперь страдает под сербской автономией, точнее полуавтономией».

На вопрос о возможности посадить на сербский престол «какого-нибудь иностранного принца» Жуёвич отвечает отрицательно. «Об уступке какому-нибудь принцу престола сербского не может быть и речи, — говорит он, — потому что это было бы все равно, что отдать эту страну на жертву нескончаемых бунтов и революций, которые бы уничтожили ее навсегда. Никакая сила не спасла бы у нас чужого принца от народной ненависти».

Что касается другого вопроса — о возможности присоединения Сербии к какому-нибудь европейскому государству, то на него он также отвечает отрицательно, хотя и не абсолютно. Обоснованию этой оговорки в письме отводится настолько много

места, что автор не смог уложиться в рамки одной корреспонденции и вынужден был продолжить свои возражения английскому консулу в другой — 13-й. «Что Австрия рассчитывает на Боснию, Герцеговину и Албанию — это давно известно, — писал Жуёвич. — Не знаю я только, рассчитывает ли она на обладание Сербией». Факты говорят о том, что, «когда в 1858 году вспыхнула революция в Сербии (выделено нами. — В. К. Как видим, Жуёвич остается верен себе в отношении терминологии), австрийские полки в один миг очутились у самого порога Сербии»; то же самое повторилось и во время бомбардировки Белграда в 1862 г. И теперь многочисленные австрийские агенты в Сербии изо всех сил стараются вызвать беспорядки или революцию, как выражается автор. «Не без некоторого страха я решаюсь сказать вам, — пишет он, — что если князь Михаил не переменит внутренней политики своего правительства, то цель австрийских агентов будет достигнута». Жуёвич в какой-то мере оказался пророком, предсказав события, происшедшие в Сербии два года спустя. В предыдущей, 12-й корреспонденции есть такие слова: «Народ наш со дня на день все больше разочаровывается в князе Михаиле, а только это и нужно для того, чтобы повторились события 1858 года. (И они-таки повторились ровно через десять лет, заметим мы в скобках, хотя, правда, в несколько ином варианте). К этому направлены и другие, более прямые средства, но о них я умолчу. Для деятельности внутренних партий (династических, конечно. — В. К.) почва обрабатывается удивительно быстро. Князю нужно правительство, более популярное и менее полицейско-бюрократическое, иначе желание Австрии сбудется, и в Сербии вспыхнет революция».

Заслуживает внимания Post scriptum к 12-й корреспонденции, в котором говорится следующее: «Здесь очень недовольны моим письмом к вам, в котором я говорил о новом названии газеты „Сербская свобода“ и ее новом направлении (Речь идет о 9-й корреспонденции. — В. К.). Белградские корреспонденты этой газеты в душе положительно согласны со мной, но не сознаются явно. Они требуют, чтобы я сказал им, кто я таков, для того, говорят они, чтобы по моему имени они могли судить об искренности и беспристрастии моих суждений. Я готов удовлетворить их любопытство, но с тем, чтобы они объяснили печатно имена авторов неловких корреспонденций, помещенных в газете „La Liberté“». Конечно, автор не удовлетворил, да и не мог удовлетворить по причинам, нам теперь хорошо известным, этого любопытства. Кроме очень узкого круга лиц, знавших настоящее имя автора, скрывавшегося под псевдонимом «П. П.», для широкой сербской общественности и правительства Сербии имя Жуёвича так и осталось неизвестным. И только теперь, спустя сто лет, тайное, наконец, стало явным.

Как уже говорилось выше, 13-я «белградская» корреспонденция, датированная 19 августа, является непосредственным продол-

жением 12-й. Поскольку выводы, сделанные английским консулом, касаются политической жизни или смерти Сербии, то, естественно, говорит автор, они должны интересовать не только сербов, но и всякого мыслящего человека вообще. Факты, сообщенные английским консулом своему правительству, несомненны. А если так, то они не могли остаться незамеченными и представителями других европейских государств, аккредитованными в Белграде. «Итак, можно предположить, — заключает Жуёвич, — что отзывы всех официальных европейских агентов, проживающих в Белграде, относительно современного состояния Сербии в сущности одинаковы, т. е. одинаково неблагоприятны для Сербии». А одинаковые выводы по необходимости должны предполагать более или менее тождественные приговоры, опять-таки неблагоприятные для этой страны.

«В чем заключается причина этого зла?» — спрашивает Жуёвич. Ответ на это в том, о чем он говорил во всех своих письмах-корреспонденциях: «Сербия... дурно управляется». Сербская торговля плоха, финансы в дурном положении, умственный уровень народа низок, пресса, школы, гражданские свободы страшно стеснены администрацией, одним словом, Сербия переживает период политического младенчества. Для подтверждения всего этого автор не ограничивается примерами английского консула; он приводит и свои собственные: о характере Сербской скупщины 1864 г., о чем он так много писал в русской периодической печати в свое время, о Законе о скупщине 1858 г. и его отмене в 1861 г.

Такое нарочитое нагнетение отрицательных сторон в политической жизни Сербии первой половины 60-х годов XIX в., реальных, а не выдуманных³⁰, понадобилось в данном случае сербскому демократу для того, чтобы резко подчеркнуть свои возражения на выводы английского консула. Существование блестящих по форме и содержанию возражений изложено в заключительной части 13-й корреспонденции. Их значимость заставляет нас воспроизвести эти доводы в авторском изложении полностью, без сокращений.

«Однако ж, — замечает Жуёвич, — следует ли из приведенных английским консулом фактов, что Европа вправе вмешиваться в дела сербские с тем, чтобы лишить нас и той самостоятельности, которая признана ею за Сербией в нескольких международных договорах? „Сербия, — говорит английский агент, — мешает успеху европейского прогресса“. Но разве вся Европа, за весьма малыми исключениями, не мешает тому же прогрессу в его развитии? В чем заключается этот европейский прогресс? Свобода и материальное довольство всех. Какие средства необходимы для

³⁰ «Важность дела заставила меня заглушить в себе чувство патриотизма, — писал Ж. Жуёвич, возвращаясь к этой теме в 15-й корреспонденции («С.-Петербургские ведомости», № 249, 24.IX (6.X) 1865), — и посмотреть на дело беспристрастно, хладнокровно и строго. Читатели моих писем едва ли могут упрекнуть меня в пристрастии к Сербии».

достижения этой цели? Освобождение всех от всего того, что мешает свободной деятельности людей, — вот, по общему мнению, в чем заключаются все эти средства. Какие же государства ближе к цели прогресса? Вот где статистика получает очевидное, высокое значение³¹. Но на этот раз я освобожу читателей ваших от статистических цифр».

«Мы, образованные сербы, не пользуемся и сотой долей той свободы, которой пользуются англичане, но простой народ наш пользуется гораздо большей свободой, чем простой английский народ. Что это так — ссылаюсь на слова английского путешественника по Сербии г. Дентона³², который говорит в своих путевых заметках, что „всякий серб — джентльмен!“ Этого, положим, не отвергает и агент английский в Белграде, но он добавляет, что джентльменством этим сербы не умеют пользоваться. Это отчасти правда; но давно ли мы поступили в школу свободы? Всего пятьдесят лет. А действительно ли мы пользовались свободой хоть в продолжение этого времени? Нет, в действительности ее не было. Я спрашиваю, кто дальше нас, сербов, уходил при таком условии по пути прогресса в такое непродолжительное время? Я не отрицаю, что мы могли уйти и дальше, но что же нам мешало? Не то же ли самое, с одной стороны, что мешает и Ирландии шагать быстрее по пути прогресса, и, с другой — не то же ли самое, что мешало Англии в период господства Стюартов? Так скажут, быть может, блюстители прогресса, но потому-то Англия и призвала Вильгельма Оранского. На то была воля самих англичан, а потому, если и наша воля будет призывать кого-нибудь себе на помощь, то мы так и сделаем, а куда никому никакого дела до нас нет».

«Торговля, говорит английский консул, нет у нас. Это в значительной степени правда; но не англичане ли отстояли ту скалу, о которую разбивается всякое наше торговое предприятие? Не англичане ли заступились за белградскую крепость тогда, когда князь Михаил требовал, чтобы она была разрушена? Какая же торговля может процветать под жерлами неприятельских пушек, которые, как показало бомбардирование Белграда, могут во всякое время разразиться громом против не только торговли сербской, но и самой жизни сербов? ...».

«Несмотря на все вышесказанное, я от души желаю какой-нибудь затеи против нас со стороны Европы, ибо я убежден, что в результате затея эта принесла бы нам положительную выгоду. За это ручается нам европейская политика. Притом мы ведь не одиноки. ...».

³¹ Явный намек на неумелое использование статистики редактором «Сербской свободы» В. Ивановичем.

³² Напомним, что тема об английском священнике Дентоне и его «Путевых заметках» не раз обыгрывалась Ж. Жуевичем в русской периодической печати.

В «С.-Петербургских ведомостях» № 246 от 21 сентября (3 октября) 1865 г. появилась 14-я по счету корреспонденция «П. П.» Эта, как и три последующие (15-я, 16-я, 17-я), опубликованные в конце 1865 г., были помечены Белградом, но, в отличие от всех остальных, не имели даты. 14-я корреспонденция примечательна еще тем, что до некоторой степени приоткрывает завесу над планами Жуёвича на 1865 г. как заведующего славянским отделом газеты. «Особый случай, — говорится в самом начале письма, — заставляет меня оставить дела нашего княжества до поры до времени... несмотря на то, что я далеко еще не покончил с делами... Сербского княжества». Из этого можно заключить, что главной его задачей было по возможности исчерпать тему о Сербии, чтобы затем приступить к обзору других славянских земель.

Отступить от намеченного плана вынудили его дела «другой ветви сербского народа с несколько отличной исторической и совершенно отличной современной судьбой», а именно — дела герцеговинцев. Мы уже видели, как отреагировал Жуёвич на прибытие их национального героя Луки Вукаловича в Россию. Теперь он явно был недоволен тем, что сербы княжества мало уделяют внимания судьбе своих братьев. «Герцеговинцами мы интересуемся лишь тогда, — писал он, — когда они дерутся с турками, и только». Сербскую прессу больше занимали Америка, Мексика и Абиссиния, чем Герцеговина. «Вот уже полгода, — продолжал Жуёвич, — как я не встречал в наших газетах и двух строк о герцеговинских делах, несмотря на то, что там именно в нынешнее мирное время совершаются такие события, которые имеют для нас самое серьезное значение». Существо этих событий заключалось в том, что Турция по отношению к своим «подданным гяурам» стала действовать по европейской системе — политикой, а не плетью. «Турция, — пишет автор, — возымела намерение сделать для своих подданных совершенно такой же, какой издавна мы знаем Австрию».

Новый порядок был обусловлен последними герцеговинскими восстаниями и заключался во введении общинного самоуправления. Вся Герцеговина была разбита на общины или маленькие округа во главе с выборными старейшинами. Каждая община имела особый суд, непосредственно управлявший ее делами и собиравший подати с народа. Три округа (Зубчанский, Дробнянский и Пивлянский), более других отличившиеся в последнем восстании, получили право иметь своих окружных воевод и пандуров (блюстителей порядка), набираемых из местного населения. Таким образом, эти округа приобрели значительную автономию. «Общинное самоуправление, введенное турецким правительством в Герцеговине и ожидаемое во всех турецких областях на юге, — заключает автор, — могло бы иметь для Турции громадное значение. Только сумеют ли турки быть последовательными в этой политике? Австрия этим способом завоевала окончательно своих

подданных славян, но ведь одно дело Австрия, другое — Турция... Во всяком случае, — продолжал он, — общины герцеговинские — дело в высшей степени благое, потому что по крайней мере они дадут хоть какой-нибудь отдых утомленному народу».

В заключение Жуёвич пообещал ознакомить со временем своих читателей подробнее с этим новым порядком, полагая, что это дело «может иметь громадное влияние на весь Балканский полуостров и на судьбу самой Турции».

Вторая тема, затронутая Жуёвичем в 14-й корреспонденции, касалась сообщения газеты «Србобран» о намерении Луки Вукаловича переселить на Кавказ 2 тыс. герцеговинских семейств с тем, чтобы стать воеводой этой новой Герцеговины. Сербский демократ решительно выступил против этого. «До сих пор Лука Вукалович слыл у нас за человека, вполне преданного своей родине, — писал он, — если же приведенный нами слух не лишен основания, то он является честолюбцем, стремящимся удовлетворить свое тщеславие во что бы то ни стало». По мнению Жуёвича, этим актом знаменитый герцеговинский воевода только уронил бы себя в глазах как своих земляков, так и вообще всего южнославянского народонаселения, тем самым потерял бы всякую возможность к дальнейшей агитации.

Чем внимательней мы анализируем так называемые белградские корреспонденции за 1865 г., тем все больше убеждаемся в том, что им присуща определенная внутренняя логика. Их автор «П. П.» Жуёвич поставил своей целью осветить все стороны жизни Сербского княжества. С этой большой и трудной задачей он успешно справился, о чем свидетельствуют рассмотренные нами до сих пор корреспонденции. Сербский демократ пришел к выводу, что все несчастья Сербии проистекают от «дурного управления», от «политической несостоятельности» сербского правительства. Естественно и закономерно после этого поставить вопрос: как помочь делу? Каким образом искоренить это зло? Именно такой вопрос и ставится им в 15-й корреспонденции, помещенной в № 249 «С.-Петербургских ведомостей» от 24 сентября (6 октября) 1865 г. без даты и подписи. В отличие от всех остальных, три последние «белградские» корреспонденции за 1865 г. целиком посвящены изложению позитивной программы сербского демократа. В упомянутой 15-й корреспонденции речь идет о сербской скупшине, в 16-й и 17-й — о свободе печати и свободе критики, причем не только в их практическом, но и теоретико-философском аспекте.

В начале 15-й корреспонденции Жуёвич снова возвращается к вопросу о своей полемике с английским консулом, подчеркнув еще раз, что прогресс, на который ссылается английский консул, «требует от людей не крови, не войн и завоеваний, а самостоятельного развития каждой нации ее собственными силами». Для того чтобы Сербия могла успешно служить прогрессу и цивилизации, необходимы два условия: полное невмешательство Европы

в сербские дела и коренное изменение внутренней политики самой Сербии.

«Как же помочь делу?» — спрашивает Жуёвич. «Этот вопрос, — говорит он, — задаю не я, а сербская нация». Каждый серб на него отвечает по-своему. Но беда в том, продолжает он, что «нам не дают высказывать наших мнений по этому важному для Сербии вопросу». Пользуясь своим независимым положением, Жуёвич, исходя, как он пишет, «из совершенно законного основания», предлагает от имени сербов следующее средство для улучшения сербской администрации.

«Пусть князь соберет скупщину, которая бы вместе с ним и сенатом подвергла прежде всего строгой критике существующее сербское законодательство, а потом пусть на той же скупщине будет признано и утверждено, что на будущее время в законодательство сербское ничего не может быть вносимо или изменяемо в нем иначе, как с общего согласия трех факторов государственной власти. Необходимо также определить, каким образом будет получаться это согласие и что делать в случае разногласия. Последнее может быть только между князем и скупщиной или между сенатом и князем. Там же, где будут согласны князь со скупщиной, сенат должен быть заодно с ними *de jure*, однако ж ему никто не мешает заявить о своем несогласии следующей скупщине. На сенат можно возложить обязанность употреблять все усилия к соглашению князя со скупщиной там, где мнения их расходятся; в случае же неуспеха дело решает вновь собранная скупщина, состоящая на этот раз из 20 представителей от сел и 20 от городов, но так, чтобы на столицу пришлось три представителя. Скупщина должна быть организована следующим образом: каждая тысяча избирателей должна представить от себя одного депутата на скупщину, а избирателем может быть всякий сербский подданный, достигший 25-летнего возраста. Подача голосов должна быть тайная. Свобода выборов подразумевается сама собой. За нарушение этого правила необходимо назначить более или менее строгое наказание, которое должно падать на лица физические, а не юридические. Подкупы должны наказываться лишением политических прав на определенный срок. Каждый депутат должен получить от всех общин того округа, которого он является представителем, письменные прошения, в которых должны быть изложены требования этих общин. Особая комиссия, назначенная скупщиной из ее членов, обязана составить из этих прошений по одному прошению на каждый округ. Эти последние прошения должны быть все прочитаны в скупщине секретарем комиссии. Порядок прений должна установить сама скупщина. Прения должны быть свободны. Внутренняя полиция должна принадлежать самой скупщине. Министры могут присутствовать в скупщине не иначе, как в случае надобности, определяемой самой скупщиной. Президент, вице-президент, секретарь и пр. выбираются скупщиной из своей среды; члены скупщины

должны получать жалованье не от правительства, а от общин. Размер этого жалованья на первый раз должен быть определен сенатом, а затем первой собравшейся скупщиной. Назначенное жалованье должно быть обязательно, т. е. никакой депутат от него и ни в чью пользу отказаться не может. Время для начала выборов должно быть определено на первый раз сенатом, но во всяком случае они должны начаться за 6 недель до открытия заседаний скупщины и окончиться в продолжение месяца.

Собранная таким образом и с такими правами скупщина должна развить эти начала и внедрить их в новый закон, который по-прежнему пусть будет назван „Законом о Народной скупщине“. Этот закон необходим настолько же, насколько в Сербии нужно хорошее внутреннее управление. Скупщина должна точно определить свои отношения как к князю, так и к сенату, а равным образом и отношения двух последних между собой, но, повторяю, скупщина прежде всего должна рассмотреть, исправить и дополнить существующее законодательство. Она должна очистить его от всех тех произвольных статей, которые внесены в него, особенно в течение последних четырех лет. Статья, например, о чрезвычайном суде не должна иметь места в законодательстве. Когда такая скупщина будет собрана, Сербия возрадуется, а князь приобретет себе такого друга, который будет для него во сто раз надежнее многих других друзей. Этим другом у него будет весь народ сербский».

Конечно, заявляет Жуёвич, есть много и других средств, которые наряду со скупщиной могут поправить сербские дела. Однако, подчеркивал он в конце корреспонденции, без скупщины, реорганизованной на вышеизложенных началах, без ответственности министров перед ней в Сербии не может быть хорошего управления. Для того чтобы скупщина могла стать настоящей, а правительство — народным, предварительно необходимо расширить права сербской печати.

Вопросу о печати и ее положении в Сербии посвящены две последние корреспонденции за 1865 г., которые были опубликованы в октябре.

16-я корреспонденция за подписью «П. П.» была напечатана в № 275 «Ведомостей» от 20 октября (1 ноября) 1865 г. В ней содержится острая критика по сути дела тройной цензуры, которая существовала тогда в Сербии: правительственной, министерской и общественной.

Последняя, 17-я по счету, корреспонденция за подписью «П. П.» («С.-Петербургские ведомости», № 286, 31. X (12. IX) 1865 г.) являлась непосредственным продолжением 16-й и была также посвящена свободе печати. В начале ее Жуёвич еще и еще раз возвращается к вопросу о том, почему в Сербии нет свободной прессы, почему сербы наивно относятся к такой важной статье публичного права, как свобода обсуждений общественных нужд страны. «Возьмите какой угодно из общественных наших

вопросов, — пишет он, — и вы должны в каждом из них разойтись с правительственным взглядом». Сербский правительственный механизм, лишенный, по мнению Жуёвича, национальной и твердой основы, боится соприкосновения со всем, что «дышит духом основательной мысли», боится даже самой слабой критики. Но так долго продолжаться не может. Рано или поздно это соприкосновение произойдет, и чем раньше, тем лучше, так как общественное недовольство в Сербии растет не по дням, а по часам. «От правительства зависит остановить возрастание его, — писал Жуёвич, — в противном случае оно должно вылиться в самую сильную революцию, какая когда-либо совершалась в нашей стране».

В этой связи сербский демократ высказал глубокую философскую мысль о неодолимости общественного развития: «Нет той силы, которая могла бы остановить жизнь на пути ее развития, на пути ее стремления к лучшему. Разгадать эту жизнь в ее вечном и непрерывном стремлении, овладеть до некоторой степени этой силой, т. е. быть в состоянии умерять до известной степени ее часто весьма бурное течение, — для этого есть только один способ, представляемый самой же жизнью. Этот способ есть не что иное, как свобода выражения жизни. Жизнь начинается с мысли и идет рядом с выражением этой мысли, т. е. со словом, а поэтому слово и есть тот существеннейший и даже единственный признак, который служит ключом к уяснению жизни. Стеснять выражение мысли, т. е. слово, — самое опасное дело для всякого государства, для всякого общества и для всякого отдельного человека». Отсюда само собой напрашивается вывод, который в сущности и делает автор: без свободной прессы, без свободного обсуждения общественных вопросов Сербия не может развиваться по пути прогресса и быть «светочем цивилизации» для своих братьев, гибнущих во мраке иноземного рабства. Сербия князя Михаила Обреновича не в состоянии, по его мнению, выполнить свою священную обязанность по отношению к своим поработенным братьям — освободить их и руководить ими, если она окажется бессильной установить правильную государственную организацию на том небольшом пространстве, которое тогда занимала. Жуёвич призывал князя и его министров отбросить беспочвенные сомнения и страхи о возможных последствиях демократизации общественной и государственной жизни Сербского княжества. Это явствует из заключительных слов последней в 1865 г. и 17-й по счету его «белградской» корреспонденции: «Что за беда, если свобода прессы поколеблет наш административный механизм, когда это ничем и никому особенно не угрожает, — писал сербский демократ, — что за беда, если этот механизм будет разрушен до самого основания, когда на другой день у нас создастся новый, лучший механизм? Свобода прессы ведь не поколеблет же княжеского трона, а, напротив, еще больше укрепит его, а что она несколько растормошит нашу бюрократию, так от

этого страна наша нисколько не пострадает, а, напротив того, неизмеримо выиграет».

За ноябрь и декабрь 1865 г. на страницах «Ведомостей» больше не появилось корреспонденций, помеченных столицей Сербского княжества — Белградом. Славянский отдел газеты за эти два месяца себя почти не проявил³³, если не считать материала, напечатанного в № 320 газеты от 4(16) декабря 1865 г. в самом конце отдела «Внутренние известия» под названием «Сербские дела». Статья не имела подписи и какого бы то ни было указания на то, что это корреспонденция.

Для целей нашего исследования статья-рецензия под названием «Сербские дела» (что это рецензия, будет ясно из дальнейшего изложения) представляет несомненный интерес, поэтому содержание рецензии необходимо разобрать подробно, чтобы по возможности определить ее автора.

Статья начинается словами: «Вместе с выписываемыми нашей редакцией газетами мы получили, как бы в виде премии, небезынтересную брошюру под названием: „Последний Обренович и его правительство“». На основании этой фразы можно сделать по крайней мере два важных для нас вывода: 1) что редакция «Ведомостей» регулярно получала южнославянскую прессу, которая и являлась, как нам теперь хорошо известно, главным источником всех разобранных нами 17 корреспонденций, опубликованных в 1865 г. в газете заведующим ее славянским отделом Живоином Жуевичем; 2) что автором статьи «Сербские дела» был кто-то из членов редакции «С.-Петербургские ведомости». Но кто именно? Вероятнее всего тот, кто вел ее славянский отдел и к тому же на всем протяжении 1865 г. больше всего интересовался положением дел в Сербском княжестве. Содержание статьи должно либо отвергнуть, либо подтвердить такое предположение.

Автор брошюры, место и время ее издания не указаны в статье. Вполне возможно, что брошюра была анонимной, так как предметом ее, по словам автора рецензии, являлась «основанная на законодательных актах и на близком личном знакомстве с делом характеристика современных сербских порядков и главных виновников их». «Вся брошюра, — пишет далее автор, — есть весьма крупный протест, направленный против нынешнего сербского правительства». Главную ее мысль он определяет с помощью следующего двухпосыльного силлогизма: «Нынешний князь сербский с его правительством не годятся для Сербии, следовательно, нужно их заменить прежним, свергнутым князем (Александром Карагеоргиевичем. — В. К.) с его прежним правительством». Из этого явствует, что известный нам автор брошюры был сторон-

³³ Одним из наиболее вероятных объяснений этого обстоятельства могло быть то, что к этому времени Ж. Жуевич окончательно решил оставить Петербург и серьезно готовился к подведению итогов своей двухлетней деятельности на посту заведующего славянским отделом «С.-Петербургских ведомостей», о чем свидетельствовало письмо в Литфонд.

ником династии Карагеоргиевичей, который с помощью многочисленных сравнений доказывал преимущества правления князя Александра Карагеоргиевича перед правлением представителей династии Обреновичей — Милоша и Михаила. Однако в своем династическом рвении он допускает неточности, натяжки, а порой прибегает даже к прямым искажениям фактов. За это его критикует автор статьи-рецензии. Причем он высказывает свое собственное отношение к двум соперничающим княжеским династиям в Сербии: «Интересы народа, интересы целой страны, — пишет он, — для нас выше всяких частных интересов. Исходя из этого принципа, на вопрос, какая из двух княжеских сербских династий лучше и желательнее для сербского народа, мы на основании всего того, что мы знаем об этих династиях и о сербском народе, можем пока ответить, что обе они вели себя вполне одинаково в отношении к сербскому народу. Отношения их обеих к этому народу были до сих пор одинаково неудовлетворительны, чтобы не сказать больше».

Есть в разбираемой статье-рецензии место, которое уже не только в смысловом, но и в предметном отношении указывает на то, что ее автором был Жуёвич. Вот оно: «В 1865 г. бюрократы сербские ухитрились поправить жалкое состояние сербских финансов тем, что постройку всевозможных казенных зданий они сложили с обязанностей правительства и вменили в обязанность народу, мотивируя это тем, будто правительство считает эти здания не своим, а народным достоянием». Достаточно вспомнить 6-ю белградскую корреспонденцию («С.-Петербургские ведомости», № 133, 29. V (10. VI) 1865 г.), специально посвященную этому вопросу, и сравнить ее содержание с вышеприведенной цитатой, чтобы убедиться в том, что последняя могла принадлежать Жуёвичу.

Наконец, заключительная часть статьи, в которой говорится о том, что замена тогдашнего князя Михаила Обреновича прежним князем Александром Карагеоргиевичем ничего бы не дала сербскому народу, «потому что князь Александр вследствие своей малообразованности и бесхарактерности не может стать в иное положение и отношение к сербскому народу, чем стоял прежде», затем упоминание о перевороте-революции (типичная терминология Жуёвича), который угрожал Сербии и о котором много писалось, в частности в последних «белградских» корреспонденциях, — все это дополнительно говорит в пользу того, что автором статьи-рецензии «Сербские дела» был Живоин Жуёвич.

Итак, мы рассмотрели вопрос о сотрудничестве Ж. Жуёвича в газете «С.-Петербургские ведомости» за 1865 г.³⁴ Настало время подвести некоторые итоги.

³⁴ Подробнее см.: В. Г. Карасёв. Написи Живоина Жуёвича у руским листовима 1864. и 1865. године. «Токови револуције. Зборник историјских радова», VII. Београд, 1971, стр. 319—393.

1865 г. был самым плодотворным в творчестве сербского публициста за весь период его пребывания в России. Только в «Ведомостях» им было опубликовано 23 оригинальных материала, не считая информации, переводов и компиляций, общим объемом 5,5 авторских листа. А если к этому прибавить статью «Сербское село» в майском номере журнала «Современник» за 1865 г., то упомянутый объем возрастет до 8 авторских листов.

Примечательно, что из 23 оригинальных материалов 17 приходятся на корреспонденции, 3 — на рецензии и 3 — на статьи. Таким образом, корреспонденции являлись главным жанром в журналистской деятельности Жуёвича за 1865 г. И это не случайно. Задавшись целью всесторонне осветить положение дел в тогдашнем Сербском княжестве, Жуёвич избрал этот жанр как наиболее отвечающий тем задачам, которые он поставил перед собой. Благодаря такому журналистскому приему получилась настоящая летопись всех важнейших событий в Сербском княжестве за 1865 г. Сербия князя Михаила Обреновича предстает перед взором читателя во всем многообразии ее тогдашней жизни. Автор корреспонденций не холодный, бесстрастный хронист, а зоркий и вдумчивый наблюдатель, который оценивал все события и факты через призму своих демократических взглядов. В его творчестве отчетливо звучат социальные мотивы. Наряду с критикой сербской действительности он излагает свою программу реформ общественно-политического строя тогдашней Сербии. Эти обстоятельства ставят его своеобразную хронику Сербии первой половины 60-х годов XIX в. выше исторических сочинений по этому периоду сербских буржуазных историков³⁵, что позволяет считать Живоина Жуёвича зачинателем нового демократического направления в сербской буржуазной историографии, которое развил и поднял на более высокую ступень выдающийся сербский революционный демократ и социалист-утопист Светозар Маркович в своей книге «Сербия на востоке»³⁶.

Исчерпав тему о Сербии, Жуёвич как заведующий славянским отделом газеты задумал осветить тогдашнее положение других славянских народов. Серьезная подготовка к этому важному делу еще в конце 1865 г. позволила ему за короткий срок, в течение января—февраля 1866 г., в «Славянских обозрениях», опубликованных в «С.-Петербургских ведомостях», через призму своих демократических взглядов рассмотреть почти весь славянский мир.

³⁵ С. Јовановић. Друга влада Милоша и Михаила. Сабрана дела, књ. VI. Београд, 1933; Жив. Живоновић. Политичка историја Србије у другој половини деветнаестог века, књ. I (1858—1878). Београд, 1923.

³⁶ С. Марковић. Србија на истоку. Нови Сад, 1872.

СЛАВЯНСКИЕ ОБОЗРЕНИЯ Ж. ЖУЕВИЧА 1866 г.

С начала 1866 г. на страницах «С.-Петербургских ведомостей» появилась новая рубрика — «Славянское обозрение». На протяжении первых двух месяцев под этой рубрикой газета опубликовала 9 материалов. Два из них имели подпись «Серб», остальные были анонимными.

Естественно, возникает вопрос: чем было вызвано такое внимание ежедневной петербургской газеты к зарубежным славянским народам именно в это время? Серьезные объективные причины вроде бы отсутствовали. В конце 1865 г., равно как и в январе-феврале 1866 г., не было ни войн, ни восстаний, в которых принимали бы участие зарубежные славяне; даже вечный восточный вопрос ничем особым себя не проявлял.

Ответ следует искать в субъективном факторе. До отъезда из Петербурга славянским отделом «Ведомостей» заведовал Живоин Жуёвич. Покидая Петербург, он хотел подвести итоги своей двухгодичной деятельности. Следствием этого желания и были девять вышеупомянутых «Славянских обозрений», напечатанных газетой за весьма короткий отрезок времени — с 3 (15) января по 28 февраля (12 марта) 1866 г.

Характер материалов и обстоятельства их появления в печати вынуждают нас рассмотреть эти интереснейшие произведения сербского публициста с особой тщательностью, причем не только по содержанию, но и с точки зрения авторства, ибо, как отмечалось выше, подавляющее их большинства (семь из девяти) не имело подписи.

Первая статья в серии «Славянских обозрений» была напечатана на первой странице № 3 «С.-Петербургских ведомостей» от 3 (15) января 1866 г. Она была анонимной и начиналась следующими словами: «Едва ли не нам первым приходится поздравить „Славян могучий род“ с новым 1866 г., потому что „День“ как еженедельная газета окончил свое существование». Уже по первым строкам можно безошибочно определить авторский почерк Живоина Жуёвича. Последующие две фразы еще больше убеждают в этом. В них говорится: «Пожелаем же славянам всех земных благ и сторицей больших успехов, чем какие оказали они

в истекшие два года (время, когда Жуёвич возглавлял славянский отдел „Ведомостей“. — В. К.). С этим приветствием мы обращаемся ко всему вообще „Славян могучему племени“, хотя имеем преимущественно в виду славян южных и юго-восточных, т. е. болгар и сербов»¹.

О БОЛГАРИИ И БОЛГАРАХ

Свой первый обзор Жуёвич посвятил общей характеристике тогдашнего положения юго-восточных славян, уделив преимущественное внимание болгарам. «Тяжело даже вспомнить о прожитом этими двумя народами в продолжение истекшего 1865 года...», — писал он.

Отвечая на вопрос, что сделали южнославянские народы, имеющие, по словам автора, «все право на наше к ним сочувствие», для своего освобождения в 1865 г., Жуёвич еще раз определил свое отношение к рабству вообще. «Не признавая рабства в принципе, отвергая со всею силою убеждения справедливость правила, будто „народ, не выбивающийся и даже не помышляющий выбиваться из оков рабства, достоин его“, — писал он, — мы тем не менее, хотим возвестить, что сделали сербы и болгары, чтобы освободиться из-под тяготеющего над ними ига. Это по крайней мере покажет нам, близко ли и как близко время их освобождения».

Спору нет, в условиях многовекового рабства энергия южнославянского племени сильно ослабла. Это справедливо для всех славян. Но нельзя не видеть и того, что «там, где турецкий гнет развертывался сильнее, где давление было продолжительнее и население турецкое было сравнительно многочисленнее населения славянского, — утверждал Жуёвич, — там больше чахла и природа южнославянская». Этот свой вывод автор обозрения подкрепляет конкретными примерами. Почему дух болгар более всего убит на славянском юго-востоке? Потому, что Болгарию давили и давят турки и греческие фанариоты. Кроме того, болгары ближе всего к турецкому центру. В таком же положении находились старосербы и босняки, правда, у последних фанариотов с успехом заменило католическое духовенство. Несколько иное положение герцеговинцев, среди которых турок сравнительно немного, а фанариотов, исключая старшего епископа, совсем нет. Поэтом, заключает Жуёвич, «если герцеговинский народ и гибнет во мраке и невежестве, то все же он является более свежим и более других энергическим южнославянским народом». Совсем иная картина наблюдалась в Черногории, народ которой никогда не был под рабским игом, «а потому нравственный колорит черногорский совершенно иной: здесь народ вовсе не пал духом». И, наконец, сербы княжества. По мнению Жуёвича, их положение было наиболее благоприятным. Следы рабства здесь, правда, заметны, говорит

¹ «С.-Петербургские ведомости», № 3, 3 (15). I 1866.

он, но сербский народ имеет все средства, нужные для того, чтобы сгладить их окончательно.

Мы подробно остановились на этой общей характеристике положения южных славян, чтобы, во-первых, лишний раз убедиться в том, что именно Жуёвич не раз высказывал такого рода мысли в разное время и по разным поводам (это служит доказательством, что первое «Славянское обозрение» за 1866 г. принадлежит его перу²), а во-вторых, чтобы не возвращаться к этим сюжетам в дальнейшем, при анализе последующих обозрений.

Вторая половина рассматриваемого обозрения целиком посвящена Болгарии и болгарам.

Судя по болгарской прессе, говорит Жуёвич, болгар в последнее время более всего занимали два вопроса: народное образование и уния. К сожалению, замечает он, «ни болгарские, ни другие, иностранные, газеты не дают нам верных сведений о ходе того и другого, т. е. народного образования и унии».

В свете такого заявления небезынтересно проследить, как сербский публицист смотрел на эти вопросы, как их оценивал и к каким выводам пришел в плане той общей задачи, которую он поставил перед собой в начале обозрения: что делали и что сделали в данном случае болгары в минувшем 1865 г.?

Начнем с народного образования. «Долг обязывает нас сказать, — заявляет Жуёвич, — что в этом отношении болгары многим обязаны России. Россия доставила Болгарии за последние десять лет, может быть, несколько десятков дельных, молодых, образованных и энергичных людей, душой и телом преданных своей родине, ее интересам и неудачам. Школы, открытые этими людьми в Болгарии при всевозможных трудностях, пошли с большим успехом, и народное образование в них шло до 1865 г. весьма хорошо. Народ болгарский отнесся к этим школам даже лучше, чем можно было ожидать». В Константинополе, Одессе, Вене и других городах возникли всевозможные болгарские общества для оказания помощи молодым болгарам в получении образования за границей.

Но в 1865 г. народное образование в Болгарии встретилось с таким препятствием, которое, по мнению автора обозрения, может надолго задержать его дальнейшее развитие. Этим препятствием стала новая административная реформа в Турецкой империи — создание больших наместничеств, объединяющих по несколько областей (пашалыков). Вся Болгария вошла в Рушукское наместничество. В новые административные и судебные органы, создаваемые реформой, наряду с турками, получили право доступа и болгары, правда, в качестве «служительского элемента». Казалося бы, что лучше подобной политики со стороны Турции для

² Подробнее об этих доказательствах см. статью: В. Карасёв. Анонимни чланици Живојина Жујовића у «Санкт-Петербуржским ведомостима». «Историјски записи», година XXII, књ. XXVI, № 1. Титоград, 1969, стр. 95—133.

болгар и быть не может. Но на деле выходит далеко не то. «Во-первых, над каждым из участвующих в этом порядке болгар висит турецкий ятаган; во-вторых, для выработки хороших деятелей, полезных не для того, у кого они состоят в услужении, а для себя и для своих, нужны свои особые условия, а не такие, какими владеет Болгария».

400-летнее рабство болгар дало о себе знать. «Как только поставлены были стулья вокруг турецкого бюро и болгарам позволено было занимать их, интеллигенция болгарская опрометью бросилась в новооткрытые турецкие учреждения, обещая служить орудием в развитии турецкой цивилизации». Последствия всего этого были самые плачевные: школы подвергнуты строжайшему надзору, преподавание в них болгарской истории запрещено, ограничен ввоз в Болгарию русских книг, над прессой установлена цензура, наряду с газетой «Время» появился орган болгарских туркоманов — газета «Турция».

Что касается вопроса об унии, то здесь автор был предельно краток. Он не соглашается с мнением некоторых газет, будто стремление к унии за последнее время совсем прекратилось в Болгарии. Напротив, описанные выше причины снова открыли двери для нее в этой стране. При покровительстве иностранных консулов и до некоторой степени турецкого правительства движение за унию, или папизм, усиливается. Если к сказанному добавить, что и фанариоты под эгидой турецкого правительства беспощадно угнетают болгарский народ, то положение поработанного народа делалось поистине невыносимым. «Кто же и что остается на стороне невежественного, угнетенного болгарского народа? — вопрошает Жуёвич. — Небольшой процент болгарской интеллигенции и только! Бедная Болгария!»

Так прошел 1865 г. для Болгарии. Кое-что было сделано для улучшения ее участи, но затем, после турецких реформ, опять все изменилось в худшую сторону. За последствиями возникающих перемен автор обещает следить и сообщать о них своим читателям. «Остальные южные славяне, — писал он, заканчивая свой первый обзор, — будут предметом следующих статей нашего обозрения».

Между первым и вторым «Славянскими обозрениями» вклинились два материала: статья под названием «Сербский бюджет на 1866 год» и библиографическая заметка о пятом томе сборника сербских песен В. С. Караджича. Первый был напечатан в № 4 «Ведомостей» от 4 (16) января 1866 г., второй — в № 5 от 5 (17) января 1866 г. Хотя статья не имела подписи, а заметка была подписана псевдонимом «Серб», и хотя оба материала не были непосредственно связаны со «Славянскими обозрениями», тем не менее не представляет большого труда определить их автора. По нашему мнению, им был Ж. Жуёвич³.

³ Там же.

О СТАРОЙ СЕРБИИ, БОСНО-ГЕРЦЕГОВИНЕ И ЧЕРНОГОРИИ

Второе «Славянское обозрение» было напечатано в № 10 газеты от 10 (22) января 1866 г. на первой странице, сразу после иностранных телеграмм. Как и первое, оно было посвящено общей характеристике поработанного славянства в Турции и, как и первое, не имело подписи. Но если в первом «Славянском обозрении» в центре внимания обозревателя находилась Болгария, то во втором уже — Старая Сербия, Босно-Герцеговина и Черногория.

Подчеркнув в самом начале еще раз ту мысль, что положение всех поработанных славян в Турции в общих чертах тождественно, автор замечает далее, что если и существует при этом какая-нибудь разница, то она обуславливается особенностями самих поработанных, прежде всего степенью их возрождения. «Так, — говорит он, — удары новой турецкой политики не будут, конечно, одинаково чувствительны в собственной Болгарии и в тех областях, которые еще южнее Болгарии, например, в областях, прилегающих к Эгейскому морю, или в Албании, потому что в этих последних царит полный мрак и полный застой, тогда как Болгария уже вступила на путь возрождения».

В этом смысле он усматривает некоторое сходство между Болгарией и Старой Сербией. Несмотря на то что «родина королевича Марко и большинства других сербских героев, так превосходно воспетых в сербских элегиях», продолжает пребывать в состоянии мрака и невежества, тем не менее в Старой Сербии за последнее время наблюдается некоторое пробуждение в народе, нашедшее свое выражение в развитии школ и в желании просветиться. С большим пиететом говорит автор об одном благодетеле из старосербов: «Мы не можем не воспользоваться этим случаем и не заявить нашего глубокого сочувствия одному из старосербов в Киеве — Сими Игумену Призренцу, оказавшему столь важные услуги несчастной своей родине, открывшему на собственный счет школу в Призрене, снабдившему на свой же счет Старую Сербию несколькими учителями и сделавшему так много для старосербских церквей и школ вообще».

Вторым немаловажным фактором, способствовавшим до некоторой степени улучшению положения Старой Сербии, являлось заметное сокращение мусульманского населения на ее территории. «Мусульманское народонаселение убывает в европейской Турции более чем в арифметической прогрессии», — утверждает автор. По его мнению, это сильнее всего подрывало основы Турецкой империи. Этот факт первым заметили англичане, и, возможно, именно они посоветовали турецкому правительству восполнить убывающее мусульманство путем переселения черкесов с Кавказа в европейскую Турцию. То, как говорит автор о черкесах в этой связи, является почти повторением слов Жуёвича в одной из «белград-

ских» корреспонденций за 1865 г.⁴, что служит еще одним доказательством того факта, что «белградские» корреспонденции и «Славянские обозрения» писал один и тот же автор.

«Греческие фанариоты, — говорит Жуёвич, заканчивая свой краткий обзор Старой Сербии, — сосут грудь старосербского народа почти так же, как и грудь народа болгарского, хотя и не с таким остервенением. Все эти обстоятельства должны, конечно, сильно помешать возрождению старосербов, но остановят ли они его окончательно — это еще вопрос».

Переходя к Боснии и Герцеговине, Жуёвич отмечает, что по новой системе турецкого управления эти две славянские области составляют теперь одно наместничество. В обеих этих областях новая система проявилась в том, что турецкое насилие получило ныне характер медленного, на манер европейского, систематического угнетения слабых. Пострадало в первую очередь народное образование. В 1865 г. администрация наместничества приняла решение уничтожить все книги, находившиеся в сараевской библиотеке, и запретить преподавание в школах сербской истории и некоторых других предметов; всякие сношения босняков с Сербским княжеством рассматриваются как государственные преступления. «Любопытен мотив, — пишет Жуёвич, — высказанный турками при постановлении такой резолюции: „Знаете ли вы, господа, — воскликнул в собрании турок, — что сделал во Франции образование? Оно произвело французскую революцию. Если так, что же станется с нами, если мы не остановим распространения образования среди чуждой и враждебной нам расы? Они станут к нам в такое отношение, в каком ныне мы находимся к ним!“». Если к сказанному добавить, что за последнее время государственные повинности возросли почти вдвое, что с населения обеих областей по-прежнему стали взysкивать пресловутый долг греческим епископам за предшествующие годы, то всего этого будет более чем достаточно, «чтоб понять все ужасы, испытанные в минувшем году герцеговинско-боснийским населением», — заключает Жуёвич. Он обращает внимание на то, что вышеупомянутая турецкая резолюция до сих пор не объявлена в Герцеговине. «Можно поручиться, что первая попытка привести эту резолюцию в исполнение вызовет новое восстание герцеговинцев». А почему? Да все по той же причине, которую Жуёвич неоднократно приводил в своих статьях и очерках о Герцеговине, в том числе и в белградских корреспонденциях за 1865 г., и снова повторил во втором «Славянском обозрении»: «Герцеговинский народ самый цельный из всех поработанных турецких подданных, — говорит он. — Это — народ храбрый, чрезвычайно способный и притом численно далеко превосходящий турок в Герцеговине. Возрождение здесь продвинулось дальше, нежели в Боснии.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», № 67, 16 (28). III 1865.

Ясно, что по отношению к ней политика турецкая должна быть очень осторожна».

В конце второго обозрения Жуёвич рассмотрел положение в Черногории. Состояние дел в этой маленькой свободолюбивой и героической стране вызывало тревогу и озабоченность у сербского публициста. «Постоянная нужда в насушном хлебе и административный произвол внутри страны, видимо, тянут Черногорию к гибели, — писал он. — Внешние условия несколько не изменяются к лучшему для Черногории, а, напротив, становятся для нее все более опасными, в то время, когда в самой Черногории дела клонятся все к худшему. Лагерь черногорский как будто разлагается с тех пор, как князь Даниил I повел его по пути псевдоевропейскому. Здоровые новые элементы здесь не подрастают, старые же пошлеют, изнашиваются. Внутренние неурядицы заставляют многих черногорцев выселяться, а всякое уменьшение народонаселения в Черногории губительно для нее».

Жуёвич ратует за тесное сближение Черногории с Сербским княжеством. «Обе эти страны, — говорит он, — крайне нуждаются друг в друге, и их тесный союз одинаково выгоден для обеих. Сербия должна протянуть руку Черногории, последняя же пожать ее с братской любовью». Сербский публицист предлагает в качестве первого шага к сближению решить вопрос о пограничной полосе, разделяющей два княжества и населенной племенем васоевичей. По его мнению, Россия, Франция и Италия остались бы в выигрыше от соединения Сербии с Черногорией. Он считал, что такое соединение должно стать первой задачей для обоих княжеств, в противном случае «Черногория очень легко может сделаться добычей Австрии, Турции, а в таком случае и положение Сербии сделает еще более шатким».

Во втором «Славянском обозрении» есть несколько мест, которые почти текстуально совпадают с белградскими корреспонденциями 1865 г. Не менее важно подчеркнуть и наличие непосредственной связи второго обозрения с первым, свидетельствующей о том, что их писал один человек. Об этом говорит следующий отрывок из разобранного «Славянского обозрения»: «...Болгары имеют несколько своих обществ с весьма крупными капиталами в Константинополе, Одессе, Вене и других городах. Насколько, кроме того, болгары обязаны России своими школами, об этом мы уже говорили» (подчеркнуто нами. — В. К.).

О СЕРБСКОМ КНЯЖЕСТВЕ И ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ

Третье «Славянское обозрение» («С.-Петербургские ведомости», № 16, 17 (29). I 1866 г.) целиком посвящено Сербскому княжеству. Как и первые два обозрения, оно не было подписано. Но этого мало. В третьем обозрении автор довольно откровенно пытается выдать себя за русского. Есть в конце обозрения такой абзац: «Образование в Сербии распространяется довольно туго,

преимущественно от того, что ненасытная бюрократия до сих пор поглощает всю интеллигенцию (sic! — знакомый мотив Жуёвича. — В. К.). Замечателен, однако, — продолжает автор, — для нас, русских (подчеркнуто нами. — В. К.), тот факт, что в то время, как у нас восторжествовал, наконец, классицизм, сербское правительство превращает старые и открывает новые *реальные* гимназии, официально называя их „реалками“. Относя сказанное в нашей газете (выделено нами. — В. К.) по поводу наших реальных гимназий (выделено нами. — В. К.) к сербским, мы не считаем нужным распространяться на этот раз по этому вопросу. Факт совершился, и мы можем лишь радоваться ему»⁵. Прием отнюдь не новый. Мы с ним уже встречались при рассмотрении материалов славянского отдела газеты за 1865 г. И на этот раз объяснение этому факту может быть только одно — желание автора славянских обзоров скрыть свое настоящее имя от сербского правительства. Как помнит читатель, в канун отъезда из Петербурга этот вопрос для Жуёвича был далеко не праздным.

Третье «Славянское обозрение» весьма примечательно во многих отношениях. В нем Жуёвич как бы подводит черту своим занятиям, наблюдениям и раздумьям, связанным с его родиной, ее настоящим и будущим. На этот раз он, как никогда, откровенен в своем желании поставить все точки над «i», уравновесить как плохое, так и хорошее, что он писал о Сербском княжестве, объяснить, почему он так поступал и к каким в конечном итоге выводам пришел в канун своего отъезда из России. Сознание того, что это, возможно, последнее выступление о миллой его сердцу Сербии и ее славном народе на страницах русской периодической печати, заставило сербского демократа особенно тщательно формулировать каждую свою мысль, взвешивать каждое слово, отшлифовывать каждое предложение.

Обозрение открывается многозначительной фразой о том, что «Княжество сербское — это страна, на которую более всего возлагают свои надежды южные славяне, в особенности же сербы, в Старой Сербии, Боснии и Герцеговине». Эту мысль Жуёвич неоднократно подчеркивал в своих статьях и корреспонденциях о Сербии. Она является лейтмотивом и третьего обозрения; только на этот раз раскрывается полнее и всестороннее. Почему поработанные сербы так смотрят на Сербское княжество, почему его успех считают своим успехом и, наоборот, почему их народное чувство имеет на это, как выражается автор, «полное рациональ-

⁵ Это место в обозрении редакция «С.-Петербургских ведомостей» снабдила следующим примечанием: «Да, если рядом с реальным образованием открыты и свободные пути к классическому. Ред.». Таковым было первое, пока что безобидное, расхождение редакции «Ведомостей» с обозревателем славянских земель. Вскоре между Ж. Жуёвичем и редакцией возникнут серьезные противоречия в оценках некоторых явлений гораздо более принципиального характера.

ное основание»? Да потому, отвечает Жуёвич, что «сила и бес-силлие Княжества сербского одинаково важны и для этих сербов в такой же степени, как и для сербов княжества, потому что свобода Княжества сербского есть залог будущей свободы всего сербства. Иначе Княжество сербское, — говорит он, — было бы вопиющей иронией по отношению к народной свободе вообще и к свободе сербского и болгарского народа в частности».

Жуёвич выражает твердую уверенность в том, что рано или поздно южные славяне освободятся от иноземного ига. Ручательством тому служит их твердая вера в силу разума и справедливости. После освобождения эти народы, по его мнению, могут хотя бы временно образовать единое государственное целое. «Болгария, — добавляет он, — может сделаться и самостоятельным государством на том пространстве, которое занимала она до порабощения ее турками».

Могут спросить: сумеют ли южные славяне должным образом воспользоваться обретенной свободой? Жуёвич, не колеблясь, отвечает на этот вопрос утвердительно и в качестве доказательства правоты своего мнения дает характеристику внутреннего и внешнего положения южных славян.

С точки зрения внутренних отношений, «за это ручается достаточно и один тот факт, — говорит он, — на который мы обращали до сих пор главное внимание (очевидно, имеются в виду два первых обозрения. — В. К.). Мы говорим о стремлении южных славян к просвещению. Раб, стремящийся к просвещению там, где рабовладельцы видят в этом стремлении сигнал к освобождению рабов или, что то же, к собственному падению, сигнал к уравнению раба с его господином и даже более того, — поясняет он свою мысль, — такой раб не должен оставаться в рабстве и не останется в нем, такой раб не употребит во зло своей свободы».

С точки зрения внешних условий, «нынешние порабощенные южные славяне, — по мнению Жуёвича, — находятся в гораздо более выгодных условиях, нежели при которых находились сербы княжества до их освобождения: первые уже успели выработать гораздо больше элементов цивилизации, нежели сколько было их у сербов до их освобождения. И однако ж разве княжество сербское злоупотребило своей свободой?» — задает он вполне резонный вопрос.

Далее Жуёвич подробно объясняет свое отношение к Сербии, к ее прошлому и настоящему, как бы отчитываясь перед своими читателями за то, что он писал о ней прежде. Все это, конечно, слишком важно для нас и, безусловно, заслуживает, чтобы воспроизвести авторский текст полностью.

«Мы никогда не скрывали тех зол, от которых страдало и страдает Сербское княжество, напротив, мы обнаруживали их всегда, так что, пожалуй, нас скорее можно было заподозрить в некоторой неприязни к этому княжеству. И если вслед за тем мы отзываемся сочувственно о сербах княжества, то делаем это

потому, что признаем обязательным воздать всему должное. Если и правда, что Сербия терпела и теперь много терпит от многих зол, это еще не значит, что в ней ничего нет хорошего. Сербия 50 лет тому назад и теперешняя Сербия отличны, как небо от земли. В общем своем колорите она выиграла настолько, что серб, живший лет 50 тому назад, не узнал бы ее теперь. В статьях наших о Сербии (в том числе, разумеется, и в известных белградских корреспонденциях. — В. К.) мы до сих пор относились к ней с такими требованиями, с какими относимся ко всем вообще образованным государствам. Однако ж никто не скажет, что в общем эти последние не умеют пользоваться свободой. Короче, относясь к сербам критически, мы более всего указывали на то, что в ней есть дурного, оставляя все доброе в стороне, как не заслуживающее порицания и не нуждающееся в наших похвалах (выделено нами. — В. К.). Совсем другое дело, когда мы хотим оценить современную Сербию по отношению к умению пользоваться свободой, когда мы сравниваем Сербию, 50 лет пользовавшуюся еще и не полной свободой, а полусвободой, с Сербией, в продолжение четырехсот лет угнетаемой позорным рабством. Да и самые недостатки, терзавшие и терзающие донныне Княжество сербское, обуславливались, что мы не раз повторяли (выделено нами. — В. К.), по большей части введением в Сербию тех начал, за которые у себя горой стоят почти все образованные европейские государства, — следовательно, тем, что Сербия стремится устроиться по коренным и господствующим началам этих государств. Мы осуждаем эти начала, тем более имели право осуждать дурные последствия их в Сербии — стране, которой мы желаем устроиться лучше. Так, если в Сербии стесняется Народная скупщина, народное правительство, не то же ли самое видели и видим мы в самых цивилизованных европейских государствах? Если в Сербии усиливается бюрократия, то она еще сильнее в Австрии и во Франции — странах, конечно, цивилизованных».

Уже в этих последних фразах процитированного отрывка слышатся знакомые мотивы известных нам произведений Жуёвича. Эти мотивы звучат еще более отчетливо в последующем тексте третьего обозрения, где объясняется, почему в Сербии плохая торговля (вспомним две белградские корреспонденции за 1865 г., в которых сербский демократ горячо полемизирует с выводами английского консула в Белграде). «Имея основание ждать во всякую минуту, — пишет Жуёвич в третьем обозрении, — повторения подобных событий (речь идет о бомбардировке турками Белграда в 1862 г. — В. К.), не обязана ли Сербия быть постоянно на военной ноге, не забывая ни на минуту, что она в осадном положении? Что, кроме деспотизма, может процветать в подобной стране? Когда общество сербское протестует против полицейского гнета, то правительство сербское обыкновенно только указывает на турецкую крепость».

Кроме уже знакомых нам сюжетов о торговле Сербии, Жуёвич вводит в свое обозрение новый факт. Он обращает внимание читателей на положение города Ужице — чрезвычайно важного пункта для сербской торговли, который до последнего времени был «гнездом янычарско-турецких орлят». Из этого он делал вывод, что турки укреплялись не только вокруг, но и внутри Сербии. Он снова выражает свое недовольство тем, что сербское правительство согласилось уплатить 450 тыс. руб. серебром за уступленные турками после событий 1862 г. крепости, расположенные внутри Сербии.

Историческую задачу Сербского княжества и ее народа Жуёвич определял следующим образом в конце третьего обозрения: «Задача Сербии велика, и от ее решения зависит само бытие Сербии как государства самостоятельного. Она должна быть готова подать помощь поработенным сербам и стать во главе их; она должна соединиться со всеми сербами и жить с ними одной жизнью. Ее полусвобода в то время, когда остальное сербство гибнет в рабстве, без стремления с ее стороны освободить его на каких бы то ни было условиях, по нашему мнению, было [бы] ужаснее всесербского рабства. На европейском горизонте события чередуются и, подобно густым тучам облаков, видимо, собираются, чтобы потом разразиться, может быть, в такой же степени, как во время наполеоновских войн. Сербия должна быть готова встретить подобную грозу, потому что иначе она легко может заплатить за свою оплошность».

Жуёвич коснулся вопроса о развитии сербской литературы, но, не имея возможности подробно остановиться на этом важном предмете, ограничился обещанием вернуться к нему в другой раз.

Всего через неделю после третьего обозрения, в № 24 от 24 января (5 февраля) 1866 г., появилась четвертая статья «Славянского обозрения» «С.-Петербургских ведомостей». Она была напечатана на первой странице, сразу после заграничных телеграмм, на месте передовой статьи. Как и первые три обозрения, статья не имела подписи, но на ее связь с уже разобранными нами материалами «Славянских обозрений» указывает сам автор в начале статьи: «Прежде чем мы перейдем с нашим обозрением к славянам западным, образующим в количественном отношении главный элемент в общем составе Австрийской империи, мы должны еще несколько остановиться на славянском юго-востоке, на тех народах, которые были предметом трех первых статей в нашего обозрения» (выделено нами. — В. К.).

Четвертое «Славянское обозрение» завершает рассмотрение юго-восточных славян. Оно целиком посвящено их внешнеполитическому положению, различным аспектам восточного вопроса. «Несмотря на свое современное ничтожество, в которое ввергла их судьба, несмотря на всю свою загнанность и вековое отстранение от участия в исторических судьбах человечества, — пишет автор, — юго-восточные задунайские и засавские славяне своим

отношением ко всем прочим европейским народам особенно интересны для всякого политически образованного человека, а тем более для людей, следящих за политикой вообще. Тут начинается „восточный вопрос“».

Уже не первый раз в своей журналистской деятельности в России Жуёвич обращается к восточному вопросу. На этот раз он разбирает его еще шире и глубже, применительно ко всем славянам Османской империи. «Да, „восточный вопрос“ — это не местный, не восточный лишь вопрос, — говорит он в самом начале, — а вопрос общеевропейский, вопрос, затрагивающий, хотя и не с одинаковой силой, интересы всех вообще европейских народов, вопрос, разрешение которого должно отразиться на всей Европе». Вместе с тем Жуёвич подчеркивает, что в первую очередь самым прямым и непосредственным образом восточный вопрос касается юго-восточных народов, образующих Турецкую империю.

Государственную и политическую организацию тогдашней Турецкой империи автор характеризует как «совершенный анахронизм», как «исключение из общеевропейского политического порядка», форму «без собственного внутреннего содержания», «политическую фикцию». Почему же тем не менее она существует в таком виде почти столетие? — спрашивает он. Ответ не нов — благодаря политической поддержке, оказываемой ей почти всеми европейскими государствами, это первая и главная причина; униженность, порабощенность и невежество ее населения — это вторая, второстепенная причина.

«Для чего же, спрашивается, нужна Европе Турецкая империя? — рассуждает Жуёвич. — Для того, отвечает европейская политика, чтобы не нарушалось политическое равновесие. Это общеевропейский ответ. Есть еще и ответы частные. Для того, говорят англичане, чтобы мы не лишились сбыта продуктов нашей промышленности на турецких рынках, с одной стороны, и вывоза дешевых сырых материалов из Турции в Англию, с другой. То же самое в свою очередь говорит и французское правительство. Для того, говорит Австрия, чтобы с падением Турецкой империи не пошатнулись основы Австрийской, чтобы на счет Турции не простерлось в теперешних ее владениях владычество русское и чтобы Австрия не лишилась выгоднейшего сбыта продуктов своей промышленности на соседственных ей рынках придунайских княжеств и крайних северо-западных оконечностей Турецкой империи». Далее, Австрия считает себя соперницей русских на счет завладения прилегающими к ней областями Турецкой империи, ибо, полагает Австрия, чем долее будет сохраняться «европейское равновесие», тем более будет усиливаться ее влияние в южнославянских землях и тем более шансов при удобном случае овладеть хоть некоторыми южнославянскими землями. Но усиление Австрии невыгодно для Италии и Пруссии, как неприятно, с другой стороны, для всей Европы усиление России на счет Турции. «Вот та, по-

истине адская сеть, — заключает Жуёвич, — в которую запуталась по отношению к Турецкой империи европейская политика! Вот что главным образом обуславливает рабство более десяти миллионов народа на европейском юго-востоке! Европейский мир с благородным негодованием отзывается о рабстве негров, но в то же время держит в оковах рабства в Европе же — более десятка миллионов белых!»

В заключительной части четвертого «Славянского обозрения» сербский демократ коснулся трех вопросов: 1. Почему западно-европейская политика боится русского влияния на юго-востоке и насколько это оправдано? 2. Что делать с турками в Европе после разрешения восточного вопроса? 3. Как долго продержится постыдное рабство южных славян?

Со времени Крымской войны, говорит Жуёвич, отвечая на первый вопрос, на Западе не перестают говорить во всеуслышание, что «Россия всю силу своего могущества стремится отодвинуть свои границы далее к югу и юго-западу...», что это ее стремление есть следствие «прямого политического миссионерства». Само собой разумеется, утверждает он, что русское влияние чрезвычайно сильно на юго-востоке. «Болгары возлагают свои надежды на Россию больше, чем на самих себя. То же самое можно сказать и обо всех сербах вообще, за исключением разве сербов австрийских. Однако ж при этом надо отличать простые от образованных слоев в среде южнославянского народонаселения. Образованные слои по отношению к России находятся в полном разладе со своей средой: простой народ на юго-востоке изумительно предан России; просвещенный же слой этого народа скорее смотрит в другую сторону⁶. Болгары, впрочем, довольно пестры в этом отношении. Здесь есть много образованных людей, почти вполне разделяющих чувства простого народа к России и все они воспитанники разных русских учебных заведений». Но такое отношение, продолжает Жуёвич, нисколько не опасно для Европы, потому что, наряду с преданностью юго-восточных славян к России, у них есть еще большая преданность к самим себе. «Именно мысль о самостоятельном бытии юго-восточных славян более всего и связывает последних с Россией. Чувствуя свое бессилие для завоевания своей самостоятельности собственным мечом, народы эти ждут и крепко надеются, что Россия, как страна им родственная и в то же время столь могущественная, подаст им помощь и что одна только Россия и может подать им помощь» (выделено нами. — В. К.).

Вопрос о турках, проживающих в Европе, по мнению Жуёвича, может быть решен очень просто: «Если они живут теперь в Европе рядом с юго-восточными славянами, — говорит он, — то ни-

⁶ Об этом писал Ж. Жуёвич в статье «Наши отношения к русским».

чего не мешает им жить там же и от сих пор. Пусть будут только иные их отношения к ныне поработенным юго-восточным славянам и румынам; пусть турки живут на свой счет, а славяне — на свой, и вопрос разрешится простейшим и лучшим образом».

Что касается третьего и последнего вопроса, то на него автор четвертого «Славянского обозрения» отвечает, безусловно, положительно, неколебимо веря в конечную победу национально-освободительного движения турецких славян. «С одной стороны, прошедшее юго-восточных славян, — пишет он в заключение, — с другой — характер борьбы сербов княжества за свободу и их освобождение, войны герцеговинцев, босняков, черногорцев с турками, готовность болгар стать под сербское знамя, лишь только последнее столкнется с турками, как это доказано в 1862 г., свидетельствуют, что на юго-востоке славянском рабству приближился конец. „Молодые крылья“, действительно, подрастают, и лишь только закричат и полетят балканские орлята, свобода осенит Балкан во что бы то ни стало. Остановить их на пути начатого развития нельзя, стало быть лучше уж помогать им на этом пути, — утверждал Жуёвич, имея в виду политику и дипломатию Западной Европы, — чтобы ровное течение этого развития не помутилось и, как всегда в подобных случаях бывает, не разлилось далеко за пределы собственного русла»⁷.

Трезвый и вдумчивый анализ международного положения турецких славян в середине 60-х годов XIX в., особенно в плане перспектив их освободительного движения, позволил сербскому демократу предсказать конечный результат упорной многолетней борьбы южнославянских народов за свою свободу. Не пройдет и десятилетия, как с небывалой силой разразится самый глубокий за все время существования восточного вопроса балканский кризис, в результате которого большинство юго-восточных славян с помощью и при прямой поддержке России обретут свою национальную независимость.

О СЛАВЯНАХ В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В последний день января 1866 г., в № 31 газета напечатала пятое по счету «Славянское обозрение». Оно имело подпись «Серб» и начиналось такой фразой: «Познакомив читателей с славянами, непосредственно и прямо подчиненными туркам, переходим к славянам, подчиненным немцам и притом только австрийским немцам». На основании этих слов, а также начала четвертого обозрения мы с полным основанием можем отнести аноним «Серб» ко всем пяти статьям «Славянского обозрения». Выше уже не раз отмечалось, что этим анонимом чаще всего в своей журналистской практике в России пользовался Жуёвич. Пятая статья «Славянского обозрения», помимо подписи, имеет еще

⁷ Явный намек на возможность революционного взрыва на Балканах.

одну особенность, а именно — порядковый номер, обозначенный римской цифрой IV. Возможно, это опечатка, так как «Славянское обозрение» в № 31 «Ведомостей» было пятым по счету, возможно, что две статьи из числа уже рассмотренных нами, посвященные Сербскому княжеству, Жуёвич посчитал за одну. Во всяком случае это первая и единственная статья из всех «Славянских обозрений», которая имела порядковый номер. В остальных восьми обозрениях подобная нумерация отсутствовала.

В соответствии с обещанием свое пятое обозрение Жуёвич посвятил западным, точнее австрийским славянам. «Славян в Австрии — тьма тьмушая...», — пишет он. Если взглянуть со славянской точки зрения на Австрийскую империю, то прежде всего бросается в глаза, что над всеми составляющими ее элементами (славянами, венграми, итальянцами и румынами) «носится один дух, одна идея, и этот дух — немецкий, эта идея — немецкая». Громадное, подавляющее большинство чуждых немцам элементов в империи, по выражению обозревателя, «падает ниц» перед могучей силой «всепроникающего, всеоживляющего и всевидящего» немецкого духа. Этот дух уgomнил крутую натуру фанатического венгра, выдрессировал грубую славянскую натуру, поборол хитрого и пылкого одновременно итальянца.

Переходя к характеристике отдельных групп австрийских славян, Жуёвич в пятом обозрении специально останавливается на положении в империи сербов. За исключением далматинцев, все остальные австрийские сербы входили в состав земель венгерской короны. «Фактически никаких „земель венгерской короны“ не существует, — пишет он, — потому что в Австрийской империи одна действительная корона, именно корона Габсбургов, принадлежащая ныне императору Францу-Иосифу. Но *de jure* она существует, как и было заявлено движением народов „венгерской короны“ во время известной венгерской кампании 1847—1849 годов». Тогда перед австрийскими славянами во весь рост встал вопрос — примкнуть ли им к венграм или к Габсбургам? Как известно, он был решен в конечном счете в пользу Австрии. Между венграми и австрийскими сербами началась ожесточенная борьба. Последним помогали волонтеры Сербского княжества во главе с сенатором Стефаном Кничаниным. Время после 1848 г., по мнению Жуёвича, нисколько не изменило неприязненных отношений между этими двумя народами. «Только сербская интеллигенция в Австрии, — замечает он, — ступевала до известной степени в себе эту ненависть, как бы не обращая внимания на то, как относятся к сербам венгерцы». Среди сербской интеллигенции в Австрии остаются те же политические партии, которые возникли в период бурных событий 1848 г.: «„мадьяроманы“, габсбургоманы, партия народная и, наконец, клерикалы». Среди них за последнее время наиболее влиятельной становится, прежде незаметная, народная партия, возглавляемая адвокатами Милетичем и Черновицем. «Эти люди, — пишет обозреватель, — дей-

ствительно душой и телом преданы народному делу; главные предметы их забот — народная воля и народное образование». Это и понятно, ибо привилегии, дарованные сербам в момент их переселения в Австрию в конце XVII столетия, «никогда не осуществлялись на деле и не могли осуществляться, пока девизом *внутренней австрийской политики было систематическое давление и дрессировка на австрийский лад всех элементов, образующих Австрийскую монархию*». В подтверждение своих слов автор приводит случай с сербским «конгрессом», который после столетнего перерыва был, наконец, созван в 1863 г. «Оказалось, что министр Шмерлинг точно для того и позволил сербам австрийским собраться на „конгресс“, чтобы посмеяться над всеми их привилегиями». В последнее время, после падения министерства Шмерлинга, продолжает Жуёвич, обстоятельства как будто изменились к лучшему для всех австрийских подданных, в том числе и для сербов. На смену шмерлингову централизму пришла децентрализация. Новый курс министерства Белькреди («славянина по происхождению, но немца по политическим убеждениям», как характеризует главу правительства Жуёвич) был прокламирован известным сентябрьским манифестом; стали созываться всевозможные сеймы, и «жизнь австрийских народов закипела как никогда».

Высказывая свое собственное мнение касательно последствий нового политического порядка, провозглашенного австрийским правительством для империи в целом, Жуёвич в пятом обозрении писал следующее: «Лично мы (т. е. пишуший эти строки) сильно сомневаемся в долговечности этого порядка, признавая полную резонность за неблагоприятным для нынешнего австрийского правительства ответом австрийских немцев на сентябрьский манифест. Я думаю, — продолжал он, — что логически и до конца выдержанная децентрализация ведет к распадению и, стало быть, к падению Австрийской империи скорее, чем самая строгая централизация. Вне централизации Австрийская империя держится на культурном превосходстве австрийских немцев перед другими австрийскими народами. Децентрализация в Австрии, как и везде, должна поднять культурный уровень всех австрийских народов и все более приближать его к уровню немецкой культуры; идея народности должна в свою очередь все более разъединять разноплеменные группы населения. Когда границы этих групп определятся точно в сознании и потребностях народов, тогда придется либо признать их законными, либо объявить народности войну и снова, хотя и поздно, ухватиться за централизацию».

Но не только это предвещает скорое падение министерства Белькреди. Отношения венгров с империей, по мнению Жуёвича, выдвигаются здесь на первое место. Этот вопрос заслуживает нашего самого пристального внимания, так как из-за характера его освещения возникли серьезные разногласия между составителем славянских обозрений, с одной стороны, и редакцией «С.-Пе-

тербургских ведомостей», с другой. Вот как оценивал его Жуёвич: «Венгры, — писал он, — хотят быть связаны с немцами лишь одною личностью общего императора и вне этой личной связи быть полными хозяевами в „землях венгерской короны“. В конце концов, при этом дуализме венгров теперешняя Австрийская империя должна уступить место империи Венгерской либо распаться на две независимые монархии: австрийскую и венгерскую. Мысль эта, очевидно, еще решительнее первой опрокидывает министерство Белькреди. Мало того, венгерский дуализм ведет прямо к повторению событий 1848 года». Развивая эту мысль, сербский демократ пришел к выводу, с которым решительно не согласилась редакция «Ведомостей». А вывод этот следующий: «На „землях венгерской короны“ венгры знать не хотят никаких других национальностей, кроме одной, венгерской» (выделено нами. — В. К.). Венгры, таким образом, заключал Жуёвич, оказываются дуалистами лишь по отношению к немцам, будучи в то же время на обширном пространстве «„земель венгерской короны“ самыми яркими централистами».

Дело в том, что в очередном, № 32, т. е. через день после опубликования пятого «Славянского обозрения», в рубрике «Новейшие политические известия» газета подробно остановилась на разборе адреса венгерского сейма. Давая в целом адресу положительную оценку, газета подчеркнула мысль, что дальнейшая судьба Венгрии будет больше всего зависеть от политической мудрости самих венгров.

В № 33 от 2 (14) февраля 1866 г. редакция посвятила этому вопросу специальную передовую статью под названием «Австрия и Венгрия», а в № 35 от 4 (16 февраля) снова вернулась к нему, на этот раз для того, чтобы выразить свое несогласие с автором «Славянского обозрения», опубликованного в № 31 газеты. Если говорить кратко, то суть возражений редакции своему сотруднику сводилась к следующему. Адрес, обсуждающийся теперь венгерским сеймом, позволял, по мнению редакции, думать, что печальная ошибка 1848 г., когда даже Кошут ратовал за введение венгерского языка в Хорватии в качестве официального, не будет повторена Венгрией. В адресе выражена готовность вступить в переговоры с Хорватией «как нация с нацией», т. е. на началах равенства. Конечно, заявляет редакция, от слов до дела еще далеко, но вместе с тем она склонна думать, что «горький, тяжелый опыт не прошел даром для венгерцев и что о будущем венгро-славянского вопроса нельзя судить исключительно по прежней истории его».

Опираясь на воспроизведенные в статье параграфы адреса венгерского сейма, редакция решительно заявила, что она «никак не может согласиться с составителем „Славянского обозрения“ (в № 31 нашей газеты), что „венгерцы на землях венгерской короны знать не хотят никаких других национальностей, кроме венгерской“ (выделено

нами. — В. К.), и напечатали эти слова только как выражение одного из мнений, господствующих между южными славянами».

Жуёвич, ознакомившись с такого рода возражениями редакции газеты, сотрудником которой он был на протяжении двух лет, не считал возможным принять их и написал пространное «Письмо к редактору», в котором отстаивал свою точку зрения, чем вызвал еще более острую полемику. Это письмо вместе с ответом на него редакции в форме передовой статьи под заглавием «Венгры и славяне» было опубликовано в № 48 газеты от 18 февраля (2 марта) 1866 г. В промежутке между 35 и 48 номерами газеты Жуёвич успел поместить два очередных (шестое и седьмое) «Славянских обозрения», посвященные Чехии и Моравии.

О ЧЕХИИ И МОРАВИИ

Шестая статья «Славянского обозрения» была напечатана в № 37 газеты от 7 (19) февраля 1866 г. и имела подзаголовок «Чехия с Моравией»; седьмая (№ 44, 14 (26) февраля 1866 г.) являлась прямым продолжением шестой и не имела никакого подзаголовка. Обе были анонимными.

Статья о чехах начиналась таким любопытным абзацем: «Обзору современного движения чехов мы считаем нужным предпослать кратчайший исторический очерк чешско-моравского народа. Делаем это ввиду того, что большинство читающих знает лишь про одно существование чехов да про племенную славянскую семью, к которой они принадлежат. Что же касается характера этого народа, его прошедшей и настоящей жизни, внутреннего быта, отношений прежних и современных к народам, его окружающим и т. д., про все это у нас (sic! — еще один случай, где автор выдает себя за русского; выделено нами. — В. К.) ведают крайне мало, а большинство почти ничего. Никому и никакого упрека этим мы не делаем, исключая разве наших (выделено нами. — В. К.) ученых славистов». Поскольку сербский публицист впервые прямо и непосредственно обратился к характеристике положения чешского народа, он и считал необходимым дать краткую историческую справку о Чехии и Моравии.

В соответствии с принятым планом первую статью он посвятил историческому развитию чешского народа с древнейших времен до Белогорской битвы 1620 г.; предметом второй была история Чехии и Моравии за два с половиной столетия, прошедшие после упомянутой битвы.

В самом начале первой статьи о чехах сербский публицист выделяет важнейшие обстоятельства, игравшие определяющую роль в историческом развитии этой западной ветви славянских народов. Он указывает на два из них. Во-первых, изолированность с самого начала Чехии и Моравии от других славянских земель, что имело, по его мнению, «решительное влияние на судьбу чехо-моравов». Во-вторых, влияние римской цивилизации, лишившей

самородный чешский элемент возможности саморазвития и творчества. «Упорство, оказанное чешским элементам по отношению к этой роковой притягательной силе, усилие его развиваться самостоятельно и из своих собственных жизненных соков исчерпывает всю историю чехо-моравов до новейших времен», — утверждал Жуёвич. Характер этого сопротивления обуславливался внутренней жизнью чехо-моравов, их политическим и социальным строем. Касательно этого последнего Жуёвич говорит, что он «с самого начала государственной жизни чехо-моравов был такого свойства, что не только открывал доступ всякому более или менее сильному влиянию в Чехию и Моравию, но еще и сам в себе не имел достаточно жизненных сил; он был основан на политической и экономической неправде, на традиции, с одной, и рабстве, с другой стороны; это был тот самый строй, который составлял характеристическую черту всех средневековых обществ».

Историю чешско-моравского народа до Белогорской битвы Жуёвич разделил на четыре периода: независимое существование Чехии до Болеслава Храброго; период вассальной зависимости (XI—XIV вв.); гуситское движение и, наконец, послегуситский период, завершившийся полной потерей независимости страны в 1620 г. Каждому из этих периодов он дал краткую, но вместе с тем емкую и образную характеристику.

Вторая статья «Славянского обозрения», посвященная чехам, отвечала на вопрос: что выработала Чехия за последние два с половиной столетия после Белогорской битвы? Ответ был неутешителен. По мнению сербского демократа, «в этот длинный, мрачный, полный ужасов период» чешская мысль, так долго скованная цепями Габсбургов, сделала весьма немного. «Панство проходит через все фазы чешской истории, — говорит он в самом начале статьи. — Его не стерла сила Габсбургов и папизма, как это сделал мусульманский меч на всем пространстве современной европейской Турции. Напротив, Габсбурги с папами всегда поддерживали его в Чехии, как и в Моравии. Сила гуситства не могла ничего сделать с ним, а чешские табориты мало-помалу совсем были уничтожены тяжелою панскою рукой (хотя, конечно, с помощью габсбургских штыков). Таким образом, — заключает Жуёвич, — двухвековая подчиненность чехов Габсбургам легла всею своей тяжестью на низшие слои чешского народа и нисколько — на высшие» (выделено нами. — В. К.).

Ну, а если поставить вопрос так: что должна была выработать чешская мысль, чтобы решить главную историческую задачу своего народа, чего можно было от нее ожидать? По крайней мере три вещи, отвечает Жуёвич. «По отношению к внутреннему строю Чехии — идеи равенства политического, по отношению к онемечиванию чехов — идеи чешской народности, наконец, по отношению к габсбургской политике, габсбургскому гнету — сознания, что этой политике и этому гнету необходимо про-

тивоействовать всеми наличными чешскими силами» (выделено нами. — В. К.). Под этим углом зрения и с этих позиций Жуёвич и рассматривает историю Чехии за два последних столетия.

По поводу первой проблемы (политического равенства) сербский демократ замечает, что ею чехи никогда не занимались. Что касается систематического, твердого и неусыпного противодействия онемечиванию, то к нему «чехи как будто сделались совершенно неспособными», — замечает он. Сравнение в этом отношении с венграми, к которому прибегает Жуёвич, оказывается явно не в пользу чехов. Коварный австрийский конституционализм накрепко сковал чехов, сделал их пассивными. Чего стоит, к примеру, теперешнее сильное рвение чехов к уравниванию в правах чешского и немецкого языков? «Как ни важно это уравнивание для чехов, — говорит Жуёвич, — оно, с общей точки зрения, является довольно наивным требованием. Иное дело было бы, если б чехи захотели совсем изгнать из чешских школ немецкий, как язык чуждый. Но ведь они этого не добиваются... Вся беда в том, — продолжает он, — что чехи выпрашивают помянутые права для своего языка, как милостыню, как нищий выпрашивает грош...». Справедливость своих слов Жуёвич подкрепляет таким конкретным примером: «Мы говорили выше о том, как добиваются чехи уравнивания прав их языка с языком немецким. Между тем ответ императора на адрес чешского сейма был торжественно прочитан председателем того же сейма и в самом сейме на немецком языке».

В заключение коснемся третьей проблемы — о противодействии габсбургскому гнету. «О Чехии, как стране вполне самостоятельной, независимой, — писал Жуёвич, — писатели чешские даже не мечтают. Одни мечтают о слиянии чехов со славянами; другие — с Венгрией; третьи, наконец, требуют лишь более разумного и облагораживающего соединения с Австрией. На всех этих стремлениях лежит, очевидно, печать национального измельчания и малодушия, а потому они, во всяком случае, не настолько могучи, чтобы потянуть за собой какую-нибудь значительную силу. Овладеть умом чешской нации они не могут».

Сербский демократ прекрасно понимал, что его чешское обозрение не понравится чехам. Об этом он прямо и открыто заявил в конце второй статьи. Но что же делать? «Пусть чехи, — писал Жуёвич, — представят нам лучший материал (выделено нами. — В. К.) для характеристик; мы воспользуемся им с благодарностью, а пока чешские дела представляются нам вовсе неутешительными».

Но так ли уж безнадежно положение чехов и моравов, как может показаться при чтении обзора Жуёвича? Возможно ли еще поправить дело, имелись ли силы в чешском народе, способные дать этот «лучший материал»? Без тени колебаний, как демократ, никогда не терявший веры в жизненные силы чешской нации, Жуёвич отвечал на этот вопрос положительно. Силой, способной

возродить Чехию, не могла быть аристократия, ею должен стать народ, только простой чешский и моравский народ! «Для этого, — писал он в своем втором чешском обозрении, — нужна народная идея, которая бы затронула душу и того чеха, который теперь пашет поля и помышляет лишь о пропитании своего бедного семейства. Мы думаем даже, что только пробуждение этой уничтоженной массы чешского народонаселения может поднять Чехию. Эта масса еще не отупела, есть еще в ней частица той искры, которая так очаровательно блистала в Чехии в период гуситства; надо освободить ее от насевшего на нее пепла, и она заблестит снова».

Не менее примечательно и другое место из разобранный статьи, в которой сербский демократ, пусть вполголоса, намеками (он не мог не считаться с условиями цензуры, правительственной и редакционной!), но все же высказывает свои сокровенные мысли, которые можно назвать программой действия для чешских демократов. «Любовь к образованию здесь (в Чехии. — В. К.) развита так, что нельзя без наслаждения смотреть на вечерние народные собрания, когда в них происходит чтение периодических изданий чешских и немецких. В этих собраниях рядом с чешскими простолюдными нередко встречаются и чешские герои 1848 года (sic!), к которым чехи относятся с глубоким и самым нежным чувством уважения (выделено нами. — В. К.). Невольно подумаешь, что могло бы стать с этими народными чешскими собраниями при появлении нового Гуса!»

ПОЛЕМИКА Ж. ЖУЕВИЧА С РЕДАКЦИЕЙ «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

В № 48 от 18 февраля (2 марта) 1866 г. «С.-Петербургские ведомости» напечатали упоминавшееся выше пространное «Письмо редактору» и столь же пространный ответ редакции на него под условным названием «Венгры и славяне». Poleмика между «обозревателем дел славян юго-западных» газеты и ее редакцией — явление исключительное, заслуживающее самого пристального внимания. И дело не только и даже не столько в том, чтобы выяснить, кто был прав в возникшем споре (хотя и это не лишено интереса). Важно другое: полемика позволяет выявить идейные, классовые позиции сторон в славянском вопросе сербского демократа Живоина Жуевича, с одной стороны, и ее редактора, русского либерала В. Ф. Корша, в руках которого находилась газета с 1863 по 1875 г., — с другой. До этого между редакцией и ее сотрудником как будто не возникало разногласий относительно принципиальных позиций в освещении зарубежных славян на страницах газеты; более того, за время сотрудничества Жуевича в газете имел место случай, отмеченный нами, когда редакция поручила ему написание передовой статьи, что могло лишь

свидетельствовать о наличии единства взглядов. Это обстоятельство позволяет предположить, что материалы славянского отдела газеты, по-видимому, не подвергались правке со стороны редакции. Во всяком случае мы не располагаем такого рода фактами; характер же полемического спора, к рассмотрению которого мы теперь обратимся, не опровергает, а скорее подтверждает наше предположение.

Принадлежность «Письма» Живоину Жуёвичу бесспорна. Во-первых, оно имело хорошо знакомую нам подпись — «Серб»; во-вторых, на это прямо указывает первая фраза письма, в которой говорится: «М. г., в № 31 издаваемой вами газеты, в которой я принимаю участие в качестве обозревателя дел славян юго-западных (sic! — выделено нами. — В. К.), я поместил статью, излагающую мой взгляд на дела австрийских сербов и на отношения последних к Австрийской империи как целому и к Венгрии как ее части».

Причина полемики между Жуёвичем и редакцией «С.-Петербургских ведомостей» нам уже известна из предшествующего изложения. И формально, и по существу она была вызвана следующей фразой из обозрения об австрийских сербах, помещенного в № 31 газеты: «Венгерцы, на землях венгерской короны, знать не хотят никаких других национальностей, кроме венгерской». Возражения редакции не убедили Жуёвича. «Письмо к редактору» содержит дополнительную аргументацию для доказательства верности точки зрения, высказанной сербским демократом в пятом обозрении. На это прямо указывается в письме: «Цель его (письма. — В. К.) довольно щекотливая — это я признаю, а именно — отстоять верность высказанного мною взгляда относительно современных событий в Австрии, а вместе с этим показать еще, что мысль, высказанная в заметке на мою статью, помещенной в № 35 „С.-Петербургских ведомостей“, неверна. Надеюсь, — продолжал Жуёвич, — обращаясь к Коршу, — что правда, которая до сих пор (выделено нами. — В. К.) была для вас дороже всяких соображений, возьмет верх и теперь, и что к напечатанию этого моего письма не окажется никаких препятствий». Слова, выделенные нами в последней фразе, — еще одно доказательство в пользу сделанного нами выше предположения. Это подтверждается и такой фразой из начала письма: «По некоторым признакам, оказавшимся в упомянутой моей статье (sic! — выделено нами. — В. К.), я увидел, что в австрийско-венгерском вопросе редакция „С.-Петербургских ведомостей“ расходится со мной и напечатала мою статью только как выражение одного из мнений, господствующих между южными славянами. Действительно, мое заключение подтвердилось в № 35 вашей газеты. Важность событий, совершающихся ныне в Австрийской империи, событий, в которых главную роль играет Венгрия, побудила меня написать это письмо».

Что это за «некоторые признаки»? Шла ли речь о возможных купюрах или редакторской правке, искажающей мысль автора, или о том, что эта статья, первая в серии «Славянских обозрений», была подписана псевдонимом Жуёвича — «Серб» — без его на то согласия? — теперь сказать трудно. Во всяком случае, судя по характеру обращения автора письма к Коршу, можно предположить, что эти «некоторые признаки» не носили принципиального характера. Лично мы думаем, что редакция без ведома автора поставила его подпись под пятым обозрением, чтобы иметь основание в своем возражении заявить, что редакция напечатала воспроизведенные выше слова о том, что венгры на землях своей короны не признают никаких других национальностей, кроме венгерской, — «только как выражение одного из мнений, господствующих между южными славянами».

Приведа новые, дополнительные аргументы в пользу своего взгляда относительно тогдашних событий в Австрийской империи, сербский демократ пришел к выводу о том, что редакция поспешила со своим заключением, которое опирается только на «субъективное чувство» и на адрес, подлежащий в последнее время рассмотрению сейма. «Пусть будет это чувство могучее, как вулкан, — писал Жуёвич, — все-таки оно имеет свои законы, свою последовательность, определяемые только „меркою минувших времен“ и больше ничем. Для определения подобного дела всякое, не основанное на истории, на фактах, на „минувших временах“ рассуждение шатко и фиктивно».

Теперь обратимся к главному вопросу, поставленному нами в самом начале разбора полемики: чем руководствовался Жуёвич, давая свою оценку славяно-венгерским отношениям, с каких позиций он подходил к его решению?

Ответ на этот вопрос позволит нам выяснить не форму, а существо разногласий сторон. Отчасти он нашел свое выражение в приведенной выше цитате, в которой, пусть не совсем четко, говорится об объективных законах, определяющих общественное развитие любого народа, в том числе и венгерского. Еще яснее мысль Жуёвича выражена в следующих словах письма: «И я (как и редакция „Ведомостей“. — В. К.), со своей стороны, ничего не имею против венгров как нации и, напротив, желаю ей всех благ, какие лишь можно иметь в сем мире. Я желаю ей полной свободы, благоденствия и величайшего благополучия. Но ... я не люблю магнатской нации, в каком бы виде это магнатство ни проявлялось, а не люблю ее потому, что, по моему мнению, магнатская нация деспотична по самой своей природе: деспотизм — это атрибут магнатства; горькие, тяжелые опыты могут быть поучительными для всякого, но не для магната, могут образовать всякую, но не магнатскую нацию (выделено нами. — В. К.)». Таким образом, по мнению Жуёвича, революция 1848 г. и те социальные сдвиги, которые она вызвала (имеется в виду прежде всего отмена крепостного права), не привели к изменению социальной природы

Венгрии. Хотя Жуёвич не говорит этого прямо, но тем не менее из контекста письма с очевидностью следует, что настоящая, подлинно-демократическая социальная революция еще предстоит Венгрии. К такому выводу мы приходим на основании следующего отрывка из «Письма редактору».

«Для того чтобы Венгрия стала в должные, справедливые, разумные и истинно-цивилизованные отношения к соприкасающимся с нею национальностям, она должна преобразоваться в своем внутреннем социальном строе, основанном на совершенно противоположном теперешнему началу. Это новое начало должно войти в плоть и кровь всего венгерского народонаселения, на нем должно воспитаться несколько венгерских поколений».

Таким образом, если Жуёвич подошел к оценке положения дел в тогдашней Австрийской империи с позиций крестьянского демократа, в чем мы наглядно убедились, то редакция «Ведомостей» подходила к их рассмотрению с чисто буржуазно-либеральных позиций. В этом тоже нетрудно убедиться, обратившись к анализу ее возражений на открытое письмо Жуёвича.

Передовая статья, как и письмо Жуёвича, была посвящена более пространному обоснованию точки зрения редакции на венгерский вопрос. Поэтому нет нужды шаг за шагом следить за аргументацией автора передовой статьи, который последовательно отвергает все доводы Жуёвича. Для наших целей достаточно указать на наиболее важные, новые ее положения, имеющие принципиальный характер. Статья начинается так: «Венгерский вопрос, приближающийся теперь к своей развязке, интересен и важен для нас не только по тем результатам, которые он может иметь для Австрии, а через нее и для всей Европы, но и по тому значению, которое принадлежит ему в отношении к нашим единоплеменникам, южным славянам. Мы охотно даем место в нашей газете взглядам славян (выделено нами.— В. К.) на этот вопрос, в том уверенности, что полемическим путем всего скорее можно достигнуть полного разъяснения его».

После конспективного изложения аргументации Жуёвича автор статьи, в частности, пишет: «Прошедшее народа, без сомнения, может служить основой для суждения о будущем его, но только тогда, когда между тем и другим нет событий, переворотов, меняющих общественное устройство, а следовательно, и характер народа, когда народная жизнь спокойно идет по прежнему пути, в прежнем направлении и к прежним целям. В таком ли положении находится современная Венгрия?» — спрашивает он и отвечает: «Нет, между Венгрией до 1848 года и Венгрией 1866 года лежит целая бездна». По его мнению, события 48 года произвели коренной переворот: из страны средневековой Венгрия превратилась в страну демократическую (т. е. буржуазную) как в социальном, так и в политическом отношении; крепостное право «исчезло бесследно» (выделено нами.— В. К.); «избирательное право установлено на началах широко демократических; сейм сделался

представительным собранием в полном смысле этого слова... Все сословия равны перед налогом» и т. д. Беда лишь в том, что с 1849 по 1866 г., за исключением краткого промежутка в 1861 г., «Венгрия была связана по рукам и ногам, лишена всякой самостоятельности и всякой инициативы». Будь Венгрия предоставлена сама себе, обрети она политическую независимость — все сразу изменится самым радикальным образом, в том числе, конечно, и ее политика по отношению к славянским народам.

Итак, можно констатировать, что, по мнению Жуёвича, революция 1848—1849 гг. почти ничего не изменила в социальном строе Венгрии (ключевые позиции магнатства остались неизблевыми); по мнению же редакции «Ведомостей», напротив, в Венгрии произошел радикальный социальный переворот, а ей недостает только политической свободы, к достижению которой она теперь как никогда близка.

Автор редакционной статьи все свои надежды в смысле нового курса венгерской политики по отношению к славянам возлагает на либеральную партию Деака. «Известно изречение Деака, относящееся к тому времени (т. е. к 1861 г., когда на непродолжительное время австрийским правительством был восстановлен венгерский сейм. — *В. К.*), — говорит он. — Венгрия дает Кроации белый лист бумаги, на котором последняя сама может написать условия воссоединения своего с первой». Он ссылается и на план Кошута о дунайской конфедерации, обнародованный в 1862 г. По этому плану, Венгрия, Трансильвания, Кроация, Молдавия, Валахия, Сербия и Далмация составили бы единое союзное государство, в котором каждый из его участников пользовался полной самостоятельностью. Свои сокровенные мысли, определяющие существующие позиции редакции «С.-Петербургских ведомостей» в возникшем споре, автор выразил в следующих словах:

«Уже в 1848 году между вождями венгерского сейма были люди, понимающие необходимость полюбовного соглашения со славянами; таков был, например, первый министр-президент Венгрии граф Баттиани. Позволительно ли думать, — спрашивает автор, — что число этих людей увеличилось после событий 1848—49 года?»

Ответ на этот вопрос содержит ту самую суть полемики, о которой мы говорили вначале, приступая к ее рассмотрению. «Не следует забывать, — настоятельно подчеркивает автор передовой статьи, — что партия Деака и Этвеша, стоящая теперь во главе сейма, была парализована в 1848—1849 гг. партией Кошута и что прошедшее ее не дает нам, следовательно, никаких точных указаний на политику, которой она намерена держаться в славянском вопросе (выделено нами. — *В. К.*)».

Редакционная статья заканчивалась следующими словами: «Мы ответили на все главные аргументы письма, но далеко не исчерпали самого вопроса и не замедлим к нему вернуться».

И редакция выполнила свое обещание. Ровно через неделю («С.-Петербургские ведомости», № 55, 25. II (9. III) 1866) снова появилась передовая статья под условным названием (по оглавлению) «Венгры и славяне Австрии». Вторая редакционная статья по венгро-славянскому вопросу — не менее интересна, чем первая. В ней впервые за время существования славянского отдела в газете редакция официально сформулировала свой взгляд о национально-освободительном движении зарубежных славянских народов в середине 60-х годов прошлого столетия. По отношению к австрийским славянам этот взгляд расходился со взглядами заведующего славянским отделом и составителем славянских обзоров, что и явилось, как известно, причиной полемики между редакцией и Жуёвичем.

Формулировать позицию газеты по славянскому вопросу автор второй передовой статьи (вероятно, он писал и первую) начал издавеле, с пространного рассуждения о том, что «национальное чувство, возбуждающее один народ, одно племя против другого», не всегда и не при всех обстоятельствах плодотворно.

Рассматривая под этим углом зрения венгеро-славянский вопрос, автор приходит к заключению, что «задачей славян, живущих на землях венгерской короны, должно быть сближение с венгерцами, а не продолжение бесплодной борьбы, так дорого стоившей и венгерцам, и славянам». Доказательству возможности и необходимости такого сближения по сути дела и посвящены обе передовые статьи «Ведомостей». Ясно, что при такой позиции, занимаемой редакцией газеты, нельзя было обойти молчанием замечание Жуёвича относительно нетерпимого отношения венгров к другим национальностям.

Однако на этом автор статьи не останавливается и идет дальше, уже в плане конкретных практических советов зарубежным славянам в их национально-освободительной борьбе. Она отделяет турецких славян от австрийских. Касательно первых в статье сказано: «Мы понимаем, что для турецких славян, в особенности для тех, которые уже пользуются значительной долей самостоятельности, не может быть и речи о сближении с Турцией — фанатической, не имеющей ничего общего с славянским элементом и близкой к окончательному падению». Теперь нам понятно, почему на протяжении 1864 и 1865 гг. между Жуёвичем и редакцией царили мир и согласие. В это время сербский демократ писал главным образом о турецких славянах, а в этом вопросе, как видно из приведенной цитаты, их взгляды полностью совпадали. Но стоило ему в своих обзорах 1866 г. поглубже затронуть славян австрийских, как скрытые разногласия немедленно проявились.

Относительно юго-западных славян в статье говорится совсем другое, а именно, что «Венгрия — не Турция, для венгерских славян существует возможность свободы не только в будущем, но и в настоящем». Автор подробно рассматривает положение всех славян, живущих как в собственной Венгрии (сло-

ваки, сербы), так и на землях, соединенных с Венгрией более или менее тесной связью (хорваты). Что касается первых двух славянских племен, то вопрос о них решался просто. Сложнее обстояло дело, с точки зрения концепции редакции, с хорватами. «События последних лет показали, имеет ли она достаточно сил, чтобы охранять свою самостоятельность и против Австрии, и против Венгрии; опыт последних месяцев свидетельствует о том, — пишет он, — что она и недостаточно зрела для этого. Прения кроатского сейма были образцом беспорядочности и анархии, решения его — образцом неясности идей и неопределенности желаний. Столкновение между кроатами и сербами по поводу числа депутатов от Сирмийского комитета не обещает меньшинству справедливости и беспристрастия со стороны большинства, хотя и в том, и в другом преобладает славянская национальность. Вот почему многие из лучших людей Кроации, в том числе и наш бывший аграмский корреспондент Ткалац, кроат родом, даровитый публицист, далекий от всякого чрезмерного сочувствия к венграм, не видит для нее другого исхода, кроме тесного союза с Венгрией, союза, который бы оставил неприкосновенным все, что есть способного в Кроации» (выделено нами. — В. К.)⁸.

На основании приведенной выше цитаты относительно австрийских славян автор передовой статьи делает вывод: «В отдаленном будущем для австрийских славян может наступить пора полной независимости и единства, но в настоящую минуту те из них, которые живут на землях венгерской короны, имеют выбор только между зависимостью от Венгрии или непосредственной зависимостью от Австрии (выделено нами. — В. К.). Это сознает и составитель „Славянского обозрения“ в нашей газете, но он отдает последнему исходу преимущество перед первым».

Рассуждения редакции «Ведомостей» вызывают, по меньшей мере, три замечания. Поскольку Жуёвич не имел возможности публично ответить на них, то мы попытаемся это сделать за него и с его помощью. В известном смысле нам это сделать легче, во-первых, потому, что мы знакомы со всем творчеством сербского демократа, а во-вторых, на нашей стороне такой беспристрастный и непогрешимый судья, каковым, как известно, является история. С дистанции в сто лет можно безошибочно сказать, на чьей стороне была истина и кто оказался в конечном счете правым.

⁸ Теперь можно констатировать, что мы оказались абсолютно правы, когда, упомянув вскользь об аграмских корреспонденциях, приписывали их авторство известному хорватскому публицисту, д-ру Имбро Ткалацу-Игнятевичу (1824—1912 гг.). Подробнее об этом см.: В. Карасев, В. Фрейдзон. Сотрудничество хорватского публициста Имбро Ткалаца в «С.-Петербургских ведомостях» (1863—1865 гг.). «Славяне и Россия». М., 1972, стр. 171—188.

Замечание первое. По мнению автора передовых статей, перед венгерскими славянами в канун создания двуединой монархии была поставлена альтернатива: либо зависимость от Венгрии, либо зависимость от Австрии. «Об отдельном славянском или русинском государстве, — писал он, — не помышляют даже самые пламенные из местных патриотов». Для такого решения вопроса не созрели-де не только они, но и чехи. Таким образом, нет выхода из роковой дилеммы. Третьего пути в тот период не было и не могло быть в силу объективного положения венгерских славян. В этих условиях редакция горячо ратовала за союз венгерских славян с Венгрией, так как «для быстрого развития самоуправления и свободы» она видела в Венгрии «гораздо больше задатков, чем в других частях Австрийской империи», а Жуёвич, по ее разумению, отдавал предпочтение сближению венгерских славян с Австрией. Но позволительно спросить, так ли это? Так ли нужно толковать его слова из пятого обозрения, которые приводит в своей статье автор? Верно, что и Жуёвич, и редакция «Ведомостей» желали блага угнетенным славянам; верно, что они верили в то, что в конце концов славяне обретут полную свободу и независимость; верно и то, что обе стороны были согласны, что к середине 60-х годов XIX в. такие условия еще не созрели. Разница в их взглядах заключалась в том, что в борьбе за национальную свободу славян сербский демократ возлагал все свои надежды на народ, просвещению которого, росту его самосознания служило его острое и талантливое перо, тогда как редакция «Ведомостей» верила и надеялась только на венгерских либералов. Дополнительным доказательством этого во второй передовой статье служат такие, к примеру, два места, из которых отчетливо видно родство душ русских и венгерских либералов. «Мы далеки от мысли, — пишет автор в начале статьи, — чтобы племя, поставленное в такие условия (национального неравноправия. — В. К.), должно было отказываться от своей национальности, потонув в море господствующего народа; оно имеет полное право охранять свой язык, свою веру, но должно охранять, применяясь к действительности, путем законным и миролобивым» (выделено нами. — В. К.).

Возлагая большие надежды на развитие самоуправления и свободы в Венгрии, автор делает такое характерное замечание в конце статьи: «Оно представляется нам настолько вероятнее, насколько Деак и Этвеш (выделено нами. — В. К.) выше Шмерлинга и Белькреди, граф Аппони — Туна и Баха». Мы не входим в рассмотрение вопроса, насколько позиция редакции согласовалась с политической линией царского правительства относительно Венгрии, ибо это в данный момент не входит в нашу задачу; мы хотим лишь в конце нашего первого замечания подчеркнуть, что и к немцам, и к венгерским господствующим классам, угнетавшим и душившим славян, Жуёвич относился одинаково отрицательно, не делая различий. Такой вывод вытекает и из «злополучного» пя-

того обозрения. А тот факт, что Жуёвич уделял больше внимания Венгрии, чем Австрии, объясняется тем, что венгерский вопрос в тот период выдвинулся на авансцену всей политической жизни Австрийской империи. Сербский демократ резко обрушился на венгерских магнатов, потому что в решении общеавстрийской проблемы они «оказываются дуалистами лишь по отношению к немцам, будучи в то же время на обширном пространстве „земель венгерской короны“ самыми яркими централистами». В этом и только в этом смысле он писал о предпочтительности ига меттерниховского игу мадьярскому, ибо в условиях венгерской автономии (дуализма) или независимости возможностей для лавирования и компромиссов у славян оставалось неизмеримо меньше, чем в единой Австрийской империи.

Замечание второе. Во второй передовой статье раскрывается смысл редакционного замечания о том, что известное изречение Жуёвича о венграх редакция рассматривает «только как выражение одного из мнений, господствующих между южными славянами», видя в Жуёвиче сторонника сближения австрийских славян с Австрией, а не с Венгрией. Не потому ли он так горячо протестовал против этого в своем «Письме к редактору», что не разделял ни того, ни другого мнения, и придерживался своей, особой точки зрения, смысл которой мы пытались объяснить в первом замечании?

Замечание третье. Во второй статье для доказательства правоты своих взглядов редакция призывает на помощь историю. Напомним, что главным аргументом в возражениях Жуёвича редакции была тоже история, ее уроки и опыт. Какая же из спорящих сторон оказалась правой в своих выводах, кто лучше знал и понимал историю и ее законы? При ответе на этот вопрос двух мнений быть не может — безусловно, составитель «Славянских обозрений». Для этого достаточно вспомнить закон, принятый три года спустя после разбираемой нами полемики венгерским парламентом 30 ноября 1868 г., получивший, по иронии судьбы, название закона Деака—Этвеша, на который в первую очередь возлагали свои надежды русские либералы «С.-Петербургских ведомостей». «Закон № XLIV о равноправии национальностей» недвусмысленно закреплял венгерскую гегемонию над угнетенными народами Венгерского королевства — сербами, словаками, хорватами, румынами и закарпатскими украинцами. Он устанавливал, что все граждане Венгерского королевства представляют собой в политическом отношении неделимую венгерскую нацию. Единственным государственным языком, обязательным в административных и судебных учреждениях, признавался венгерский язык. К сказанному следует только добавить, что закон Деака—Этвеша просуществовал вплоть до распада австро-венгерской дуалистической монархии в 1918 г.

До своего отъезда из Петербурга Жуёвич уже в ходе полемики и после нее как «обозреватель дел славян юго-западных»

успел поместить еще две статьи в рубрике «Славянское обозрение»: «Галиция» («С.-Петербургские ведомости», № 51, 21. II (5. III) 1866) и «Фанариоты и разбойники в Болгарии. Герцеговина» («С.-Петербургские ведомости», № 58, 28. II (12. III) 1866).

Восьмое по счету обозрение, посвященное Галиции, имело авторскую подпись «Серб», а девятое, последнее, было анонимным.

О ГАЛИЦИЙСКИХ РУСИНАХ

В восьмой статье «Славянского обозрения» Жуёвич впервые за время своей многолетней публицистической деятельности в России обратился к обстоятельному освещению положения в Галиции.

Начало статьи выдержано в стиле, характерном для публицистического пера Жуёвича. «Тяжело славянину обозревать славянские земли! Мысль утомляется скучным предметом, энергия чувства слабеет. Возьмите любую из пройденных нами стран: почти ничего отрадного вы не заметите в ней. Везде мрак, невежество, рабство, мелкая тирания, интриги и всякого рода безалаберщина. А еще говорят о „славян могучем роде“! О, как бы желательно было, чтобы это была правда! Но прилагательное „могучий“ не идет к славянам, ибо у них на каждом шагу только и видно, что слабость и вытекающая из нее полная зависимость. Болгары служат туркам и греческим фанариотам; сербы вне княжества служат туркам, фанариотам и немцам, в княжестве же откупаются определенной и не малою податью, т. е. тоже служат туркам; кроаты служат немцам, чехи — тоже немцам; галичане — тоже. Другие славяне стоят вне нашего обозрения». Последнее замечание понятно. О поляках нельзя было говорить свободно и открыто в подцензурной печати после подавления царским самодержавием польского восстания 1863—1864 гг. Но вот почему из «Славянского обозрения» выпали упоминаемые в цитате хорваты, остается загадкой. Невольно приходит в голову мысль: уж не потому ли, что в вопросе о хорватах расходились взгляды автора обозрений и редакции газеты? Другое объяснение придумать трудно.

По мнению Жуёвича, положение Галиции вообще, Галицкой Руси в особенности, производит самое тяжелое впечатление. Русинские славяне разделены на две части, одна из которых живет попеременно с поляками и немцами, вторая — с венграми. В одном случае жизненными пружинами ворочают польские, в другом — мадьярские магнаты и пань в союзе с ксендзами и патерами. «Русинский элемент и там, и здесь погибает во мраке, — пишет Жуёвич. — Русин загнан, погружен в самое тупое невежество, лишь изредка слышится его стон, протестующий против наглого деспотизма, против тиранического панства и холодного бюрократического прижимания». Особенно возмущало его польское магнатство и панство, не перестававшее твердить, что «никакой Руси в Галиции нет, а есть лишь Польша и поляки», и это в то самое время,

когда «русинский представитель на галицийском сейме произносит перед ними на русинском языке пространную, дельную речь!». Ссылаясь на львовское «Слово», Жуёвич приводит факты о выборах депутатов в галицийский сейм, свидетельствующие о грубом произволе магнатов, попирающих чужие права.

«Защита прав языка представляет весьма замечательный современный факт в жизни разноразличных народов австрийских, — пишет Жуёвич. — Права эти отстаивают сербы, кроаты, чехи и, наконец, русины. Но кроаты, сербы, чехи требуют уравнивания прав с языком немецким, языком официальным, господствующим, тогда как несчастные русины требуют уравнивания прав их языка с языком их сожителей, поляков. Паны противятся этому на том, во-первых, основании, что никакой Галицийской Руси не существует; во-вторых, потому, что язык русинский еще не выработан достаточно, чтобы быть равноправным на галицийском, например, сейме с польским языком». Первый довод сербский демократ отвергает с порога как не заслуживающий возражения; что же касается второго панского довода, то он его также отвергает, показав при этом глубокие филологические познания⁹. «Второй панский довод, направленный против русинского языка, — говорит он, — может быть удовлетворен только с точки зрения панской логики».

В последнее время русины проснулись и решили серьезно постоять за себя. Разделение свое с поляками они решили начать с языка. Такой оборот дела явно пришелся по душе сербскому демократу. Приведя цитату на русинском языке, подтверждающую это их намерение, он замечает: «Пусть назовут все эти возгласы наивными, пусть остряки острят над ними в свое удовольствие, но все они имеют глубокий смысл и высокое значение, в особенности для поляков и польского магнатства. Галицийская Русь — последний угол, где панство польское остается еще в силе. Отовсюду его изгнали, всеми оно осуждено; оно рухнуло и в принципе, и в жизни. Лишь галицийская берлога его оставалась еще в безопасности. Теперь и здесь началась реакция, и мы не сомневаемся, что оно погибнет и здесь».

Заканчивая свой обзор о положении русинов в Галиции, Жуёвич высказал очень интересную мысль о роли религии в жизни всякого народа при условии нетерпимого национального угнетения. «Говоря о современном положении русинов, — писал он, — нельзя пройти молчанием замечательный факт, общий для всех

⁹ «В русинском языке, — пояснял Жуёвич, — конечно, слышна и живая речь русинского народа, но речь эта сильно изменена под влиянием русинских филологов. Основа русинского языка та же, что и в языке малорусском. В дальнейшем развитии своем он в незначительной степени полонизировался. Стараясь очиститься от этой полонизации, литература русинская увлеклась языком великорусским, чтобы последним заменить полонизм в русинском языке. Но живая струя народного русинского языка все-таки весьма заметна в русинской литературе и оставляет на ней очень явственную, резкую печать индивидуальности, самостоятельности, отличия русинского языка от языка польского...».

народов, находившихся и находящихся в таком же положении, в каком ныне находятся русины. Мы разумеем отношение русинов к русинскому православному духовенству. Эти отношения так же тесны, как они были в нашей Руси (sic! — В. К. Снова автор выдает себя за русского, на этот раз, несмотря на то, что статья подписана псевдонимом «Серб») в период монгольского ига, каковы они в Болгарии, Старо-Сербии, Боснии и Герцеговине».

Что касается положения русинов, проживавших на землях венгерской короны, то им Жуёвич отвел гораздо меньше места на том основании, пишет он, что, как «я имел случай заметить... по моему мнению, между тем и другим магнатством (т. е. польским и венгерским. — В. К.) существенной разницы нет, а потому гнет магнатский и там, и здесь более или менее одинаков. Если здесь и есть какая-нибудь разница, так она зависит от разницы в общем национальном характере венгров и поляков». Поэтому он, как и обещал в одном из своих обзоров, подробно остановился лишь на выборах депутатов в венгерский сейм в трех комитатах, в ходе которых, вследствие нетерпимости венгров, дело дошло до кровопролития, жертвой которого стали три русина.

Последняя, девятая статья «Славянского обозрения» «С.-Петербургских ведомостей» (№ 58, 28. II (12. III) 1866) производит впечатление в некотором роде непланового творения, словно задумано было девять статей, но одна выпала и ее пришлось в спешке чем-то заменять. В самом деле, в девятой статье идет речь о Болгарии, которой, собственно, открывалась серия «Славянских обозрений» в газете, и Герцеговине, о которой шла речь во второй, по счету, статье этой серии. Справедливости ради следует заметить, что в двух упомянутых статьях и в девятом обозрении нет дословных повторений, но вместе с тем трудно отрешиться от мысли, что место этой статьи должна была занимать статья, посвященная Хорватии.

Однако обратимся к содержанию статьи. Из того, что мы сказали выше, может возникнуть сомнение — принадлежит ли эта статья Жуёвичу? Источниковедческий анализ ее призван ответить на этот вопрос и либо отвергнуть, либо подтвердить возникшее сомнение.

Начав с извинения перед читателями, что при всем желании автор не может поделиться с ними чем-либо приятным из современной жизни южных славян, он замечает, что на этот раз пойдет речь не о турецких насилиях, а о произволе другого рода. «Мы говорим о той части греческого духовенства, оставшегося вне пределов греческого государства и получившего громкую, но незавидную известность под именем „греческих фанариотов“». Автор подробно рассказывает о том, кто такие фанариоты и какова роль их организации в истории Болгарии. «Корпорация этого духовенства, — говорит он, — как внешним, так и внутренним своим строем, образует на самом деле государство в государстве.» В са-

мом строе своем оба эти государства отличаются лишь по форме — по содержанию своему они одинаковы». Своеобразное двоевластие создает невыносимо тяжелое положение для народонаселения, с которого дерут две шкуры.

Приступая к рассказу о делах греческих фанариотов, автор замечает, что Болгария наводнена этими фанариотами более, чем какая-либо из турецких областей, населенных православными славянами. Фанариоты давно задались целью парализовать в Болгарии все, что носило на себе печать болгарской национальности: язык, нравы, обычаи, воспитание юношества, богослужебные обряды, язык богослужения и т. д. «Исполнение этой задачи, — говорит автор, — не встречая ни малейшего препятствия со стороны турецких властей, шло необычайно успешно». Двойной гнет окончательно опустошил народный карман. Мало-помалу то там, то здесь болгары начали оказывать сопротивление, «началась борьба — печальная и вместе с тем полная самых возмутительных фактов. Фанариотское государство приняло болгарское противодействие фанариотам за настоящую революцию, которую оно и стремилось подавить во что бы то ни стало». Описывая перипетии этой борьбы, автор подробно рассказал о случае, произошедшем три месяца назад в городе Провадия, где при полном попустительстве турецких властей фанариоты с помощью грубой силы добились отмены богослужения в местной церкви на церковнославянском языке.

Наряду с фанариотами с некоторого времени Болгарию стали терзать разбойники. Ссылаясь на болгарскую газету «Время», автор рассказывает о бесчинствах этих разбойничьих шаек, судя по всему, турецкого происхождения, «так как, кроме этих, никаких других шаек на Балканском полуострове не водится, то есть, есть основание думать, — пишет он, — что правительство турецкое именно на эти-то разбойничьи шайки и указывает Европе как на бунтовщиков, стремящихся поколебать трон султанский, бунтовщиков, подстрекаемых будто бы русскими агентами, в качестве консулов пребывающих в Турции. Мы имели случай заметить, что это не более, как коварная выдумка, чтобы отвлечь внимание Европы от того систематического гнета, за который ухватилась в последнее время внутренняя политика турецкая» (выделено нами. — В. К.).

Выделенная нами фраза с неопровержимостью свидетельствует, что автором девятой статьи «Славянского обозрения» был Жуёвич. В данном случае автор имел в виду свое первое обозрение, в котором, в частности, говорилось: «Настоящие же турки в свою очередь, следуя своей новой политической программе, стали выдумывать перед Европой разного рода небылицы вроде пресловутого агитаторского движения в Болгарии как следствия будто бы отношений России к Болгарии (о чем мы, впрочем, в другой раз поговорим пообстоятельнее) с целью оградить себя от

всяких нареканий со стороны Европы — и все это для того, чтобы беспрепятственно душить то, что не подходит под турецкую мерку».

Как уже отмечалось, статья «Фанариоты и разбойники в Болгарии. Герцеговина» была последней, девятой по счету в серии «Славянских обозрений», написанных Живоином Жуевичем. В начале весны 1866 г. он навсегда покинул Россию, в которой безвыездно прожил почти семь лет.

Итак, мы проанализировали 12 материалов и доказали их принадлежность Живоину Жуевичу: девять «Славянских обозрений», одна статья, открытое «Письмо к редактору», одна библиографическая заметка — общим объемом свыше трех авторских листов. В девяти статьях «Славянских обозрений» сербский демократ подвел итог своим продолжительным наблюдениям над тогдашним положением зарубежных славянских народов. Он дал свою оценку и высказал свое мнение о положении дел почти у всех славянских племен, за исключением поляков, хорватов и словенцев. Отсутствие последних в «Славянских обозрениях» объяснялось объективными причинами: с одной стороны, политикой царского правительства (это относится к полякам) и позицией редакции «С.-Петербургских ведомостей» по венгерскому вопросу (это касается австрийских славян), с другой.

Центральное место в «Славянских обозрениях» занимают южные славяне: болгары, сербы, черногорцы, босняки и герцеговинцы. Характеризуя их внутривосточное и внешнеполитическое положение в середине 60-х годов XIX в., Жуевич пришел к выводу, что на славянском юго-востоке рабству приходит конец, что никакие силы не в состоянии остановить движение угнетенных народов на пути к независимости и свободе.

Сербский публицист подверг критике политику европейских держав в восточном вопросе, направленную на сохранение status quo на Балканах. Он обнаружил глубокое понимание объективно-прогрессивной роли России для национально-освободительного движения южных славян, обосновав тезис о том, что мысль о самостоятельном бытии юго-восточных славян обусловила их связь с Россией; стоял за демократическое решение национального вопроса на Балканском полуострове.

Осуждая политический и социальный строй государств Западной Европы, Жуевич страстно желал славянским народам устроиться лучше в рамках последовательной буржуазной демократии.

В «Славянских обозрениях» сербский публицист впервые обратился к характеристике положения западнославянских народов: чехов, словаков и закарпатских украинцев, высказав ряд глубоких мыслей о решающей роли народных масс в борьбе за национальную и социальную свободу.

Характер социально-политических взглядов Жуевича наглядно проявился в его полемике с редакцией «С.-Петербургских ведомостей». Сербский демократ Жуевич и русский либерал Корш разо-

шлись в оценке социальных последствий революции 1848—1849 гг. для Венгрии. Публичный спор между ними показал, что первый выражал интересы трудящихся масс, а второй — буржуазии.

Ж. Жуёвич оставил Россию вполне сложившимся общественным деятелем и мыслителем, разделявшим взгляды русских демократов, передовой русской общественной, философской и научной мысли.

Содержание всех девяти «Славянских обзоров» свидетельствует о широте и глубине познаний сербского демократа в области славянской проблематики. Можно без преувеличения сказать, что он был одним из образованнейших славистов своего времени. Его активная публицистическая деятельность в России оставила глубокий след и оказала несомненное влияние на пропаганду славянского вопроса среди русской общественности того времени.

Ж. ЖУЕВИЧ — ЗАГРАНИЧНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1867—1869 гг.)

Покидая Петербург весной 1866 г., Жуёвич, по-видимому, договорился с редактором «С.-Петербургских ведомостей» В. Ф. Коршем о своем дальнейшем сотрудничестве в газете. Характер и условия их договора нам неизвестны. Во всяком случае после «Славянских обозрений» за январь-февраль 1866 г. никаких других материалов сербского публициста на страницах «Ведомостей» обнаружить не удалось.

С марта по октябрь 1866 г. Жуёвич жил и учился в Мюнхене, где за короткое время в совершенстве овладел разговорным немецким языком, успешно изучил интересующие его науки. Затем около года он провел в Цюрихе и в августе 1867 г. приехал на родину.

«БЕЛГРАДСКИЕ» КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «П. П.» 1867 г.

С января 1867 г. на страницах «С.-Петербургских ведомостей» снова, как и в 1865 г., стали появляться корреспонденции из Белграда за подписью «П. П.». Зная происхождение этого псевдонима, легко установить, что их автором был Живоин Жуёвич. На протяжении 1867 г. «Ведомости» напечатали 16 разнообразных материалов, принадлежащих сербскому публицисту. Тот факт, что, по мнению некоторых исследователей, в 1867 г. в качестве белградского корреспондента в газете сотрудничал известный русский ученый П. А. Ровинский¹, вынуждает нас отнестись к их анализу с особой тщательностью.

Первым из упомянутых материалов была корреспонденция из Белграда, датированная 3 января. Она была напечатана в № 16 «С.-Петербургских ведомостей» от 16(28) января 1867 г. Если вспомнить «белградские» корреспонденции за 1865 г., которые Жуёвич писал, находясь в Петербурге, то нас не удивит тот факт, что, посылая теперь свои «белградские» же корреспонденции из Швейцарии, он избегал их двойной датировки, а нередко вообще

¹ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. VI. М., 1952, стр. 121.

не указывал точной даты, ограничиваясь названием месяца. На прямую связь между белградскими корреспонденциями «С.-Петербургских ведомостей» 1865 и 1867 гг. указывает сам автор в первой же фразе своего письма от 3 января. «С новым годом, — говорит он, — я возобновляю мои белградские корреспонденции». На эту же связь указывает и другое место из разбираемой корреспонденции, в которой, в частности, говорится: «Прежде мне приходилось почти исключительно заниматься Сербией, притом преимущественно ее внутренними делами. Теперь же поле мое гораздо обширнее».

Расширение поля публицистической деятельности сербского демократа было вызвано пробуждением восточного вопроса, который после относительного затишья снова выдвинулся на авансцену европейской политики. С его постановкой на повестку дня «на юго-западе² все ожило, все бродит, все чаёт лучшего», — говорит Жуёвич. Общей характеристике положения дел на славянском юго-западе целиком посвящена его 1-я «белградская» корреспонденция из Цюриха. Вот как он описывает изменение ситуации в последние два года: «Положение дел на славянском юго-западе никогда не было так интересно, как в нынешнюю пору. Над славянским юго-западом несется знаменитое пугало европейской политики — пресловутый «восточный вопрос»; славянам уже чудится, будто пахнет восточным порохом; болгары мечтают о независимости и даже прочат двух кандидатов на княжеский, а может, и королевский престол болгарский; правительство сербское требует вывода турецких гарнизонов из пограничных сербских крепостей, грозя притом, в случае неудовлетворения, вассальной непокорностью; Черногория шлет туда же в сущности такой же меморандум; движение в Боснии побуждает султана созвать в этой стране что-то вроде представительства, для того будто бы, чтобы «по возможности» удовлетворить «райю», на самом же деле для того, чтобы удовлетворить сбившуюся с толку европейскую политику, поскольку она обуславливается «голосом народов» в наполеоновском смысле; в Герцеговине ждут того же и вследствие тех же причин; со своей стороны, турки (точнее, потомки омусульманившихся христиан) пророчествуют падение турецкого владычества и ужасно недовольны «полугяуром» султаном, как они его называют. А переплыв через Дунай, вы видите такой хаос, который разве был перед 1848 годом. Все составные элементы Австрийской империи всплыли наружу и как бы в силу закона центробежности и взаимного отталкивания все стремятся врозь. По словице сербской, в Австрии ныне, действительно, „неизвестно — кто пьет и кто платит!“³. О знаменитом деаковском бланке³, ко-

² Обращает на себя внимание изменение терминологии. Раньше Ж. Жуёвич называл себя обозревателем юго-восточных славян (например, в обозрениях за 1866 г.); теперь он делает акцент на славянах юго-западных.

³ Ж. Жуёвич, несомненно, намекает на первую передовую статью «С.-Петербургских ведомостей», являвшуюся ответом на его «Письмо к редактору»,

торый, как вам известно, он обещал было предложить кроатам для начертания их отношений к венграм, в случае успеха последних, — об этом теперь и помину нет; между сербами и кроатами — раздор; между сербами и венграми — еще сильнейший; между чехами и венграми — разлад; между чехами и немцами — еще сильнейший и т. д., и т. д... Вот какое пришло интересное время!».

В подтверждение своих слов о том, что славяне почувствовали себя «освеженными „восточным вопросом“», он приводит высказывания видных политических деятелей Чехии и Воеводины. «Австрия будет существовать до тех пор, пока того хотят славяне!» — заявил Ригер. А Светозар Милетич, этот, по определению Жуёвича, «сербский Ригер, со своей стороны, отвечает в венгерском сейме на венгерскую угрозу немецко-венгерским союзом против славян угрозой такого же свойства: он грозит немецко-венгерскому союзу союзом славянским, захватывающим громадное „пространство от Петрограда до Цетиинья“». Оба этих заявления сербский демократ называет иллюзиями, но, с другой стороны, австрийские славяне не перестают угрожать такого рода союзом своим неславянским соседям; они твердо убеждены, что между русским правительством и правительствами Сербии и Черногории существует договор «на случай, если выстрел пушечный огласит начало великой юго-восточной драмы».

В связи с такого рода убеждениями, глубоко овладевшими сознанием южных славян, Жуёвич подробно останавливается в своей 1-й корреспонденции за 1867 г. на вопросе о позиции России и ее роли в решении восточного вопроса. «...Надо сказать, — пишет он, — что Россия стоит ныне по отношению к юго-западным славянам совсем в ином положении, чем стояла до сих пор. За русскими действиями на юге и востоке следят неотступно, можно даже сказать, чересчур усердно. Пишут и говорят у нас и про такие русские действия, имеющие прямое или косвенное отношение к юго-западным славянам, о которых русским, вероятно, и во сне не снилось, что Россия заключила какой-то договор с королем греческим Георгом для освобождения греческих земель из-под турецкого господства, то о договоре между Россией и Австрией, то между Россией и Пруссией, то между Россией и Америкой, то между... да уж, кажется, довольно и этого. А ведь все это происходит от того, что кит пошевелился. Что же будет, если он зашевелит всем своим чудовищным корпусом? Нет сомнения, — продолжает Жуёвич, — что последует не то, что в 1854 году. Да и тогда, позови Россия „славян могучий род“ (sic! излюбленное выражение Жуёвича. — В. К.) на „брань

в которой говорилось: «Известно изречение Деака, относящееся к тому же времени (т. е. к 1861 г. — В. К.). «Венгрия дает Кроации белый лист бумаги (его-то и называет теперь Жуёвич «бланком». — В. К.), на котором последняя сама может написать условия воссоединения своего с первой». См.: «С.-Петербургские ведомости», № 48, 18.II (2.III) 1866.

святую“, на „нехристь поганую“, и мир бы увидел, действительно, почти невиданное и страшное; пусть не сомневается в этом никто. В начале нынешнего столетия Россия помогла сербам, полуосвобожденным от турок, затем до самого последнего времени держалась как бы в стороне от полуосвобожденного княжества. То же самое делала Россия и по отношению к Греции. Это открыло дорогу в Сербии и Греции чуждым влияниям, в Греции — английскому и французскому, в Сербии — французскому и австрийскому, т. е. немецкому. Со всех сторон было слышно: „Россия стремится к Константинополю; Россия поглотит и Грецию; сербы сами будто лезут под пятки России; русские агенты только и делают, что сыплют деньги в среде поработанных и полупоработанных христиан на юго-западе и т. д.“ Естественно, это пугало и сербов, и греков. Предупреждения эти проникли даже и в массу народонаселения, так что, например, в среде сербского народа пошли было в ход такие вопросы: „А что, покориться Москову или нет?“ — „Нет, потому что покоряться не следует никому“, — бывал обыкновенный ответ. И опять, несмотря на все это влияние, популярность России на юго-западе все-таки превозмогает всякое другое влияние. Теперь, когда Россия опять подает свой голос в пользу поработанных христиан вообще, поработанных и полупоработанных славян в частности, ее популярность естественно растет не по дням, а по часам».

«Но как далеко пойдет Россия? — спрашивает Жуёвич. — Готова ли она подкрепить свои заявления в самом деле и могучим штыком? Я думаю, что этого и сама Россия еще не знает, — отвечает он. — Между тем „время пришло свести счеты“».

Помощь России, по мнению Жуёвича, была необходима потому, что в пору застоя французской политики Австрия попытается воспользоваться этим. «Она, — говорит он, — не перестает следовать лукавой тактике Меттерниха». Этой тактикой он объяснял и австрийский манифест о созыве представителей всех земель империи для обсуждения вопроса о «наилучшем» устройстве Австрийской монархии. «Это вполне меттерниховский маневр, — писал он, — цель которого — вывернуться перед категорическими требованиями венгров, чехов, кроатов, сербов и даже самих австрийских немцев».

Сербы, живущие в Австрии, никогда так не льнули к братьям своим по правую сторону Савы и Дуная, как теперь. Этими словами завершается 1-я «белградская» корреспонденция Жуёвича в «С.-Петербургских ведомостях» за 1867 г. Ею в значительной мере определялась тематика большинства его корреспонденций на протяжении всего года.

Через три дня после составления 1-й корреспонденции Жуёвич написал 2-ю, которая была напечатана в № 23 «Ведомостей» от 23 января (4 февраля) 1867 г. с пометкой: «Белград, 6 января». Лейтмотивом 2-й «белградской» корреспонденции оставался восточный вопрос. «Все — от велика до мала им заняты, —

писал Жуёвич, — все о нем только и говорят»; одна фантастическая комбинация сменяет другую — и так без конца. «Что же, — спрашивает он, — заниматься ли мне как корреспонденту подобными бреднями? И кого они могут интересовать? Не лучше ли будет, если в своих корреспонденциях я буду настолько объективен, насколько и субъективен, т. е., если я буду иметь свободу выбирать для своих корреспонденций те предметы, которые, на мой взгляд, имеют сравнительно наибольший интерес. Таким образом, я пренебрегу всякого рода пустыми комбинациями и получу возможность следить лишь за состоятельными проявлениями современного движения на славянском юго-западе».

Определив, таким образом, исходную позицию журналиста, обозревателя юго-западных славян, Жуёвич непосредственно приступает к делу. Первое, что он усмотрел в тогдашнем славянском движении, — «это всеобщую веру в близость освобождения христианских народов из-под турецкого ига», второе — «общее стремление к этому освобождению» и третье — «большее, чем когда-либо, единство в этом стремлении». Это единство южных славян, с точки зрения «состоятельности проявления» тогдашнего их движения, сербский публицист считал главным и определяющим. Как трезвого политика, его в первую очередь интересовало соотношение сил противников. Только объединенных и солидарных сербов, по его подсчетам, насчитывалось до 5 млн. Присоединись сюда и болгары, рассуждал он, тогда цифра эта возрастет до 8—9 млн., которых при благоприятных обстоятельствах было бы вполне достаточно для борьбы с турками. Как и прежде, позиция болгар в надвигающемся конфликте занимала его в первую очередь. Его беспокоил тот факт, что болгары в тот момент заняли «особую политику». «В то время, — писал он, — когда, по всем видимостям, кандийский (критский. — В. К.) вопрос готов сделаться европейским, болгары бьют челом Порте!». Объяснял он это тем, что «бедные болгары надеются выиграть через это в вечной борьбе своей с греками-фанариотами!.. Болгары из-за греков-фанариотов не любят греков вообще, вследствие чего к борьбе греческих островитян с их угнетателями — турками они относятся весьма равнодушно, если не со скрытым желанием успеха туркам!». Но сербский демократ умел отличать поверхностные явления от глубинных процессов. «Я должен вам заявить, — писал он, обращаясь к читателям «Ведомостей», — что демонстрацию эту (т. е. верно-подданнические адреса болгар турецкому султану. — В. К.) нельзя считать вполне народной (выделено нами. — В. К.), так как она устроена преимущественно болгарскими политиками».

Истинный голос, истинная позиция болгарского народа были, по его мнению, другими. «Народ болгарский, — писал Жуёвич в своей 2-й корреспонденции, — также чует недолговечность целостного существования Турецкой империи, вследствие чего устроил другого рода демонстрацию, ту именно, о которой я упо-

мянул в прежней (т. е. 1-й. — В. К.) корреспонденции. Я разумею двух болгарских кандидатов на княжеский болгарский престол. Серьезная сторона ее в том, что болгары надеются в случае падения Турецкой империи сразу стать на самостоятельную ногу...».

Вопросу о создании самостоятельного Болгарского государства и о союзе и дружбе его с Сербией Жуёвич придавал исключительное значение. Вот и теперь, когда речь зашла об этой, близкой его сердцу проблеме, он вслед за процитированным выше отрывком написал такие примечательные слова: «Это я всегда говорил и прежде, не переставая советовать сербскому правительству подумать об этом и поработать о сближении с болгарам. Я могу вам теперь сообщить, — продолжал Жуёвич, — что если не со стороны собственно правительства, то по крайней мере со стороны важнейших сербских государственных людей подобные попытки делались, но безуспешно. Да не подумают, однако ж, будто сближение, о котором речь, совершенно невозможно; нет, оно возможно, но при более симпатичной политике сербского правительства» (выделено нами. — В. К.).

Если иметь в виду, что именно в это время шли переговоры между сербами и болгарам о создании Балканского союза, то значение и смысл слов Жуёвича станут еще более ясными и значительными.

В конце 2-й корреспонденции Жуёвич остановился на вопросе о том, как сербы княжества и черногорцы готовятся к предстоящей войне с Турцией. Он с удовлетворением констатировал, что у себя дома сербское правительство по отношению к восточному вопросу «работает немало»: интенсивно обучается регулярное и иррегулярное войско, спешно приобретает оружие, резко поставлен вопрос о необходимости вывода турецких гарнизонов из дунайских и савских крепостей. Даже урожай в истекшем году в Сербии был очень хорошим, «так что в случае войны, — говорит он, — нельзя опасаться голода, хотя бы война длилась более года». Единственным отрицательным фактором являлось «финансовое бессилие» сербского правительства и «малая его популярность в княжестве». Что касается Черногории и черногорцев, то за них сербский публицист был спокоен. Он был уверен, что именно «отсюда раздастся выстрел против турок». Отрадным было и то, что в вопросе о войне «правительство черногорское вполне солидарно с правительством князя Михаила».

Позиция Сербии и Черногории оказывала благотворное влияние на поработанных герцеговинских сербов, босняков и старосербов.

3-я «белградская» корреспонденция Жуёвича появилась в № 34 «С.-Петербургских ведомостей» от 3 (15) февраля 1867 г. Как и две, ранее рассмотренные, она была подписана инициалами «П. П.», но не имела точной даты. По каким-то неизвестным нам соображениям автор ограничился только указанием на то, что она написана якобы в Белграде в январе, не указав числа.

Корреспонденция начиналась в том же ключе, что и две первые, — передавала атмосферу всеобщего предчувствия взрыва. «Кажется, — читаем мы уже в первых фразах письма, — что и в самом деле мои корреспонденции скоро превратятся в „корреспонденции с театра войны“. До сих пор мне казалось это невозможным, теперь же я начинаю колебаться». Однако трезвость суждений в анализе обстановки удерживала его от всеобщего военного психоза, от уверенности в том, что «как только гора листом оденется, так и мечом подпояшется», т. е., что с наступлением весны непременно начнется война. «С этим общим мнением, — говорит он, — я не вполне согласен и обожду более убедительных симптомов войны. Иное дело, по-моему, кричать о войне, подстрекать и готовиться к ней, иное — кричать, вести и отвечать за войну. Поэтому позвольте мне, — говорит он, обращаясь к своим русским читателям, — пока посвятить эту корреспонденцию другого рода явлениям нашей южнославянской жизни».

Следуя сформулированному во 2-й корреспонденции принципу — не идти на поводу у общественного мнения, а выбирать для своих корреспонденций те предметы, которые имели «наибольший интерес», Жуёвич посвятил свое третье письмо из Цюриха взаимным отношениям хорватов и сербов, хорватов и венгров. Таким образом, Жуёвичу представился удобный случай рассмотреть хотя бы в самых общих чертах тот самый вопрос, который в силу целого ряда причин не мог быть освещен в «Славянских обозрениях» за 1866 год⁴. «Прежде всего, — оговаривается Жуёвич, — у читателя может возникнуть недоумение насчет того, „о каких тут еще отношениях между кроатами и сербами может быть речь, когда известно, что это один и тот же народ, говорящий одним и тем же языком“ и пр. и пр.? Это так, — отвечает он, — и я сам вижу неловкость вести об этом речь, тем не менее и умалчивать об этих отношениях нельзя, в особенности мне, обозревателю „славянского рода“». Примечательно, что, хотя Жуёвича уже не было в Петербурге и он не заведовал славянским отделом «С.-Петербургских ведомостей», однако, как это явствует из цитаты, сербский публицист по-прежнему продолжал считать себя обозревателем зарубежных славян. Возможно, это проливает некоторый свет на характер соглашения между Жуёвичем и Коршем, о котором говорилось в самом начале главы.

Вопреки убеждению, что сербы и хорваты составляют один народ, сербский демократ первым дерзнул публично, во всеуслы-

⁴ На прямую связь этой корреспонденции с «Славянскими обозрениями» 1866 г. указывает следующее замечание: «Да, ваш прежний обозреватель славян не ошибся в суждении о венграх. Смотрите: Деак, Этвеш и Тисса Коломан (вожатый крайней партии венгерской) подают друг другу руки, найдя пункт, с которого Пешт, сойдясь с Веной, может смотреть на славян свысока. Не удивительно поэтому, что о любовной сделке между венграми и кроатами и речи быть не может» («С.-Петербургские ведомости», № 34, 3 (15). II 1867).

шание заявить, что, по его мнению, это не так. «До сих пор, — писал он, — сколько мне известно, об этом никто не заявлял, вероятно, из опасения подвергнуться посмеянию со стороны всякого рода патриотов и националистов. Тем не менее я утверждаю, что кроаты и сербы — не одно и то же. Во-первых, кроаты — католики, тогда как сербы — православные; во-вторых, кроаты пишут «латиницей», тогда как сербы пишут гражданским (русским) письмом; в-третьих, кроаты — граждане триединого королевства, тогда как сербы — часть народа, государственные предания которого сосредоточиваются не ближе, как в Призрене (город в Старо-Сербии, столица бывших королей сербских)». Сделал он это отнюдь не для того, чтобы доказать невозможность дружбы между хорватами и сербами, сближения между ними, напротив, он страстно хотел этой дружбы и сотрудничества, однако реальная политика правящих кругов Хорватии, не отличаясь дальновидностью в этом отношении, тормозила ее развитие. Он упрекал хорватский сабор 1866 г. за надменность, выразившуюся в том, что последний назначил специальную комиссию для расследования вопроса «Что такое сербство?». Позиция хорватского сабора не отличалась последовательностью. Через год после учреждения злополучной комиссии тот же сабор вынес решение, что «отныне официальный язык триединого королевства будет называться «кroatским, что то же — сербским». «На взгляд кроатов и сербов, — продолжает Жуёвич, — это такой важный акт, что все кроатские и сербские газеты поспешили поздравить с ним кроатский сейм. Я же, хотя и серб⁵ (выделено нами. — В. К.), а все-таки не вижу тут ничего, кроме донкихотства... В прошлом году, когда и венгры так заискивали перед кроатами, и Вена совершенно открыто опиралась на кроатов, полемизируя с венграми, кроаты только капризничали, только хвастали да ссорились с сербами. Ныне же, когда Деак говорит, основываясь на «Прагматической санкции»: я знать не знаю этого триединого королевства, кроаты находят, что сербы нужны, что сербы и кроаты — одно и то же... Но поздно. Битва при Садове повернула маятник в другую сторону. Устраивается союз между немцами и венграми, перед которым не только кроаты с сербами мало значат, но даже не очень-то страшны и все славяне в Австрии, вместе взятые».

Все это не значит, оговаривается Жуёвич, что он отрицает всякую пользу сближения хорватов с сербами. Он с удовлетворением констатировал факт сближения хорватов и сербов в 1867 г. Своей критикой в адрес хорватов он хотел только сказать, что, «будь кроаты в позапрошлом году, т. е. после открытия сеймов, венгерского и кроатского, единодушнее с сербами, Деак едва ли стал бы так отзываться о триедином королевстве».

⁵ Уже по одному этому нельзя приписать «белградские» корреспонденции «П. П.» П. А. Ровинскому, который всегда подчеркивал свое русское происхождение.

Апатия австрийских славян вообще и хорватов в частности привела к тому, что Вена, видя «настойчивость» и «неколебимость венгерскую», махнула рукой на славян и обратилась лицом к Венгрии, «чтобы так или иначе удовлетворить ее». Во всем этом сербский публицист видел ситуацию, аналогичную той, которая сложилась в 1848 г. Чехи с завистью смотрят на успехи венгров и в глубине души надеются, что австрийский цезарь коронуется не только венгерской, но и чешской короной. «Да, — замечает в конце своего третьего письма Жуёвич, — но ведь в то же время, когда венгры работают и осаждают Вену почти с такой же моральной силой, какова была физическая сила пруссаков, в то же время чехи, вместе с другими славянами, дремлют...».

4-я «белградская» корреспонденция увидела свет через три недели после 3-й. Она была напечатана в № 56 «С.-Петербургских ведомостей» от 25 февраля (9 марта) 1867 г. и помечена февралем, без указания даты и без подписи. Отсутствие подписи под корреспонденцией в данном случае могло быть чисто случайным. По своему характеру и по содержанию она служила непосредственным продолжением и развитием главной темы о предстоящей войне, как и три предшествующих письма; поэтому не может быть никакого сомнения, что автором «белградской» корреспонденции был Жуёвич.

Прежде всего 4-я корреспонденция еще в большей степени, чем все остальные, передает атмосферу военного психоза в Сербии. «У нас как будто и в самом деле порохом пахнет», — этой фразой автор начинает свое письмо. Несмотря на то что убеждение в неминувости войны было всеобщим, Жуёвич не спешит присоединиться к общему хору, хотя, замечает он, «я тоже чувствую действие этого, как говорит Прудон, божественного огня, тоже теряю подчас равновесие в суждениях». Следуя избранному принципу, он стремился по возможности хладнокровно анализировать факты, говорящие как за, так и против войны.

Фактами, передающими атмосферу накала страстей, служили: лихорадочная работа крагуевацкого военного завода, спешное обучение фельдшером, приноровленное к предстоящей войне, наконец, слухи о том, что знаменитый белградский богач и меценат Миша Анастасиевич в случае войны готов пожертвовать значительной частью своего состояния.

Из фактов, говорящих против войны, Жуёвич на первое место ставил само сербское правительство, а точнее, нескольких влиятельных людей из него, «которые управляют делами княжества» и считают войну большим риском. Приведя пространный отрывок из воинственной речи князя перед сербскими офицерами на обеде 15 января, произведшей фурор в Сербии, корреспондент посмел и тут усомниться. «Я объясняю тост князя совсем противоположно прочим объяснениям, — писал он. — В самом деле, если Сербия заняла первое место в ряду тех земель, которые прежде делили с нею одинаковую судьбу, если имя сербское, так

сказать, до вчерашнего дня неведомое, ныне с уважением произносится в Европе, если сербское войско дошло до такого совершенства, что может внушить страх и трепет неприятелю (это пересказ содержания речи князя Михаила. — В. К.), если все это достигнуто в столь короткое мирное время, то чего можно ожидать, если мирное время продлится?».

Многочисленные данные и факты, приводимые сербским публицистом в своих корреспонденциях про и contra войны, невольно возбуждают вопрос — а какова была его собственная позиция по этому вопросу? Если турецкое правительство отказалось бы удовлетворить требования сербов, то Жуёвич не видел другого исхода, кроме войны, так как считал, что ошибка, допущенная в 1862 г., не должна повториться. К такому выводу мы приходим на основании его заявлений, содержащихся в рассматриваемых нами корреспонденциях.

Чем же в таком случае Жуёвич оправдывал войну, во имя какой цели она должна была вестись и как завершиться? И на этот вопрос мы находим ясный и недвусмысленный ответ в той же, 4-й, корреспонденции, не говоря уже о других его высказываниях на этот счет, о которых шла речь в предшествующих главах. «Условие национального существования сербов одно, — читаем мы здесь, — объединение всех сербов на Балканском полуострове, в соединении нынешнего Княжества сербского с естественными его частями — Боснией, Черногорией, Герцеговиной и так называемой Старо-Сербией — в одно нераздельное целое. Без этого мы, сербы, не имеем будущности, не имеем жизни, без этого мы — кратковременная фикция. У нас, кто не сознает, тот чувствует это, и потому грядущая война со стороны сербов будет войной из-за собственной жизни». Так Жуёвич формулировал главную задачу сербского народа и своим журналистским пером старался приблизить ее разрешение. В этом плане и следует рассматривать его корреспонденции в «С.-Петербургских ведомостях» за январь—май 1867 г., т. е. в период резкого обострения восточного вопроса в связи с восстанием на Крите и нависшей угрозой перерастания его во всеобщий взрыв поработенных народов Балканского полуострова против Османской империи. Белградские корреспонденции призваны были воздействовать на общественное мнение России в желательном для сербского народа духе и тем самым облегчить разрешение его основной задачи.

За март 1867 г. на страницах «С.-Петербургских ведомостей» появилось всего две корреспонденции «из Белграда»: первая была напечатана в № 69 от 11 (23) марта, вторая — в № 74 от 16 (28) марта. Обе они были помечены Белградом, имели точную дату (первая — 27 февраля, вторая — 2 марта) и обе были подписаны знакомыми буквами «П. П.».

Наши выводы относительно позиции Жуёвича по вопросу о сербо-турецкой войне находят себе подтверждение и в 5-й «белградской» корреспонденции («С.-Петербургские ведомости», № 69).

ЖИВОИН ЖУЖЕВИЧ

В ней подробно рассматриваются все аспекты проблемы о передаче турецких крепостей Сербии. «Белградская крепость не сегодня, так завтра будет в наших, сербских, руках, а с нею и все прочие крепости по берегам Савы и Дуная, вниз до Валахии», — такими словами начинается корреспонденция. Всех занимал тогда вопрос — какую ценой будут куплены эти крепости? Не мог не реагировать на это и «белградский» корреспондент «С.-Петербургских ведомостей», тем более что общественности стали известны турецкие условия: отменить народную милицию, повысить дань, платимую Сербией султану, отказаться от всяких претензий на сербские земли, захваченные Турцией. Сербский публицист назвал эти требования смешными. «Если б сербское правительство приняло их, — говорил он, — оно бы через месяц принуждено было бежать из страны». Решение этого вопроса, по мнению Жуёвича, целиком зависело от того, «в какой степени расположено сербское правительство к войне с султаном», «готово ли оно к войне или нет?». Что думало на сей счет сербское правительство, никто сказать не мог, в том числе и Жуёвич. Однако всем было ясно, что турецкие условия неприемлемы для Сербии. Свой собственный ответ на него Жуёвич строил, исходя из той объективной реальности, что «...правительство сербское далеко не воинственно, тогда как народ рвется к войне». Его ответ гласил: «Я отвечаю: готово, но с оговоркой: если без войны обойтись нельзя» (выделено нами. — В. К.). Расчет его на успех сербов в предстоящей войне с Турцией в случае ее неизбежности исходил из следующего: назавтра, по его мнению, Сербия в состоянии выставить 100 тыс. боеспособного войска; в течение трех дней сербы смогут соединиться с черногорцами. В этих условиях не могли остаться в стороне ни босняки, ни герцеговинцы. Таким образом, в бой с турками могли выступить по меньшей мере 200 тыс. человек. «С такой силой, — замечает Жуёвич, — турки бороться не могут — это должно быть ясно для всякого, кто следит за событиями на острове Крите». Оставалось неясным только одно: какую позицию займут великие державы? «Предрешить этот вопрос едва ли кто-либо в состоянии, — писал он. — Мы, сербы, в этом отношении уверены в одном, что в случае чьего-либо вмешательства в наши балканские дела и против нас, христиан, Россия поспешит остановить подобное вмешательство» (выделено нами. — В. К.). Как известно, восточный кризис 1867 г. не привел к войне. Вопрос о турецких крепостях разрешился мирным путем. Поэтому мы не можем гадать, какую позицию заняла бы Россия, если бы война разразилась. Трудно предположить, чтобы Жуёвич знал о планах создания Балканского союза в то время и об активной роли России в его создании. И тем не менее нельзя отказать сербскому демократу в дальновидности его прогнозов. Предсказания эти целиком и полностью подтвердились спустя десять лет, во время знаменитого восточного кризиса середины 70-х годов XIX в.

Когда Жуёвич уже написал свою 5-ю корреспонденцию, ему стало известно, что князь Михаил приглашен в Константинополь. Об этом он сообщает своим читателям в *Post scriptum*: «Князя Михаила действительно приглашают в Константинополь. Князь колеблется. Сербы в один голос говорят, что такая поездка вовсе нежелательна».

Вторая корреспонденция за март 1867 г. и 6-я по счету была очень короткой. Скорее это была не корреспонденция, а выдержка из письма в редакцию, как значилось в подзаголовке, хотя она и имела все атрибуты корреспонденции: место — Белград, время — 2 марта и подпись — «П. П.». Кстати сказать, это была последняя корреспонденция с означенной подписью. Больше уже корреспонденций под этим анонимом на страницах «С.-Петербургских ведомостей» не появлялось до самой смерти Жуёвича. По-видимому, небольшой отрывок «Из письма в редакцию „С.-Петербургских ведомостей“» был помещен с единственной целью — выразить недовольство сербской общественности поездкой князя Михаила в Константинополь.

Вопрос о крепостях был разрешен мирным путем. Острый кризис, переживаемый сербским народом, не привел к войне. Возможно, этим обстоятельством в какой-то мере объясняется длительное молчание «белградского» корреспондента. За весь апрель и до конца первой декады мая 1867 г. на страницах «Ведомостей» не было напечатано ни одного его материала.

Только 11 (23) мая появилась, наконец, очередная корреспонденция из Белграда, напечатанная в № 128 «С.-Петербургских ведомостей». Она была датирована 1 мая, но подписи не имела. Однако ее принадлежность Жуёвичу легко доказать. О связи этой белградской корреспонденции со всеми ранее рассмотренными нами недвусмысленно свидетельствует следующая фраза из нее: «В свое время я писал вам об измирении сербов с кроатами на счет языка». В данном случае анонимный автор имел в виду свою 3-ю по счету корреспонденцию, опубликованную в № 34 «Ведомостей» от 3 (15) февраля 1867 г. Одного этого факта вполне достаточно, чтобы приписать авторство упомянутой корреспонденции Жуёвичу и дать ей 7-й порядковый номер в ряду «белградских» корреспонденций сербского публициста за 1867 г.

7-я «белградская» корреспонденция Жуёвича в высшей степени интересна. В ней автор как бы подводит итоги бурным событиям, разыгравшимся в начале 1867 г. в связи с очередным обострением восточного кризиса, и приходит к такому выводу.

«Из всех приведенных мною фактов ясно одно: славяне уже в периоде возрождения. Это — факт неопровержимый. Я не верю в возможность осуществления панславизма в смысле московских славянофилов, но что панславизм в смысле сознательного морального единства, покуда ни одному славянскому народу не грозит никакая внешняя опасность, и в смысле политического единства под условным предводительством России, в минуту опасности хоть

малейшему славянскому народу, что, говорю, такой панславизм возможен и крайне нужен для всех славян одинаково и не только для славян, но и для человечества вообще, в этом вряд ли возможно основательное сомнение»⁶.

Прежде всего необходимо отметить, что подобного рода мысли сербский демократ высказывал не впервые. Мы знаем, что всякий раз при столкновении с московскими славянофилами на прише журналистики он неизменно и последовательно критиковал их взгляды, подчеркивая полную несостоятельность славянофильской теории и практики для зарубежных славян. При этом, как правило, он стремился сформулировать свою собственную точку зрения по вопросу о настоящем и будущем «славян могучего рода». Однако, перебирая в памяти все его высказывания на этот счет, на которых мы старались фиксировать внимание в предшествующих главах, нельзя не заметить, что в данном случае его вывод отличается большей определенностью и полнотой. Если раньше Жуёвич не переставал сетовать на пассивность и инертность славян и в этих условиях его высказывания о будущности славян носили скорее теоретический, умозрительный характер, то теперь, когда все зарубежные славяне по-настоящему пробудились и полным голосом заявили о своих правах и желаниях, он получил возможность сформулировать свой вывод более конкретно, применительно к новой ситуации.

С характеристики этой новой ситуации он и начинает свою 7-ю корреспонденцию: «Бросьте взгляд на необъятную Русь, на родину Гуса и Жижки, на родину Милоша и Марка, на Кроацию, и вы согласитесь со мной, что зрелище, представляющееся вашим взорам, есть поистине чудное, небывалое и отрадное». И далее: «Ничего, что венское и пештское министерства, по-видимому, торжествуют в Чехии и Славонии; ничего, что они также восторжествуют и в Кроации; ничего, что они грозят ворваться с войсками в Боснию и Герцеговину в случае какой-либо сделки сербского правительства с Абдул-Азизом — все это не более как мыльные пузыри перед славянским воскресением, перед мужающей славянской мыслью о славянском единстве и свободе».

О родине Гуса и Жижки сербский демократ замечает, что, несмотря на все попытки меттернихов, бахов и шмерлингов, «чешская нация все-таки развивается, чешская мысль о самостоятельности и свободе все-таки гораздо сильнее теперь, чем несколько лет тому назад»⁷. Несомненно, — предсказывал он, — что и барону Бейсту посчастливится не больше, чем его предшественникам. Ничего тут не поможет сделка с венграми».

⁶ «Белград, 1 мая», (Корреспонденция «С.-Петербургских ведомостей»). «С.-Петербургские ведомости», № 128, 11 (23).V 1867.

⁷ Из этого можно заключить, что тот «лучший материал» для характеристики освободительного движения чешского и словацкого народов, которого не хватало в начале 1866 г., когда Жуёвич писал свое обозрение о чехах, теперь появился.

О родине Милоша Обилича и Марка Краевича Жуёвич писал следующее: «...У нас, в Белграде, состояние умов далеко неспокойное. Сербы не удовлетворены крепостями⁸ (я говорю об обществе только) и сильнейшим образом настаивают, чтобы правительство на каких бы то ни было условиях взяло Боснию и Герцеговину. Во имя этого они предлагают правительство и людей, и деньги, и все, в чем бы оно ни нуждалось».

О Кроации корреспондент сообщал своим читателям, что «в городе Аграме (Загребе. — В. К.) — самое натянутое настроение, и разрыв Кроации с Венгрией можно считать почти что несомненным. Все ждут, что в Кроации правительство поступит, как и в Чехии... Все убеждены, что повторение событий 1848 года близко и неминуемо». Хорватские политические деятели — Мажуранич, Полит-Десанчич, Кирыкович, Вукашинович и некоторые другие — сложили с себя депутатские звания и высказались против королевского рескрипта. «Но сколько важно кроатское движение, направленное против немцев и венгров, — продолжал Жуёвич, — столько же важно, с другой стороны, движение кроатской мысли в пользу братского единения и взаимности с сербами не только австрийскими, но и всеми прочими, в особенности с Княжеством сербским». Соглашение сербов с хорватами относительно языка, о котором он писал ранее, «идет все дальше и дальше».

Исходя из всего этого, автор приходил к выводу, что дело славянского возрождения на верном и надежном пути: «Не помогут тут ни аресты славянских печатных станков, ни аресты славянских политических представителей, не помогут и заставы на пути в Москву⁹. Правда истории свята и неприкосновенна!..».

Среди славянских земель, на которые белградский корреспондент предлагал своим читателям «бросить взгляд», чтобы убедиться, что зрелище в стане «славян могучего рода» «поистине чудное, небывалое и отрадное», недоставало одной только характеристики «необъятной Руси». По-видимому, он это сделал сознательно. Можно предположить, что Жуёвич имел в виду не царскую самодержавную Россию, а Россию демократическую и русский народ, но сказать об этом открыто, конечно, не мог, поэтому и предпочел отмолчаться. Но, с другой стороны, для своего конечного вывода, о котором мы говорили в самом начале, приступая к анализу 7-й «белградской» корреспонденции, он не мог не упомянуть «необъятную Русь» (заметим в скобках — именно Русь, а не Россию!).

⁸ 8 (20) апреля 1867 г. в № 96 «С.-Петербургских ведомостей» напечатали телеграмму из Белграда такого содержания: «Белград, 6 (18) апреля. Сегодня происходила передача белградской крепости сербскому правительству. Турецкие и сербские войска были выстроены на плацу, и князь Михаил прочел перед ними фирман султана о передаче крепости».

⁹ Имеются в виду препятствия, чинимые австрийскими и венгерскими властями поездке славян на Московскую этнографическую выставку 1867 г.

В свете всего вышесказанного упомянутый вывод сербского демократа об условиях «славянского воскресения» можно истолковывать следующим образом.

1) Порабощенные славяне не могут возродиться, т. е. добиться своего освобождения и объединения, без сознательного морального единства. Как показывает история, без этого единства они не более как «кратковременная фикция»¹⁰. Но одного морального единства достаточно лишь в том случае, «если ни одному славянскому народу не угрожает никакая внешняя опасность».

2) В случае, если такая опасность возникнет, моральное единство необходимо дополнить единством политическим. Но не для того, чтобы создать великое славянское царство под эгидой царской России, к чему стремились панслависты, а для того, чтобы предотвратить опасность, угрожающую «хоть малейшему славянскому народу». Иными словами, в данном случае речь могла идти лишь о политическом союзе для отражения внешней опасности. Поскольку тогдашняя Россия являлась самым сильным и самым могучим славянским государством, постольку, в силу этой объективной реальности, необходимый политический союз между славянскими народами мог состояться не иначе, как «под условным предводительством России». Мы не случайно выделили слово «условный» — этому определению Жуёвич придавал первостепенное значение. Хотя в своей формулировке он не раскрывает содержания, вкладываемого им в это понятие, тем не менее нетрудно догадаться, что речь могла идти только о таком политическом союзе и на таких условиях, которые бы не затрагивали национальных прав и суверенитета союзников. Именно в этом смысле в своей 5-й «белградской» корреспонденции он говорил о помощи России Сербии на случай войны последней с Турцией.

3) Сербский демократ был далек от мысли, чтобы «сознательное моральное единство» было привилегией одних только славян, поставив их в какое-то исключительное положение. Поэтому он и подчеркнул в своей формулировке, что такой «панславизм» возможен и крайне необходим «не только для славян, но и для всего человечества». В чем другом, но в этом он не сомневался ни минуты, выражая тем самым свое принципиальное несогласие с политической концепцией славянофилов и панславистов.

«ЗАДУНАЙСКИЙ СЛАВЯНИН»

С 11 мая по 7 октября 1867 г. на страницах «С.-Петербургских ведомостей» не появлялось больше белградских корреспонденций. Но это не означало, что Жуёвич прекратил свое сотрудничество в газете. Тщательное изучение «Ведомостей» показывает, что именно в этот промежуток времени он опубликовал в них три своих объемных материала: 1) рецензию на книгу В. Макушева

¹⁰ См. 4-ю белградскую корреспонденцию за 1867 г.

«Задунайские и адриатические славяне. (Очерки статистические, этнографические и исторические. Соч. Викентия Макушева)» («С.-Петербургские ведомости», № 142, 25. V (6. VI) 1867); 2) статью «Сербское молодое поколение» («С.-Петербургские ведомости», № 164, 16 (28). VI 1867) и 3) очерк «Чехи и сербы на месте сожжения Гуса и Иеронима» («С.-Петербургские ведомости», № 184, 6 (18). VII 1867). Первые два материала были подписаны псевдонимом «Задунайский славянин», третий имел полную авторскую подпись. — «Ж. Жуёвич». Все материалы представляют несомненный интерес и нуждаются в обстоятельном разборе и анализе, тем более что два из них были подписаны новым, нам еще не известным псевдонимом.

Рецензия на книгу В. Макушева имела подзаголовок: «Письмо из Цюриха» и точную дату в конце — 15 (3) мая, т. е. по новому и старому стилю, причем, как и следовало ожидать, дата по новому стилю была поставлена на первое место. Авторство этой рецензии мы приписываем Живоину Жуёвичу на том основании, что, во-первых, точно знаем, что он находился в это время в Цюрихе, где никаких других корреспондентов «С.-Петербургские ведомости» не имели; во-вторых, в тексте самой рецензии содержатся два прямых указания на то, что автор ее — серб по происхождению¹¹; в-третьих, псевдоним «Задунайский славянин», по-видимому, был подсказан названием сочинения русского слависта, наконец, в-четвертых, анализ содержания рецензии, к которому мы теперь обратимся, с несомненностью подтверждает обоснованность наших выводов.

Рецензия начинается так: «Приятно мне было получить книгу о славянах в стране, далеко отстоящей от стран славянских, приятно было вспомнить о Дунае, Мораве и Адриатике в чужой долине, подле колоссальных вершин Альпов. Поэтому всякий легко поймет, с каким возбужденным интересом должен был я приняться за чтение книги г. Макушева. Еще до получения этой книги мне попался однажды номер „С.-Петербургских ведомостей“, в котором красовалось длинное-предлинное объявление об ее успехе с подробным указанием ее содержания, соблазненным, вероятно, не меня одного. Благодаря именно этому соблазну я решил все что бы то ни стало получить книгу г. Макушева и... получил ее». Из этого отрывка видно, что автор жил в Швейцарии, поддерживал связи с редакцией «Ведомостей», от которой, судя по всему, и получил интересовавшую его книгу, регулярно читал «С.-Петербургские ведомости». Все это, как нельзя лучше, согласуется с тем, что мы уже знаем, а именно, что, живя в Цюрихе, Жуёвич выпол-

¹¹ Первое: «Я не знаю, — писал автор рецензии, — каковы вообще дома болгар, но что до сербов, я могу засвидетельствовать перед читателем, как к серб (выделено нами. — В. К.), что г. Макушев указывает здесь на дома, построенные не сербами, а его собственным воображением». Второе: «Сербы — пастухи? Хоть я и серб, — писал автор, возражая Макушеву, — но это для меня совершенная новость, за которую поздравляю вас!..».

нял функции корреспондента ежедневной петербургской газеты, в которую посылал свои «белградские» корреспонденции.

Поведав своим читателям, что Викентий Макушев служил чиновником русского консульства в Рагузе и по этой причине не имел возможности лично следить за событиями у сербов на берегах Адриатики, в Черногории, Боснии и Герцеговине, Жуёвич упрекает автора за то, что он говорит о всех задунайских славянах, «не побывав ни у одного из этих народов, за исключением черногорцев».

По мнению рецензента, первая половина книги Макушева, посвященная прошлому адриатических и задунайских славян, «хотя и не оригинальная, все-таки недурна», зато вторая ее половина, относящаяся к настоящему упомянутых славян, с его точки зрения, — «из рук вон». «Этого настоящего, — продолжает Жуёвич, — г. Макушев совсем-таки не знает, так что можно удивляться его куражу, говорить да не только говорить, но еще и писать, и притом писать тоном знатока о деле, о котором он, во всяком случае, знает не более любого образованного русского...».

Перелистывая страница за страницей книгу Макушева, «которая, — по словам рецензента, — имеет претензию знакомить русских с настоящим славян адриатических и задунайских», он обнаружил только на первых 30 страницах девять ошибок и неточностей.

«Указав на все приведенные выше небылицы, украшающие так дурно книгу г. Макушева, — пишет автор, — я нарочно оставил под конец важнейшую из этих небылиц, которую русские слависты вторят один за другим, точно сговорившись: я разумею отношение адриатических и задунайских славян к России. Сколько мне известно, из всех славистов русских один г. Пыпин имеет свое особое мнение об этих отношениях, высказанное в прекрасном его труде «История славянских литератур» (sic! Нам хорошо известны отношения Ж. Жуёвича с А. Н. Пыпиным, в том числе и рецензия Жуёвича на упомянутый труд, о чем шла речь в главе пятой. — В. К.). Все же прочие друг с другом совершенно согласны. Все они как будто отрицают в задунайских славянах чувство самостоятельности и независимости, хотя бы в отношении к симпатичной им России».

«Задунайские славяне знают Россию, во-первых, как сильнейшую страну в Европе; во-вторых, как страну с ними одноверную и одноплеменную; в-третьих, как страну, сочувствующую им более, чем какая-либо другая страна... Отсюда симпатия задунайских славян к России, теснейшим образом связанная с надеждой на подмогу в минуту нужды. Возможно ли отсюда выводить батрацкие чувства по отношению к России? ...».

Такого рода мысли сербский демократ высказывал неоднократно в своих публицистических выступлениях на страницах русской периодической печати 60-х годов XIX в. Не далее как в 7-й «белградской» корреспонденции он повторил их в общем

виде еще раз¹². Все это рассеивает последние сомнения в том, кто мог скрываться под псевдонимом «*Задунайский славянин*». Ответ может быть только один — Живоин Жуёвич.

Разобранная нами рецензия завершается признанием, что «исторический обзор задунайских и адриатических славян в книге г. Макушева, как конспект, недурен и, пожалуй, даже бесполезен».

После раскрытия псевдонима «*Задунайский славянин*» уже не представляет большого труда определить автора подвальной статьи «Сербское молодое поколение», напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 164, 16 (28).VI 1867). Дело в том, что это был второй, и последний, материал, под которым стояла подпись «*Задунайский славянин*».

Статья «Сербское молодое поколение» посвящена сербской Омладине — культурно-просветительной и политической организации сербской молодежи, возникшей на учредительном съезде в главном городе сербской Воеводины — Нови Саде, в августе 1866 г. Следует отметить, что это был не первый отклик «С.-Петербургских ведомостей» на столь знаменательное событие в истории сербского общественного движения. Еще в середине сентября 1866 г. в рубрике «Славянские известия» газета сообщила своим читателям о создании ставшего знаменитым впоследствии омладинского общества¹³. В вышеупомянутой статье Жуёвич изложил свои взгляды на эту первую общесербскую организацию молодежи. Отметив, что предстоящему второму съезду Омладины, который должен был состояться 6 августа 1867 г. в столице Сербского княжества — Белграде, он придает большое значение, Жуёвич затем ответил на вопросы, им же самим поставленные: Что такое сербское молодое поколение? Откуда и для чего оно, каково его нынешнее состояние и какому кумиру оно поклоняется?

«Молодым сербским поколением сербы считают всех тех соотечественников, — писал он, — которые уверовали в новые идеи о человеке и обществе с правами и обязанностями того и другого. Молодое сербское поколение — это логическое следствие сербской истории, а потому история определяет и задачу сербского молодого поколения. Кумир же его — сербская свобода».

Все последующее изложение посвящено раскрытию и объяснению этого определения.

Начав с описания положения сербского народа под властью иноземных захватчиков, Жуёвич рассказывает, как в результате двух восстаний было создано Сербское княжество, ставшее «залогом всесербского освобождения, краеугольным камнем воздвигающегося здания всесербской государственности, надеждой на лучшее будущее». Мысль об освобождении завладела всеми сербами.

¹² Об этом же писал Ж. Жуёвич и в статье «Наши отношения к русским» в 1868 г.

¹³ «С.-Петербургские ведомости», № 245, 17 (29).IX 1866.

«Идея сербского возрождения стала идеей не одной какой-либо части сербов, не отдельного какого-либо сословия, не партии и т. п., а идеей всего сербского народа».

Сербское возрождение стало главным в деятельности Омладины. Истоки этого возрождения Жуёвич видел в сочинениях «знаменитого в истории сербского умственного развития» Досифея Обрадовича и «одного из лучших, — по его определению, — сербских поэтов» — Симеона Милутиновича (1791—1847 гг.)¹⁴. От них он ведет начало бурной внутренней жизни княжества. «Народ сербский в княжестве был освобожден, — пишет Жуёвич, — но не была освобождена сербская личность и гражданственность». Эту колоссальную ношу и взвалило на свои плечи сербское молодое поколение, чтобы очистить хорошее от дурного, найти врачей и лекарство, рабочих и мастерские, притом найти, как он пишет, «все у себя и в себе».

Представительницей сербской интеллигенции стала народная партия, под знаменем которой объединилось все новое поколение сербов.

Среди австрийских сербов тоже велась борьба, но иного характера, чем в княжестве. Если в княжестве она вращалась вокруг вопроса о том, кому быть князем, а кому «каймаком», (наместником), то в Воеводине главным был, по его словам, вопрос о сербской автономии в границах, «стократ означенных и стократ погранных теми же, которые назначали их, либо их потомками». Невзгоды, безжалостно терзавшие сербов по обе стороны Савы и Дуная, заставили серьезно призадуматься молодых людей над их причинами. Желая оказать помощь своему народу, сербская молодежь принялась за дело. Повсюду стали возникать кружки. В этих условиях призыв «Зоры» (сербского студенческого общества в Вене) к объединению оказался своевременным и был услышан и поддержан сербской молодежью. Так, 15 августа (по нов. ст.) в Нови Саде собралась первая «скупщина целокупне омладине српске», на которой присутствовало около 500 человек. Хотя Нови Сад, по мнению Жуёвича, был не очень удобным местом для подобного собрания, так как «за малейшее прикосновение к нежному механизму австрийской политики, а то, пожалуй, и политики вообще, можно было ожидать «распущения собрания» (так это и случилось в 1872 г., заметим в скобках), но тем не менее учредительный съезд прошел успешно, заложив фундамент первой общесербской организации.

Таково в общих чертах содержание статьи «Сербское молодое поколение». В ней мы находим немало мест, созвучных произведениям сербского демократа, написанным и опубликованным им

¹⁴ Отметим, что сочинения С. Милутиновича тогда уже стали большой библиографической редкостью, автор статьи сделал следующее, важное для нас, подстрочное примечание: «В Петербургской публичной библиотеке они есть почти все».

в России¹⁵. В конце статьи Жуёвич приводит в переводе на русский язык полный текст устава Омладины, принятого на учредительном съезде. Сравнение перевода всех десяти пунктов устава, сделанных Жуёвичем, с переводом его, помещенным в № 245 «С.-Петербургских ведомостей» за 1866 г., показывает, что к первой информации о новисадском съезде Жуёвич не имел отношения.

Статья «Сербское молодое поколение» завершается примечательной фразой: «Да, — писал Жуёвич, — мы имеем хорошую, дельную молодежь и желаем, чтобы и русская молодежь в свою очередь содействовала общему славянскому возрождению».

Третьим материалом Жуёвича из числа упомянутых выше был его очерк «Чехи и сербы на месте сожжения Гуса и Иеронима». Он был оформлен в виде корреспонденции, о чем свидетельствовала помета под заголовком — «Корреспонденция „СПб. ведомостей“ с датой и подписью в конце: Цюрих, 8 июля, „Ж. Жуёвич“». В нем Жуёвич в третий раз за время своей публицистической деятельности прямо и непосредственно обращается к Гусу и гуситскому движению¹⁶.

«Третьего дня, т. е. 6-го июля (нов. ст.), часов в 5,5 утра я был на дороге в Констанц»¹⁷, — такими словами начинает свой очерк Жуёвич. С ним вместе находились еще десять чехов и сербов. Целью поездки была тризна в память Гуса и Иеронима, так как 6 июля был сожжен первый из них.

Хотя нам хорошо известен автор очерка, все же целесообразно привести некоторые выдержки, свидетельствующие о том, что он бывал в Петербурге и хорошо знал русскую действительность. В самом начале есть такая фраза: «Погода стояла самая дурная: мелкий дождик напоминал петербургскую погоду». На то, что это не простой литературный прием с целью польстить читателям ежедневной петербургской газеты, указывают два других отрывка, приводимых ниже. Описывая памятник на месте сожжения Яна Гуса, Жуёвич подметил такую характерную деталь: «Близ памятника, — говорит он, — нет никаких жилых помещений; прекраснейшие деревья окружают его. Затем все поле, роскошное, разноцветное, чудное поле. Оно, конечно, не особенно обширно, в особенности в русском смысле этого слова, но русских полей вы не найдете не только вблизи Швейцарии,

¹⁵ Подробнее см. наш доклад: В. Карасёв. Живојин Жујовић и Омладина. Уједињена Омладина српска. Зборник радова. Матица Српска. Нови Сад, 1968, стр. 139—151.

¹⁶ В рецензии на книгу Пыпина и Спасовича «Обзор истории славянских литератур» («С.-Петербургские ведомости», № 145, 11 (23).VI 1865), в «Славянском обозрении» за 1866 г. «Чехия с Моравией» («С.-Петербургские ведомости», № 37, 7 (19).II) и в настоящем очерке. Очерк был напечатан в «С.-Петербургских ведомостях», № 184, 6 (18).VII 1867.

¹⁷ Следовательно, дату 8 июля в конце очерка следует считать по новому стилю.

но, пожалуй, во всей Европе» (выделено нами. — В. К.). Далее, продолжая описывать внешний вид памятника, Жуёвич прибег к такому сравнению: «Перед нами был простой, но довольно большой камень, если не ошибусь, вроде того пьедестала, на котором стоит перед сенатским зданием (в Петербурге) памятник великого русского преобразователя» (т. е. Петра I. — В. К.).

Рассказывая о мемориальной тризне по Гусу на месте его сожжения с участием небольшой группы в 11 человек чехов и сербов, во время которой к памятнику был возложен венок из живых цветов, автор затем подробно излагает содержание речей, произнесенных во время этой скромной тризны. Сначала говорил чех, отметивший величие Гуса и выразивший сожаление, что памятник величайшему чеху находится на немецкой, а не на чешской земле. Затем с большой речью выступил серб. Имя его не названо, но мы твердо знаем, что им был сам Ж. Жуёвич. В этом легко убедиться путем сравнения текста его речи с уже известными нам высказываниями сербского публициста о Гусе и гуситском движении.

В качестве примера воспроизведем только один отрывок из речи серба.

«Старый демократизм чешский был поработен немецкой мелкой тиранией, феодализмом, — говорил он. — С Гусом же он вырвался из этого состояния и тотчас явил свою проповедь в пользу идеи братства и против чьей бы то ни было тирании. Ханжество и страшные злоупотребления религией со стороны католического духовенства того времени только укрепляли Гуса в его взгляде на принципы папства. Но не одно папство наполняло идею гуситскую, напротив, последняя носила в себе залоги не только религиозного, но и социального, и политического возрождения чешского народа»¹⁸.

В заключительной части своего обширного очерка-корреспонденции Ж. Жуёвич подробно описал тюремную камеру, в которой томился Ян Гус. Интересно своими тонкими наблюдениями и авторскими ассоциациями описание достопримечательностей Констанцского музея древностей.

В очерке о чехах и сербах на месте сожжения Гуса и Иеронима Жуёвич как бы вскользь и мимоходом коснулся важного вопроса о славянском съезде 1867 г. в Москве¹⁹.

«Да, Московская этнографическая выставка — важное историческое событие во всех отношениях, — писал Жуёвич. — Она важна потому, что дала возможность славянским чувствам сказаться во всей их полноте» (выделено нами. — В. К.).

¹⁸ «На Гуса следует смотреть как на деятеля, в окончательном результате более политического, нежели религиозного...», — писал Ж. Жуёвич в известном нам «Славянском обозрении» («Чехия с Моравией». «С.-Петербургские ведомости», № 37, 7 (19). II 1866).

¹⁹ См.: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. М., 1960.

ПЯТЬ КОРРЕСПОНДЕНЦИЙ ИЗ БЕЛГРАДА

С начала октября 1867 г. в «С.-Петербургских ведомостях» снова стали появляться белградские корреспонденции. За октябрь—декабрь их было напечатано пять, и все они были анонимными. Только третья по счету («С.-Петербургские ведомости», № 305, 4 (16). XI 1867) была подписана псевдонимом «Корреспондент». Таким образом, их связь с белградскими корреспонденциями начала года, равно как и принадлежность Ж. Жуёвичу, нуждаются в доказательстве.

Напомним, что в середине августа 1867 г. сербский публицист уже возвратился из Швейцарии на родину и жил в Белграде. Если упомянутые пять корреспонденций из Белграда, действительно, принадлежали его перу, то, естественно, создавались они непосредственно на месте событий, откуда посылались, а не в Петербурге и Цюрихе, как это было раньше. Значение столь важного обстоятельства мы можем понять и по достоинству оценить уже на примере первой (среди пяти вышеназванных) белградской корреспонденции. Она была напечатана в «С.-Петербургских ведомостях», № 277 от 7 (19) октября 1867 г., помечена Белградом, датирована 22 сентября и посвящена двум событиям: концерту, который 19 сентября дал в Белграде известный в ту пору русский певец, исполнитель народных песен Славянский, и открывающейся в конце сентября очередной сессии Сербской народной скупщины. «Концертов было два, — писал автор, — но я был (выделено нами. — В. К.) только на втором, вызванном, как гласила афиша, просьбой публики». Из этой фразы видно, что корреспондент лично присутствовал на концерте и, следовательно, делится с читателями своими личными впечатлениями. Тут уж и речи быть не может, чтобы анонимный автор узнал обо всем этом из третьих рук. Содержание корреспонденции это наглядно подтверждает²⁰.

На прямую связь этой корреспонденции с белградскими начала 1867 г. указывает и сам автор в первых же фразах своего письма: «Разные обстоятельства (подчеркнуто нами. — В. К.) принудили меня прервать на некоторое время мои корреспонденции. Возобновляя их, я начну с двух явлений — Народной

²⁰ «Г. Славянскому аккомпанировала г-жа Славянская. Концерт состоял из песен русских, сербских и итальянских... Зал концертный был полон, и это-то первое обстоятельство навело меня на некоторые размышления о пользе подобных концертов. Я принадлежу к людям, желающим ближайшего знакомства славяни между собой (выделено нами. — В. К. Это еще одно доказательство принадлежности корреспонденции Ж. Жуёвичу), потому готов воздать всякую похвалу тому, кто содействует этому делу. Концерты, подобные концертам г. Славянского, — недурное средство для взаимного славянского ознакомления. Сам г. Славянский — настоящий русский, а потому его непосредственное действие в среде сербов и сношение с ними, по моему мнению, полезны во всех отношениях».

скупщины и концерта, данного здесь третьего дня г. Славянским (русский). Но так как скупщине я должен буду посвятить по крайней мере несколько корреспонденций, а о концерте нельзя не сказать хоть два, три слова, то я и начну с концерта...».

Следовательно, не только эта, но и две последующие корреспонденции (в № 289 и 305), целиком посвященные Сербской народной скупщине 1867 г., были написаны Жуёвичем. Представляется целесообразным поэтому рассмотреть их вместе. Зная, какое большое значение придавал сербский демократ Народной скупщине, небезынтересно проследить, изменились ли его взгляды на нее по сравнению с 1864 г. В первой из упомянутых корреспонденций («С.-Петербургские ведомости», № 277, 7 (19). X 1867) Жуёвич сообщил своим читателям, что скупщина открывается 29 сентября в г. Крагуеваце, и выразил надежду, что она «не будет повторением скупщин 1861 и 1864 годов...». Во второй корреспонденции («С.-Петербургские ведомости», № 289, 19 (31). X 1867) он уже рассказал некоторые подробности о ее деятельности, хотя «официальных данных об этом предмете, — оговорился он, — покуда почти никаких нет, кроме тронной речи князя и ответного адреса скупщины». И, наконец, в третьей, и последней, корреспонденции, посвященной скупщине 1867 г. («С.-Петербургские ведомости», № 305, 4 (16). XI 1867), написанной спустя восемь дней после ее закрытия (корреспонденция датирована 20 октября), автор подвел не только итоги деятельности этой скупщины, но и дал оценку всем трем сербским скупщинам (1861, 1864 и 1867 гг.), имевшим место за время правления князя Михаила Обреновича. Оценка эта была неутешительной. «Я должен прежде всего сказать вам, — писал Жуёвич в этой корреспонденции, — что скупщина наша не имеет никакого сходства с другими скупщинами: она вполне оригинальна. Боясь народного представительства в настоящем европейском смысле этого слова, у нас придумали фикцию этого представительства, в силу которой выходит, что у нас и есть народное представительство, и нет его. Во-первых, наша скупщина не есть законодательное собрание. Она имеет лишь право ходатайствовать и жаловаться. Во-вторых, скупщина представляет лишь низшие слои народонаселения: земледельцев и торговый класс. Иногда туда попадает и духовенство. С 1858 года и по нынешнее время ни в одной скупщине почти не было действительно образованных людей, за исключением разве одного протоиерея, о котором я поговорю ниже. Итак, наша скупщина есть собрание депутатов от поселян, торговцев и духовенства, в котором образованный элемент не преобладает».

Таким образом, надежды Жуёвича на то, что скупщина 1867 г. не будет повторением предшествующих, не оправдались. Правда, упомянутый в цитированном выше отрывке протоиерей пытался кое-что сделать, но из этого ничего не вышло. Речь шла о ягодинском протоиерее Йоване Йовановиче, которому сербский публицист посвятил немало теплых слов в двух последних корреспонден-

денциях, посвященных скупщине 1867 г. «Он надеялся много сделать на бывшей скупщине, — писал Жуёвич, — но потерпел такие неудачи, которые вряд ли перенесет. Непросвещенная толпа не поняла своего лучшего друга, который под конец скупщины остался совершенно одиноким»²¹.

Что же сделал этот ягодинский протоиерей и за что он удостоился столь высокой оценки со стороны сербского демократа? Первый раз Жуёвич упоминает о нем во 2-й корреспонденции, датированной 6 сентября. После того как секретарь скупщины М. Миличевич («тот самый, — замечает Жуёвич в скобках, — который был у вас на Московской этнографической выставке в качестве славянского гостя») «составил адрес, как знал, и потом представил комиссии на одобрение...», сверх чаяния завязался спор. Один из членов комиссии, протоиерей Иоанн Иоаннович — патриот и очень образованный человек, заявил свое недовольство и потребовал, чтобы в адресе были обозначены направление и общие начала, которыми намерена руководствоваться скупщина в своих занятиях. Между прочим, почтенный протоиерей указал на полную свободу слова на скупщине и на полную безответственность депутатов, как на условия, без которых не могут начаться никакие занятия скупщины. Хотя к его мнению тотчас пристала чуть треть членов комиссии, требование его не прошло. После долгих споров решено было представить адрес скупщине в том виде, как он написан, а комиссия вместе со скупщиной представят оппонентам право высказаться потом вволю»²².

В третьей корреспонденции, датированной 20 октября и подписанной псевдонимом «Корреспондент», Жуёвич несколько уточнил описанный выше эпизод. «С этой скупщиной, — писал он, — совладать было труднее, чем с прежними, потому что между депутатами было много людей, в высшей степени недовольных правительством. Это и обнаружилось тотчас же, лишь только приступлено было к составлению адреса. Адрес обыкновенно пишет у нас секретарь скупщины. Но теперь написано было два адреса: один — секретарем Миличевичем, другой — протоиереем Иоанном Иоанновичем. Из 128 депутатов 95 были за адрес секретаря, 33 — за адрес протоиерея. Второй адрес выражал желание и мысли сербской оппозиции. Но потом, со дня на день... министерское влияние на скупщину становилось сильнее и сильнее; все депутаты, за исключением разве двух-трех, перешли на сторону министерства»²³.

Чуть ниже, в той же корреспонденции, Жуёвич дал следующую характеристику И. Ивановичу: «Большую часть самых интересных предложений (на скупщине. — В. К.) сделал... Иоанн Иоаннович, протоиерей в округе Ягодинском. О. Иоанн — бывший

²¹ «С.-Петербургские ведомости», № 305, 4 (16).XI 1867.

²² «С.-Петербургские ведомости», № 289, 19 (31).X 1867.

²³ «С.-Петербургские ведомости», № 305, 4 (16).X 1867.

воспитанник Киевской духовной академии, живший в Киеве в то время, когда там был попечителем округа Н. И. Пирогов²⁴. С этим знаменитым ученым о. Иоанн был коротко знаком. Он также защищал Белград в 1862 году во время бомбардировки. Это чрезвычайно умный и энергичный человек»²⁵.

В разобранных корреспонденциях есть немало деталей, которые в дополнение к уже приведенным доказательствам с неопровержимостью свидетельствуют об их принадлежности Жуёвичу. Останемся лишь на некоторых из них.

Отметив небывалую пассивность избирателей на выборах, корреспондент рассказал своим читателям такой эпизод. «В Белграде избирателей имеется до 4000, а между тем, по газетным известиям, никем не опровергнутым, подавали голоса только 140 человек! В Белграде были еще такие случаи: подходит избиратель к столу, где отбираются голоса, и спрашивает: «Груич может ли быть избран?». Ему говорят: «Нет, не может»; и он, сказав обыкновенное сербское «с Богом» (прощайте), уходит восвояси. За ним подступает другой, третий, четвертый и т. д., делая то же самое. Вы, вероятно, — спрашивает корреспондент, — любопытствуете узнать, кто это такой Груич? Это либеральный чиновник — не более, получивший известность со времени скупщины 1858 года. Это, наконец, один из тех бывших кассационных судей, которые за суд над заговорщиками 1863 года, прозванными «Днем» за мнимых (выделено нами. — В. К.), были осуждены и приговорены к двухлетнему заточению и лишению «гражданской чести», т. е. гражданских прав. Это один из самых популярных людей в Сербии»²⁶.

А вот другая, не менее характерная деталь из той же корреспонденции. «Секретари „Державного совета“ уже уехали в Крагуевац, державные советники поедут тоже. Таким образом, из Белграда вдруг уедет вся сербская аристократия, предоставив Белград торговому и мелкобюрократическому классам, ибо высшая бюрократия и есть наша сербская аристократия» (выделено нами. — В. К.). Такое определение мы не раз встречали в произведениях сербского публициста в русский период.

Наконец, деталь третья, заимствованная уже из другой корреспонденции. Сетуня на скудость официальных данных о заседа-

²⁴ Пирогов Николай Иванович (1810—1881 г.) — великий русский ученый, хирург и анатом, профессор Медико-хирургической академии в Петербурге. С 1856 г. был попечителем Одесского, затем Киевского учебных округов. За попытку реформировать постановку обучения в школе в 1861 г. был уволен в отставку.

²⁵ «С.-Петербургские ведомости», № 305, 4 (16).XI 1867.

²⁶ «С.-Петербургские ведомости», № 277, 7 (19).X 1867. Читатель, конечно, хорошо помнит, как много Ж. Жуёвич уделял места и времени этому заговору на страницах «Голоса» и «С.-Петербургских ведомостей» в 1864 г., равно как и полемику Жуёвича со славянофильским «Днем» по этому вопросу.

нии скупщины, происходившей в Крагуеваце, корреспондент, в частности, писал следующее: «Знакомые из Крагуеваца боятся писать о том, что там делается, а телеграфы у нас — казенные. Несмотря на то что от Белграда до Крагуеваца не более 60—70 верст, мы, точно в Архангельской губернии (выделено нами. — В. К.), узнаем о делах скупщины едва через 6—7 дней!»²⁷. Уже не раз отмечалось, что сравнения подобного рода принадлежали к числу излюбленных литературных приемов Жуёвича, прекрасно ориентировавшегося в русской действительности того времени.

Заканчивая разбор трех белградских корреспонденций, посвященных Сербской скупщине 1867 г., нельзя не обратить внимания на интересный факт, связанный с общественной деятельностью Жуёвича, факт, который не был известен ни его биографам, ни исследователям его творчества. Мы имеем в виду неудавшуюся попытку избрания Жуёвича депутатом Сербской народной скупщины в 1867 г. Вот как он сам писал об этом в своей белградской корреспонденции, датированной 22 сентября 1867 г. и напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях», № 277 от 7 (19) октября 1867 г.

«Закон о скупщине исключил несколькими параграфами из состава последней всех людей образованных, представив скупщине выбирать из простолюдинов, торговцев и духовенства. Могли бы еще быть выбраны адвокаты, но наши адвокаты (только по гражданским делам) так противны народу, что на их счет правительство может быть спокойно. В Смедереве (на Дунае), говорят, хотели было выбрать одного молодого адвоката, да он на беду оказался не в летах, как и ваш покорный слуга, которого также внутри Сербии выбрали было в депутаты (нужно иметь тридцать лет от роду)». К сожалению, мы пока не знаем, где выдвигалась кандидатура Живоина Жуёвича. Вероятнее всего, в Валеvском округе. Но сам по себе факт не вызывает сомнений. В 1867 г. Жуёвичу было 29 лет.

Две последних корреспонденции из Белграда за 1867 г., первая из которых была датирована 3 ноября («С.-Петербургские ведомости», № 318, 17 (29). XI 1867), а вторая — 24 ноября («С.-Петербургские ведомости», № 336, 5 (17). XII 1867); уже не имели связи со скупщиной.

В первой сообщалась сенсационная новость об отставке президента совета министров и министра иностранных дел Сербии И. Гарашанина. Этот «самый знаменитый из всех своих современников-сербов (за исключением разве только Караджича), — писал Жуёвич, — глава почти всех политических движений сербских с 40-х годов сошел со сцены». Приведя различные толки и домыслы о серьезных политических причинах, вызвавших отставку Гарашанина, Жуёвич высказал предположение, что «причина

²⁷ «С.-Петербургские ведомости», № 289, 19 (31). X 1867.

была в сущности менее важная»²⁸. И, как мы теперь знаем, оказался прав. Гарашанин вынужден был оставить свой пост из-за разногласий с князем по поводу намерений последнего жениться на Катерине Константинович²⁹.

Во второй корреспонденции, написанной три недели спустя, Жуёвич сообщил своим читателям о падении Ристича. «Да и Ристич пал тотчас же по приезде своем в Белград, — писал он, — не успев даже усесться в министерское кресло».

Как заметил читатель, при рассмотрении двух последних белградских корреспонденций за 1867 г. мы исходили из того, что они принадлежат Жуёвичу. Тот факт, что они не имели подписи, не должен нас смущать. На их преемственность с предыдущими корреспонденциями из Белграда указывают прежде всего начальные строки той и другой. «Спешу вам сообщить важную новость...», — читаем мы в первой из них. «Я писал вам о падении Гарашанина...», — говорится во второй. Кроме того, заключительная часть последней корреспонденции, содержащая пространные рассуждения автора о перспективах готовящейся войны сербов с Турцией, рассеивает всякие сомнения о принадлежности этого отрывка кому бы то ни было другому, кроме Жуёвича. Здесь в концентрированном виде изложены те самые мысли сербского демократа, которые он излагал в своих корреспонденциях, опубликованных в «С.-Петербургских ведомостях» в начале 1867 г. Чтобы убедиться в этом, воспроизведем заключительную часть последней корреспонденции полностью.

«Все убеждены, — говорит автор, — что теперешний состав совета министров недолговечен, придают важность только нашим отношениям с Турцией. Война готовится не на шутку. Мы в самом деле хотим заставить турок уважать наши права. Война может быть отклонена разве слишком сильным вмешательством великих держав или которой-либо одной из них, иначе она неизбежна. К весне у нас будет все готово. После первого выстрела против турок Босния, Герцеговина и Старая Сербия будут-таки наши, что ни писал бы там барон Бейст к венгерским министрам. Если только никто не станет между нами и турками, то будьте уверены, что мы с Омер-пашой не будем друг друга долго ждать. Черногорцы, вероятно, будут нашим авангардом, а не они — так герцеговинцы. Болгарию мы можем поднять, если не всю, то часть ее. Турки, таким образом, будут иметь дело не с одним маленьким народом в Княжестве сербском, а по крайней мере с 8 млн. народа, почти с целым балканским народонаселением. А если сюда присоединятся и греки, что весьма вероятно, то ясно, на чьей стороне останется победа. Мы победим турок — пускай в этом никто не сомневается. Во всяком случае мы решительно готовимся к

²⁸ «Все дворы имеют закулисную историю. Почему же нам быть исключением в этом отношении?» — писал Ж. Жуёвич в очередной своей корреспонденции («С.-Петербургские ведомости», № 336, 5 (17). XII 1867).

²⁹ С. Јовановић. Друга влада Милоша и Михаила. Београд, 1933, стр. 490.

победе. Ружья у нас есть, кажется, всех сортов, кроме разве ружей системы Шаспо, нарезной, пробованной на грудях доблестных гарибальдийцев. У нас те же шансы, какие были у итальянцев в войне за независимость, в борьбе с Австрией, только шансы наши вернее итальянских. Войска чужого нам не надо совсем, довольно, если оно будет смотреть за австрийцами, а с турками мы справимся сами. Положим, что нам грозит Австрия, грозит отчасти и Франция; симпатии англичан к туркам известны, но мы этого не пугаемся. Мы уверены, что ни одна из великих держав не решится обнажить меч, чтобы поживиться на наш счет. Мы считываем решительно на то же равновесие, на которое опирается и политика этих держав. Пусть вмешиваются они в наши дела с турками, мы, а с нами в особенности общий прогресс народов, наверное, ничего от этого не потеряет; по нашим расчетам, мы даже выиграем и в этом случае. Я говорю мы, а с нами, в особенности, общий прогресс народов. Мы тут, конечно, будем, так сказать, предлогом, а прогресс будет действовать своей собственной силой. Он отстоит себя сам и нам поможет»³⁰.

Этой белградской корреспонденцией от 24 ноября 1867 г. по сути дела завершается трехлетний период активного сотрудничества сербского демократа в газете «С.-Петербургские ведомости» сначала в качестве заведующего ее славянским отделом на протяжении двух лет, затем заграничного корреспондента в течение еще одного года. Выражение «активное сотрудничество» употреблено в данном случае не случайно. Дело в том, что, как будет видно из дальнейшего изложения, корреспондентская связь Жуёвича с русской ежедневной газетой не прекратилась совсем, а приобрела иной характер, раскрытие и объяснение которого является, хотя и не легкой, но крайне необходимой задачей.

Последняя корреспонденция из Белграда за 1867 г. не содержала в себе ничего такого, из чего можно было бы заключить, что ее автор навсегда расстается со своими русскими читателями. Напротив, целый ряд данных им обещаний остался невыполненным. Но факты — упрямая вещь. Приходится все же констатировать, что на протяжении 1868 г. в газете не появилось ни одного его оригинального материала, будь то статьи, очерки, корреспонденции и т. п. И только в самом конце 1869 г. «С.-Петербургские ведомости» напечатали две небольших корреспонденции из Белграда за подписью «Г.», автором которых, по нашему мнению, был сербский публицист Жуёвич.

Невольно возникает вопрос, чем это было вызвано и как можно объяснить столь значительный перерыв? Первое из возможных соображений: корреспондент и редакция разошлись во взглядах. Так случалось не раз в его журналистской практике. Достаточно вспомнить неудачный опыт сотрудничества Жуёвича в газете Кра-

³⁰ «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 24 ноября). «С.-Петербургские ведомости», № 336, 5 (17). XII 1867.

евского «Голос» в 1864 г. Однако в данном случае с таким объяснением нельзя согласиться по той простой причине, что никакого разрыва не произошло. В противном случае нельзя объяснить тот факт, что два года спустя Жуёвич снова стал присылать свои корреспонденции в газету. Правда, тяжелая болезнь и последовавшая вскоре смерть «белградского» корреспондента положили конец возобновившемуся было сотрудничеству, но сам этот факт бесспорен, как бесспорно и то, что никаких существенных перемен в редакции «С.-Петербургских ведомостей» за это время не произошло. Редактором газеты по-прежнему оставался В. Ф. Корш. Гораздо достовернее другое объяснение, которое рассматривается ниже.

Ж. ЖУЕВИЧ И П. А. РОВИНСКИЙ

В самом начале 1868 г. «С.-Петербургские ведомости» посылают в Сербию в качестве своего специального корреспондента Павла Аполлоновича Ровинского³¹. Произошло счастливое совпадение желаний, с одной стороны, известного русского революционера, стремившегося посетить славянские земли, а заодно и Швейцарию, с вполне определенной, ему одному тогда известной целью³², но не имевшего для этого средств, и с другой — редак-

³¹ В литературе по сию пору бытует ошибочное мнение, что П. А. Ровинский первый раз посетил Сербию в 1867 г., а в действительности этой поездки не было. Причиной заблуждения послужила оплошность самого Ровинского, вызванная, по всей вероятности, аберрацией памяти. В 1875 г. в журнале «Вестник Европы», в № 11 и 12 он опубликовал свои «Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году» (выделено нами. — В. К.) и через год в № 4 того же журнала — статью «Сербская Моравы» с подзаголовком «Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году» (выделено нами. — В. К.). Хотя содержание обеих статей ясно и недвусмысленно говорит о том, что речь в них идет о событиях 1868 года, и несмотря на то, что М. М. Вукичевич еще в 1916 г. в статье «П. А. Ровинский и сербы» («Известия Императорского русского географического общества», т. III, вып. VII, 1916, стр. 523) исправил эту ошибку, она бытует в литературе до сих пор. Отчасти виной тому и биографическая справка о П. А. Ровинском в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. 26. СПб., 1899, стр. 873), где сказано, что «в 1867 г. Р. в качестве корреспондента «СПб. ведомостей» (ред. В. Ф. Корш) посетил сербские земли Австрии, а также Славонию и Хорватию, Крайну и Хорутанию, долго жил в Сербии». Между тем произведения Ровинского с неопровержимостью свидетельствуют, что все это происходило в 1868—1869 гг. Это утверждение, по-видимому, ввело в заблуждение и С. А. Никитина. В статье «Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века» (стр. 121) он повторил и усугубил эту ошибку, приписав Ровинскому белградские корреспонденции в «С.-Петербургских ведомостях» за 1867 г., которые, как было доказано выше, принадлежат Ж. Жуёвичу.

³² Факты свидетельствуют о том, что во время поездки в славянские земли в 1868—1869 годах Ровинский посетил Швейцарию, где вместе с русскими революционными эмигрантами был разработан план освобождения Н. Г. Чернышевского из сибирской ссылки с участием П. А. Ровинского в качестве главного действующего лица.

тора «Ведомостей» В. Ф. Корша, полагавшего, что на случай заварушки на Балканах (война Сербии с Турцией ожидалась всеми со дня на день, о чем, кстати, писал в своих корреспонденциях Жуёвич) хорошо было бы иметь своего собственного, русского корреспондента в Белграде. Сделка состоялась, и в середине февраля 1868 г. Ровинский через Франкфурт (на Одере), Берлин, Вена и Пешт отправился в Сербию. 8 или 9 марта он прибывает в Белград, уже 12 (24) марта пишет свой очерк «От Петербурга до Белграда», который был напечатан в № 81 «Ведомостей» от 23 марта (4 апреля) 1868 г.

Все белградские корреспонденции за 1868 г., за исключением, возможно, некоторого количества тех, которые освещали хронику судебного процесса над убийцами сербского князя Михаила Обреновича, по нашему мнению, принадлежат П. А. Ровинскому. К такому выводу мы пришли после тщательного анализа их стилистических и иного рода особенностей³³. Заметим, что все корреспонденции, за единичным исключением, были анонимными. Это исключение и является той зацепкой, которая дает некоторое основание говорить о своеобразной форме сотрудничества Жуёвича в «С.-Петербургских ведомостях» в 1868 г. Всего за этот год на страницах «Ведомостей», не считая упомянутого выше очерка «От Петербурга до Белграда» (№ 81) с полной авторской подписью «П. Ровинский» и большой статьи в двух номерах (№ 277 и 291) под названием «Сербский народ и сербская Омладина» за подписью «Н»³⁴, было опубликовано 20 материалов в форме корреспонденций из Белграда. Все эти материалы отчетливо делятся на два вида: собственно корреспонденции, рассказывающие о бурных событиях в Сербском княжестве накануне и после убийства князя Михаила Обреновича, и корреспонденции о ходе судебного процесса над его убийцами, представляющие собой перевод стенографических отчетов судебных заседаний. Первых насчитывалось девять, а вторых — одиннадцать.

В отличие от корреспонденций первого вида, которые все были анонимными, одна-единственная корреспонденция второго вида, а именно корреспонденция в № 218, имела авторскую подпись — «Ждович». Замечена и еще одна особенность у корреспонденций второго вида: начиная с № 218 («С.-Петербургские ведомости», 12 (24). VIII 1868), в корреспонденциях под заголовком «Судебная хроника. Суд над участниками в убийстве сербского князя» редакция стала делать сноски с отсылкой читателя к предшествующим номерам газеты, в которых шла об этом речь. Так, именно в этой единственной подписанной корреспонденции о судебном про-

³³ Как уже отмечалось, П. А. Ровинский никогда не скрывал своего русского происхождения, что можно проследить и по его белградским корреспонденциям за 1868—1869 гг.

³⁴ На принадлежность этой статьи П. А. Ровинскому указывает и прямое свидетельство, содержащееся в письме Ровинского Пыпину (ЦГАЛИ, ф. 395, д. 341. Письмо № 4, 15 ноября, ст. ст., 1868, л. 28).

цессе имеется отсылка: «См. № 173, 187 и 189 „СПб. вед.“», — на основании чего можно сделать вывод, что корреспонденции «Судебной хроники», включая, естественно, и подписанную в № 218, принадлежат упомянутому автору со странной фамилией «Ждович»³⁵.

Не исключено, что Ровинский и Жуёвич совместно освещали судебный процесс³⁶, интерес к которому был велик не только в России, но и во всей Европе. Возможно, что из-за большого объема работы, после совместно составленной корреспонденции от 16 (28) июня 1868 г., опубликованной в № 171 «Ведомостей», друзья могли договориться о разделении труда, а именно — готовить их поочередно с тем, чтобы Ровинский мог больше сосредоточиться на писании собственно корреспонденций, освещающих положение дел в Сербии.

За ноябрь-декабрь 1868 и первую половину 1869 г. никаких корреспонденций из Белграда на страницах «С.-Петербургских ведомостей» напечатано не было. Объяснялось это тем, что к концу 1868 г. разладились отношения между редакцией газеты и Ровинским из-за того, что не все его корреспонденции печатались³⁷, часто подвергались обработке и правке³⁸, а главное, оплачивались неохотно. Ровинский намеревался оставить Сербию в конце 1868 г., но вследствие неполучения денег вынужден был задержаться в столице Сербского княжества еще на полгода. «Я по крайней мере 6 месяцев потерял в Сербии именно вследствие того, что мне не высылали денег», — писал он Пыпину³⁹. В октябре 1868 г. Ровинский вместе с Жуёвичем посетил родное село последнего, что в Западной Сербии⁴⁰.

11 (23) июня 1869 г. «С.-Петербургские ведомости» в № 158 поместили первую за этот год корреспонденцию из Белграда, да-

³⁵ Под этой загадочной фамилией мог скрываться Ж. Жуёвич. Объяснить появление его нового литературного псевдонима можно двояко: либо это элементарная ошибка наборщика, либо Ж. Жуёвич сознательно искажил свою фамилию, чтобы остаться неузнанным в Сербии, учитывая, что судебный процесс освещался в далеко не лестном свете для сербского правительства.

³⁶ Возможность и допустимость такого сотрудничества нельзя считать противостественной. Известно, что Ровинский и Жуёвич были друзьями-единомышленниками еще со времени сотрудничества в газете «Очерки» в 1863 г. Что касается белградского периода, то, по словам самого Ровинского, «единственные личности, с которыми я тут близок, — писал он Пыпину, — это Жуёвич и секретарь консульства Троянский» (ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 341, л. 425). Имя Ж. Жуёвича неоднократно упоминается в письмах Ровинского А. Н. Пыпину за 1868—1869 гг. (там же, лл. 8, 46, 58—59, 62, 425).

³⁷ Не была до конца напечатана, например, большая статья об Омладине (см. ЦГАЛИ, письмо Пыпину от 15 ноября ст. ст., 1868, д. 28).

³⁸ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов, стр. 121—122.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 341, л. 69.

⁴⁰ П. Ровинский. Сербская Моравы. «Вестник Европы», кн. 4, 1875, стр. 517—558.

тированную 30 мая (11 июня). Хотя она не имела подписи, но принадлежность ее П. А. Ровинскому не вызывает никаких сомнений. Всего в «С.-Петербургских ведомостях» за 1869 г. было напечатано семь корреспонденций Ровинского и одна рецензия на сербскую библиографию новой литературы, составленную Стояном Новаковичем⁴¹. Во всех неподписанных корреспонденциях⁴² автор не скрывает своего русского происхождения, а в двух первых⁴³, характеризуя положение в тогдашней Сербии, упоминает фамилию Жуёвича.

В корреспонденции, помеченной Белградом и датированной 30 мая (11 июня) («С.-Петербургские ведомости», № 158, 11 (23). VI 1869 г.), Ровинский писал: «Теперь снова, как при Христиче, „Србия“ остается единственным журналом, который, не составляя оппозиции правительству, удерживает за собой свободу и самостоятельность убеждения, которая весьма часто, по воле цензора, не выходит в свет, но иногда зато высказывается весьма откровенно. Так, недавно наделала много шума статья Жуёвича под заглавием: „Кто виноват?“⁴⁴, в которой он доказывает, что в Белграде одержала верх реакция и с нею старый порядок вещей, что в этом виновато белградское общество, которое состоит из разнохарактерной смеси, рассчитывающей только на служебные выгоды и чуждой всякого гражданского чувства, что в этом, наконец, виновато, прямо или косвенно, и само правительство. Вся журналистика опрокинулась на него; оскорблено было и общество, не желающее быть реакционным и врагом прогресса, обещалось показать это на деле. Повод к этому вскоре представился».

Этим поводом были выборы в Великую народную скупщину. В очередной корреспонденции, написанной через день (1 (13). VI) и опубликованной в «Ведомостях» в № 159 от 12 (24) июня 1869 г., Ровинский, рассказывая о выборах, происходивших в Белграде 25. V (6. VI), сообщил своим читателям следующее: «Выборы шли на сторону либеральной партии; торжество либералов было решительное; граждане Белграда, оскорбленные упреком Жуёвича, о котором я говорил в прошлом письме, действительно, заявляли себя совсем иными».

Ровинский покинул Сербию в июле 1869 г. 17 июля ст. ст. он присутствовал на митинге в Нови Саде, созванном народной либеральной партией в знак протеста против реакционных действий патриарха на церковном соборе⁴⁵. На митинге, по словам

⁴¹ «С.-Петербургские ведомости», № 193.

⁴² Рецензия на книгу Стояновича в № 193 и две корреспонденции в № 215 («Австрийские сербы и церковный собор в Карловцах», с окончанием в № 218) и № 255, написанные в Загребе: первая — 11 августа нов. ст., а вторая — 20 (8 сентября) 1869 г., имели полную авторскую подпись: «П. Ровинский».

⁴³ «С.-Петербургские ведомости», № 158 и 159.

⁴⁴ Она была напечатана в газете «Србија», № 54, 13.V 1869.

⁴⁵ «С.-Петербургские ведомости», № 218, 10 (22).VIII. 1869. «Австрийские сербы и церковный собор в Карловцах».

Ровинского, присутствовало до тысячи человек. Из Воеводины он направился в Загреб⁴⁶ и осенью 1869 г. прибыл в конечный и, возможно, главный пункт своего путешествия — Швейцарию.

ПОСЛЕДНИЙ ПСЕВДОНИМ

Со второй половины сентября и до середины ноября 1869 г. на страницах «С.-Петербургских ведомостей» не появилось ни одной корреспонденции из Белграда. И только во второй половине ноября в № 316 (16 (28) ноября) и 326 (26 ноября (8 декабря)) были напечатаны две белградские корреспонденции за подписью «Г», чтобы затем надолго, вплоть до июня 1870 г.⁴⁷, исчезнуть со страниц русской ежедневной газеты, которая на протяжении ряда лет широко и полно освещала положение дел в Сербии. Эти две последние в 1869 г. корреспонденции из Белграда представляют для нас несомненный интерес и потому заслуживают более пристального внимания.

Первая из них («С.-Петербургские ведомости», № 316, 16 (28). XI), датированная 4 (16) ноября, является небольшой заметкой. Она посвящена одному вопросу — намерению сербского правительства построить у себя железную дорогу, которая должна была связать Белград с Константинополем, Пештом и Веной. «Таким образом, — замечает автор, — нашим сношениям с Венгрией и Австрией предстоит хорошая будущность». Судя по этой фразе, а также по всей корреспонденции в целом, автор ее был серб⁴⁸. Большого, к сожалению, из первой белградской корреспонденции за подписью «Г» узнать для выяснения ее автора нельзя.

Зато вторая корреспонденция из Белграда, датированная 16 (28) ноября и напечатанная в «С.-Петербургских ведомостях», № 326 от 26 ноября (8 декабря) 1869 г., позволяет сделать более определенные выводы относительно автора, скрывающегося за неизвестным нам анонимом «Г»⁴⁹. Она посвящена восстанию в Боке Которской, о котором тогда говорила вся европейская пресса, в том числе и русская⁵⁰. «С.-Петербургские ведомости»,

⁴⁶ Последняя его корреспонденция из южнославянских земель («С.-Петербургские ведомости», № 255, 16 (28). IX 1869), помеченная Загребом, датирована 20 (8). IX 1869 г.

⁴⁷ Единственная корреспонденция за этот год (см.: «С.-Петербургские ведомости», № 158, 11 (23). VI) малозначительна и носит явно случайный характер.

⁴⁸ Это явствует и из первых двух фраз корреспонденции, в которых говорится: «У нас в Сербии (выделено нами. — В. К.) мир и благоденствие, и мы заняты разными мирными предприятиями».

⁴⁹ Аноним «Г» можно расшифровать как «Гражданин», что вполне согласуется с тем глубоким содержанием, которое вкладывал Ж. Жуёвич в это понятие.

⁵⁰ См.: В. Карасев. Которское восстание 1869/70 годов в освещении русской периодической печати. «Устанак у Боки Которској 1869». Котор—Будва, 1970, стр. 285—297.

например, давали очень подробную информацию о ходе этого восстания, охватившего весь Которской округ. Рассказывая о ходе восстания и его вероятных перспективах, автор упоминает, в частности, городского голову г. Кагельнуово — Войновича, который предложил австрийскому правительству свои услуги «для сделки между „бунтовщиками“⁵¹ и правительством под неперменным условием общей и полной амнистии». «Не так давно пишущий эти строки, — говорит он, — лично жил довольно долго в среде теперешних бунтовщиков» (выделено нами. — В. К.), знает большую часть их представителей и потому может сказать, что г. Войнович один может скорее усмирить „бунтовщиков“, чем все австрийское воинство. Этот человек, еще молодой, образованный, богатый и, в особенности благодаря памяти своих предков, весьма популярный в Боке. Довольно сказать, что он и его родной брат постоянные, как бы несменяемые, народные представители в национальном собрании Далмации. Итак, переговоры, порученные подобному лицу, могли бы быть успешными, но дело в том, что нынешние цислейтанские министры, рассчитывающие, кажется, на силу оружия более и на казни, считают унижительным для себя переговоры».

Эта важная деталь помогает нам безошибочно определить автора разбираемых корреспонденций. Дело в том, что человеком, не так давно жившим «в среде теперешних „бунтовщиков“», был Жуевич. В мае 1868 г., незадолго до убийства князя Михаила Обреновича, он по совету врачей отправился в Далмацию, где провел в общей сложности, считая дорогу, около трех месяцев⁵². В газете «Србија» было напечатано несколько его статей, помеченных различными пунктами Адриатического побережья⁵³. Жуевич путешествовал от Триеста до Цетинье, останавливаясь в различных приморских городах, в том числе в Кагел-Нови (Кагельнуово) и Которе. В статье «Из Карстового приморья. 11 июля 1868 г.», описывая свое пребывание в Кагел-Нови, Жуевич, в частности, заметил: «Говоря о защите сербства в этом карсте, я согрешил бы, если бы не упомянул такие благородные имена, как г. Войнович, городской голова (выделено нами. — В. К.), г. Мило Русович, председатель общины, и г. Спирос Гойкович — прекрасный молодой человек, равного которому нет во всем Приморье. Наше счастье, если бы таких сербов было как

⁵¹ Примечательно, что слово «бунтовщики» автор употребляет только в кавычках, давая тем самым понять читателям, что сам он таковыми их не считает.

⁵² *Ij. Paligoric. Zivojin Zujović. Beograd, 1960, str. 76.*

⁵³ «Из кршиног приморја, 10 јулија 1868». «Србија», № 63, 18.VII 1868; «Наши одношаци према Мађарима. У Новоме, 2 јулија 1868». «Србија», № 65—67, 25—30.VII 1868; «Г. Милораду П. Шапчанину. На брегу Адријатичког Мора, у Новом, 18 јулија 1868». «Србија», № 69—72, 3—10.VIII 1868; «Из кршиног приморја». «Србија», № 80, 31.VIII 1868 (путевые заметки о Которе).

можно больше!»⁵⁴. Из этой цитаты видно, что Жуёвич не только жил в Кастел-Нови, но и лично был знаком с градоначальником Войновичем. Не случайно и упоминание Луки Вукаловича в обоих сравниваемых материалах. Все это дает достаточно оснований, чтобы раскрыть аноним «Г», как принадлежащий сербскому публицисту Жуёвичу.

Ж. Жуёвич не питал радужных надежд относительно перспектив восстания бокезов. «Насчет конечного исхода борьбы... не может быть сомнения, — писал он в своей корреспонденции. — Черногорский князь Николай отказывается от поддержки; сербское правительство слишком занято делами княжества, внутренними и внешними; герцеговинцы слабы и покуда лишены своего вождя; босняки слишком подавлены; наконец, албанцев обманывают то тем, то другим в надежде, что восстание вскоре будет подавлено; таким образом, бокезы совершенно одиноки и должны бороться с целым австро-венгерским войском». «Однако слышно, — продолжал он, — что в Албании не совсем спокойно. Этого было бы достаточно, чтоб пресловутый восточный вопрос сделался вопросом дня, вопросом действительным и неотложным»⁵⁵.

В своей последней корреспонденции из Белграда, кроме Которского восстания, Жуёвич коснулся еще двух вопросов: о подготовке в Сербии новых реформ в соответствии с принятой в 1869 г. конституцией и о планах строительства железной дороги, о чем шла речь в первой корреспонденции. «Мы, сербы, — писал автор, — ждем либеральных реформ в духе новой конституции». Ожидались законы о печати и о министерской ответственности. «То, что у нас носит имя либеральной партии, — заметил Жуёвич, — в особенности хлопочет насчет этого (первого. — В. К.) проекта. На той же (предстоящей. — В. К.) скупшине, вероятно, будет рассмотрен проект закона о министерской ответственности, который гораздо более интересует наше общество, чем проект закона о печати». Утверждение автора корреспонденции о том, что «топчидерская катастрофа привела к реакции, которая еще продолжается...», равно как и замечание относительно того, что «многие считают себя вправе ожидать от теперешнего правительства больше, чем оно дает, что оно в самом деле составлено из лиц, в либерализме которых прежде никто не сомневался», вполне согласуется с тем, что писал об этом Жуёвич у себя на родине. Полностью согласуется с этим и отрицательное отношение автора разбираемой корреспонденции в «С.-Петербургских ведомостях» к планам железнодорожного строительства, широко обсуждавшимся тогда в Сербии, с оценкой Жуёвича этих планов в его статье «Строить или не строить железную дорогу?», опубликован-

⁵⁴ «Србија», № 63, 18.VII 1868.

⁵⁵ «С.-Петербургские ведомости», № 326, 26.XI (8.XII) 1869. Упоминание о «пресловутом восточном вопросе» является лишним доказательством того, что автором статьи был Ж. Жуёвич.

ной в 1868 г. в газете «Србия»⁵⁶. «Не могу сказать, — писал автор корреспонденции, — сколько благ нам принесет железная дорога, когда она осуществится, а покуда еще влияние ее не совсем благоприятное. В Белграде дороговизна небывалая, а по многим статьям жизненных потребностей нисколько не уступающая петербургской дороговизне». В пользу нашего предположения говорит и это сравнение Белграда с Петербургом. Прибегнуть к такому сравнению мог только серб, который хорошо представлял себе условия жизни в упомянутых столицах 60-х годов прошлого столетия. Таким сербом, с учетом всех вышеизложенных обстоятельств, мог быть только Жуёвич.

Все это дает нам право сделать вывод о том, что две последние белградские корреспонденции, опубликованные на страницах русской ежедневной газеты «С.-Петербургские ведомости» в ноябре 1869 г. за подписью «Г», принадлежали перу сербского публициста Живоина Жуёвича.

Анализ зарубежных славянских материалов «С.-Петербургских ведомостей» за 1867—1869 гг. позволяет сделать следующие основные выводы.

После отъезда из Петербурга весной 1868 г. Жуёвич на протяжении трех лет, с 1867 по 1869 г., поддерживал связи с ежедневной петербургской газетой «С.-Петербургские ведомости» в качестве ее корреспондента.

Самым активным годом его корреспондентской деятельности за это время был 1867-й. В течение одного этого года на страницах «Ведомостей» было опубликовано 15 оригинальных материалов Жуёвича: 12 корреспонденций, 1 очерк («Чехи и сербы на месте сожжения Гуса и Иеронима»), 1 статья («Сербское молодое поколение») и 1 рецензия (на книгу В. Макушева «Задунайские и адриатические славяне») — общим объемом около 3 авторских листов. Подавляющее большинство их посвящено южнославянским народам и в первую очередь Сербии, ее внешнеполитическому и внутриполитическому положению. Не ослаб интерес сербского демократа и к западным славянам. Свое пребывание в Швейцарии он использовал для установления более тесных связей с чехами. В 1867 г. Жуёвич совершил интересную поездку с чехами в Констанц.

Вследствие того, что в начале 1868 г. в Белград в качестве специального корреспондента «С.-Петербургских ведомостей» прибыл П. А. Ровинский, сотрудничество Жуёвича в этой газете на время прекратилось. На протяжении 1868 г. на страницах «Ведомостей» не появилось ни одного оригинального материала, который принадлежал бы его перу.

Во время пребывания П. А. Ровинского в Белграде, с весны 1868 по июнь 1869 г., между ним и Жуёвичем существовали са-

⁵⁶ «Да градимо или да не градимо гвоздени пут?». «Србија», № 29—32, 10—20.IV 1868.

мые тесные связи. Это были друзья-единомышленники. Большую часть свободного времени они проводили вместе. На квартире у Жуёвича происходили собрания, на которых обсуждались актуальные теоретические и политические вопросы⁵⁷. Частыми гостями сербского демократа были известный русский революционер и ученый Павел Аполлонович Ровинский и не менее известный болгарский революционер и общественный деятель Любен Каравелов⁵⁸. Ж. Жуёвич и П. А. Ровинский поздней осенью 1868 г. совершили поездку на родину сербского демократа — с. Врачевич Калубарского уезда Валевого округа. Взгляды Ровинского на положение дел в тогдашней Сербии, которые он проводил в своих белградских корреспонденциях, почти не отличаются от взглядов Жуёвича. Ровинский дал очень высокую оценку роли Живоина Жуёвича в истории сербской общественной мысли.

С конца 1869 г. Жуёвич снова возобновляет свое сотрудничество в «С.-Петербургских ведомостях». В ноябре газета опубликовала две его корреспонденции, которым суждено было стать последними. Ими обрывается девятилетний период сотрудничества сербского демократа в русской периодической печати 60-х годов XIX в. Тяжелая и продолжительная болезнь преждевременно свела его в могилу в самом расцвете творческих сил. Живоин Жуёвич умер в Белграде 25 апреля 1870 г., когда ему не исполнилось еще и 32 лет.

После отъезда из Сербии П. А. Ровинского и смерти Ж. Жуёвича на страницах «С.-Петербургских ведомостей» на всем протяжении 1870 г. практически не появлялось больше корреспонденций из Белграда, что является свидетельством того, что в 60-х годах XIX в. у ежедневной петербургской газеты не было других корреспондентов в столице Сербского княжества.

⁵⁷ *Јован М. Жујовић*. Утицај Светозара Марковића на школску омладину (Говор држан на прослави Светозара Марковића 22 марта 1925 г. поводом педесетгодишњице од његове смрти). Београд, 1925, стр. 6.

⁵⁸ *К. Шарова*. Любен Каравелов и българското освободително движение 1860—1867. София, 1970, стр. 380—387.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВЗГЛЯДОВ ЖИВОИНА ЖУЕВИЧА В РУССКИЙ ПЕРИОД (1859—1866 гг.)

Не сохранилось никаких источников, на основании которых можно было бы судить о взглядах Ж. Жуевича до его приезда в Россию. Можно лишь предположить, что он, как и большинство тогдашних сербских гимназистов, обучавшихся в конце 50-х годов XIX в., находился под влиянием либералов, впервые выступивших на политической арене во время Свято-Андреевской скупщины 1858—1859 гг.

Прогрессивные общественные деятели Сербии 60—70-х годов прошлого столетия считали Свято-Андреевскую скупщину переломным моментом в политическом развитии страны. Все они, не исключая и Светозара Марковича, отдали дань либерализму, который до конца 60-х годов был единственной прогрессивной общественной силой в Сербии. Процесс размежевания с либералами и формирования демократической идеологии был главным и определяющим в общественном развитии Сербии на рубеже 60—70-х годов XIX в. Попытка проследить и осмыслить этот процесс, исходя лишь из деятельности С. Марковича, не могла принести желаемых результатов. Теперь совершенно очевидно, что творческое наследие сербского демократа Ж. Жуевича было тем самым недостающим звеном, которое восполняет существенный пробел в становлении революционно-демократической идеологии у южных славян, теснейшим образом связанной с русским освободительным движением.

Публицистическую деятельность Жуевича в России можно условно разделить на несколько этапов, каждый из которых был важной вехой в формировании и эволюции его мировоззрения.

Большое значение имел киевский период. Пребывание Жуевича в Киеве совпало с первой революционной ситуацией в России (1859—1861 гг.). Это было время небывалого подъема общественной жизни в стране. Благодаря своим землякам Петру Каричу и Йовану Йовановичу, обучавшимся тогда в Киеве, Жуевич сразу же оказался в бурном водовороте новых идей. Он познакомился со знаменитым русским ученым и прогрессивным общественным деятелем Н. И. Пироговым, с последователем А. И. Герцена профессором истории Киевского университета П. В. Павловым. Первый пробудил интерес к передовой педагогике, ввел сербского юношу

в курс животрепещущих проблем образования и воспитания; второй своими идеями и личным примером учил беззаветному служению народу. Карич познакомил Жуёвича со студенческим революционным движением на Украине. Новые идеи о свободе, прогрессе, национальном и социальном равенстве, которыми жила тогда российская учащаяся молодежь, захватили сербского семинариста. По примеру русских друзей он уже в Киеве начал пробовать свои силы на литературном поприще. Повышенный интерес русского общества к зарубежным славянам, отчетливо проявившийся после Крымской войны, открыл перед начинающим сербским публицистом широкое поле деятельности.

Первое выступление Жуёвича в печати со статьей «О распространении грамотности в простом народе сербском», несмотря на очевидные недостатки и промахи (идеализация сербской действительности, некритическое отношение к фактам и др.), обнаружило в начинающем журналисте умение выбрать тему и заинтересовать ею читателей. Примечательно и другое. Все печатные материалы Жуёвича, опубликованные им в русской периодической печати в 60-х годах XIX в., от первого до последнего, не содержат в себе ничего такого, что свидетельствовало бы о духовном образовании их автора. Публицистическое наследие сербского демократа лишено религиозных мотивов и носит сугубо светский, гражданский характер. Свои богословские знания он использовал в полемике и критике, но был далек от их пропаганды. В этом сказалось влияние той демократической среды, выходцем из которой он являлся и с которой был связан в Киеве и Петербурге. Стремление Жуёвича попасть в русскую столицу было обусловлено желанием поближе познакомиться с этой средой.

1863 г. был переломным для всей последующей деятельности Жуёвича, отдавшего свой незаурядный талант публициста освещению славянского вопроса на страницах русской периодической печати. С помощью А. Н. Пыпина и П. А. Ровинского он установил тесные связи с революционно-демократическими кругами в Петербурге. Сотрудничество в демократических изданиях (в газете «Очерки» и журнале «Современник») сыграло решающую роль в формировании его взглядов. Жуёвич без колебаний стал на сторону тех, кто посвятил свою жизнь борьбе за национальное и социальное освобождение славянских народов, укреплению братской дружбы и сотрудничества между ними на демократических началах. Как публицист, обозреватель зарубежных славянских народов он сформировался в это время. Большое влияние на него оказали сочинения Н. Г. Чернышевского по славянскому вопросу. Жуёвич оставляет духовную академию и поступает на юридический факультет Петербургского университета. Этот решительный шаг был подготовлен всей логикой идейного развития сербского публициста, критическим осмыслением исторических судеб славянских народов в тесной связи с изучением российской действительности и передовой русской общественной мысли. У Бе-

линского, Чернышевского и других великих русских мыслителей и критиков учился он глубокому проникновению в жизнь, умению удавливать в калейдоскопе событий коренные тенденции развития человеческого общества в целом и каждого народа в отдельности. По примеру своих русских учителей Жуёвич стремился превратить публицистику в боевое оружие, средство пробуждения активности общества и защиты интересов народа. Он считал литературу проводником знаний и двигателем прогресса.

Активное сотрудничество Жуёвича в русских демократических изданиях было затруднено тем, что газета «Очерки» после № 94 прекратила существование, а за свое первое выступление в «Современнике» со статьей «Славянский юг» он попал под негласный надзор полиции. Поэтому с весны 1864 г. сербский публицист согласился быть заведующим славянским отделом одновременно в двух либеральных петербургских газетах: «Голосе» и «С.-Петербургских ведомостях». Работа в качестве обозревателя славянских земель в русских популярных газетах, имевших широкое распространение за границей, в том числе и в славянских странах, хорошо согласовалась с намерениями Жуёвича пропагандировать свои демократические взгляды по славянскому вопросу, способствовать пробуждению национального и политического сознания среди поработанных славян.

Из-за разногласий с Краевским сотрудничество его в «Голосе» к концу 1864 г. прекратилось. Главной ареной деятельности сербского публициста становятся «С.-Петербургские ведомости», в которых он активно сотрудничал в течение почти шести лет.

Несмотря на стеснительные рамки цензуры и самоцензуры и либеральный характер издания, в этот период с наибольшей полнотой раскрылись способности Жуёвича как зрелого публициста, отстаивавшего и развивавшего взгляды русской демократии на славянский вопрос в острой идейной борьбе со славянофилами и панславистами. Его сотрудничество в «С.-Петербургских ведомостях» делится на две равные части: заведование славянским отделом газеты (1864—1866 гг.) и выступление на ее страницах в качестве заграничного корреспондента (1867—1869 гг.). Материалы сербского демократа, опубликованные в газете за последний период, являлись органическим дополнением к произведениям, созданным и напечатанным им в это время в Сербии. Если произведения, опубликованные в Сербии, были посвящены преимущественно теоретическим вопросам из области политической экономики, статистики, педагогики и философии, то статьи и корреспонденции в «С.-Петербургских ведомостях» освещали почти исключительно политические вопросы. При этом следует иметь в виду, что понять и правильно оценить эти последние нельзя было без учета корреспонденций и статей П. А. Ровинского из Сербии, помещенных в «С.-Петербургских ведомостях» в 1868—1869 гг., которые в идейном отношении являлись логическим продолжением корреспонденций Жуёвича в газете за 1867 г.

Общественно-политические и философские взгляды сербского публициста за время сотрудничества в русской периодической печати сложились не вдруг, они претерпели значительную эволюцию в процессе становления. Их изучение представляет значительные трудности, так как личного фонда Жуёвича не сохранилось; далеко еще не выяснены и все его связи с русскими общественными деятелями.

Параллельное решение двух задач, атрибуции произведений сербского публициста и их анализа, определило методику исследования. Автор шел от известного к неизвестному. Такой подход требовал строго хронологической, а не проблемной компоновки материала. Последняя возможна лишь на базе всего творческого наследия сербского публициста, которым, к сожалению, до сих пор не располагали исследователи. Поэтому изучение творчества Живоина Жуёвича в полном объеме должно стать задачей специального исследования.

Эволюцию взглядов сербского демократа можно отчетливо проследить на его отношениях с сербскими либералами. Начав с безуспешной попытки склонить либералов к более последовательным и решительным действиям, Жуёвич завершает свою длительную полемику с ними, в первую очередь с их идеологом и вождем Владимиром Йовановичем, полным разрывом, вплотную приблизившись к концу жизни к социалистам.

Не менее характерно становление взглядов Жуёвича по вопросу о государственном устройстве и политической форме правления. Из сторонника конституционной монархии он превратился в поборника социальной республики, в которой должно быть навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком.

Заслуживают внимания его воззрения на межславянские связи, отношения и роль России в национально-освободительной борьбе поработенных славянских народов. Оригинальная, сугубо реалистическая концепция сербского публициста по этому вопросу складывалась постепенно, получив свой законченный вид лишь в 1867 г.

Наконец, нельзя не указать на динамический процесс развития его национального самосознания. От патриота, беззаветно любящего свою родину, Живоин Жуёвич поднялся до понимания необходимости интернационального братства и дружбы между всеми народами.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Одним из главных результатов проведенного исследования публицистической деятельности Живоина Жуёвича в России в 60-х годах XIX в. является выявление 82 его оригинальных произведений¹ объемом свыше 25 авторских листов, о существо-

¹ См. их список в Приложении.

вании которых до сих пор не было известно ни у нас, ни за рубежом.

По характеру и форме выявленные материалы можно условно разделить на шесть категорий: статьи (25), корреспонденции (33), информации и заметки (18), рецензии (4), очерки (1), два открытых письма, одно из которых (редактору «С.-Петербургских ведомостей» В. Ф. Коршу) было опубликовано, а второе (редактору «Дня» И. С. Аксакову) сохранилось в рукописи.

82 новых произведения Жуёвича распределяются по времени публикации следующим образом: на 1861 г. приходится — 1, на 1863 г. — 14, на 1864 г. — 14, на 1865 г. — 24, на 1866 г. — 12, на 1867 г. — 15 и на 1869 г. — 2. Таким образом, с точки зрения количества самым плодотворным для сербского публициста был 1865 г., а наиболее интенсивным в творческом отношении, бесспорно, являлся 1866 г., когда на протяжении двух месяцев Жуёвич опубликовал девять «Славянских обозрений», открытое письмо к редактору и две заметки.

подавляющее большинство выявленных материалов является анонимными. Полную авторскую подпись имеют только три материала — две статьи и одна корреспонденция. Две рецензии имеют аббревиатурную подпись: «Ж. Ж-ч» и «Ж. Жу-ч». 34 материала подписаны различными псевдонимами и анонимами («Ж. Серб», «Ж. Склав», «Ж», «П. П.», «Серб», «Задунайский славянин», «Корреспондент», «Г»); остальные 43 материала не имеют никакой подписи. Больше половины всех корреспонденций (19 из 33) подписано анонимом «П. П.». Первая и вторая белградские корреспонденции за 1864 г. были написаны в соавторстве с Костой Поповичем.

Изучение сотрудничества Жуёвича в русских повременных изданиях 60-х годов XIX в. позволило установить ряд интересных фактов, имеющих прямое отношение к русско-славянским общественным связям: о сотрудничестве известного хорватского публициста Имбро И. Ткалаца в газете «С.-Петербургские ведомости» в 1863—1865 гг.; выяснить настоящее имя автора статьи «Голос из Сербии», опубликованной в 1864 г. в журнале «Русское слово»; уточнить время пребывания П. А. Ровинского в Сербии и определить опубликованные им в газете «С.-Петербургские ведомости» материалы за 1868—1869 гг.

Произведения Жуёвича, опубликованные в России, отличаются большим разнообразием. В них содержатся характеристики и оценки положения почти каждого славянского народа в отдельности и славянского мира в целом в 60-х годах XIX в. Около двух третей всех материалов посвящено Сербии, остальные — Черногории, Боснии, Герцеговине, Болгарии, Чехии, Словакии, Старой Сербии, Воеводине, Хорватии, Словении, Далмации, Галиции и Польше. Центральное место во всем творческом наследии сербского публициста в русский период занимают проблемы освободительной борьбы угнетенных и поработенных сла-

вянских народов, их национальное возрождение, проблема межславянских связей и отношений, восточный вопрос и политика великих держав на Балканах, национально-освободительное движение южных и западных славян и России. По всем этим вопросам Жуёвич высказал свою, во многом оригинальную точку зрения.

Введение в научный оборот неизвестных ранее произведений Жуёвича наглядно показывает, насколько были обеднены ранее наши представления относительно формирования передовой общественной и политической мысли Сербии в XIX в. и о развитии межславянских связей.

Новые материалы позволяют коренным образом пересмотреть сложившиеся в литературе взгляды на творчество Живоина Жуёвича, дают возможность охарактеризовать значение его деятельности в истории русско-славянских общественных связей, оценить вклад сербского публициста в славяноведение, точнее определить его место в развитии передовой общественной мысли Сербии.

Для полного, научно обоснованного ответа на эти вопросы необходимо изучить и проанализировать всю совокупность творческого наследия сербского публициста как в России, так и в Сербии, что не входило в задачу настоящего исследования. Поэтому некоторые предварительные выводы и обобщения, которые можно сделать на основании новых источников с учетом сербских материалов, при современном уровне наших знаний предмета, нельзя считать ни исчерпывающими, ни окончательными. Как таковые они призваны стимулировать всестороннее изучение жизни, деятельности и творческого наследия сербского публициста в полном объеме, с учетом всех компонентов, тесно связанных с перечисленными выше вопросами, что, разумеется, потребует значительных усилий многих специалистов разных профилей.

Вывявленные материалы позволяют считать несостоятельным мнение о том, что Жуёвич был замкнутым кабинетным ученым, далеким от политики. Абсолютное большинство его произведений, напечатанных в России, имело острый политический характер. Проблемы внутривосточного и внешнеполитического положения славянских народов, вопросы международных отношений и влияния их на освободительное движение славян занимали одно из центральных мест в публицистике Жуёвича русского периода.

Вновь открытые печатные и архивные материалы дают возможность приступить к созданию научной биографии сербского мыслителя. На основании новых источников в работе предпринята попытка осветить жизнь и деятельность Жуёвича во время его пребывания в России.

Публицистическая деятельность сербского демократа в России воскрешает яркую, несправедливо забытую страницу истории передовых русско-сербских общественных связей второй половины XIX в. Факты показывают, что в установление и развитие этих связей Жуёвич внес весомый вклад, без учета которого нельзя

определить их подлинный характер и дать им правильную научную оценку.

Чтобы понять значение семилетнего пребывания Жуёвича в России для формирования его мировоззрения, правильно оценить общественную деятельность и творческое наследие сербского публициста, следует иметь в виду его собственное признание о том, что конечной целью его жизни в России было максимальное накопление знаний и применение их в жизни, на практике. Теперь известно, что применять эти знания на поприще журналистики он начал очень рано, в самом начале 60-х годов, и не у себя на родине, как думали до сих пор, а в России. Обстоятельства, условия жизни и деятельности Жуёвича сложились так, что свои политические взгляды относительно прошлого, настоящего и будущего сербов и других славян он мог излагать главным образом в русской периодической печати, а свои научные знания пропагандировать преимущественно в Сербии.

Не подлежит сомнению, что полные глубокого смысла слова П. Тодоровича о том, что Петербург дал Сербии «несколько пламенных душ, людей действия, с серьезным научным образованием, которые взяли себе за пример... Чернышевского, Добролюбова, Михайлова и др.»¹, — относятся не только к Светозару Марковичу, но в известной степени и к Живоину Жуёвичу.

Значение русского периода в жизни, деятельности и творчестве Жуёвича трудно переоценить. Российская действительность, русское революционное движение, передовая русская наука и революционно-демократическая идеология имели решающее значение для формирования теоретических взглядов сербского публициста. В свете новых данных уже не подлежит сомнению, что как прогрессивный общественный деятель и как ученый-демократ Жуёвич сформировался в России.

Жуёвич жил, учился и творил в России семь лет — в период, когда литература была главным и чуть ли не единственным выразителем прогрессивной общественной мысли. Со времени Радищева быть литератором на Руси значило бороться за политический и социальный прогресс. Это глубоко осознал Жуёвич, отдав все свои силы, весь свой блестящий талант публициста борьбе за общественный прогресс славянских народов и их дружбу.

«Нет такой силы, — заявлял Жуёвич, — которая могла бы остановить жизнь на пути ее стремления к лучшему. Разгадать эту жизнь в ее вечном и непрерывном стремлении...» — такова, по его словам, главная задача публициста вообще и обозревателя славянских земель в частности. Как публицист он был и пропагандистом, и мыслителем-исследователем одновременно, умело сочетающим в своем творчестве просветительную, образовательную и обличительно-агитационную функции литературы.

¹ «Новая Европа», кн. XI, № 13, 1925, стр. 401.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться на его анализ социального, общественного и политического развития Сербии, турецких и австрийских славян, Чехии, Румынии, Венгрии и других стран и народов.

Жуёвич был оригинальным мыслителем. В отличие от своих современников и славянских деятелей 70-х годов он не идеализировал роли русской общины и патриархальных институтов Сербии, не был склонен видеть в них зародыши новых социалистических отношений. Он не считал балканскую федерацию единственной формой государственного устройства для освобожденных от национального гнета южных славян, не отрицая вместе с тем, что на более высокой ступени общественного развития такое объединение возможно; только тогда, писал он в статье «Наши отношения к русским», «могут объединиться и, вероятно, объединятся и такие народы, которые не находятся ни в каком родстве. Но до этого еще далеко, далеко».

С учетом всего творческого наследия сербского публициста, включая и написанное им в Сербии, можно сделать вывод, что Жуёвич был типичным шестидесятником-прогрессистом, первым сербским демократом, выразившим интересы крестьянства в переходную от феодализма к капитализму эпоху, первым философом-материалистом в Сербии, передовым ученым и пламенным патриотом и гуманистом, беззаветно преданным интересам трудового народа, борьбе за свободу и счастье которого отдал всю свою сознательную жизнь без остатка.

Жуёвич был подлинным представителем демократической культуры у сербов. Как и русские демократы, он хотел сделать науку и литературу более демократическими, доступными широким массам. Путем пропаганды достижений передовой науки он стремился пробудить политическое самосознание сербских и других славянских народов.

Краеугольным камнем мировоззрения Жуёвича является его социально-политическая теория. Он видел непримиримость противоречий между угнетателями и угнетенными. Сербский демократ исходил из того, что развитие общественно-политических и экономических отношений является закономерным процессом, что труд составляет основу всей социальной жизни общества, что народ является главным двигателем истории. Будучи идеологом национального движения, Живоин Жуёвич выступал за национально-освободительную войну как единственное средство для освобождения славянских народов. Война, говорил Жуёвич, это, хотя и варварская, но, к сожалению, пока необходимая деятельность людей.

Жуёвич ратовал за коренные общественные и политические преобразования Сербии, без чего, по его мнению, это единственное в ту пору полусвободное славянское государство на Балканах не могло выполнить своей освободительной миссии по отношению к поработанным балканским народам.

Признавая критерием общественного прогресса знания и разум, Жуёвич пытался объяснить общественные явления, исходя из просветительства. Несмотря на то что основной вопрос в философии он решал материалистически, антропологизм приводил его к половинчатым решениям и в конечном счете к идеализму в понимании истории. В силу исторической ограниченности своих взглядов Жуёвич брал за исходную позицию некую абстрактную человеческую природу. Однако это не умаляет заслуг сербского мыслителя, который с позиций философского материализма пытался дать объяснение происхождению человека, подверг критике теорию Мальтуса и господствовавшие в сербской науке идеалистические философские взгляды, широко используя труды Дарвина и Сеченова. Нельзя забывать известное положение В. И. Ленина о том, что «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»².

Живоин Жуёвич был зачинателем нового, демократического направления в сербском общественном движении. Его теоретические взгляды отражали то время, когда революционно-демократическая идеология только начинала отделяться от прогрессивной идеологии национальной буржуазии, носителями которой в Сербии были либералы. Жуёвич первым увидел переход либералов на соглашательские позиции и начал против них борьбу, которую подхватил, развил и довел до конца с позиций революционного демократизма и утопического социализма Светозар Маркович. Мысль только о национальном освобождении и объединении сербского народа с появлением на общественной арене Жуёвича перестает быть единственной идеей сербского общественного сознания, Сербский демократ обогатил ее идеей социальной справедливости, которая вскоре, при Светозаре Марковиче, займет центральное место и полностью сольется с идеей о национальном освобождении. Идея о неразрывной связи национального и социального освобождения в крестьянской революции является основополагающей для революционно-демократической идеологии, которая в своем высшем проявлении неизбежно приходит к утопическому социализму.

Жуёвич подверг критике буржуазную систему, осудил капиталистические порядки в Европе и последствия их применения в Сербии, страстно желая своей родине и своему народу «устроиться лучше». Он стремился к такому преобразованию общества, в результате которого исчезнет всякая эксплуатация, не будет больше разделения на хозяев и слуг, когда достижения человеческого разума в области науки, литературы и искусства перестанут быть достоянием одних только дворцов, но проникнут также и в хижины.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

В своем идейном развитии Жуёвич вплотную подошел к социализму, но его социалистические устремления не получили всеобщего обоснования и развития ни в русский, ни в сербский периоды деятельности. Первым настоящим пропагандистом социализма в Сербии стал преемник и продолжатель начатого им дела — выдающийся сербский революционный демократ Светозар Маркович.

Жуёвич был не только просветителем и гуманистом, но и патриотом. Интересы народа, интересы целой страны для нас выше всяких частных интересов, заявлял он, подчиняя свою многогранную деятельность публициста служению этой возвышенной цели.

Сербский демократ стоял на уровне современной ему науки. Он был широко образованным литератором и ученым, мыслителем оригинальным и критическим. Он первым в Сербии понял и правильно оценил значение политической экономии. Ему принадлежат интересные высказывания о развитии разных наук, в том числе и исторической науки.

Особенно велики заслуги Ж. Жуёвича в развитии педагогической мысли в Сербии. Вопросами образования и воспитания он систематически занимался на протяжении всей своей жизни. Его по праву называют основоположником прогрессивной сербской педагогики. Многие его идеи, мысли и предложения в этой области не потеряли своего актуального значения до сих пор.

В истории национально-освободительного движения славянских народов 60-х годов XIX в. Жуёвич занимает особое место. Он одним из первых среди славянских деятелей эпохи национального возрождения попытался понять, осмыслить и предложить свое решение славянского вопроса как единого целого. Проблему славянского мира, его настоящее и будущее он решал с позиций, диаметрально противоположных славянофилам. Он был непримиримым врагом политического панславизма во всех его формах и проявлениях. Ему была органически чужда идея противопоставления славянского мира миру западному, хотя он и признавал, что «славянский мир в высшей степени интересен для философского ума». Все его помыслы и устремления были подчинены решению главной в тот период исторической задачи для славян — их освобождению. Когда Жуёвич увидел, что массовое революционное движение славянских народов в середине 60-х годов охватило все славянские земли, от его бывшего скептицизма не осталось и следа. «Дело славянского возрождения на верном и надежном пути», — заявлял он.

Жуёвич был горячим поборником идеи национального и социального освобождения, объединения национальных комплексов славянских народов и создания на этой основе национально-независимых демократических государств. Он считал, что только демократическое развитие славянских народов в тесном контакте

с демократией западных народов может обеспечить прогресс и прочный мир для всего человечества.

В теоретических построениях Жуёвича встречается немало иллюзий (например, в решении польского вопроса), но при всех заблуждениях и ошибках главным и определяющим в его творчестве был демократизм, проникнутый настоящей заботой об интересах простых тружеников, которые, по его образному выражению, являлись тем самым «сословием, на котором, как на мифологической черепахе, держится вся земля». Горячий патриот, интернационалист-демократ и разносторонний ученый, он был идеологом угнетенных масс простого народа.

Уровень развития передовой сербской общественной мысли 60-х годов XIX в., ее слабые и сильные стороны, нашедшие свое выражение в творчестве сербского демократа, в конечном счете были обусловлены степенью развития социально-экономических и общественных отношений Сербии и других славянских народов в то время.

Всестороннее изучение в полном объеме деятельности и теоретических взглядов сербского мыслителя является ближайшей неотложной задачей марксистского славяноведения. Ее решение будет иметь большое научное значение как для исчерпывающего освещения идейного наследия Ж. Жуёвича и определения его исторических заслуг, так и для решения более общей, важной и актуальной во всех отношениях проблемы о характере и особенностях формирования революционно-демократической идеологии у славянских народов в 60—80-х годах XIX в. В этой связи было бы, например, целесообразно сопоставить взгляды двух южнославянских мыслителей — болгарина Любена Каравелова и серба Живоина Жуёвича, живших и действовавших в России в одно и то же время. Такая сравнительная характеристика может быть весьма плодотворной. Она позволит решить затянувшийся в науке спор о формировании взглядов болгарского революционера и установить истину в этом сложном вопросе, ибо, как писал Жуёвич, «правда истории свята и неприкосновенна».

Историческое значение идейного наследия Ж. Жуёвича в развитии передовой сербской общественной мысли второй половины XIX в. как прямого и непосредственного предшественника Светозара Марковича неоспоримо. Беззаветное служение интересам трудового народа и революционные идеи мыслителя имеют непреходящее значение. Вклад Живоина Жуёвича в сокровищницу демократической культуры славянских народов позволяет поставить его в один ряд с выдающимися славянскими деятелями XIX в.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список произведений Живоина Жуевича, опубликованных
в русской периодической печати 60-х годов XIX в.

1861

«Известия о распространении грамотности в простом народе сербском». «Руководство для сельских пастырей», № 23. Киев, 11.VI 1861, стр. 119—124. Подпись: «Живоин Жуевич».

1863

- «Славянские земли»*. «Сербия, Черногория, Босния». «Очерки», № 12. СПб., 13.I 1863.
- «Славянские земли». «Сербия, Румыния, Черногория, Босния и Герцеговина». Там же, № 18, 19.I 1863.
- «Славянские земли». «Босния, Болгария, Сербия, Румыния». Там же, № 30, 31.I 1863.
- «Славянские земли». «Босния, Герцеговина». Там же, № 47, 18.II 1863.
- «Славянские земли». «Сербия». Там же, № 52, 23.II 1863.
- «Славянские земли». «Сербия, Румыния, Черногория, Босния». Там же, № 60, 3.III 1863.
- «Славянские земли». «Румыния, Сербия. В Боснии и Герцеговине». Там же, № 65, 8.III 1863.
- «Славянские земли». «Сербия». Там же, № 78, 21.III 1863.
- «Славянские земли». «Босния и Герцеговина». Там же, № 79, 22.III 1863.
- «Славянские земли». «Сербия, Босния, Болгария». Там же, № 89, 3.IV 1863.
- «Слово южного славянина к славянофилам». Там же, № 89, 3.IV 1863. Подпись: «Южный славянин (в Петербурге)».
- «Славянские земли». «Герцеговина, Сербия, Румыния». Там же, № 91, 15.IV 1863.
- «Униатство в Герцеговине». «Дух христианина. Духовно-литературный журнал». Год второй, 1862—1863, IV. СПб., 1863, стр. 827—860. Подпись: «Ж. Серб».
- «Славянский юг». «Современник», кн. 6, 1863, стр. 259—274. Подпись: «Ж. Склав».

* Здесь и далее в заветах сначала наивысшие рубрики, затем — статьи и подборки.

- «Новости заграничные». «Готовящаяся война сербов с турками и новый заговор против сербского князя». «Голос», № 82, СПб., 22.III (3.IV) 1864.
- «Словенин». «СПб. ведомости», № 87, 17 (29).IV 1864. Подпись: «Ж. Жуевич».
- «Славянские земли». Там же, № 95, 1 (13).V 1864.
- «Славянские земан». Там же, № 101, 8 (20).V 1864.
- «Славянские земан». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 13 (1) мая). Там же, № 108, 16 (28).V 1864. Подпись: «К» (в соавторстве с К. Поповичем).
- «Новости заграничные». «Сербия и ее гости». (Корреспонденция «Голоса»). «Голос», № 147, 29.V (10.VI) 1864. Подпись: «Ж».
- «Новости заграничные». «Действия английского духовенства в задунайских странах». Там же, № 151, 2 (14).VI 1864.
- «Иностранные обозрения». «Славянские земли». «СПб. ведомости», № 128, 11 (23).VI 1864. Подпись: «Ж».
- «Иностранные известия». «Сербия». Там же, № 172, 5 (17).VIII 1864.
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 22 (10 августа). Там же, № 187, 25.VIII (6.IX) 1864 (в соавторстве с К. Поповичем).
- «Новости заграничные». «Герцеговина». «Голос», № 239, 30.VIII (11.IX) 1864.
- «Иностранные известия». «Сербия. К делу о заговоре против сербского князя». «СПб. ведомости», № 218, 1 (13).X 1864.
- «Иностранные известия». «Сербия. Последняя сессия скупщины». Там же, № 239, 26.X (3.XI) 1864.
- «Новости заграничные». «Далмацкий сейм». (Корреспонденция «Голоса»). «Голос», № 341, 10 (22).XII 1864.

- «Иностранные известия». «Сербия. Положение дел». «СПб. ведомости», № 6, 8 (20).I 1865.
- «Иностранные известия». «Турция. Состояние образованности в Герцеговине». Там же, № 10, 13 (25).I 1865.
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 7 февраля). Там же, № 44, 20.II (4.III) 1865. Подпись: «П. П.».
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 10 февраля). Там же, № 49, 25.II (9.III) 1865. Подпись: «П. П.».
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 5 марта). Там же, № 67, 16 (28).III 1865. Подпись: «П. П.».
- «Библиография». «Сербия и южнославянские провинции Австрии. Соч. Владимира Ламанского». Там же, № 75, 24.III (5.IV) 1865. Подпись: «Ж. Ж-ч».
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 1 апреля). Там же, № 96, 21.IV (3.V) 1865. Подпись: «П. П.».
- «Иностранные известия». «Закон о поселении иностранцев в Сербии». Там же, № 115, 10 (22).V 1865.
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 5 мая). Там же, № 133, 29.V (10.VI) 1865. Подпись: «П. П.».
- «Сербское село». «Современник», кн. 5, 1865, стр. 125—162. Подпись: «Ж».
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 25 мая). «СПб. ведомости», № 140, 5 (17).VI 1865. Подпись: «П. П.».
- «Новые книги». «Обзор историй славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича». Там же, № 145, 11 (23).VI 1865. Подпись: «Ж. Жу-ч».
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей».

- Белград, 29 мая). Там же, № 149, 15 (27).VI 1865. Подпись: «П. П.»
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 1 июля). Там же, № 173, 9 (21).VII 1865.
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 15 июля). Там же, № 185, 21.VII (2.VIII) 1865. Подпись: «П. П.»
- Передовая: «Лука Вукалович и Герцеговинское восстание». Там же, № 200, 5 (17).VIII 1865.
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 29 июля). Там же, № 206, 11 (23).VIII 1865. Подпись: «П. П.»
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 15 августа). Там же, № 219, 25.VIII (5.IX) 1865. Подпись: «П. П.»
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 19 августа). Там же, № 224, 30.VIII (11.IX) 1865. Подпись: «П. П.»
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Из Белграда). Там же, № 246, 21.IX (3.X) 1865. Подпись: «П. П.»
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Из Белграда). Там же, № 249, 24.IX (6.X) 1865.
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». из Белграда). Там же, № 275, 20.X (1.XI) 1865. Подпись: «П. П.»
- «Иностранные известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Из Белграда). Там же, № 286, 31.X (12.XI) 1865. Подпись: «П. П.»
- «Иностранные известия». «Сербские дела». Там же, № 320, 4 (16).XII 1865.

1866

- «Славянское обозрение». «СПб. ведомости», № 3, 3 (15).I 1866.
- «Сербский бюджет на 1866 год». Там же, № 4, 4 (16).I 1866.
- «Библиографические известия». «Сборник сербских песен» В. С. Караджича. 5 том». Там же, № 5, 5 (17).I 1866.
- «Славянское обозрение». Там же, № 10, 10 (22).I 1866.
- «Славянское обозрение». Там же, № 17, 17 (29).I 1866.
- «Славянское обозрение». Там же, № 24, 24.I (5.II) 1866.
- «Славянское обозрение. IV». Там же, № 31, 31.I (12.II) 1866. Подпись: «Серб».
- «Славянское обозрение». «Чехия с Моравией». Там же, № 37, 7 (19).II 1866.
- «Славянское обозрение». Там же, № 44, 14 (26).II 1866.
- «Письмо к редактору». Там же, № 48, 18.II (2.III) 1866. Подпись: «Серб».
- «Славянское обозрение». «Галиция». Там же, № 51, 21.II (5.III) 1866. Подпись: «Серб».
- «Славянское обозрение». «Фанариоты и разбойники в Болгарии. Герцеговина». Там же, № 58, 28.II (12.III) 1866.

1867

- «Белград, 3 января». (Корреспонденция «СПб. ведомостей»). «СПб. ведомости», № 16, 16 (28).I 1867. Подпись: «П. П.»
- «Белград, 6 января». (Корреспонденция «СПб. ведомостей»). Там же, № 23, 23.I (4.II) 1867. Подпись: «П. П.»
- «Белград, Январь». (Корреспонденция «СПб. ведомостей»). Там же, № 34, 3 (15).II 1867. Подпись: «П. П.»
- «Белград, Февраль». (Корреспонденция «СПб. ведомостей»). Там же, № 56, 25.II (9.III) 1867.
- «Белград, 27 февраля». (Корреспонденция «СПб. ведомостей»). Там же, № 69, 11 (23).III 1867. Подпись: «П. П.»

- «Белград. 2 марта». (Из письма в редакцию «СПб. ведомостей»). Там же, № 74, 16 (28).III 1867. Подпись: «Л. П.»
- «Иностранные известия». «Белград. 1 мая» (Корреспонденция «СПб. ведомостей»). Там же, № 128, 11 (23).V 1867.
- «Задунайские и Адриатические славяне». «Очерки статистические, этнографические и исторические. Соч. Викентия Макушева». (Письмо из Цюриха. 15 (3).V). Там же, № 142, 25.V (6.VI) 1867. Подпись: «Задунайский славянин».
- «Сербское молодое поколение». Там же, № 164, 16 (28).VI 1867. Подпись: «Задунайский славянин».
- «Чехи и сербы на месте сожжения Гуса и Иеронима». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Цюрих, 8 июля). Там же, № 184, 6 (18).VII 1867. Подпись: «Ж. Жуевич».
- «Белград. 22 сентября». (Корреспонденция «СПб. ведомостей»). Там же, № 277, 7 (19).X 1867.
- «Внешние известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 6 сентября). Там же, № 289, 19 (31).X 1867.
- «Внешние известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 20 октября). Там же, № 305, 4 (16).XI 1867. Подпись: «Корреспондент».
- «Внешние известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 3 ноября). Там же, № 318, 17 (29).XI 1867.
- «Внешние известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 24 ноября). Там же, № 336, 5 (17).XII 1867.

1869

- «Внешние известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 4 (16) ноября). «СПб. ведомости», № 316, 16 (28).XI 1869. Подпись: «Г».
- «Внешние известия». «Сербия». (Корреспонденция «СПб. ведомостей». Белград, 16 (28) ноября). Там же, № 326, 26.XI (8.XII) 1869. Подпись: «Г».

1

Свидетельство Белградского богословского училища

1. Имя и возраст — Живко Жујовичь, 20 лет.
 2. Место рождения — везь: Врачевиты в Балевском окружи Сербского княжества.
 3. Родитель или благодей — отец: Георгиј Жујович, земледелец.
 4. Где учился — совершив первый, второй и третий разряд Белградской гимназии, вступил в семинарию; год 1856/7, в которой учился чрез три лета прилежно.
- Успехи в науках лета 1856/7 — в первом разряде: В общей риторике... предобр; в славенской грамматике... средствеи; в греческой грамматике... предобр; в немецкой грамматике... предобр; в антропологии... средствеи; в общей истории... добр; лета 1857/8 — во втором разряде: в догматическом богословии... добр; в частной риторике... добр; физике... добр; общей и сербской истории... предобр; греческой грамматике... добр; немецкой грамматике... средствеи. Лета 1858/9 — в третьем разряде: в догматическом богословии... предобр; история старозаветной церкви... предобр; руководство к чтению священного писания... предобр; литургике... предобр; омилетике... предобр; пении и правиле церковном... предобр.

5. Поведение — поведения был доброго и законам училищным сообразного.

Дано в богословском училище в Белграде, месяце септябре дня 24-го, лета 1859.

Ректор

Архимандрит Манассийский Евгений

Делопроизводитель

Профессор Алимпий Васильевич

Гербовая печать консистории митрополии Княжества сербского.

ЦГИА, ф. 802, оп. 7, д. 23074, л. 25

2

Список славянских воспитанников в трех отделениях
Киевской духовной семинарии в 1859 г.

Имена и фамилии	Когда принят в семинарию	Из какой нация	Сколько лет	Поведение
Парфений Стоянов	24.IX 1857	болгар	24	скромного
Милутин Микич	20.X 1857	серб	20	»
Дмитрий Ямбулов	18.XI 1857	болгар	24	»
Семен Дамянович	4.XII 1857	серб	19	на родине по болезни
Игнатий Иванович	7.II 1858	болгар	18	скромного
Иван Королев	6.VI 1858	»	21	на родине по
Марк Йоаннович	8.VI 1858	серб	21	болезни
Семен Канереский	7.IX 1858	болгар	22	скромного
Николай Даскалов	19.X 1858	»	23	»
Марк Ветеров	19.X 1858	»	23	»
Петр Николитч	19.X 1858	серб	20	»
Атанас Христов	19.X 1858	болгар	21	»
Дмитрий Паунов	19.X 1858	»	18	»
Марин Дринов	22.X 1858	»	22	»
Нешо Бончов	22.X 1858	»	21	»
Живони Жуёвич	23.X 1859	серб	23	»
Никодим Петрович	23.X 1859	»	19	»
Юанн Перович	23.X 1859	»	23	»

ЦГИА, ф. 802, оп. 8, д. 23556, л. 10 и об.

3

Аттестат № 700

Ж. Жуёвича об окончании Киевской духовной семинарии

Объявитель сего сербский уроженец Живони Жуёвич из белградской гимназии (не точно — семинарии. — В. К.) в октябре 1859 г. поступил в высшее отделение К. духовной семинарии, в коей продолжал учение при поведении скромном, способностях и прилежании очень хороших, обучался: науке

о св. писанин, богословию — догматическому, практическому, пастырскому и обличительному, гомилетике, церковной истории общей и истории русской церкви, обрядословию и каноническому праву и, по окончании испытаний, в июле сего года, причислен к 1-му разряду семинарских воспитанников. Почему, на основании существующих постановлений, правлением семинарии, с утверждением его высокопревосходительства высокопреосвященного Арсения, митрополита Киевского и Галицийского, удостоен степени студента.

Ныне он, студент Живоин Жуёвич, уволен из семинарии для высшего образования в С.-Петербургской духовной академии.

В чем и дан ему сей аттестат за надлежащим подписом и печатью правления.

Киев, августа 28 дня 1861 г.

ЦГИА УССР, ф. 712, оп. 1, д. 146, л. 158.

4

Письмо Ж. Жуёвича Славянскому благотворительному комитету от 22. VI 1863 г.

В магазине г. Кажанчикова я был уведомлен, что «Славянский благотворительный комитет» в одном из своих заседаний определил выдавать мне, начиная с 1 апреля т. г., по 7 с половиной руб. сер. в месяц до известного срока. Считаю долгом поблагодарить «Славянский благотворительный комитет» за такое пособие, хотя до сих пор я его не получал. Причина этому следующая: живя в академии на казенном счету да притом получая из Сербии 80 талеров в год, я находил, что было бы неблагоприятно с моей стороны, если б я сверх того требовал еще какого бы то ни было вспоможения тогда, как есть из моих братьев много и таких, которые бы с удовольствием согласились в материальном отношении занимать мое место. А что я просил прежде вспоможения — этому опять была своя причина, которая состояла в том, что я долго после известного срока не получал определенного мне в Сербии пособия да притом получил ложное письмо, которое гласило, что мне нечего его и ожидать... С одним академическим вспоможением мне нельзя было жить в Петербурге. Теперь обстоятельства сложились совсем иначе. Я увольняюсь из академии и перехожу в университет Петербургский. Из Сербии я в университете ничего получить не буду — так я уведомлен. Университет мне никакого материального пособия не дает; наконец, на первое время я ни за какую работу, которая бы меня кормила, браться не могу, потому что самому нужно хорошенько поучиться, тем более что я не все четыре года в университете пробуду. Я не даром два года просидел в духов. академии... К кому обратиться за пособием? К вам, гг. члены «Славянского благотворительного комитета». Вы ясно видите, что мне нужна откуда-нибудь помощь, равно и то, что такая помощь не предвидится, потому не требуйте от меня слезами растворенной просьбы, а только сообразите сказанное до сих пор мною и решите, достоин ли я пособия или нет после этого. Мне совестно разукрашивать мою просьбу к вам слезливыми словами, так как подобное разукрашивание противно образованным людям и принято только Ворониным да Кокоревым*. Я прошу вас определить мне столько, сколько определили вы другим моим землякам и соплеменникам, так как я с 15 июля буду так же нуждаться в помощи, как и они. Если просьба моя будет удовлетворена, в чем я не могу сомневаться, — то пусть «Комитет» сосчитает и прежние 71½ руб. сер. в назначенное мне пособие, пусть определит мне давать таковое с 1 августа т. г. Прошу только, чтобы «Славянский благо-

* В. А. Кокорев (1817—1889 гг.) — русский капиталист и делец, выходец из мещан Костромской губернии (Советская историческая энциклопедия, т. 7, стр. 474).

творительный комитет» как-нибудь уведомил меня раньше этого времени о своем решении, чтобы и я в свою очередь к 1 августа мог прислать «Комитету» свой аттестат студентства (так! — В. К.) здешнего университета.

Товарищ мой Спасоэ Перович также ничего еще не получал. Он через короткое время едет на родину, может быть, навсегда.

Ваш покорнейший слуга Ж. Жуёвич — серб.
Петербург, 22 июня 1863 г.

ЦГАОР СССР, ф. 75, д. 75, л. 12 и об.

5

*Письмо Ж. Жуёвича попечителю народного просвещения
Сербии от 23.VIII 1863 г.**

Я желаю и считаю своей обязанностью сообщить, что намерен изменить мой прежний образ жизни и начать жизнь другую, новую. После моего отъезда из Сербии я провел два года в Киевской семинарии и два года в Петербургской духовной академии. На протяжении этого времени во мне созрело сознание, что мое призвание заключается не в том, чтобы быть духовным лицом и специально служить на поприще духовных дел, будь то в смысле церковных наук или внешней церковной профессии, что я не могу быть ни мирским, ни монашеским священником какого бы то ни было ранга в этой области, равно как и быть исполнителем какой бы то ни было обязанности, исключительно принадлежащей этому классу общества. Я чувствую свое призвание, которое укрепилось во мне в результате сознательной мысли, быть членом человеческого большинства, членом так называемого светского, а не духовного человечества. Дух мой ищет участия в общечеловеческих, а не одному духовенству принадлежащих интересах. Что же касается науки, то мысли мои устремились к так называемым наукам светским, общечеловеческим, а не к наукам духовным, церковным, занимающимся исключительно религией, к наукам, которые имеют дело с разумом духа и жизни и сами имеют прогресс и развитие, к наукам, наконец, которые будут вечно совершенствоваться, а не к таким, которые доведены до последнего предела своего совершенства, к числу которых я отношу науки, которые преподаны человечеству самим богом и систематизированы св. отцами, т. е. науки церковные или духовные. Я весьма уважаю и эти науки, и их подражателей, и пропагандистов, ибо знаю все значение этих наук во всеобъемлющей жизни человечества, но при всем том сам я не могу быть ни специальным подражателем, ни специальным деятелем на поприще этих наук. В силу этого я решил в этом году перейти из духовной академии в здешний университет. Я надеюсь, что четырехлетнее пребывание мое в университете, при благоприятных условиях, позволит мне приобрести неизмеримо больший круг знаний, чем если бы я остался в духовной академии, где в течение следующих двух лет будут преподаваться исключительно духовные науки. А между тем приумножение суммы знаний — это конечная цель моей жизни в России, точно так же конечной моей целью в Сербии будет применение моих знаний в жизни, на практике. Имея в виду такие цели, терлет настоящую цену и сама моя жизнь. Известно, что петроградский климат вреден для сербов, но, несмотря на это, во имя вышеозначенной цели я останусь здесь до тех пор, пока получу то, что желаю получить в течение четырех последующих лет. После всего сказанного я полагаю, что такой поступок с моей стороны не только не будет противен министерству народного просвещения, но, скорее, напротив, он будет для него благоприятен. Министерство всегда было согласно со свободным развитием умственных сил своих питомцев, находящихся за границей, что вселяет в меня уверенность, что оно даст свое согласие и в этом случае.

* Пер. с сербского.

Кроме того, я надеюсь, что министерство народного просвещения не откажет мне и в благодетелии со своей стороны, зная, что я очень беден в материальном отношении, равно как и ту цель, к которой я стремлюсь. По университетскому уставу в течение первого года обучения ни одному студенту не дается стипендия, следовательно, все предоставлено самим себе. Это правило распространяется и на меня.

23 августа 1863 г. в Петрограде.

Министерства народного просвещения покорный слуга
Живонн Жуёвич.

Д. Тодоровић. Указ. соч., стр. 14—15.

6

Метрическое свидетельство Ж. Жуёвича

Из протокола крещаемых храма св. великомученика Георгия при монастыре Боговадья.

Родился младенец мужского пола м. ноября 10-го дня 1838 года. Отец младенца Георгий Жуёвич, мать его — Иоанна — жители села Врачевич. Крестился и миром св. помазался через меня, священника Пантелея Радосавлевича, при приходе церкви св. великомученика Георгия, находящейся при м. Боговадья ноября м. 16-го дня т. г., дано ему при крещении имя Живонн. Восприемником (т. е. крестным отцом) был Марко Петрович — житель села Мушнич.

Что выписка эта действительно сделана из протокола крещаемых и что она во всем сходна с оригиналом — скрепляется она надлежащею печатью и моею собственной подписью.

В м. Боговадья, 22 октября 1863 г.

Удостоверитель и свидетель Иеромонах
м. Боговадья — Константин

ГИАЛО, ф. 14, оп. 5, 1863 г., д. 2507, л. 6.

7

Письмо Ж. Жуёвича министру народного просвещения Сербии
от 27.VI 1864 г.*

Господину министру народного просвещения.

Прошел уже год с того времени, как я поступил в Петербургский университет. В течение всего этого года я был предоставлен исключительно самому себе. Какой бы ни была моя жизнь в это время, хорошей или плохой, во всяком случае моя независимость была венцом моего долгого сидения на школьной скамье. Одна эта мысль, что я живу своим собственным трудом и притом не только честно, но и на пользу той среды**, в которой я оказался, была способна возместить все то, что я должен был претерпеть, предать забвению те горести, которые иногда я должен был вкушать. Мое Я этим

* Пер. с сербского.

** Речь, по-видимому, шла о «Современнике» и его окружении.

обстоятельством было полностью удовлетворено. Это был первый год, когда я встал на ноги без всякой посторонней помощи. Радость моя, вызванная этим обстоятельством, была настолько велика, что я с сознанием собственного достоинства гордо преодолел все соблазны, представшие передо мной сразу после моего поступления в университет. Московские «славянофилы» это лучше всего знают*. Литературный фонд до сих пор предлагает мне обращаться к нему в случае нужды, но я не воспользовался этим и не получил от него ни одного гроша; о частных лицах из числа наших любезных сербов и болгар, обивающих каждый год их пороги, нет нужды и говорить. Мой взгляд на эти вещи могут засвидетельствовать г. Милан Петрович, а отчасти и г. Милосав Протич, с которыми я здесь беседовал по этому поводу. Это было непрактично, но зато честно. Я в любое время могу получить здесь помощь, но до тех пор, пока не откажут мне голова и руки, я не приму такой помощи, потому что верю, что благодеяния во многих отношениях являются нравственной цепью, которой связывают руки клиента и которая в сущности не отличается от цепи материальной, железной. Нет милости на свете — это аксиома XIX века, если смотреть на милость с философской точки зрения. За русскую милость я должен был бы отслужить России, а для такого дела я слишком национален.

О помощи без самоунижения я могу просить только одну Сербию, сербское правительство как представителя сербского народа, членом которого и я являюсь. Я смотрю на Сербию как на многосложный организм, в который я вхожу всей своей природой, с нею я связан самыми прочными узами и с нею, в силу этих самых обстоятельств, делю и счастье, и несчастье, и радость, и печаль. Как физиология отдельного человека учит, сколь тесной является связь между его органами, так и общественная физиология учит, что существует такая же связь между членами великого народного общественного организма. Мне нет нужды дальше развивать эту мысль, скажу лишь, что я исхожу из этих принципов, когда прошу мое правительство и вас, как его представителя, оказать мне помощь, чтобы я мог окончить университет в лучших условиях. Нет никакого сомнения в том, что я окончу его и без всякой помощи, но также нет никакого сомнения в том, что результат при этом должен быть иным, чем если бы я учился при наличии помощи со стороны сербского правительства. Какое было бы счастье, если бы я мог обойтись без этой помощи и ущерба для себя! Можете быть уверены, милостивый государь, я никогда не просил бы этой помощи и радовался бы, когда бы видел, что такого рода помощь дается тем, которые более ее заслужили, чем я, и которым она принесет больше пользы, чем мне. Следовательно, коль уж я решился просить — это означает, что я нуждаюсь в помощи, помочь мне может только одна Сербия как своему члену, как помогала она многим другим сербам. Достоин ли я этой помощи — покажет будущее.

Но меня называют отступником за то, что я перешел из духовной академии в университет. О, дай бог, чтобы Сербия видела тысячи таких отступников! Вы со мной согласитесь, милостивый государь, что вся моя вина касательно этого дела состоит только в том, что я перешел в университет без ведома правительства. Юридически, вне всякого сомнения, я виноват, но не абсолютно. Я не спросил правительства не потому, что боялся, что оно не разрешит мне сделать то, что я сделал. Правительство, если бы и отказало, то только потому, что оно не имеет непосредственных сношений с русскими духовными заведениями и не вполне знакомо с этими заведениями. Я уверен, что любой член правительства, образованный человек, одобрит мой поступок, ибо все такие лица знают, сколь Сербия нуждается в людях, получивших университетское образование. Примите во внимание и то обстоятельство, что в академии я изучал главным образом философские науки и политическую экономию, значит, я понял, что с чисто академическим образованием я вернулся бы в Сербию профаном, надутым педантом и при этом

* Судя по всему, московские славянофилы пытались привлечь Ж. Жүевича к сотрудничеству в своих изданиях.

с самыми своекорыстными плаями. С академическим образованием я мог бы быть только монахом, мог бы надеяться стать и владыкой, а для своекорыстного человека это важная перспектива. Наш митрополит, вероятно, знает, что в здешней духовной академии меня считали одним из лучших студентов; на этом основании я мог бы приобрести его большое расположение; поэтому с моей стороны нужно было усвоить эту теорию, которой придерживаются все те, кто носит камлавку в России. Нет больше апостолов Петра и Павла, способных гибнуть за свою религиозную веру во имя бога; теперь гибнут во имя справедливости, во имя свободы, т. е. за идеи, которые духовная академия не принимает. Монашество, за очень малым исключением, служит теперь не богу, а мамоне, по выражению апостола; иерархическая лестница с ее ступенями покрыла собой великую идею, и это факт, который решительно признан нашим народом. Русский народ еще его не признал, поэтому он и подвержен, поэтому и наказан той чудовищной эксплуатацией, пример которой следует искать за пределами Европы, на берегах Африки, Южной Америки и островах Тихого океана. Ваше управление церковными делами является подтверждением моих слов в отношении Сербии. Да, милостивый государь, народы никогда не будут терпеть нужды в монахах. Монашество будет существовать вечно, хотя и в разных облачениях, но народы не имеют, а если имеют, то очень мало доблестных граждан, глубоких мыслителей, великих государственных людей, пламенных, но разумных патриотов, которые и являются единственными двигателями прогресса народов. История не упоминает великого монаха, великого в строгом смысле, великого по тем услугам, которые он оказал человечеству. Гуса, Лютера, Цвингли, Кальвина и им подобных называют великими, но это за то, за что и Наполеона I называют великим. Такой взгляд будет существовать только до тех пор, пока история будет еще иметь субъективный характер на протяжении известного времени, но затем этого не станет. Что нужно для того, чтобы Сербия родила достойных сынов? Может ли этому помочь духовная академия? Нет, тысячу раз нет. Целью академического образования является воспитание людей религиозных, богобоязненных. Но в этом ли состоит человеческий прогресс? Нет, конечно, религия и не имеет на это претензию. В чем же, в таком случае, заключается прогресс человечества? Вы как политиком знаете это гораздо лучше, чем я, поэтому нет нужды мне отвечать на этот вопрос в настоящем письме.

Я не обещаю Сербии, что с ее помощью, которой я прошу у вас, я являюсь домой «чуждом родины своей», как говорит поэт, но я обещаю, что возвращусь более подготовленным, чем если бы я ограничился только академическим образованием. С правительственным воспомоществованием я бы имел больше времени для учебы, теперь же $\frac{3}{4}$ часа я тружусь ради хлеба насущного и только четверть часа остается на учение. Это горько, убийственно, но увя! — это необходимо. Избавить меня от этой необходимости может только одно сербское правительство, ибо я откажусь от всякой другой помощи, покуда мозг мой и мои руки могут работать. Я уже один раз просил наше правительство о помощи, но на свою просьбу до сих пор не получил ответа. Теперь посылаю и второе прошение с надеждой, что результат будет иной. Милостивый государь, я достаточно наказан за свою ошибку. Вы знаете, что значит в одно и то же время думать о науке и о завтрашнем куске хлеба. В вашей власти оказать мне помощь или нет. Ужели может случиться, что и эта моя просьба останется гласом вопиющего в пустыне?

Петербург, 27 июня 1864 г.

Ваш покорный слуга — Живоин Жуевич,
студент Петербургского университета.

На полях прошения — резолюция: «Предоставить ежегодное пособие в двести талеров. К. Цуквич. Белград, 16 июля 1864 г.»

Д. Тодоровић. Указ. соч., стр. 16—18.

Письмо Ж. Жуёвича А. А. Краевскому от 26.V 1864 г.

Милостивый государь, Андрей Александрович, когда я брался заведовать «Славянским отделом» в вашей газете, я не считал нужным уславливаться с вами насчет платы за мой труд, предполагая, что плата за подобный труд будет обыкновенная, т. е. 5 коп. со строки, хотя редакция «Инвалида» готова платить мне не 5, а 7 коп. со строки. Оказалось, что я ошибся. За это я был наказан тем, что за два месяца я получил вчера всего-навсего 12 р. с копейками! Согласитесь, что это слишком мало. Дело в том, что ваши счетчики не совсем исправны. Я постараюсь доказать это нагляднейшим образом.

На таких основаниях я не могу больше работать при вашей газете, а хочу на следующие: с нынешнего дня желательно было бы, чтобы редакция ваша платила мне по 5 коп. со строки как за оригинальные статьи, так и за переводные и компиляции. 26 мая 1864.

Ваш покорнейший слуга Ж. Жуёвич

Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 391 (А. А. Краевского).

Письмо В. Иовановича Ж. Жуёвичу из Женевы

Любезный брат (в смысле «друг») Жуёвич!

Нам, сербам, нужно между собою говорить без околичностей, — поэтому я и отвечаю вам откровенно на два ваших письма, которыми вы меня так одолжили.

Зимую вы мне писали насчет моей брошюры «Сербский народ и восточный вопрос», напечатанной в Лондоне; касательно газеты «Свобода» признаете, что мы должны у себя дома обратиться к общественному мнению против деспотизма.

Во всем этом мы сходимся.

Суждения ваши о народе и правительстве поиравились бы мне гораздо больше, если бы были выражены проще, без всяких метафизических тонкостей. Сербы отличались всегда простотою выражения, поэтому не следует нам гнаться за бесплодную германскую схоластику. Что касается до остального, то моя вера вот в чем: «Правительство существует для народа, а не народ — для правительства», — с чем и вы, конечно, согласны.

Что же касается мнения вашего относительно народной партии в Сербии, то оно крайне ошибочно. Мне в Женеве и вам в Петербурге легко храбриться, в Белграде же и в Сербии — совсем другое дело. При том укажите на такое государство, где бы так легко и с успехом возможно было восстание противу тех, которые злоупотребляют своею властью, когда сам народ на их стороне? Затем Сербией руководят (значение двух последних слов фразы установить трудно. Возможно, здесь вкралась ошибка, допущенная переписчиком. — В. К.). Вы еще молоды и не помните шабацкого лагеря, гургусовацкой башни, врачарской мины и Сербии, усеянной трупами. Где пролита кровь столько же мучеников, там невозможно упрекать народ в малодушии и бессознательности. Не буду и вспоминать о сербских жертвах, павших для завоевания внешней свободы.

И в голову не приходит мне осуждать вас, что вы подписываете свои статьи в разных русских газетах как «раб». Я вам скажу только, что сербы и дома молодцы. А если бог даст, они скоро покажут миру, что теперешнее

их молчание не есть рабское терпение, а составление планов о том, что имеется предпринять патриотически.

Отделение князя от министров — это основная мысль «конституционной монархии», к которой просвещенные сербы стремятся, сербы, которых девиз: «Ничего противу князя». Кто бы он там ни был.

Но чтобы вы видели на деле, чего хочет и к чему стремится наша радикальная партия, изгнанная весной из Сербии, посылаю вам «Свободу», орган этой партии. Я буду вам посылать ее и на будущее время, если желаете.

Не знаю, захотите ли поддержать ее патриотическим своим пером.

Я готов посылать «Свободу» и сербам в Киеве, если они согласны взять на себя почтовые расходы. Переговорите об этом с г. Киричем и пошлите мне адреса. От 10 до 20 экземпляров «Свободы» — всегда в вашем распоряжении, если только можете их употребить.

Если находите, что «Свобода» отвечает вашему взгляду, то дверь в нее открыта настезь вашему перу. Но в таком случае грех вам на душе, если не рассмотрите сербские вопросы, для которых настало время. Очистим, что можно очистить пером, и тогда увидите, найдется ли в Сербии юнаков, которые возьмутся за оружие.

Об остальном пишите мне *Poste restante*, если будете писать. Вещи для печати можете посылать мне по следующему адресу: В. К. Johnson compagne julliard, 184. Karembe, Genève (Svisse).

Так как я уже знаю ваш почерк, то можете и не подписываться.

Точно так же и г. Кирич мог бы писать мне, не подписываясь. Корреспонденции, о которых не хотели бы, чтобы было известно, откуда они, можете обозначить как угодно — будут напечатаны в том же виде. Случится ли когда, что я в чем-нибудь не согласен, то сделаю оговорку.

«Свободу» могу постоянно посылать вам на почтовой бумаге, в виде письма.

Еще раз скажу вам, что нам нужно серьезно прибегнуть к печати, потому что очень скоро могут совершиться события, относительно которых не пришлось бы крепко каяться, если теперь ничего не делать.

Будет с вас пока на этот раз. Передайте мой поклон г. Киричу и его товарищам в Киеве. Будьте и вы здоровы.

Влад. Йованович.

Со «Свободой» посылаю вам «Сербейда и Готован».

За ваши письма я буду здесь платить, а вы за мои — там. Так вернее.

ЦГАОР СССР, «О заграничных сочинениях. По письму, полученному из Женевы на имя Жуёвича, с приложением брошюры и двух листов журнала «Свобода». Начато 10 августа 1864 г. 17 листов». III Отделение, 1 экз., 1864 г., д. 30, ч. 12, лл. 5—8.*

10

*Из письма Ж. Жуёвича министру народного просвещения
Цукичу от 5.V 1865 г.*

Главное, что является причиной моего несчастного положения, — это подозрение в том, что я нахожусь в тесной связи с людьми, которые являются противниками правительства как в отношении внутренних, так и внешних сербских дел. Следовательно, главное, что от меня требуется, — доказать, что я лично к этому делу непричастен. . . К сожалению, в данном случае, нахо-

* Подробно об этом письме и отношениях между двумя видными общественными деятелями Сербии 60-х годов XIX в. см.: В. Карасев, Живоин Жуёвић и Владимир Јовановић. Матица српска. Зборник за друштвене науке, св. 43. Нови Сад, 1966.

дья в Петербурге, я могу опираться исключительно на слова, на выражение перед вами как министром моего мнения как в отношении к людям, враждебным направлению нашего правительства, так и в отношении к самому этому направлению, — таков единственный, по моему мнению, путь, с помощью которого я могу оправдать себя перед вами и нашим правительством.

Наперед должен сказать, что лично я никого не знаю из числа тех лиц, которых наше правительство считает своими противниками или, лучше сказать, врагами, более того, я действительно не знаю, кто эти люди и сколько их. Однако по некоторым соображениям к такого рода людям я могу отнести только двух сербов, а именно двух бывших профессоров политической экономии в белградском лицее Йовановича и Милована Янковича*. Что касается последнего, то я уверяю вас, милостивый государь, что этот человек совсем мне не знаком. Мне известно лишь, что Милован Янкович существует в Сербии, но я не только не знаю его лично, но и совершенно незнаком с его трудами или убеждениями, а поэтому, естественно, я отношусь к нему безразлично, следовательно, никаких связей с ним не могу иметь.

Но то, что я сказал о М. Янковиче, я не могу сказать о Йовановиче. Действительно, я не знаком с ним лично, однако я имею основания судить о нем. Я читал два его труда: «Сельское хозяйство» и «Србенду». Первая книга есть труд чисто политико-экономический. Этот труд имеет своей целью познакомить сербов с элементарными, хотя и немногими, политико-экономическими понятиями. Подобную цель я одобряю и уважаю всякого, кто во имя ее трудится. Но так как об этом сочинении можно говорить лишь с литературной точки зрения, то в данном случае я оставляю его в стороне, заметив лишь, что некоторые из сообщенных им понятий не соответствуют последним политико-экономическим выводам, к примеру, вопрос о народонаселении.

Что касается второго сочинения Йовановича — «Србенда», то я с полным убеждением считаю этот труд не заслуживающим даже самой резкой критики. Основная мысль этой книги следующая: прошлое сербов — превосходно, а настоящее — никуда не годится. Так пусть рассуждает передо мной кто угодно, только не политэконом. Вообще говоря, эта книга стоит ниже всякой серьезной критики. Это политический памфлет — и ничего больше, но и как памфлет книга в основе своей абсурдна. Как памфлет книга имеет в виду сказать следующее: сербская действительность никуда не годится, виновато в этом сербское правительство, следовательно, не годится и сербское правительство. Какой логический вывод думал сделать затем Йованович, я не знаю, и из «Србенды» это не явствует. Но на основании того письма ко мне от нашего министерства народного просвещения, в котором говорилось о прекращении выплаты мне стипендии, я полагаю, что Йованович имел в виду своей «Србейдой» подорвать кредит тогдашнего и теперешнего сербского правительства в глазах сербского общества и тем самым положить конец существованию этого правительства. Далее, я вижу, что наше правительство смотрит на Йовановича не как на одного из своих противников, а как на члена некоей известной партии, в причастности к которой правительство и меня подозревает. Если это так, если наше правительство заподозрило меня в связи с такими людьми, т. е. с людьми, которые стремятся произвести в Сербии *coup d'état*, то я со всей энергией честного человека протестую против такого подозрения и утверждаю, что с подобными людьми я не только не был, но и никогда не собираюсь быть в какой бы то ни было связи. И вот по каким основаниям:

1. Я знаю, что душу сербского правительства в настоящее время составляют самые образованные сербы, которые получили свои высокие места не благодаря богатству и происхождению, а единственно благодаря своей личной

* Милован Янкович (1828—1899 гг.) — сербский общественный деятель, один из идеологов сербского либерализма, его левого крыла. Учился в Германии и Франции, с 1856 г. — профессор политической экономии в лицее. Депутат Свято-Андреевской скупщины и ее активный деятель. За оппозицию правительству дважды арестовывался (в 1861 и 1863 гг.) и до убийства князя Михаила в 1868 г. находился в эмиграции.

образованности, с одной, и наивысшей власти сербской, оценившей такое качество, с другой стороны.

2. Я хочу, чтобы в Сербии была не такая правительственная оппозиция, которая бы стремилась свергнуть своего противника, причем для того, чтобы самой занять его место, нет, я хочу видеть в Сербии такую оппозицию, которая бы путем критики помогала существующему правительству в его деятельности не во имя партийных целей, а для того, чтобы показать, что есть в этой деятельности хорошего, что плохо, что необходимо изменить, что оставить на своем месте в своем неизменном виде. Такая оппозиция существует во всех цивилизованных государствах. Разве русский самодержец не может одним росчерком пера заставить замолчать всех своих оппозиционеров? Разве Наполеон III не может сделать то же самое во Франции как по отношению к прессе, так и по отношению к законодательному корпусу? Может, но не хочет, потому что вместо оппозиции явной, полезной и для правительства, и для народа, появилась бы оппозиция тайная, опасная для того и другого. На основании такого моего взгляда на правительственную оппозицию я утверждаю:

3. Людям, которые стремятся облагодетельствовать Сербию посредством организации *сюр д'этат*, которые таким образом думают улучшить судьбу сербов, и тем более при этом имеют в виду партийные цели, таким людям я не только не могу симпатизировать, но более того, я готов, как честный и верный своим убеждениям человек, противодействовать им и словом, и делом на каждом шагу.

Вот, милостивый государь, каково мое отношение к людям, в связи с которыми подозревает меня наше правительство. Я полагаю, что в этом нет ничего антиправительственного и противозаконного, напротив, я считаю, что такой взгляд служит или, по крайней мере, может служить на пользу и тому и другому.

Что касается направления, которого держится наше правительство как во внутренней, так и во внешней своей деятельности, то я хочу сказать кратко, что об этом направлении я не в состоянии судить, ибо само это направление мне неизвестно и не может быть известным до тех пор, пока я не проживу некоторое время в Сербии. В этом отношении я могу сказать лишь следующее: в Сербии нет сословности, чтобы одно сословие в лице правительства подавляло все другие сословия; в Сербии сербская, а не иноземная власть, потому я не верю, что сербское правительство может быть врагом Сербии.

Это вторая моя исповедь, милостивый государь, честная и откровенная исповедь, которую я представляю на ваш суд и посредством которой надеюсь вернуть вашу и нашего правительства благосклонность ко мне. В этой благосклонности в настоящее время я нуждаюсь больше, чем когда бы то ни было, так как я действительно остался, по выражению П. П. Негоша, «горьким, несчастным сиротой». Без вашей помощи я должен погибнуть. До окончания университетского курса мне осталось только два года, поэтому я нижайше вас прошу, милостивый государь, как министра народного сербского просвещения, помогите мне с достоинством окончить университет, не посрамив сербской чести и своей собственной. Даю вам твердое обещание, что после любого обеспечения с вашей стороны моего материального положения я употреблю все свои силы исключительно на саморазвитие, на обогащение себя знаниями, наукой, что во имя этой последней оставляю в стороне все, что до сих пор в силу неумолимой необходимости мешало мне на этом пути и что я сумею оправдать вашу и вообще правительственную благосклонность ко мне.

В Петербурге,
5 мая 1865 года.

Сербского правительства покорнейший слуга
Живоин Жуевич,

студент С.-Петербургского университета.

*Письмо Ж. Жуёвича директору Азиатского департамента
МИДа России П. Н. Стрёмухову от 16. II 1866 г.*

Шесть с половиною лет прошло с тех пор, как я приехал в Россию и как живу в последней безвыездно. Как человеку бедном (так — В. К.), мне не раз приходилось находиться в отчаянно стесненном положении, в особенности с тех пор, как я поступил в здешний университет. Но никогда тем не менее я не решался обратиться за пособием в Азиатский департамент, совестясь представлять и со своей стороны просьбы в ведомство, в которое сербских просьб поступает ежегодно не менее пятидесяти и которое вследствие этого вынуждено было значительно сократить цифру столь часто выдаваемых им пособий южным славянам. Мало того, я знавал сербов, по три и даже по четыре раза получавших из Азиатского департамента пособия на проезд до Сербии и все-таки не оставявших России и не уезжавших в Сербию, как знаю и про те меры, которые были предприняты Азиатским департаментом против подобных злоупотреблений. Подобно другим, и я, бывало, имел нужду съездить на время в Сербию, но, имея для таких поездок собственных средств и в то же время стесняясь просить таковые у Азиатского департамента, я должен был оставаться в России.

Ныне же расстройство моего здоровья вступило на самую опасную для меня ступень, ибо, по свидетельству пользующего меня врача, у меня произошло, во-первых, расстройство в дыхательных органах и, во-вторых, катаральное расстройство в органах пищеварительных, вследствие чего мне предписывается немедленно ехать на родину и пользоваться там более теплым климатом. Предписание это для меня безусловно, и я спешу исполнить его по возможности быстрее. Но для этого у меня буквально нет никаких средств и достать их вне Азиатского департамента мне положительно неоткуда. Это обстоятельство и есть причина, вызвавшая во мне решимость представить *вашему превосходительству* мою покорнейшую просьбу об оказании мне помощи со стороны управляемого вами департамента, помощи, о которой я покорнейше прошу первый и последний раз, так как в Россию я не намерен больше возвращаться. При этом я прошу покорнейше *ваше превосходительство* иметь милостивое снисхождение к моему болезненному состоянию, не позволяющем (так! — В. К.) мне воспользоваться в нынешнюю пору относительно дешевиною проезда до Сербии в вагонах III класса и требующем, чтобы я ехал по крайней мере в вагонах II класса. Пониженность курса русских кредитных билетов на иностранных биржах также будет весьма чувствительна для меня с помянутыми билетами за границей, а между тем из той же суммы, которая будет мне выдана Азиатским департаментом, я должен издержать по крайней мере 20 руб. сер. на покупку теплых, хотя и мелких, дорожных одеж.

Я никогда не забуду тех благодеяний, которые оказала мне Россия, давши мне возможность получить высшее образование в учебных заведениях, равным образом я не забуду и про то благодеяние, о котором в лице Азиатского департамента я прошу у нее ныне, когда помощь ее для меня необходима, чем когда-либо. Я буду помнить всегда и про то, и про другое благодеяние и, смотря на них как на долг, который я обязан в каком бы виде то ни было возвратить, я и постараюсь возвратить его.

От *вашего превосходительства* зависит вполне мера того пособия, о котором я ныне прошу, и я надеюсь, что просьба моя будет удовлетворена в той степени, которая определяется болезненным состоянием моим, с одной, и принимаемую мною поездкой, с другой стороны.

Вашего превосходительства покорнейший проситель —
студент С.-Петербургского университета
Живон Жуёвич — серб

Петербург, 16 февраля 1866 года

АВПР, Славянский стол, 1866 г., д. 763.

Из статьи Ж. Жуёвича «Наши отношения к русским» *

Я имею в виду отношения сербского народа к русскому народу в отличие от так называемых официальных отношений. Правительства могут относиться друг к другу в зависимости от их расчетов и договоренности, так что такие отношения могут быть иногда совершенно противоположны чисто народным отношениям, поэтому и мы, не вникая в правительственные дела, хотим осветить наши чисто народные отношения к русским.

Наш народ чувствует и сознает свое родство с русскими. Это родство не происходит только от единоверия нашего народа с русским — наш народ знает и признает, что родство с русскими состоит еще кое в чем, а именно, в родстве по крови, или, как обычно говорят, в единоплеменности. Наш народ знает, что мы с греками одного вероисповедания, однако это ни в коем случае не делает его родственником греков — грек для него то же самое, что и ииоверец, подобно венгру, англичанину или какому-либо другому. Я не имею крайней необходимости объяснять вам, каким образом народ мог осознать это, чему учат только книги, но я беру это сознание, как нечто действительное, реальное, как факт.

Совершенно естественно, что из этого родства возникли дружеские чувства у нашего народа к русским. Русская помощь нашему народу в трудные для него моменты, естественно, сделала эти чувства в известной степени еще более сильными. Как бы то ни было, нет никакого сомнения в том, что наш народ любит русских, тогда как по отношению ко всем другим народам он совсем индифферентен, т. е. равнодушен.

Все иностранные туристы, которые путешествуют с какой-либо научной или специальной целью, прибыв в Сербию, замечали эту любовь сербов к русским. Жаль только, что все они объясняли эту любовь совершенно превратно. Сами русские ошибались в этом больше, чем кто-либо. А это потому, что они приезжали в Сербию и путешествовали по ней не как исследователи того, что существует, а как искатели того, что им нужно. Чтобы сделать это более понятным, я должен заметить, что путешествия русских по Сербии начинаются с того времени, когда чешский панславизм был принят в Москве, т. е. с 1830—1840 гг. нашего столетия. Всемогущий император Николай и идея панславизма в то время так дополняли друг друга, что у русских от этого, так сказать, закружилась голова. Общественная жизнь русских стонала под Дамокловым мечом могущественного Кесаря, а русский ум искал деятельности за пределами России. Внутренние русские вопросы решал сам Кесарь, а русским была предоставлена возможность свободно посещать Царьград, Дунай, Саву и Эльбу. Из Сербии только что вернулись русские солдаты. Дорога сюда, следовательно, была проторена. Русские сразу же стали ездить повсюду. Их сопровождала мысль о славянском единстве под крыльями двуглавого русского орла. Николай, панславизм, пробуждение славян на юго-востоке и юго-западе, страшной одряхление западных и европейских великих держав — стоит только все это сравнить одно с другим, дело станет ясным как день. Поле для русской фантазии было шире, чем Косово поле. Россия во главе славян, северная Россия — царица Балкан, Эгейского и Черного морей, русская монархия в сто миллионов жителей и т. д.! Можно ли представить себе что-нибудь более колоссальное?

Вот с такими мыслями приезжали русские в сербскую землю и посещали сербский народ. Народ их всегда и всюду прекрасно встречал. Теплое южное чувство действовало на русских северян подобно магниту, и они были в восторге от симпатии сербов к русским. . . И русские, таким образом, уверовали в панславизм как в живую, а не только литературную идею, в реальность всех иллюзий, какие только способна была создать праздная фантазия, подогреваемая русской историей.

* Пер. с сербохорватского — В. Карасева.

Такими были русские, которые до недавнего времени посещали нашу страну. В соответствии с этим они писали и свои сочинения о Сербии и сербском народе. В соответствии с этим они знакомили и русских с сербами. В соответствии с этим и складывались понятия русских о сербах. В соответствии с этим, наконец, формировалось не только русское, но и общеевропейское мнение о наших отношениях к русским, мнение, которое существует и теперь. А оно состоит в том, что сербский народ не замедлит признать русского царя официально и своим царем и таким способом политически объединиться с русскими. Я все-таки не утверждаю, что русские турсты одни содействовали тому, что в Европе сложилось такое мнение о наших отношениях к русским, но никак нельзя отрицать, что они принадлежат к числу главных виновников этого.

Между тем для сербов этот вывод является смешным, несмотря на всю его серьезность. Строго говоря, нет ничего такого, из чего разумно можно было бы сделать вывод о том, что сербы расположены соединиться с русскими не иначе, как в случае наступления роковых времен, которые бы поставили перед ними какую-нибудь неизбежную, но тем не менее временную цель. Сербский народ мог бы объединиться с русскими только при таких условиях, которые объединяют и самые разнородные элементы, условия, которые могли бы назавтра поставить под одно знамя такие столь враждебные друг другу державы, какими являются Франция и Пруссия. Наш народ любит русских, как друг любит друга. Наш народ от всей души желает, чтобы русские превзошли весь мир в умственном и физическом отношениях. Наш народ желает, чтобы русские были счастливыми во всем так, как только может быть счастливым тот или иной народ. Но при всем том наш народ не только не желает, но и сопротивлялся бы изо всех сил объединению с русскими. Серб не думает об объединении с русскими, за исключением наступления особых условий, которые бы сделали это объединение временно необходимым. До сих пор я двадцать раз говорил в русских газетах и теперь снова говорю: это правда, что мы любим русских, но вместе с тем еще большей правдой является то, что себя мы любим еще больше. Только тот, для которого наша духовная жизнь является полностью terra incognita (неизвестной), может думать, что сербский гений станет в шеренгу перед Москвой, имея за плечами «Косово и Обличча». Сербская история свидетельствует об этом лучше всего. Кто хотя бы немного нас изучит, тот убедится, что мы шаг за шагом идем, чтобы отплатить за Косово. Наша история подобна морской волне, разбившейся о скалу, которая должна пасть под ударами этой же, но только обновленной волны. Разве можно и подумать, что мы, сербы, требующие собственного объединения, воспевающие Марко и Милоша, мы, которые снова идем на Косово, верим в свое будущее, гордимся сербским именем, считающие себя культурным ядром будущих, более счастливых Балкан, — разве, повторяю, возможно и подумать, что мы сможем принести все это на чужой, московский алтарь?

Мы являемся нацией в такой же мере, как французская или какая-либо другая европейская нация. Мы имеем территорию наших прадедов, на которой развилась наша история, как история особого, самостоятельного народа. Всемирная история знает сербов не как принадлежащих кому-то, не как прирост каких-либо других народов. Она их знает, как самостоятельный и независимый народ, как единицу, равную другим единицам среди массы европейских народов. Наша история — это только наша, только сербская история, это жизнь только сербского духа и сербского народного тела. Она имеет свое собственное пространство, свою собственную основу, свое собственное движение, свое собственное направление, свой особый характер, свой особый индивидуальный процесс, свой тип и делает нас в силу всего этого тем, что мы в кругу других народов являемся национальной личностью среди национальных личностей. Перед лицом истории мы являемся таковыми еще со времени «переселения народов». Возможно ли, следовательно, после всего этого, чтобы сербский народ мог желать соединения с Россией? Я спрашиваю об этом людей, которые когда-нибудь думали так, как следует думать, людей, которые, исследуя тот или иной предмет, умеют проникнуть в его суть и

осмыслить его хорошо и всесторонне. Может ли желать итальянец соединения с французом? В равной степени, может ли и серб желать соединения с русским?

Говоря о том, что не может быть такого соединения или хотя бы стремления к нему у таких народов, как сербы и русские или французы и итальянцы, я, конечно, не говорю, что эта невозможность абсолютная, безусловная. На той ступени умственного развития, на которой эти народы находятся в настоящее время, эта невозможность действительно абсолютна. Но я не отрицаю, что на более высокой ступени, т. е. когда весь мир достигнет большего совершенства, чем теперь, тогда могут объединиться и, вероятно, объединятся и такие народы, которые не находятся ни в каком родстве. Но до этого еще далеко, далеко.

В таком отношении находится сербский народ вообще к русским. Что касается отношений сербской интеллигенции к русским, то они, естественно, сложнее. И их также необходимо объяснить. Каждый имеет право думать о нашей интеллигенции, что ему угодно. Однако, имея в виду время ее зарождения, обстоятельства, в которых она зародилась, и идеи, которые ее породили и развивали, по-видимому, не обманусь, если решительно заявлю, что сербская интеллигенция, прежде всего по необходимости, — либеральная, по крайней мере — либерального образа мыслей; как таковая она занимает соответствующую позицию и по отношению к русским, к России. Она разделяет симпатии своего народа к русским, но это отнюдь не мешает ей относиться критически к русской жизни. Мы любим русских, но в то же самое время гнушаемся всего того, что у них противно свободе, справедливости и истине. Мы радуемся, когда видим, что русские в чем бы то ни было прогрессируют, но регресс клеймим печатью презрения больше, чем сожалеем по этому поводу. Русские во всем сильнее нас, сербов, и мы, как друзья русских, не имеем ничего против этого, наоборот, наши дружеские чувства к русским именно требуют от них, чтобы свою силу они употребляли на благо, к нашей и их собственной пользе. Мы бы хотели учиться у русских всему тому, что для нас полезно и что может быть полезно. Нам было бы у них и легче научиться, чем у других чужих народов. Но если же русские пойдут вспять, то мы их тогда в любом случае оставим и скорее подружиться с каким-либо другим передовым народом, чем с реакционно настроенными русскими.

Потому-то сербская интеллигенция по-разному относится к различным русским общественным группам. Поэтому, естественно, и наши симпатии всецело на стороне демократических принципов и демократов в России. Говорю «принципов» именно потому, что этим словом хочу обозначить интеллигентный демократизм, который я отличаю от примитивизма. В России, к примеру, демократами называются не только сторонники «Современника», но и сторонники «Москвы» и «Московских ведомостей». А поскольку в представлениях нашей интеллигенции о народном прогрессе не входят ни панславизм с клерикализмом «Москвы», ни абсолютизм «Московских ведомостей», то мы, естественно, не симпатизируем таким демократам. Гражданской свободы и общественной справедливости — вот чего мы желаем себе и русским. Только с такой Россией мы всегда готовы сесть за дружеский стол.

Короче говоря, мы являемся братьями русским и останемся братьями всегда, но уже не иначе, как братья отдельные и свободные.

„Србија“, № 42—43, 25. V и 1. VI 1868.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абдул-Азиз, турецкий султан 275
 Аксаков И. С. 32, 49, 50, 51, 54, 55, 77—79, 96, 119, 134, 148, 304
 Александр II, император российский 127
 Александр Карагеоргиевич, сербский князь 142, 160, 162, 225, 226
 Али-паша 164
 Анастасиевич Т. 62
 Анастасиевич М. 271
 Андреевский И. Е. 40
 Аиенков П. В. 64, 128
 Антонович М. А. 79, 81—86, 88, 102
 Аппони А. 255
 Арсений, митрополит киевский 30, 318

 Байбаков Ф. П. 128
 Бартнев П. И. 105
 Баттиани Л. 252
 Бауэр И. 40
 Бах А. 255
 Безобразов 61
 Бейст Ф. 275, 289
 Бединский В. Г. 12, 200, 203, 207, 302
 Белькредди 243, 244, 255
 Берг Н. В. 96, 97, 113, 114
 Боборыкин П. 128
 Божов П. 59
 Бокль Г. 14, 22, 41
 Болеслав Храбрый, польский князь, затем король 246
 Бончов Н. 28, 315
 Боткин С. П. 62
 Брейтбург С. 82, 83
 Брокгауз Ф. 82, 291

 Васи́льевич А. 21, 45—48, 207, 315
 Ватсон Э. К. 128
 Ветеров М. 315

 Вельтман (А. Ф.) 150
 Венелин Ю. И. 28
 Веселовский К. С. 128
 Вильгельм III Оранский, английский король 219
 Водовозов Г. Г. 118
 Войнович 296, 297
 Воскресенский А. А. 59, 65
 Воронин 318
 Вукалович Л. 109, 144—146, 162, 171, 172, 182, 208—210, 212, 220, 221, 297, 313
 Вукашинович 276
 Вукичевич М. 291
 Вукотич 205
 Вулетич В. Р. 55
 Вучич Т. 71

 Гаевский В. П. 58, 64
 Галахов А. Д. 58, 64
 Ганка В. 148
 Гарашанин И. 37, 60, 131, 154, 194, 288, 289
 Гегель Г. 110
 Георг, греческий король 265
 Герцен А. И. 11, 300
 Гершич Г. 10
 Гильфердинг А. Ф. 72
 Гоголь Н. В. 203
 Гойкович С. 296
 Головин А. В. 126, 130
 Горбунов И. 128
 Горбунов С. А. 5
 Горский А. 83
 Горчаков А. М. 127
 Грегр Ю. 135
 Григорович А. 67
 Григорович В. И. 99
 Грот Я. К. 64
 Груич Е. 165, 287
 Гус Я. 201, 202, 248, 275, 278, 282, 283, 298, 314, 320

* Указатель имен составлен И. А. Потаповой.

- Дамянович С. 315
 Даниил I, черногорский князь 234
 Даниич Д. 177
 Дарвин Ч. 308
 Даскалов Н. 315
 Деак Ф. 252, 255, 256, 265, 269, 270
 Дентон, английский священник 100, 138—140, 157, 219
 Дерби Э. 139
 Дизраэли Б. 139
 Дмитриев С. С. 80
 Добролюбов Н. А. 12, 80, 81, 306
 Достоевский Ф. М. 58, 81
 Дреч И. 62
 Дринов М. 28, 317
 Дубровский 134
 Дучич Д. 62, 65
 Дучич Н. 211
 Двшан, царь сербский 212
- Евгений, архимандрит Манассийский 317
 Елисеев Г. Э. 82—84, 88, 99, 101, 102
 Емельянов Н. П. 82, 128
 Ерихонов А. С. 10, 96
 Ефрон Н. 82, 291
- Жарова К. 299
 Живанович Ж. 8, 227
 Жижка Я. 275
 Жинзифов Р. 78, 96
 Жуёвич Г. (Джока) 18, 314, 318
 Жуёвич И. М. 14, 299
 Жуёвич М. 55
 Жуковский Ю. Г. 81
- Закревич И. 33
- Иванишевич Л. 61, 62
 Иванович И. 317
 Ивановский 40, 60
 Игнатъев Н. П. 56
 Иезбера Ф. И. 148
 Иероним Пражский 278, 282, 283, 298, 314
 Ионин А. С. 62
 Иосиф II, австрийский император 94
- Иоаннович М. 315
 Иоанович В. 8, 45, 55—57, 106, 115, 139, 177, 186, 189, 190, 191, 205—207, 215, 303, 321—323
 Иоанович И. (Иоаннович Иоани) 285—287, 300
 Иоанович С. 227, 289
 Иовичич Ж. 10, 15
- Кажанчиков 316
 Кальвин Ж. 320
 Кальевич Л. 21
- Канерский С. 317
 Каравелов Л. 14, 18, 299
 Карагеоргиевичи, княжеская династия Сербии 154, 173, 197, 205, 226
 Карагеоргий (Георгий Петрович Черный), сербский князь 46, 68
 Караджич В. С. 71, 133, 136, 231, 313
 Карасев В. Г. 21, 41, 45, 76, 103, 106, 115, 131, 136, 139, 168, 230, 254, 282, 295
 Карич (Кирич) П. 10, 11, 57, 115, 300, 301, 322
 Катков М. Н. 76, 80, 81
 Кеневич И. 107
 Кирыкович 276
 Клейнберг Л. М. 82
 Кничанин С. 242
 Кобден Р. 139
 Ковалевский Е. П. 58
 Ковалевский М. П. 83
 Козьмин Б. П. 80, 81, 126
 Кокорев В. А. 316
 Коломан Т. 269
 Константиневич К. 289
 Королев И. 317
 Корш В. Ф. 48, 50, 58, 59, 63, 64, 98, 118, 127—130, 137, 197, 212, 248—250, 261, 263, 269, 291, 292, 304
 Костомаров Н. И. 202
 Кошуг Л. 244, 252
 Краевский А. А. 48, 50, 78, 117, 118, 126, 127, 129, 133, 137, 143, 148, 290, 291, 302, 321
 Кременская И. К. 82, 83
 Куза, румынский князь 90, 171, 172, 212—214
- Ламанский В. И. 129, 150, 167, 175, 179, 180, 182—186, 188, 189, 204, 312
 Лапчевич Д. 12—17, 70
 Лебединский И. 33
 Левитов А. 128
 Лейкина-Свирская В. Р. 82
 Лелевель И. 201, 202, 204
 Ленин В. И. 6, 41, 81, 85, 116, 187, 308
 Лепала И. 62
 Лойлова И. 175
 Лоренц Ф. К. 28
 Лютер М. 320
- Мажуранич И. 276
 Майсторович 155, 161, 162, 165
 Максимович Я. 19, 26
 Макушев В. В. 277—280, 298, 314
 Мальтус Т. 308
 Маринович И. 154

- Марко (Марко Кралевич) 73, 232, 275, 276, 327
 Маркович С. 4, 5, 7—14, 16, 18, 21, 62, 121, 227, 299, 300, 306, 308, 309
 Маркс К. 14
 Марьянович А. 21
 Медведев (С.) 30
 Меттерних К. 266
 Микич М. 315
 Милетич С. 242, 265
 Милачевич Д. 72
 Милачевич М. 286
 Милоевич М. 17
 Милош Обренович, сербский князь 19, 68, 105, 136, 153, 155, 196, 199, 205, 226, 227, 289
 Милошевич Р. 11
 Милутинович К. 16, 20, 22, 23
 Милутинович С. 281
 Михаил, сербский митрополит 19, 26, 29, 30, 33, 60
 Михаил Обренович, сербский князь 7, 9, 61, 90, 110, 124, 134, 135, 141, 142, 146, 153—155, 158—162, 164, 165, 171—173, 194, 196—198, 206, 214, 217, 219, 224—227, 268, 272, 274, 276, 285, 289, 292, 296
 Михайлов М. И. 306
 Михайловский Н. К. 82
 Мицкевич А. 202
 Мнятович Ч. 23
 Молчанов 30

 Наполеон I 110, 320
 Наполеон III 163, 194, 324
 Нарушевич А. 201, 202
 Наумов Н. И. 83
 Негош П. П. 324
 Некрасов Н. А. 64, 202
 Никитин С. А. 10, 48, 76—79, 105, 117, 131, 134, 137, 263, 283, 291, 293
 Николай, черногорский князь 109, 171, 172, 182, 214, 297
 Николай I, император российский 326
 Николич М. 12
 Николич П. 315
 Новакович С. 294

 Обилич М. 275, 276, 327
 Обрадович Д. 201, 281
 Обреновичи, династия сербских князей 154, 158, 161, 197, 198, 226
 Обручев В. А. 105, 106
 Омер-паша 289
 Оуэн Р. 24
 Очки А. Н. 82, 83, 127

 Павлов П. В. 11, 202, 300
 Палигорич Л. 15—17, 19, 21, 296
 Пальмерстон Г. 139
 Памучина И. 36, 74
 Паннекук А. 14
 Пантелеев Л. Ф. 107
 Паунов Д. 29, 315
 Пекарский П. П. 58
 Пелагич В. 16
 Перович И. 315
 Перович Р. 12, 22
 Перович С. 30, 32—34, 317
 Петр I Карагеоргиевич, король Сербии 158, 173
 Петр I, император российский 283
 Петрович Марко 318
 Петрович Милан 319
 Петрович Н. 144
 Петрович Р. 26—31, 34, 317
 Пирогов Н. И. 287, 300
 Писарев Д. И. 12
 Плеханов Г. В. 118
 Плоткин Л. А. 117
 Погодин М. П. 97
 Полевой Н. А. 28
 Полит-Десанчич М. И. 276
 Попов Н. А. 21, 148, 180
 Попович К. 15, 16, 42, 45, 46, 48, 50, 55—58, 118, 135, 139, 141, 151, 153, 157, 160, 162, 163, 168, 181, 190, 304
 Попович М. 42
 Попович С. Д. 10, 11
 Потанин Г. Н. 83
 Преображенский Н. С. 119
 Проданович Я. 14
 Протич М. 319
 Прудон П. 12, 14, 22, 271
 Пушкин А. С. 28, 203
 Пыпин А. Н. 32, 57—59, 62—64, 99—102, 104—106, 128, 131, 183, 200, 203, 204, 279, 282, 292, 293, 300, 312

 Раденич А. 8, 17
 Раденкович М. 164
 Радищев А. Н. 306
 Радославевич П. 320
 Ранч И. 28
 Ракич М. 10, 106, 112—115
 Ранке Л. 105
 Ригер Ф. 133, 134, 265
 Ровда К. И. 103
 Ровинский П. А. 7—9, 14, 18, 19, 21, 32, 41, 98—103, 106, 131, 180, 263, 270, 291—293, 298, 299, 301—304
 Россель Д. 139
 Румянцева В. С. 11
 Русович М. 296

- Салтыков-Щедрин М. Е. 99, 130, 137
 Семевский М. И. 126, 127
 Сеньковский 150
 Сераковский З. 105
 Сеченов И. М. 308
 Сима (Призренц), игумен 232
 Симич Св. 42
 Скерлич Й. 13
 Славянский 284, 285
 Смирнов 130, 132
 Смороггов 28
 Соловьев С. М. 29, 202
 Сомов 130
 Спасович В. Д. 200, 202—204, 282, 312
 Спасоевич И. 29
 Сречкович П. С. 21, 45
 Ставрич И. Н. 29
 Стаменкович 160
 Стасов В. В. 128
 Стойкович А. 18
 Стокич М. 48
 Стопановский М. М. 83
 Стоянов П. 28, 29, 315
 Стремоухов П. Н. 61, 62, 65, 325
 Сундечич И. 145
 Ткалац-Игитиевич И. 135, 168, 254, 304
 Тодорович Д. 24, 33, 35, 38, 55, 60, 62, 65, 320
 Тодорович П. 306
 Толстой Д. А. 127, 130
 Топузович Г. 164
 Троицкий И. 36
 Троянский 293
 Тун Л. 255
 Тютчев Н. Н. 64
 Урусов 30
 Устрялов Н. Г. 28
 Утин Б. И. 58
 Ушинский К. 128
 Филипович Д. 62
 Франц-Иосиф, австрийский император 242
 Фрейдзон В. И. 168, 254
 Хаджич А. 72
 Хомяков А. С. 105, 184
 Христич Н. 131, 135, 170, 173, 194, 294
 Христич Ф. 139, 160
 Христьяев А. 315
 Цвингли У. 322
 Ценич М. 8
 Цукнич К. 37, 38, 40, 55, 57, 60—62, 186, 320, 322
 Чебышев 60
 Чернобарцац 171
 Черноевич 242
 Чернышевский Н. Г. 13, 41, 77, 80, 81, 83, 85, 97, 101, 103—106, 111, 113, 116, 118, 125, 128, 291, 301, 302, 306
 Чистович И. 31, 32
 Чубинский В. В. 82, 86
 Чупров А. И. 30
 Шарова К. 18
 Шатилов Н. М. 98—100
 Шевченко Т. Г. 202, 204
 Шерр Й. 20, 22
 Шмерлинг А. 194, 243, 255
 Шапов А. П. 88
 Щепкин С. П. 64
 Эвальд А. 83
 Энгельс Ф. 14
 Этвеш И. 252, 255, 256, 269
 Юляя (Гуниади), княгиня сербская 139, 177
 Юферов 130
 Ябучанин Ф. 30
 Якушин Н. И. 82—84, 88
 Якшич В. 23
 Якшич Дж. 208
 Ямбулов Д. 317
 Янкович Милован 160, 325
 Янкович Милош 16, 23, 45, 70

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводная глава	5
Цели и задачи исследования	5
Краткий биографический очерк Живоина Жуёвича	18
К вопросу об источниках	22
Глава первая Живоин Жуёвич в России (1859—1866 гг.)	
В Киевской семинарии	25
В Петербургской духовной академии	30
Переход в Петербургский университет	33
Первый год в университете	39
Второй год в университете	59
Последние месяцы перед отъездом из России	62
Глава вторая Становление Живоина Жуёвича-публициста	
Две первые статьи	67
Славянские отделы в русской периодике начала 60-х годов XIX в.	76
Глава третья Сотрудничество сербского публициста в русских демократических изданиях	
Из истории демократических органов печати, в которых сотрудничал Ж. Жуёвич	80
Отдел «Славянские земли» в газете «Очерки»	84
Ж. Жуёвич и «Современник»	103
Глава четвертая Работа в двух либеральных газетах в 1864 г.	
К характеристике либеральных изданий, в которых сотрудничал Ж. Жуёвич	126
Славянский отдел газеты «Голос»	133
Славянский отдел «С.-Петербургских ведомостей»	148

Глава пятая

Во главе славянского отдела газеты «С.-Петербургские ведомости» (1865 г.)

Южнославянская коалиция	170
«Белградские» корреспонденты	176
Ж. Жуёвич и В. Ламанский	183
Ж. Жуёвич и сербские либералы	188
«Белградский» корреспондент о Сербии и ее делах	191
«Обзор истории славянских литератур»	199
Внутренняя и внешняя политика сербского правительства	204

Глава шестая

Славянские обозрения Ж. Жуёвича 1866 г.

О Болгарии и болгарях	229
О Старой Сербии, Босно-Герцеговине и Черногории	232
О Сербском княжестве и восточном вопросе	234
О славянах в Австрийской империи	241
О Чехии и Моравии	245
Полемика Ж. Жуёвича с редакцией «С.-Петербургских ведомостей»	248
О галицийских русинах	257

Глава седьмая

Ж. Жуёвич — заграничный корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» (1867—1869 гг.)

«Белградские корреспонденты «П. П.» 1867 г.	263
«Задунайский славянин»	277
Пять корреспонденций из Белграда	284
Ж. Жуёвич и П. А. Ровинский	291
Последний псевдоним	295
Вместо заключения	300
К вопросу о формировании взглядов Живоина Жуёвича в русский период (1859—1866 гг.)	300
Некоторые выводы и новые задачи	301
Приложения	313
Указатель имен	329

Виктор Георгиевич Карасев

Сербский демократ Живоин Жубвич

Публицистическая деятельность в России
в 60-х годах XIX в.

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. И. Тормозова*

Художник *Г. И. Мануйлов*

Художественный редактор *В. Н. Тихунов*

Технический редактор *Е. Н. Естянова*

Сдано в набор 11/X 1973 г.

Подписано к печати 6/II 1974 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2.

Усл. печ. л. 21,13. Уч.-изд. л. 24,6. Тираж 2000.

Т-01950. Тип. вак. № 650. Цена 1 р. 77 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62

Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука».

199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 1 2

1 р. 77 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

СЕРБСКИЙ ДЕМОКРАТ
ЖИВОИН ЖУЕВИЧ

В. Г. КАРАСЕВ •